КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

a

Фауст

Трагедия

Перевод с немецкого
А.А. Фета

Москва
алгоритм
2021

УДК 82-31
ББК 83.3
Г 44

Гете Иоганн Вольфганг фон

Г 44 Фауст / Перевод с немецкого Афанасия Фета. – М.: Алгоритм, 2021. – 480 с.: илл. – (Подарочные издания. Иллюстрированная классика).

ISBN 978-5-907363-20-5

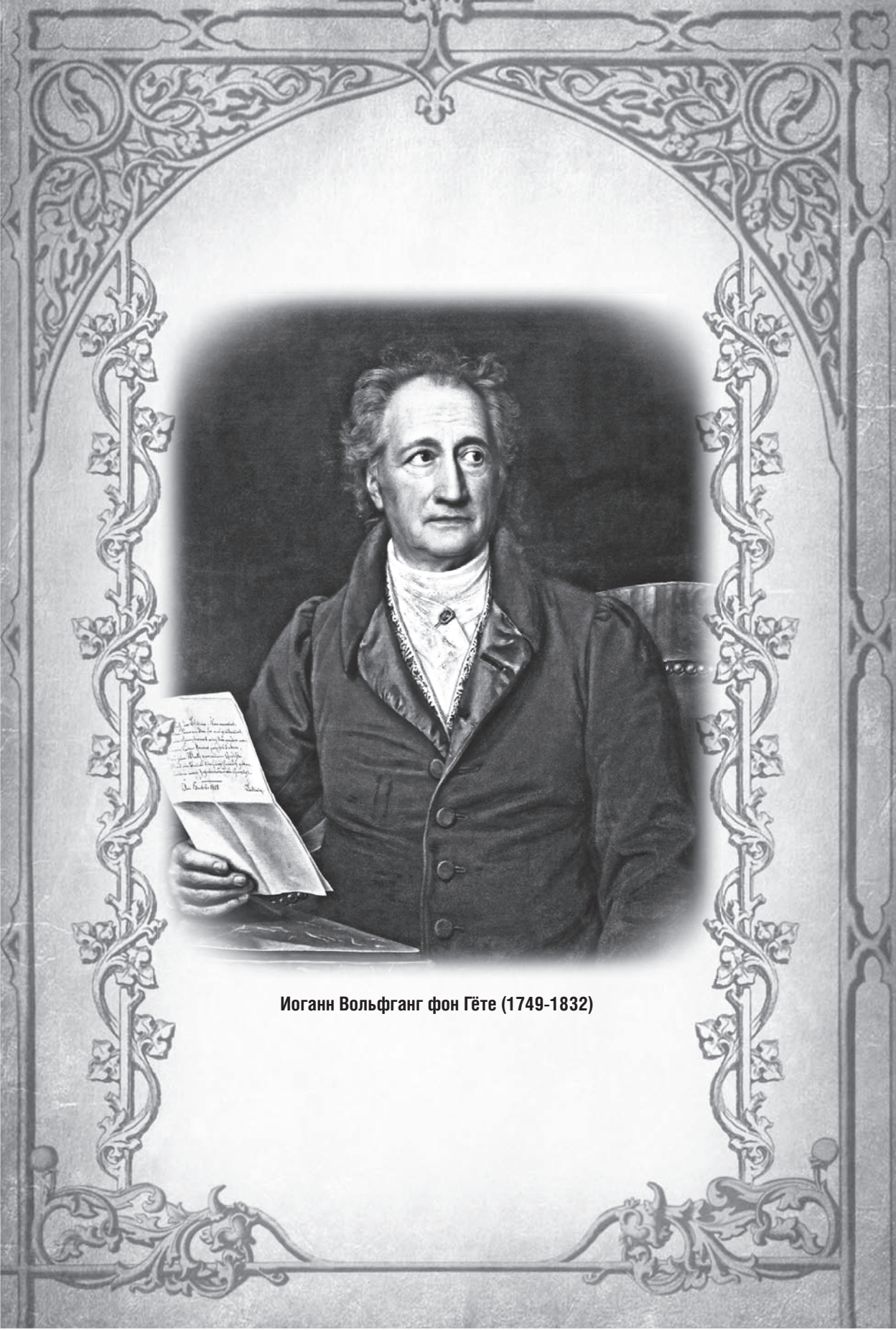
Имя крупнейшего немецкого поэта Гете (1749–1832) принадлежит к лучшим именам, которыми гордится человечество. Трагедия «Фауст» занимает центральное место в его творчестве, принадлежит к шедеврам мировой литературы. Перевод ее выполнен одним из лучших русских поэтов XIX столетия Афанасием Фетом.

Фет с детства по материнской линии был тесно связан с немецким языком и немецкой культурой, с эстетико-философскими взглядами И.В. Гете и Г. Гегеля. Литературный критик Аполлон Григорьев писал: «Гете преимущественно воспитал поэзию г. Фета; влиянию великого старого учителя обязан понятливый ученик и внутренним достоинствам, и замечательным успехом своих стихотворений, и, наконец, самою изолированностью своего места в русской литературе».

УДК 82-31
ББК 83.3

© Гете И. В.
© Фет А. А., перевод
© Вострышев М.И., предисловие, комментарии, 2021
© ООО «Агентство Алгоритм», 2021

ISBN 978-5-907363-20-5



Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749-1832)

Гете и его «Фауст»

Иоганн Вольфганг фон Гете (1749–1832) — немецкий писатель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель. Его обширное творческое наследие, в особенности трагедия «Фауст», признано шедевром немецкой и мировой литературы. Он — крупнейший европейский лирик, автор драм и эпических поэм, романист.

«Гете представляет, может быть, единственный в истории человеческой мысли пример сочетания в одном человеке великого поэта, глубокого мыслителя и выдающегося ученого», — писал русский естествоиспытатель К.А. Тимирязев.

Гете — автор научных трудов в области геологии и минералогии, ботаники и оптики, анатомии и зоологии, он — выдающийся философ, хотя сам неоднократно иронически высказывался об этой гуманитарной науке. Широкий круг философских проблем поднят в его художественных произведениях, прежде всего в «Фаусте». Гете обладал необычайно широким кругозором в истории философии, творчески перерабатывая в своих произведениях воззрения на мир Спинозы, Аристотеля, Платона, Руссо, Канта, Гегеля. Его постоянно преследовала мысль о высшей цели жизни, он мечтал о гармонии человека и природы.

Уже в молодые годы Гете получил широкую известность в Европе благодаря роману «Страдания юного Вертера». В дальнейшем он неоднократно подтверждал своим творчеством свою славу великого немецкого писателя. И среди его шедевров выделяется вершина, самое дорогое ему произведение, итог всей его кипучей деятельности — трагедия «Фауст».

Гете много ездил и по городам Германии, где и столкнулся с удивительным явлением — кукольными ярмарочными спектаклями, в которых главными действующими лицами был некий Иоганн Фауст — доктор и чернокнижник и Мефистофель — черт и соблазнитель. Это была веселая, ироническая и сатирическая комедия...

Замысел трагедии о докторе Фаусте возник у Гете еще в начале 1770-х годов, когда ему было чуть больше 20 лет, а заканчивал текст автор, будучи глубоким 82-летним стариком. В 1790 году он напечатал ряд сцен «Фауста», предупредив читателей, что это отрывки, а не законченное произведение. Действие было доведено до сцены, где Маргарита молит-

ся в соборе. В 1794 году Гете сблизился с немецким поэтом Фридрихом Шиллером. Именно в годы общения с ним замысел трагедии обрел тот всеобъемлющий философский характер, который так высоко поднял это творение над другими произведениями всей немецкой литературой. Первая часть «Фауста» вышла в свет в 1808 году. Потом настал перерыв. Для того, чтобы Гете снова принялся за работу, понадобилось вмешательство Иоганна Петера Эккермана — секретаря писателя. Именно Эккерман побудил его вернуться к незавершенной работе. С 1825 года начинается последний период создания «Фауста», длившийся семь лет. В эти годы Гете сам определил для себя, что это произведение является для него «главным делом». Вторая часть была закончена в 1831 году и появилась в печати в 1833 году, уже после смерти его создателя. В 1886 году был обнаружен текст «Прафауста» (Urfaust), сочиненного Гете в молодости, в 1772–1775 годах.

Трагедия начинается с не имеющего отношения к основному сюжету спора между директором театра и поэтом о том, как надо писать пьесу. В этом споре директор разъясняет поэту, что зритель груб, бестолков и не имеет собственного мнения, предпочитая судить о произведении с чужих слов. Да и не всегда его интересует искусство — некоторые приходят на представление лишь для того, чтобы щегольнуть своим нарядом. Таким образом, пытаться создать великое произведение не имеет смысла, поскольку зритель в массе своей не в состоянии его оценить. Вместо этого следует свалить в кучу все, что попадется под руку, а так как зритель все равно не оценит обилия мысли — удивить его отсутствием связи в изложении.

Действие начинается на небе. Господь признает, что из всех духов отрицания он больше всего благоволит к Мефистофелю, заслуги которого состоят в том, что он не дает людям успокоиться. В целом злой дух изначально признает свою полную зависимость от Бога, ибо негативное начало парадоксальным образом всегда превращается в добро. Мефистофель заключает с Господом пари на то, сможет ли Фауст спасти от него свою душу.

Профессор Фауст, своими изысканиями принесший много добра жителям окрестных селений, не удовлетворен теми знаниями, которые за многие годы удалось ему извлечь из книг. Осознавая, что сокровенные тайны мироздания недоступны человеческому разуму, в отчаянии он подносит к губам склянку с ядом. Лишь внезапно зазвучавший благовест предотвращает самоубийство.

Бродя по городу со своим учеником Вагнером, Фауст встречает собаку, которую приводит за собой в дом, где она принимает человеческий образ Мефистофеля. Злой дух после ряда искушений убеждает старого отшельника вновь изведать радости опостылевшей ему жизни. Плата за это — душа Фауста. Скрепив договоренность кровью, Фауст отправляется в путь. В поисках развлечений он и Мефистофель кружат по Лейпцигу. В погребке Ауэрбаха злой дух поражает студентов извлечением вина из пробуравленной в столе дырки. Он потворствует желанию Фауста сблизиться с невинной девушкой Маргаритой (уменьшительное Гретхен), видя в этом желании одно лишь плотское влечение.

Чтобы подстроить знакомство Фауста с Маргаритой, Мефистофель втирается в доверие к ее соседке Марте. Фаусту не терпится провести ночь наедине с возлюбленной. Он убеждает Маргариту усыпить мать имеющимся у него снотворным. Последняя от полученного снадобья умирает. Позже Маргарита обнаруживает, что беременна. Ее брат Валентин вступает с Фаустом в поединок. Убив в драке Валентина, спутники покидают город, и Фауст не вспоминает Маргариту до тех пор, пока не встречает ее призрака на шабаше. Призрак является ему в Вальпургиеву ночь на Броккене как пророческое видение — в виде девушки с колодками на ногах и тонкой красной линией на шее. Из расспросов Мефистофеля он выясняет, что его возлюбленная в темнице ждет казни за то, что утопила дочь, зачатую ею от Фауста.

Фауст спешит на помощь в темницу к Маргарите, которую постепенно покидает рассудок, и предлагает ей побег. Девушка отказывается принять помощь нечистой силы и остается ждать казни. Вопреки ожиданиям Мефистофеля, Господь принимает решение спасти душу девушки от мук ада и объявляет свой вердикт: «Спасена».

Вторая часть представляет собой поэтический философский текст, который заключает в себе множество зашифрованных символических и мистических ассоциаций и неразрешимых загадок. Эта часть более эпизодична, чем первая. Она состоит из пяти актов с относительно самостоятельными фабулами. Действие переносится в атмосферу античного мира, где Фауст сочетается браком с Еленой Прекрасной. Фауст и Мефистофель сводят знакомство с императором и предпринимают ряд мер по улучшению благосостояния его подданных.

Художественный мир второй части — это сложное переплетение между средневековьем, где происходит действие первой части, и ан-

тичностью. Для понимания текста необходимо хорошее знание древнегреческой мифологии.

От союза Елены и Фауста появляется сын Эвфорион. Когда он вырастает, то устремляется ввысь и разбивается. Исчезает и Елена, оставив лишь одежду на руках у Фауста. Эта сцена имеет символическое значение. Проводится мысль о том, что нельзя копировать античное искусство, можно использовать формальную сторону, но содержание должно быть современным. Эвфорион унаследовал красоту матери и беспокойный нрав отца. Он представляет собой символ нового искусства, которое, по мнению Гете, должно соединять античную гармонию и современный рационализм. При этом сам Гете данный образ ассоциирует с образом Байрона.

В последнем пятом акте Фауст, вновь постаревший, вернулся в современный ему мир, занимается постройкой плотины для блага человечества. Гете рассуждает о смене эпох, как разрушении старого феодального мира и начале новой эпохи, эпохи созиданий. Но созидание не может быть без разрушения, свидетельство чему — смерть двух стариков.

На исходе жизни ослепший Фауст, слыша звук лопат, переживает величайший миг в своей жизни, полагая, что его работа принесет большую пользу людям. Ему невдомек, что это по заданию Мефистофеля лемуры (ночные духи) копают его могилу. Вспомнив про контракт с Мефистофелем, Фауст говорит том, что лишь осушив болота и создав плодородный край, он попросит остановить мгновенье его жизни. Но умирает по предсказанию духа Заботы, отомстившего за смерть невинных стариков.

Согласно условиям контракта душа Фауста должна попасть в ад. Однако заключенное пари Господь разрешает в пользу спасения души Фауста, поскольку тот до последнего дня своей жизни трудился на благо человечества. Душа Фауста попадает на небеса, где соединяется с душой Маргариты.

Таким образом, в отличие от традиционных версий народной легенды, согласно которым Фауст попадает в ад, в версии Гете, несмотря на выполнение условий соглашения и на то, что Мефистофель действовал с разрешения Бога, ангелы забирают душу Фауста у Мефистофеля и уносят ее в рай.

В «Народной книге» XVI века Фауст продает свою душу ради мирских удовольствий, а в «Трагической истории доктора Фауста» английского писателя Кристофера Марло (1564–1590) им движет желание обессмертить свое имя. В гетевской трактовке Фауст тонет в пучине крайнего пес-

симизма и с полным безразличием относится к загробной жизни, отсюда легкость, с которой он заключает сделку с дьяволом.

И в «Народной книге», и в «Трагической истории доктора Фауста» присутствуют попытки Фауста обратиться к Небу, однако в версии Гете подобные размышления исключены. Как и в более ранних версиях легенды, значительный объем текста уделен шуткам и магическим проделкам Фауста и Мефистофеля.

Для мировоззрения Гете характерен оптимизм. Поэтому в его трактовке Бог спасает души как Маргариты, так и Фауста, несмотря на совершенные ими прегрешения и отступления от буквы закона. Даже искушения темных сил рассматриваются немецким писателем в позитивном ключе, и сам сатана у него признается: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

По форме «Фауст» — это драма для чтения, по жанру — философская поэма. Нет прямого авторского слова, все отдано действующим лицам: монологи, диалоги, харовые партии. Об этой трагедии написано множество книг, в которых с различных сторон истолкованы характеры и события знаменитого произведения Гете, далеко не всегда друг с другом совпадающие. Вопросы, поднятые писателем, не поддаются простому и однозначному решению. Ведь «Фауст» — размышление о смысле существования человека на земле, о конечной цели его жизни.

Михаил Вострышев

Афанасий Фет — поэт и переводчик

Афанасий Афанасьевич Фет родился 23 ноября (5 декабря по новому стилю) 1820 года в деревне Новоселки, неподалеку от города Мценска Орловской губернии. Отец его, орловский помещик, ротмистр в отставке Афанасий Неофитович Шеншин, принадлежал к старинному дворянскому роду. Родоначальником Шеншиных считается татарский князь, поступивший в конце XV века на московскую службу. Получив вотчину в Мценске, он стал основателем разветвленного рода Шеншиных, расселившегося по всему Мценскому уезду.

В 1819 году Афанасий Неофитович, пылкий приверженец идей Руссо, находился на лечении в германском городе Дармштадте, где на 45-м году жизни женился на 22-летней немке Шарлотте, дочери Карла Беккера, носившей фамилию Фет по первому мужу, с которым она развелась. Будущий поэт был первенцем от этого брака, совершенного за границею по лютеранскому обряду и не имевшего в России законной силы. До 14 лет мальчик носил фамилию Шеншин. При обнаружении ошибки в записи о его крещении (православное венчание матери было совершено уже после рождения сына), лишенный дворянства, наследственных прав и русского подданства, он принужден был принять фамилию матери — Фет (мать с трудом добилась у своих родственников, чтобы ее первенца признали «гессен-дармштатским подданным», иначе он числился бы как незаконнорожденный). Его родным отцом стал считаться первый муж Шарлотты — Иоганн Петр Вильгельм Фет.

В годы детства, проведенные в имении Шеншиных в Новоселках, главное влияние на будущего поэта имели мать и дядя, Петр Неофитович. Благодаря матери мальчик прекрасно овладел немецким языком, а благодаря дяде, любителю поэзии и истории, полюбил русскую литературу. Его первыми учителями, научившие мальчика русской грамоте и арифметике, были камердинер Илья Афанасьевич, повар Афанасий, дворовые, заезжие семинаристы. В воспоминаниях «Ранние годы моей жизни» о своем детстве Фет говорит сдержанно и суховато. Отец ему запомнил-

ся суровым, скупым на ласку пожилым человеком; мать — робкой и покорной мужу женщиной.

В начале 1835 года Афанасий был помещен в частный пансион Крюммера в городе Верро Лифляндской губернии. Он вспоминал о своем отъезде из Новоселок: «Ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель, отец, заказав почтовых лошадей, дал поцеловать мне свою руку, и я, мечтавший о свободе и самобытности, сразу почувствовал себя среди иноплеменных людей в зависимости, с которой прежняя, домашняя, не могла быть поставлена ни в какое сравнение».

Домашнюю жизнь и любовь родных заменили учителя далекого от дома учебного заведения, где преподавание велось на немецком языке, и где мальчик приобщился к немецкой литературе, с особым интересом читая Гете, Шиллера, Гофмана, Гейне. Преподаватель истории, латинского языка и и некоторых других наук в пансионе Генрих Эйзеншмидт вспоминал о Фете: «Он был единственным русским в классе и представлял свою национальность на фоне немецкого окружения с таким же умом, как и энергией. При этом немалое восхищение вызывали его способности в механике. Я находился с ним в очень доверительных отношениях, и однажды он похвалился мне, что если бы вдруг стал очень беден, то мог бы зарабатывать на хлеб пятью профессиями. И это не было преувеличением, так как он доказал это. Например, он чинил часы, причем не имея в своем распоряжении никаких других инструментов, кроме штопальной иглы и испорченного рейсфедера в качестве щипчиков».

Три года провел Афанасий в маленьком прибалтийском городке, сплошь населенном немцами, и позже вспоминал это время только с радостным чувством. Но подростка угнетало его «изгнание» из родной семьи, отлучение от отчего дома, он чувствовал себя «собакой, потерявшей хозяина».

Из Верро в начале 1838 года Фет по решению отца был отвезен в Москву и определен для подготовки в Московский университет в частный пансион М.П. Погодина. Во флигеле доме историка Погодина на Девичьем поле Афанасий прожил полгода. В это время его часто можно было застать в кругу веселой компании в трактире на Зубовской площади или в обществе цыганки из хора, к которой испытывал любовное влечение.

Осенью 1838 года Фет поступил в университет, где учился сначала на юридическом факультете, потом на словесном отделении философского факультета.

О начале пребывания в Московском университете в книге «Ранние годы моей жизни» Фет говорит следующее: «Ни один из профессоров, за исключением декана Ив. Ив. Давыдова, читавшего эстетику, не умел ни на минуту привлечь моего внимания, и, посещая по временам лекции, я или дремал, поставивши кулак на кулак, или старался думать о другом, чтобы не слыхать тоску наводящей болтовни».

Любимым занятием вскоре стало сочинение стихов. Поселившись в семье Григорьевых в Замоскворечье на Малой Полянке, Фет нашел в сыне хозяина дома, университетском студенте и будущем литературном критике Аполлоне Григорьеве, ревностного поклонника своей поэзии. Тот первым подметил и духовный кризис молодого поэта: «Я не видел человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства… Я боялся за него, я проводил часто ночи у его постели, стараясь чем бы то ни было рассеять… страшное хаотическое брожение стихий его души».

Дружескому сближению молодых людей немало способствовала присущая им страсть к искусству во всех его проявлениях. На литературные беседы к Фету и Григорьеву собирались любители словесности из университетского студенчества: С.М Соловьев, Я.П. Полонский, К.Д. Кавелин, князь В.А. Черкасский, Н.К. Калайдович... Они стали первыми слушателями поэзии Фета. С их одобрения он стал часто печататься в журналах «Москвитянин» и «Отечественные записки». Талант его был замечен Белинским. Ободренный похвалами друзей, молодой поэт в 1840 году издал под инициалами «А. Ф.» первый сборник своих стихотворений «Лирический пантеон». В него вошли баллады, элегии, идиллии и эпитафии, в которых отразились его увлечения Гете, Шиллером, Пушкиным, Жуковским и модным в то время поэтом Бенедиктовым.

Зная в совершенстве немецкий язык, на третьем курсе университета Фет начал переводить поэму Гете «Герман и Доротея», стихотворения Гейне, Шиллера. Продолжал сочинять и публиковать в журналах свои оригинальные стихи. В 1843 году некоторые из них были напечатаны в популярной «Хрестоматии» А.Д. Галахова.

В 1844 году Фет завершил учебу в университете. В этот году он стал еще более одинок после кончины матери и горячо любимого дяди Петра Шеншина. Надо было научиться жить самостоятельно.

По давнему своему стремлению к военной службе (военной службой он хотел вернуть себе дворянство), Фет 21 апреля 1845 года поступил

унтер-офицером в кирасирский полк (штаб его находился в Новогеоргиевске Херсонской губернии), в котором 14 августа 1846 года произведен в корнеты, а 6 декабря 1851 года — в штабс-ротмистры.

Оторванный от российских культурных центров, Фет почти полностью перестал печататься в журналах. Поэтический сборник, разрешенный цензурой в 1847 году, ему удалось напечатать лишь три года спустя. Выход в 1850 году «Стихотворений А. Фета» стал ярким событием отечественной словесности. Автор продекламировал о своем радостном приходе в русскую литературу:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало.

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все также счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь, — но только песня зреет.

«Подобного лирического весеннего чувства природы мы не знаем во всей русской поэзии!» — восторженно писал об этих четырех строфах литературный критик Василий Боткин.

Переведенный в 1853 году в лейб-гвардии уланский полк, расквартированный близ Петербурга, Фет получил там чин поручика (гвардейские чины расценивались на два уровня выше армейских, поэтому штабс-ротмистр Фет должен был в гвардейском полку начать службу с младшего офицерского чина).

Во время Крымской войны с февраля 1854 года Фет был в составе войск, охранявших побережье Балтийского моря от возможной высадки английского десанта. Два года спустя врачи нашли у него «общее расстройство дыхательных путей» и посоветовали немедленно ехать лечиться за границу.

Фет вспоминал: «Никакая школа жизни не может сравниться с военною службой, требующей одновременно строжайшей дисциплины, величайшей гибкости и твердости хорошего стального клинка в сношениях с равными и привычки к мгновенному достижению цели кратчайшим путем. Когда я сличаю свою нравственную распущенность и лень на школьной и университетской скамьях с принужденным самонаблюдением и выдержкой во время трудной адъютантской службы, то должен сказать, что кирасирский Военного ордена полк был для меня возбудительною школою».

Военная служба стала яркой страницей его жизни, расцветом поэтической деятельности и популярности. После перехода в гвардию и переезда в Петербург Фет познакомился с кружком журнала «Современника» (в декабре 1853 г. — январе 1854 г.) — Н.А. Некрасовым, И.И. Панаевым, А.В. Дружининым, И.А. Анненковым, И.А. Гончаровым, возобновил знакомство с И.С. Тургеневым и В.П. Боткиным. У Тургенева встретился с графом Л.Н. Толстым, только что начавшим тогда свою литературную деятельность. Позже они стали близкими приятелями и вели обширную переписку.

Постоянно публикуя в 1850-х годах свои оригинальные стихотворения в «Современнике» и «Отечественных записках», Фет в этих же журналах, а также в «Библиотеке для чтения» и в «Русском слове» поместил несколько довольно значительных переводных трудов, в том числе поэмы Гете «Герман и Доротея» («Современник», 1856, № 7). В 1856 году выходит собрание его стихотворений, встреченное сочувственными статьями (этот сборник подготовил и отредактировал Иван Тургенев). Николай Некрасов писал: «Смело можно сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою ее ощущениям, ни в одном русском авторе, после Пушкина, не почерпнет столько поэтического наслаждения, сколько доставит ему г. Фет».

Но успех его лирической поэзии ограничивался довольно узким литературным кругом, в своем подавляющем большинстве просвещенная публика равнодушно относилась к его сочинениям; люди в эту пору решительных политических и экономических реформ интере-

совались более литературными произведениями, в которых чувствовался «дух времени», гражданские мотивы революционно-демократической мысли.

Взяв в 1856 году перед выходом в отставку из военной службы отпуск на 11 месяцев, Фет совершил поездку за границу, побывав в Карлсбаде, Париже и в итальянских городах. Навестил в Куртавнеле, в имении Виардо своего приятеля и собрата по перу Ивана Тургенева. В Париже 16 августа 1857 года женился на богатой купеческой невесте Марии Петровне Боткиной (1828–1894), сестре своего давнишнего друга и почитателя Василия Боткина.

По окончании отпуска 27 января 1858 года Фет вышел в отставку штабс-ротмистром гвардии и поселился в Москве. Его уход с военной службы был связан не только с женитьбой, которая принесла материальное благополучие, но и с невозможностью достижения поставленной им цели. По указу нового императора Александра II право на потомственное дворянство давал с 1856 года только чин полковника, а не майора, как было раньше. Дослужиться же до полковничьих погон Афанасий Афанасьевич не надеялся.

В начале 1860-х годов из-за политических разногласий Фет порвал отношения с журналом «Современник», после чего возник знаменитый антагонизм двух крупнейших поэтов своего времени «Некрасов — Фет».

Выпустив в свет в 1863 году в двух книгах свои «Стихотворения», расходившиеся довольно медленно, Афанасий Афанасьевич почти совсем перестал писать стихи. Тургенев с долей иронии говорил о Фете, что «он теперь сделался агрономом-хозяином до отчаянности, отпустил бороду до чресл, о литературе слышать не хочет и Музу прогнал взашею...»

Еще в 1860 году Фет решил серьезно заняться сельским хозяйством и с этою целью купил в Мценском уезде хутор Степановка с 200 десятинами земли. Здесь он прожил 17 лет, лишь зимою ненадолго наезжая в Москву, и создал прекрасное имение: отделал купленный неоконченным дом и расширил его пристройками, развел цветники, насадил аллеи, выкопал пруды и колодцы, проложил отличную подъездную дорогу, усердно вел хлебопашество, завел мельницу и конный завод. Свой опыт жизни и сельскохозяйственной деятельности в пореформенной деревне Афанасий Афанасьевич изложил в серии очерков, появлявшихся в журналах в 1862–1871 годах.

В Мценском уезде с с 1 ноября 1867 года по 1877 год Фет служил мировым судьею, разбирая мелкие гражданские и уголовные преступления. К этой общественной должности он относился со всей ответственностью и полной самоотдачей и писал о ней: «Свободный выбор уездными гласными наилучших людей в мировые судьи, которым представлялось судить публично по внутреннему убеждению, являлся для искателей должности судьи чем-то священным и возвышающим избираемого в его собственных глазах».

По императорскому указу 26 декабря 1873 года за Афанасием Афанасьевичем, наконец, была утверждена фамилия отца — Шеншин, со всеми связанными с нею правами потомственного дворянина. Но свои литературные произведения он и далее подписывал фамилией Фет.

Помимо замечательного поэтического таланта, Фет обладал незаурядными интеллектуальными качествами. Он был блестящим остроумным рассказчиком, что отмечали его современники, слышавшие его или переписывавшиеся с ним, душевным и разумным товарищем. Иван Тургенев, отвечая на очередное письмо, признавался Фету: «Переписываться с вами для меня потребность, и на меня находит грусть, если я долго не вижу ваш связно-красивый, поэтическо-безалаберный и кидающийся из пятого этажа почерк». Лев Толстой пишет Фету: «Кроме вас у меня никого нет… Вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых, и который в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме единого, будет сыт человек».

Возвращение Фета к литературе совершилось на склоне лет в его новом имении Воробьевке Щигровского уезда, Курской губернии, в десяти верстах от Коренной пустыни, купленном в 1877 году. С весны 1878 года до своей кончины Фет проводил здесь большую часть года с марта по октябрь, и лишь зимние месяцы уезжал в Москву. Новое хозяйство на 850 десятинах велось управляющим, а сам владелец, кроме писания стихотворений, выходивших отдельными выпусками под заглавием «Вечерние огни» (1883, 1885, 1888 и 1891), усердно принялся за переводы.

Литературный критик Николай Страхов, часто навещавший Фета в его новой усадьбе, писал о ней: «Деревня Воробьевка стоит на левом, луговом берегу реки, а господская усадьба на правом берегу, очень высоком. Каменный дом окружен с востока каменными же службами, а с юга и запада огромным парком на 18-ти десятинах, состоящим большей частью из вековых дубов. Место так высоко, что из парка

ясно видны церкви Коренной Пустыни*. Множество соловьев, грачи и цапли, гнездящиеся в саду, цветники, разбитые по скату к реке, фонтан, устроенный в самом низу против балкона, — все это отразилось в стихах владельца, писанных в этот последний период его жизни».

Поклонник немецкого философа-идеалиста Артура Шопенгауэра (1788–1860), Фет перевел и издал три его труда: «Мир, как воля и представление» (1881) и «О четверояком корне закона достаточного основания» (1886) и «О воле в природе» (1886).

Фет в начале 1880-х годов перевел обе части «Фауста» Гете, и целый ряд латинских поэтов. В 1884 году за перевод Горация он был удостоен Академией наук первой полной Пушкинской премии. Профессор И.В. Помяловский отметил у переводчика такое же разнообразие метров и такое же оригинальное сочетание стоп, как и в подлиннике; в числе достоинств перевода, кроме того, названы: редкая полнота и благозвучность рифм, а также гладкость, естественность и удобопонятность речи.

В области ритмики Фет вместе с Тютчевым — самый смелый экспериментатор в русской поэзии, прокладывающий путь поэтическим достижениям XX века. Он — ярчайший представитель «мелодической линии», продолжателем которой стал Александр Блок, поэт редкой эмоциональности, силы чувства, радостного восприятия жизни и в то же время удивительной субъективности.

Представлению о красоте, как о реально существующем элементе мира, окружающего человека, Фет оставался верен до конца. Недаром на вопрос «Ваш любимый поэт?» он ответил: «Пушкин», а в другом «альбоме признаний» назвал «поэтом объективной правды» Гете.

Литературные труды Фета (благодаря его консервативным взглядам на политическое устройство России) получают не только общественное, но и государственное признание. В 1888 году Фет имел аудиенцию у императора Александра III, благосклонно относившийся к его деятельности, вернее к отсутствию общественно-политической деятельности.

Торжественно отпраздновали в Москве 28 и 29 января 1889 года 50-летний юбилей литературной деятельности Фета и пожалование юбиляру придворного звания камергера. Николай Страхов писал: «Кто любит и понимает Фета, тот становится способным чувствовать поэзию, разлитую вокруг нас и в нас самих, то есть научается видеть

* Старинный мужской монастырь в Курской губернии.

действительность с той стороны, с которойона является красотою... Мы не найдем у Фета ни тени болезненности, никакого извращения души, никаких язв, постоянно ноющих на сердце. Всякая современная разорванность, неудовлетворенность, неисцелимый разлад с собой и с миром — все это чуждо нашему поэту.... Вечный нерукотворный памятник воздвиг себе Фет. По яркости и законченности он — явление необыкновенное, единственное, мы можем гордится им пред всеми литературами мира и причислить его к неумирающим образцам истинной поэзии. К нашей радости, он пишет до сих пор, и пишет с тою же силой, с неувядающей свежестью. В нынешний торжественный день всем нам следует сердечно приветствовать его, сердечно желать бесценному поэту здоровья на многие годы».

В последние годы жизни Фет написал мемуары, которые составили две большие книги «Мои воспоминания» (1890) и «Ранние годы моей жизни» (посмертное издание в 1893 г.). Его все больше стали одолевать старческие недуги, резко ухудшилось зрение, терзала «грудная болезнь», сопровождавшаяся приступами удушья и мучительными болями, о которых он писал, что ощущает, будто слон наступил ему на грудь. Тем не менее, он не бросал ни переводов, ни работы над очередным выпуском «Вечерних огней», продолжая петь «о таинствах любви». Последнее стихотворение было написано 23 октября 1892 года.

Скончался Афанасий Афанасьевич Фет 21 ноября 1892 года в Москве.

* * *

Фет говорил, что Гете всегда оставался для него «предметом неизменного удивления и наслаждения». Увлечение немецкой поэзией господствовало в России в 1830-х и 1840-х годах, а потом стало постепенно угасать, уступая место революционно-демократическому направлению. Но Фет, как представитель «чистого искусства», остался верен старым идеалам. Он писал: «Что касается до меня, то, отсылая неверующих к авторитетам таких поэтов-мыслителей, каковы: Ф. Шиллер, И.В. Гете и А.С. Пушкин, ясно и тонко понимавших значение и сущность своего дела, прибавлю от себя, что вопросы: о правах гражданства поэзии между прочими человеческими деятельностями, о ее нравственном значении, о современности в данную эпоху и т.п. считаю кошмарами, от которых давно и навсегда отделался».

И если любовь к поэзии Гейне, которого Фет много переводил, с годами угасла, то Гете остался кумиром на всю жизнь. Русский поэт повто-

рял вслед за немецким гением: «Красота выше добра, красота включает добро». Поначалу Фет переводил его интимную лирику («Прекрасная ночь», «На озере», «Майская песня», «Первая потеря», «Ночная песня путника») и романтические баллады («Певец», «Рыбак», «Лесной царь»). Затем приходит очередь философских од («Границы человечества», «Зимняя поездка в Гарц»). Да и оригинальные стихи юного Фета, по замечанию русской критики, «написаны в духе мелких лирических стихотворений Гете». Аполлон Григорьев писал: «Гете преимущественно воспитал поэзию г. Фета; влиянию великого старого учителя обязан понятливый ученик и внутренним достоинством, и замечательным успехом своих стихотворений, и, наконец, самою изолированностью своего места в русской литературе. Достоинство или недостаток эта изолированность, во всяком случае, она может быть уделом яркого и замечательного дарования и составляет прямой результат проникновения ученика духом учителя, как бы исполнением его завета».

Наступила очередь взяться за перевод «Фауста»...

Первая робкая репетиция русских переводов трагедии Гете начинается с Василия Жуковского, написавшего в 1817 году по мотивам «Посвящения» к «Фаусту» стихотворение «Мечта. Подражание Гете» . Следующим был Александр Грибоедов, опубликовавший в 1825 году «Пролог в театре», на добрую треть удлинив его собственными стихотворными строчками. Отдельные отрывки и сцены из гениального творения немецкого писателя переводили также Д.В. Веневитинов, А.А. Шишков, Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой...

Сложность перевода «Фауста» на русский язык в чрезвычайном разнообразии поэтических стилей. Немецкий «ломаный стих» — Knitteivers, основной размер трагедии, чередуется с терцинами в стиле Данте, с античными триметрами, с александрийским стихом...

Первый полный перевод «Фауста» на русский язык принадлежит перу поэта Эдуарда Ивановича Губера (1814–1847) — обрусевшего немца, военного инженера. Ему фактически пришлось переводить «Фауста» дважды — первую публикацию в 1835 году запретила цензура, после чего он сжег рукопись. Историю участия Александра Пушкина в судьбе перевода рассказал М.Н. Лонгинов: «Пушкин узнал, что какой-то молодой человек переводил Фауста; но сжег свой перевод как неудачный. Великий поэт, как известно, встречал радостно всякое молодое дарование, всякую попытку, от которой литература могла ожидать пользы. Он отыскал квартиру Губера, не застал его дома, и можно себе

представить, как удивлен был Губер, возвратившись домой и узнавши о посещении Пушкина. Губер отправился сейчас к нему, встретил самый радушный прием и стал посещать часто славного поэта, который уговорил его опять приняться за Фауста, читал его перевод и делал на него замечания. Пушкин так нетерпеливо желал окончания этого труда, что объявил Губеру, что не иначе будет принимать его, как если он каждый раз будет приносить с собой хоть несколько стихов Фауста. Работа Губера пошла успешно».

Пушкин не дожил до окончания работы Губера, с посвящением ему первый русский «Фауст» был издан в Петербурге в 1838 году.

Шесть лет спустя в Петербурге издали перевод первой части и изложение второй части «Фауста» Михаила Павловича Вронченко (1801 или 1802–1855) — военного геодезиста, автора географических сочинений. В 1830-х годах публиковались его многочисленные переводы Шекспира, Мицкевича, Байрона. «Фауст» — последняя переводная работа Вронченко. Критики отмечали, что она выполнена «с суховатой точностью». Первоклассный знаток творчества Гете Иван Тургенев писал, что «единая, глубокая общая связь» между автором и переводником не была достигнута, ее подменило «множество мелких связок, как бы ниток, которыми каждое слово русского “Фауста” пришито к соответствующему немецкому слову».

Перевод «Фауста» поэта Александра Николаевича Струговщикова (1808–1878), впервые изданный в 1856 году, был выполнен на более высоком литературном уровне, чем два предыдущих. Но автор пренебрег конкретной художественной формой оригинала, его своеобразным лиризмом, простотой слога, особенностями метрической структуры. Перевод Струговщикова приобрел известность в истории русской культуры, главным образом, благодаря тексту песни Мефистофеля о блохе, положенной на музыку М.П. Мусоргским.

Афанасий Фет в 1882 году закончил работу над переводом первой части гетевского «Фауста», в 1883 году перевел вторую часть. Он писал 5 февраля 1881 года своей приятельнице Софье Владимировне Энгельгардт: «“Фауст” — это моя художественная религия и пропаганда. Это вершина всего Гете, и Вы убедились бы, вчитавшись в него, — как я, благодаря только труду перевода, в него вчитался, — что там йоты нет лишней, и что прежде, при поверхностном, хотя и многократном чтении, мне казалось излишним, несущественным, — теперь явилось органически целым».

Фет в своих статьях неоднократно отстаивал принцип буквального воспроизведения текста и внешней формы оригинала, даже если для этого возникала необходимость в некотором искажении русских слов. Он говорил: «В своих переводах я постоянно смотрю на себя как на ковер, по которому в новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала, который я улучшать — ни-ни».

Из множества переводов «Фауста», появившихся в XX веке, стали популярными только два.

Николай Иванович Холодковский (1858–1921) — зоолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук, один из основоположников лесной энтомологии в России. За перевод «Фауста» Гете 19 сентября 1917 года был удостоен Пушкинской премии Российской Академии наук. В последние два десятилетия этот довольно близкий к оригиналу и обладающий литературными достоинствами перевод часто переиздается.

Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) — поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе. Его полный перевод «Фауста» впервые вышел в свет в 1953 году. В последующие несколько десятилетий трагедия Гете в СССР публиковалась исключительно в этом поэтическом, но весьма далеком от оригинала переводе.

Михаил Вострышев

Трагедия Иоганна Вольфганга Гете «Фауст» в переводе Афанасия Фета

Любезному племяннику Петру Ивановичу Борисову

Caudes carmininibus, carmina possumus
Donare et pretium dicere munen.*

Гораций

Спасибо, друг, — ты упросил
Меня приняться за работу.
Твой юный голос разбудил
Камену, впавшую в дремоту.

Опять стихи мои нашли
То, что годами было скрыто,
Все лето предо мною шли
Причудник Фауст и Маргарита.

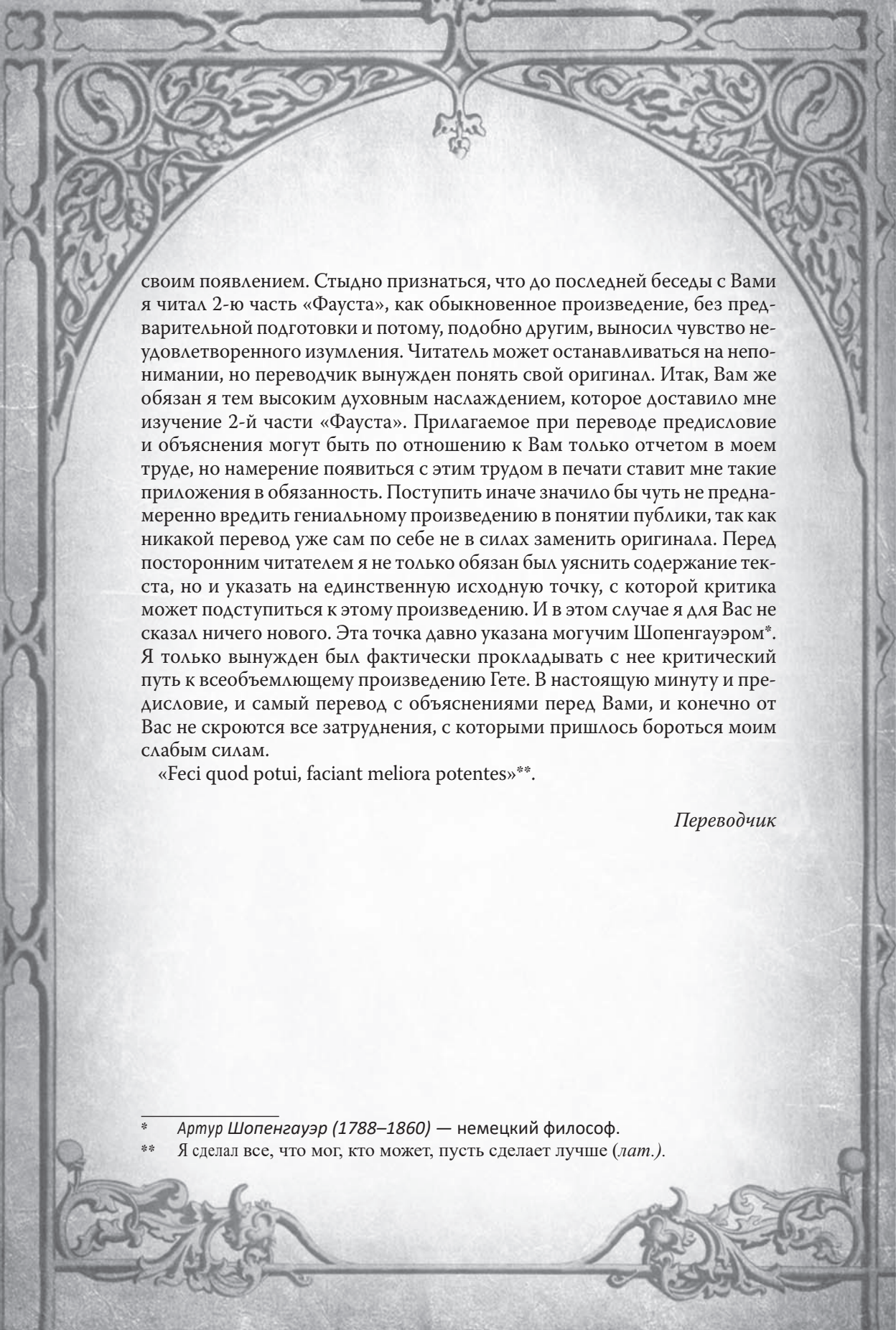
И вот пройден гористый путь,
Следи за мной, но, Бога ради,
Ты Мефистофелем не будь
Насчет стареющего дяди.

Переводчик

Посвящается графине Софье Андреевне Толстой

С глубоким чувством признательности представляю на суд Ваш настоящую книгу. Нескольким тонким указаниям Вашим на красоты 2-й части «Фауста» и совету испытать над ним мои силы, — перевод обязан

* В песне радость твоя, песню ж могу я дать и, даря, оценить всю ее стоимость *(лат.)*.



своим появлением. Стыдно признаться, что до последней беседы с Вами я читал 2-ю часть «Фауста», как обыкновенное произведение, без предварительной подготовки и потому, подобно другим, выносил чувство неудовлетворенного изумления. Читатель может останавливаться на непонимании, но переводчик вынужден понять свой оригинал. Итак, Вам же обязан я тем высоким духовным наслаждением, которое доставило мне изучение 2-й части «Фауста». Прилагаемое при переводе предисловие и объяснения могут быть по отношению к Вам только отчетом в моем труде, но намерение появиться с этим трудом в печати ставит мне такие приложения в обязанность. Поступить иначе значило бы чуть не преднамеренно вредить гениальному произведению в понятии публики, так как никакой перевод уже сам по себе не в силах заменить оригинала. Перед посторонним читателем я не только обязан был уяснить содержание текста, но и указать на единственную исходную точку, с которой критика может подступиться к этому произведению. И в этом случае я для Вас не сказал ничего нового. Эта точка давно указана могучим Шопенгауэром*. Я только вынужден был фактически прокладывать с нее критический путь к всеобъемлющему произведению Гете. В настоящую минуту и предисловие, и самый перевод с объяснениями перед Вами, и конечно от Вас не скроются все затруднения, с которыми пришлось бороться моим слабым силам.

«Feci quod potui, faciant meliora potentes»**.

Переводчик

---

* *Артур Шопенгауэр (1788–1860)* — немецкий философ.

** Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше (*лат.*).

Предисловие

Трагедия «Фауст» и, в особенности, вторая часть ее не только для иностранца, но и для немца, воспитанного на этом народном предании, совершенно непонятна без окружающей ее сферы ученых толкований. Без них она является, за исключением совершенно ясных мест, каким-то набором мудреных слов и речений.

По отношению к художественному произведению, понимание называется критикой, и какой бы слабой ни явилась она с нашей стороны, самое положение дела вынуждает нас прибегнуть к ней, как к необходимому орудию.

При изумительной глубине понятий, выражаемых человеческим словом, этим чудным венцом мироздания, слово наше, в силу своего объема, подобно громадным кузнечным клещам, которыми непосредственно невозможно удержать мелкого часового винтика, каким является данный предмет, когда мы приступаем к серьезному его изучению. Это свойство слов наглядно указано Гегелем*, и оно-то представляет такое удобное поле для софистики и всяческих лживых учений, приобретающих с тем большею легкостью общее право гражданства, чем менее рассчитывают на серьезный умственный труд своих адептов.

Слово «понять» одинаково может значить: ознакомиться с относительным положением или временным состоянием предмета, как и с основной его причиной и сущностью. То и другое понимание одинаково может быть названо критикой, хотя в первом случае главную роль играет наше непосредственное чувство, а во втором наш разум, которому одному свойственна область причинности. Всякий нормальный человек, пробуя щи, может находить их наваристыми или водянистыми, солеными или пресными, свежими или зловонными, но задача становится гораздо труднее, когда приходится указать на химическую причину всех этих явлений. Нам могут указать на то, что тончайший повар, помимо всякой критики начал, превосходно руководствуется одним непосредственным вкусом и преемственным опытом. Бесспорно. Но когда вспомним, что тот же повар, в угоду одному и тому же лицу, должен, с одной

* *Георг Гегель (1770–1831)* — немецкий философ.

стороны, заведомо держаться русского вкуса в перепаренном курнике* и английского — в сыром ростбифе, то убеждаемся, что его тонкий вкус вполне относителен и частей. Когда же представим его себе готовящим для китайца или Лукулла**, то увидим, что он, при всей тонкости вкуса, оказывается непригодным к делу. Между тем, не говоря об органическом мире вообще, все люди разборчивы в пище, и, несмотря на климатические и другие условия, отклоняющие вкус в ту или другую сторону, человеческий организм, несомненно, заявляет известные основные требования, неизменные как при удовлетворении голода глиной, по примеру некоторых дикарей, так и при трапезе людоеда. Спросите вашего Вателя*** о неизменных пределах этих требований, и окажется, что он не знает ни их, ни их причин. На такой вопрос способен ответить разве величайший химик. Если подумаем, что главнейшая задача науки состоит в разъяснении именно того, что на первый взгляд кажется нам более понятным только вследствие того, что оно постоянно на наших глазах, то не станем удивляться, что наука не может считать простого факта своим достоянием, доколе не укажет ему подходящего места в общем своем здании, каково бы оно ни было в данную минуту. Такое сознательное указание места не есть пустое удовлетворение систематизации. Определением такого места впервые ясно и твердо обозначаются законные требования, с которыми можно обращаться к данному предмету. Только определив место лошади или дерева, мы знаем, что нельзя требовать от животного того, что свойственно одному растению и наоборот.

Хотя в высказываемых нами истинах нет ничего нового, и ясное указание той потребности духа, которой свободные искусства служат непосредственно удовлетворением, и совершено Шопенгауэром, но в эстетической области мы до сих пор не встречали критики, которая на практике из нее бы исходила. Такой практики, очевидно, требует Шопенгауэр, говоря о Винкельмане****, коего субъективному вкусу изумляется: «Я убедился в истине, что можно обладать величайшей восприимчивостью и правильнейшим суждением в деле художественно-прекрасного, не будучи в состоянии дать отвлеченного и собственно философского отчета о сущности прекрасного и искусства; точно также, как можно

* *Курник* — русский пирог с начинкой из курятины.

** Римский патриций Лукулл, известный полководец, прославился также как гурман.

*** *Франциуа Ватель* — искусный повар французского короля Людовика XIV.

**** *Иоганн Винкельман (1717–1768)* — немецкий искусствовед.

быть очень благородным и добродетельным и обладать весьма чувствительной, с точностью аптекарских весов в отдельных случаях решающею совестью, все-таки не будучи в состоянии философски исследовать и in abstracto представить этическое значение действия».

Между тем, подобная философская критика получила в других областях такое полное право гражданства, что всякий другой прием показался бы детским и отсталым. Укажем только на чтения Макса Мюллера* о религии, в которых ученый автор, прежде чем приступить к религии Вед, указывает на самый источник религиозного чувства в природе человека, и только потом следит за дальнейшим ходом проявлений этой основной потребности.

Менее всего находим мы удобным полемизировать с кем бы то ни было; но имея в виду постановку дела на единственно твердое основание, мы вынуждены указать на деятельность того, кого недаром считают основателем русской эстетической критики. Несомненная заслуга Белинского, обладавшего верным эстетическим вкусом, состоит в разрушении господствовавших у нас несостоятельных теорий псевдоклассицизма о подражании природе.

Но если, проследив критическую деятельность Белинского, мы спросим: что же поставил он положительным критериумом на место низверженного псевдоклассицизма, — то вынуждены ответить: ничего. Причин такого неудовлетворительного результата было много. Укажем на главнейшую. Как человек мыслящий, Белинский понимал, что в деле разумной критики необходимо примкнуть к основам той или другой философии, иначе всякий читатель с полным правом может противопоставлять свой личный вкус вкусу данного критика. Какими путями и в какой окраске доходило до Белинского охватившее нас в то время, гегелианство, — все равно. Дело в том, что по идеалистическому содержанию своего учения Гегель менее всякого другого способен служить основой реальной критики.

По Гегелю всякая действительность есть лишь действительность понятия. Все существующее истинно и значительно лишь в силу своей логичности, как разумно-мыслимое, или как объективное выражение чистого понятия на той или другой степени его внутреннего развития. На всякий предмет или явление должно смотреть лишь как на одно из звеньев в идеальной цепи саморазвивающегося понятия. Истинное зна-

* *Фридрих Мюллер (1823–1900)* — немецкий и английский филолог, специалист по мифологии.

чение и внутренняя ценность принадлежит не самому предмету, а тому месту, которое он занимает в системе понятий, тем логическим рамкам, в которые его вдвигает чистое мышление; или, говоря языком самого Гегеля, всякий предмет имеет истину лишь как логический момент. Без сомнения, искусство, как и все другое, имеет свои логические рамки, и не только искусство вообще, но и всякий частный род искусства — поэзия в различных своих видах, музыка и т.д., и, наконец, каждое образцовое произведение художества — Олимпийский Зевс, Король Лир, Дон Жуан — все продукты многовекового художественного творчества могут быть уловлены сетью гегелевской диалектики, но только для того, чтобы свободно пройти через широкие петли логических категорий в открытое море действительной жизни и поэзии, оставляя в руках умозрительного философа все ту же пустую диалектическую сеть.

Говоря без аллегорий, философия искусства Гегеля не захватывает своего предмета в его собственном художественном содержании. Эта философия исходит из общей идеи; но такая идея именно как общая не имеет еще сама по себе никакого художественного значения. Вся художественность и красота произведения заключается не в самой идее, а в ее воплощении в виде индивидуального ощутительного образа. Между тем, такой образ, как частное явление, с логической точки зрения есть нечто несущественное и случайное и, согласно гегелевой философии, не имеет истины и безусловного значения, истина остается здесь за общей идеей, т.е. за тем, что само по себе не представляет ничего художественного и имеет лишь логическое, а не эстетическое значение. Таким образом, здесь красота и истина не совпадают, так что по Гегелю выходит, что в произведении искусства то, что истинно, — не художественно, а что художественно, — то не истинно.

Хотя эта философия и определяет красоту вообще как согласие или совпадение внутреннего содержания с внешней формой (сущности с явлениями), но так как под внутренней сущностью здесь разумеется только общая идея (логически мыслимое), то она никогда не может действительно совпасть с конкретным явлением, которое оказывается лишь преходящим моментом, так что красота на самом деле никогда не осуществляется. По выражению известного эстетика гегелевой школы Фишера*, красота есть лишь отблеск (Schein) вечной и универсальной идеи на частном и преходящем явлении, которое может только отра-

* *Куно Фишер (1824–1907)* — немецкий философ.

жать, но никак не выражать вечную истину. Область этой истины есть мир общих идей, а художество хочет уловить и показать ее в индивидуальных явлениях, т.е. там, где ее, в сущности, нет. Если красота есть призрак, то художество по-настоящему есть обман.

Такая философия искусства сводит к отрицанию искусства. Это легко видеть еще и с другой стороны. По Гегелю, художество, религия и наука (философия) суть три фазиса абсолютной идеи, или три способа, какими человеческий дух относится к абсолютной идее. Идея же эта сама по себе есть то, что безусловно-логически мыслится. Но такое мышление свойственно только науке (философии), которая поэтому и представляет единственно совершенный и окончательный способ деятельности человеческого духа; религия же и искусство, хотя и имеют в виду ту же самую абсолютную идею или истину, но, действуя не чистым мышлением, а фантазией, чувственным представлением и другими несоответственными способами, они не могут достигнуть настоящего обладания своим предметом, и в них наш дух оказывается, так сказать, не на высоте своего положения. Отсюда легко вывести, что если уже человеку открылась истина в своем безусловно-истинном виде, т.е. философском, то другие, менее истинные способы выражения той же истины, т.е. религия и искусство, становятся излишними и могут быть упразднены, все равно как человек, научившийся беглому чтению, не станет уже читать по складам. Известно, что так называемая левая сторона гегельянцев, исходя из начал своего учителя, пришла к полному отрицанию религии. Относительно искусства такое же заключение в грубо-карикатурном виде было выведено в России последователями Белинского, которые, впрочем, принижали художество уже не перед философией и наукой, а перед сапожным мастерством и мелочной торговлей.

Между тем, под руками у нас лежит всем доступное и совершенно ясное эстетическое учение Шопенгауэра, в котором не только указан естественный источник эстетического чувства, но и границы, которых по своей природе фактическое его проявление переступать не может и не должно, как в своей совокупности, так и в каждом отдельном своем роде.

Какой век не восхвалял самого себя? Но прислушавшись к общему говору, за исключением немногих голосов, невозможно не воскликнуть: да! мы живем в непонятное время. Не только в деле философии, но даже просто здравомыслия мы ничему не научились и все забыли. Если, подходя к известной теории и видя, что она не покрывает всех явлений своего горизонта, мы признаем ее несостоятельной, то поступим совершенно

последовательно. Не так действует наше время. Оно отвергает теорию не вследствие ее несостоятельности перед фактами, а лишь потому, что те или другие факты, ею объяснимые, нам сами по себе почему-либо не нравятся. Если, например, распределение ценностей и капиталов по законам, коренящимся в природе человеческих обществ и подмеченных наукою, оказывается, наряду с другими естественными явлениями, с известной стороны неудовлетворительным, то такая неудовлетворительность относится у нас не к самому предмету, а к политической экономии как науке; точно наука в силах не только открывать и объяснять, несомненно, существующее, но и творить, что ей вздумается.

Совершенно однородные требования возникают беспрестанно и по отношению к эстетике, требования, кончающиеся упреками живописным яблокам в меньшей питательности по сравнению с настоящими. С этой точки живопись и вся эстетика, конечно, не выдерживают сравнения с лотками разносчиков, а о том, имеет ли критика право на подобные требования, никто не спрашивает. Действительно, становясь на беспочвенное основание личного вкуса, каждый вправе требовать того, что ему в данную минуту желательно, и нечего удивляться оглушительной разноглаголице, среди которой раздаются, между прочим, и такие соображения. «Искусством называется все от Гомера и Рафаэля до парикмахерского и поваренного дела. А как весьма трудно, если не невозможно, провести резкую черту между доброй, нравственно питательной и развратительной сторонами дела, то, во избежание зла, надо устранить самое дело, т.е. выкинуть искусство вообще из человеческой деятельности».

В таком походе на искусство не принимается в соображение, что ту же трудность разграничения добра и зла представляют все, как естественные, так и искусственные явления. Несомненно, что не менее трудно определить различие между здоровым воздухом и заключающим губительные поветрия; но исключать за это воздух вообще из органического питания — мысль крайне оригинальная. Такой ребяческий прием конечно изумителен из уст критики. Тем не менее, в нашей литературе он применяется к самым важнейшим философским вопросам. В одном из предисловий Шопенгауэр, конечно в шутку, просит недовольного читателя написать на его книгу рецензию. Автор, только предлагающий, а никому не навязывающий свою теорию, слишком хорошо знает, как трудно шаг за шагом опровергнуть его положения, взятые из сущности дела, а не с воздуха. Но по нашему ребяческому приему дело выходит чрезвычайно легко. Недавно пришлось нам читать петербургскую критику, в которой

учение Шопенгауэра опровергалось тем, что в качестве пессимизма оно не нравится критику, который, по-видимому, так оптимистически весело смотрит с берегов Невы на мироздание. С точки зрения критика мы вполне согласны относительно непригодности Шопенгауэра. По асфальту великолепных улиц и набережных (crediteposted) бесшумно несутся экипажи на каучуковых колесах, железные дороги со всех концов мчат муку, быков и гастрономические редкости, государство на свой счет содержит зрелища и увеселительные заведения, а журналы, ежедневно рассыпающие пряности, растут как грибы. При таких условиях утруждать голову изучением какой-либо последовательной системы значило бы причинять себе зло и добровольно впадать в пессимизм. Да Бог с ним! Не короче ли, узнав, что это неприятный гость, оставить его за дверью? Пишущий эти строки, к сожалению, не находится в таком удобном положении. Взявшись объяснить текст перевода, мы вынуждены с ним знакомиться, указав на основание эстетических требований, — короче: познавать.

Когда возникает сомнительный спор о пригодности вещи, люди, во избежание голословных «да» и «нет», прибегают к свидетельству опыта или истории. Так поступим и мы, в предположении, что воображаемый оппонент, прогнав Шопенгауэра, лишил нас возможности ссылаться на его авторитет. Оглянемся же кругом. Может быть, и мы убедимся, что пессимизм только болезненное проявление в людях исключительных, которые потому и не могут быть нашими руководителями. Конечно нам тотчас же укажут на оптимистическое миросозерцание древних греков и римлян, как непрестанно указывалось на их демократически-республиканский дух. Но, к сожалению, мы не можем принять этих примеров ни в том, ни в другом смысле, так как у тех и других демократия являлась лишь в виде менее богатых граждан, под которыми стоял, как например, в крошечных Афинах целый 200-тысячный строй рабов, не имевших никаких прав. При таких условиях возможно упиваться и демократией и оптимизмом. Кроме того, греко-римский мир в настоящую минуту кидается нам в глаза памятниками своего искусства, которое, как мы далее увидим, составляет именно светлую, идеальную сторону жизни. Но когда мы и в античном мире присмотримся к людям серьезного миросозерцания, то, например, в Гераклите, Платоне или стоиках никак не можем признать оптимистов. Брамаизма и буддизма никто не сочтет оптимизмом. Пирамиды свидетельствуют о центре религиозных упований, перенесенном из реального мира в замогильный. Так что единственным историческим народом-оптимистом является еврейский,

начинающий с того, что творец сам находит свое творение прекрасным. А между тем оказывается, что их оптимизм живет в кредит насчет мессии, который доставит народу то, чего у него в действительности не было и нет. Излишне говорить о христианстве, которого основное учение заключается в том, что мир во зле лежит, и что только личное участие Божества способно искупить это зло. Итак, куда бы мы ни оглянулись, мы ни в древнем, ни в новом мире не встречаем ни одного народа, ни одного серьезного мыслителя оптимиста, и Гоголь, воскликнув в конце «Ив. И. и Ив. Ник.» *: «Скучно на этом свете, господа!», только подтвердил мнения Когелета, Будды, Платона и Шопенгауэра, не говоря о других. «Нет ничего нового под солнцем».

Заручась такими всесветными авторитетами, мы, кажется, имеем некоторое право признать пессимизм за единственно ясновидящее учение.

Выше мы видели, что идеалистическое гегелианство, основываясь на идее, как чистом понятии, не могло представлять твердой почвы для реального искусства. Вследствие этого вся непрочная растительность диалектики и все тщательно возведенные ею постройки, отходя мало-помалу от наклонной скалы, служившей им основанием, целым пластом, как это бывает в Альпах, скатились на дно реалистической долины. Это, как мы видели, было совершенно последовательно. Стали требовать реализма, натурализма. Тут возникает новая беда для искусства. Являясь лишь подобием, односторонним снимком реальных предметов, оно окончательно уступает им со всех других сторон и конечно представляет ненужное повторение вещи в несовершенном виде. Вследствие этого оно просто, как мы уже сказали, отрицается.

Если же ни идеалистическое, ни материалистическое учение не указывают истинного источника искусства, ставя посторонний критерий к его пониманию, то, за неимением выбора, приходится обратиться к учению, признающему, с одной стороны, полную реальность мира явлений, а с другой, при познании нравственной неудовлетворительности и тяготы этого мира, указывающему на нечто другое, скрывающееся под этой видимой оболочкой и обусловливающее явления, ни с идеальной, ни с реальной стороны отдельно не объяснимые.

Не будем задаваться мудреным вопросом, почему природа в целях сохранения родов и видов избрала форму орудием их охранения и сближения, а укажем на факт, что белую куропатку и зайца трудно летом

* «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

отличить от комка земли или желтого моха, а зимой от снега, и что ко времени весенних ухаживаний брови тетерева становятся ярко красными, а павлин играет на солнце своим изумрудным хвостом, который в остальное время года представляет для него обузу. Несомненная связь всемирной красоты с самосохранением природы с достаточной ясностью указана Дарвином*. Этот, так сказать, инстинктивный факт, представляющий лишь грубый материал будущего искусства, еще с большей силой заявляет себя в человеческом мире. На всех ступенях нравственного развития женщина употребляет известные приемы, могущие, по ее мнению, возвысить ее красоту, с целью возбуждения симпатии мужчины. Если бы женщины сказали, что украшают себя не для мужчин, а из желания видеть себя прекрасными, то нам не пришлось бы и доказывать желания красоты для красоты.

Итак, не только известные формы, но и красота этих форм, разлитая по всей природе, необходимы в ее целях. Спрашивается, какую же пользу, кроме общей со всеми другими организмами, извлекает человек из области красоты? Целый мир искусств свидетельствует о том, что человек, помимо всякой вещественной пользы, ищет в красоте на свою потребу чего-то другого. А что удовлетворяет требованию, — то полезно. Является вопрос: откуда возникает это исключительно человеческое требование, и какую находит оно пользу в мире красоты, в мире отрешенного свободного искусства?

Вглядываясь в потребность искусства, мы различим в духе человека могучий стимул страстных поисков в эту сторону. Если вспомним непрерывный ряд мучений, испытываемых человеком от колыбели до могилы, мучений, причиняемых не столько окружающей средой, сколько самоугрызающейся природой воли, вследствие которой человек становится собственным мучителем, то нам станут понятны все стремленья и попытки уйти от самого себя.

Дверей, за которыми, по словам Эпикура, мы достигаем безболезненного состояния богов и, по Шопенгауэру, «хоть на мгновение освобождены от назойливого напора воли, когда мы празднуем субботу каторжной работы желания, а колесо Иксиона** остановилось», таких дверей люди нашли только четверо: религию, искусство, науку и водку или опий. Не-

* *Чарлз Дарвин (1809–1882)* — английский натуралист и путешественник.

** *Иксион* — персонаж древнегреческой мифологии, за дерзость и нечестивость боги его покарали, привязав к вечно крутящемуся колесу.

способные уйти от самих себя в три первых двери неудержимо бегут в последнюю; и никак не вследствие материальной несостоятельности, как это обыкновенно объясняют, а лишь вследствие того, что они люди, т.е. собственные мучители. Здесь не место развивать нашу мысль по отношению ко всем приведенным исходам из самого себя. Обращаясь к нашему специальному исходу в искусство, мы невольно задаемся вопросом: почему же не всем вполне доступен этот исход? Можно с достоверностью предполагать, что предметы внешнего мира своею формой и иными проявлениями одинаково действуют на нормального человека. Почему же те же формы в одном случае возбуждают в нас восторг самозабвения, а в других оставляют нас равнодушными? Представим себе храмину, наполненную всякого рода предметами, совершенно ясно различаемыми при бледном освещении керосиновой лампочкой. Если бы вдруг, из-за отдернутой занавесы единственного огромного окна, яркий дневной свет, врываясь чрез разноцветные стекла, осветил все предметы, находящиеся в храмине, то можно ли бы удивляться, что предметы, в сущности, не изменившиеся, получили вдруг самый привлекательный вид, в силу озарившего их нового света?

Откуда проходит в грудь человека тот таинственный свет, который дает возможность художнику и, при его помощи, ценителю видеть будничные предметы в новом небывалом освещении, — тайна человеческой природы. Мы только указываем на факт, что без этого света ни свободное творчество, ни возбуждаемое им отрадное самозабвение невозможны.

Приступая к основному различию шопенгауэрова учения от всех других, на противоположных концах коих находятся полюсы идеализма и материализма, мы вынуждены извиниться перед читателем в том, что, по тесноте рамки, до известной степени заменяем аналитический прием синтетическим, прося, не придираясь к словам, идти навстречу нашей мысли, на которую мы только можем намекнуть. Желающих дойти до платоновских идей путем анализа прямо обращаем к сочинению Шопенгауэра, так как ни место, ни наши силы не позволяют заменить его слова нашими собственными. Подражая поневоле Мефистофелю, мы этим вручаем читателю волшебный ключ, при помощи которого он, под протекцией Персефоны (Шопенгауэра) может на свой риск углубляться к матерям (идеям). Даже если бы мы вздумали приступить к их конкретному изображению, то и тут у нас опустились бы руки ввиду их изображений в устах Мефистофеля и Фауста в конце первого акта. Мы решаемся только грубо указать на коренное различие уличной идеи, как понимал это

слово кучер г. Гейне, от платоновской. Первая есть отвлеченное понятие, нигде в мире, кроме мозгов, не существующее, форма мышления, служащая подобно цифре только отвлеченным оправданием известных предметных отношений перед разумом, а вторая — платоновская, сама есть сущность и более действительная, чем предметы мира видимого, объективная основа и источник бесконечной цепи явлений. Первая вполне относительна, будучи обусловлена временными, климатическими и другими влияниями на мозг, — откуда такие противоречия в требованиях прекрасного. Вторая — неизменна, ибо живая идея звезды, кролика или пня не может измениться. Вот почему критика, основанная на идее (понятии), не находит, в сущности, иной опоры, кроме личного вкуса, как бы тонок он ни был, тогда как критика, основанная на идее — вещи, имеет твердую опору в приравнении данного произведения к его идее.

Рассмотрим вкратце обычные требования, с которыми обращаются к искусству: 1-е — соответствие идее, 2-е — верность природе, 3-е — поучительность. Если идея, как понятие, служит основой произведения, то, по самим способам искусства, она выражается не в форме отвлеченной сентенции, а в форме видимой, ничего с понятием общего не имеющей. Руководясь идеалистической критикой, мы вынуждены сами отгадывать основную идею или целую группу понятий художника. Но кто же ручается за то, что подставляемая нами группа понятий адекватна первобытным, руководившим художником? Шаткость такого подсовывания заявляет себя перед лицом всякого организма. Припомним бесконечное разнообразие идей — понятий, подсовываемых естественнонаучной или исторической критикой под предметы их изучения. Вычитывая искомую идею лишь из наличных фактов, они при всяком новом факте вынуждены составлять новый словарь. Поневоле приходится повторить слова Фауста:

Что духом тех веков слывет,
То, в сущности, дух самых тех господ, —

лишь потому, что понятие, как достояние мозга, ни в чем ином существовать не может; тогда как платоновская идея — вещь необходимо проявляется в каждой особи, и задача искусства, вызывая в яркое освещение известную сторону явления, выставлять его идею более очевидным образом, чем она непосредственно раскрывается самой вещью. Верное подражание природе не составляет в этом случае главного средства к воспроизведению идеи. Последнее преимущественно зависит от по-

мянутого привходящего освещения, как первого условия успеха. Выражение: «Каждый род хорош, кроме скучного» собственно значит: всякий предмет перестает быть бесплодным для искусства, когда озарен светом вдохновения. Попробуйте заговорить стихами о многом, о чем говорил Пушкин. Кто станет вас слушать? Самая преувеличенная карикатура, начерченная рукою мастера, может быть несравненно вернее идее оригинала, чем самый тщательный его фотограф. Сколько примеров тому, что тончайшие знатоки искусства, тщательно угадывая идею статуи с отбитыми членами, самым определенным образом указывали на мысль и повод ее зарождения, — и вдруг найденный не достававший член ее изменял все догадки, парализуя прежнее толкование. Несколько охотников, любуясь античным луврским кабаном, заслышавшим неприязненные звуки, могли бы, пожалуй, разыскивая в мраморе так называемые идеи художника, написать по интересной книге. Но в одном взгляде на кабана совмещаются все настоящие и будущие о нем суждения, и лишь потому, что художнику удалось вызвать из мрамора, так сказать, наикабаннейшего из всех кабанов.

Истина, как известно, является совпадением нашего представления или понятия с данным предметом. А как искусство есть воспроизведение нашего представления, а не самого понятия, то и истинность (реальность) искусства не есть безусловная верность будничной действительности. Мы видим красивую, вполне реальную руку; та же рука, совершенно измененная под микроскопом, никак не менее реальна, но, изваянная из мрамора, она преимущественно перед первыми двумя видами заслуживает название реальной, так как способна сохранить эту реальность тысячелетия, когда от первых не останется следа. До какой степени явления природы органической напрашиваются своею платоновской идеей, чувствовал уже Августин, говоря: «Растения предлагают нашим чувственным ощущениям различные свои формы, которыми так прекрасно видимое устройство этого мира, как бы желая, по-видимому, за невозможностью познавать, быть познаваемыми».

Сказанное утверждает нас в несомненной истине, что настоящий художник не задается первоначально какой-то отвлеченной идеей, для приискания ей соответственной формы, а что действительный прием творчества оказывается совершенно противоположным. Физический или умственный взор художника, падая случайно на известный предмет, при внезапном освещении последнего волшебным светом, провидит его вечную идею, и затем уже художник воспроизводит ее в пределах свое-

го искусства. Этим объясняются и самые границы требований верности природе. Если мы эту верность станем понимать в смысле подражания, то она не выдержит ни малейшей критики. Можно ли в живописи — области двух измерений — подражать предметам трех измерений? Можно ли в неподвижной скульптуре подражать дышащим и движущимся организмам? И можно ли, наконец, мозаикой понятий, выражаемых отдельными словами, воспроизводить какое-либо нераздельное лицо или явление?

Если же от способа подражания мы перейдем к его сущности, то и тут легко заметим причину различия в понятии верности по отношению к миру действительности и к миру искусства. Припомнив, что художник представляет нам не сырой сколок с действительности, а ее отражение в его собственном волшебном фонаре, мы перестанем удивляться, что изображаемая им действительность нередко является действительностью только сна. Кто же имеет право возбранить спящему или мечтающему человеку видеть те или другие сны? Правило Горация* касательно несочетания разнородных членов в смешанное целое относится именно к тому, что перед художником не было определенной вещи, и он созерцание идеи ищет заменить механическим богатством форм. В противном случае поучение обращалось бы против самого Горация, у которого химеры, треглавый Цербер и всевозможные превращения на каждом шагу. Если так трудно уловить идею будничных образов, то какая сила творчества нужна для правдивого изображения фантастических явлений и превращений «Тысячи и одной ночи» или сказок Гофмана? Мы не хотим сказать, что художественная правда преимущественно состоит в неправде, а лишь, что независимо от будничной, она заключает в себе бóльшую внутреннюю истинность, чем первая. Искусство не изменяет себе, воспроизводя человеческие сны или народные фантазии, ибо и здесь имеет дело не с понятиями, а с образами; художественная правда и тут остается верной образу, а не естественным наукам. Напрасно анатомия стала бы указывать на невозможность крыльев у льва с женской головой, или от пояса книзу мраморного принца. Эдип и Шехерезада говорят противное, а у Пушкина мы любуемся даже шестикрылым серафимом, заимствованным у пророков. Утверждать противное значило бы отвергать целый ряд гениальных произведений. Не лучше ли отвергнуть теорию, неспособную покрывать в своем предмете столь широкого поля. Истинный художник, вызывающий посредством волшебного фонаря первооб-

* *Гораций (65 г. до н.э. — 8 г. до н.э.)* — древнеримский поэт.

раз предмета, должен руководствоваться его сущностью, а не случайной действительностью, как бы бесспорна она ни была. Его задача способствовать нам вступить в волшебное освещение, восхищающее наш дух, бегущий от мучений относительно реального к возможно прекрасному. Вызывая в портрете основную идею лица, художник не станет изображать сангвиника в ту минуту, когда флюс придает ему вид лимфатика, зная, что такая верность природе будет ложью в искусстве. И ложь, и правда не бывают без основания. Иногда трудно познать это основание, а иногда оно, коренясь в непосредственном чувстве и инстинкте, ярко выступает пред познанием. Так, например, красота низкого женского лба с глубокой древности инстинктивно чувствуется самими женщинами, которые в последнее время окончательно завешивают его до бровей волосами. Не удивительно, что эгоизм заставляет женщину нравиться в качестве женщины, а мужчину в качестве мужчины. Средство женщины, — красота, средство мужчины — телесная и умственная сила. Хранилищем последней является череп, и чем он обширней, тем большая умственная рекомендация. Преувеличивая на портрете лоб женщины, вы льстите ей как человеку и принижаете ее как женщину, и она справедливо негодует. Вы подчеркиваете в вашем Христе еврея, плотника, странника на счет царя и Господа, которого требует идея, и отгоняете алчущего вознестись в безотносительное, в ту же тесноту, от которой он уповал уйти. Ваша будничная правда становится в искусстве клеветой. Ведь искусство — праздник жизни, и последовательные пессимисты, не признающие праздников вообще, начиная с улучшенной пищи или жилища, будут правы, отвергнув всякое свободное искусство.

Упомянув о свободе искусства, не можем умолчать о свойствах этой свободы, еще раз указывающих на коренное отличие уличной идеи от художественной. В мире искусства повторяется тайна человеческой жизни. Умопостигаемая воля человека свободна, но индивидуальный человек — раб своей эмпирической воли. Не в нашей власти выдумывать себе волю... И если совершенно справедливо сказать: воля человека свободна, но сам человек не свободен, то не менее справедливо сказать: искусство свободно, но художник раб своего искусства. Достаточно привести стихи из «Онегина»:

И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

Ту же мысль приходилось нам слышать из уст самых могучих художников. Они не знали, что станут далее делать их герои и как выйдут из своего положения. Перейдем к поучительности. Поучение, в сущности, есть умственное сближение вполне по себе безразличных фактов с известным из него выводом. То и другое, будучи делом разума, никак не может заключаться во внешних фактах, способных быть лишь предметом бесконечных сближений и поучений. Так Парижская коммуна способна быть для одних поучением, как сжигать петролеумом дома и истреблять памятники истории и искусства, а для других, как избежать причин таких действий. Отрицать у искусства такого рода поучительность значило бы выдвигать его из области действительности, т.е. не признавать его существования. Для основателя буддизма, принца Шакьямуни* случайная встреча с погребальной процессией была до того поучительна, что заставила его покинуть царский блеск для пустынножительства и проповеди. Но возможность поучения все-таки заключалась в нем, и нельзя утверждать, что появление смерти имеет целью научить одного Шакьямуни, так как обычно оно никого не поучает. Конечно, в ряду действительных явлений искусство по преимуществу поучительно уже потому, что сокращает нам наполовину доступ к идее предмета, озаряя его волшебным своим светом. Поэтому группа деревьев, которым художник, в смысле Августина, помог высказаться, гораздо поучительнее той же группы, не освещенной волшебным светом. Но, помимо главной цели, искусство при беспредельном своем запасе, невзирая на строгость своих границ, может нападать на содержание, имеющее внешнюю форму поучительности. С богатой мантии художника могут между прочими самоцветами спадать и алмазы поучений, в назидание желающим поднимать их; но превращать такие явления в цель искусства — то же, что утверждать, будто целью «Илиады» было научить греков энергически ругаться с противником. Психолог, политик, юноша, вступающий в жизнь, молодая девушка, актер и т.д. могут действительно найти в «Гамлете» драгоценные поучения, но не можем согласиться, что драма ставила их конечной целью.

Когда прирожденный художник в силу известных соображений и решается насиловать природу своего дела, начиная его не с созерцания, а с головной мысли, то зрелище выходит истинно поучительное. Личная головная мысль, способная произвести лишь мертворожденное, так

* *Будда Шакьямуни (563 г. до н.э. — 483 г. до н.э.)* — легендарный основатель буддизма.

и остается в одном заглавии, а сила творчества, овладев художником, ведет его своим путем, которым наглядно опровергается мысль заглавия. В этом случае мы не знаем более разительного примера, чем прекрасный рассказ графа Льва Толстого «Чем люди живы». Целых 8 цитат из посланий Иоанна указывают на любовь к ближнему, которой сам рассказ должен служить иллюстрацией. Всматриваясь в два самостоятельных факта, преднамеренно сближенных автором, мы видим, с одной стороны, что вся заслуга и значение поучений Иоанна в том, что, указывая людям на врожденное и общее у них со всей органической природой чувство любви, они напоминают им, что в будничной жизни люди слишком дозволяют гнетущим их обстоятельствам и собственным похотям заглушать это высокое чувство. Так что любовь к ближнему, как редкое исключение, как бы вовсе не существует между людьми. Зная, что вся природа, в том числе и человеческая, в силу вечных законов, живет чувством самосохранения особи, Иоанн рекомендует этой особи таящуюся в ней самой, высшую по значению, но нижайшую по мощи, силу братской любви, т.е. способность расширять свое я, свой эгоизм, как это явно в курице, идущей на бой с коршуном из-за цыплят. Этой рекомендацией Иоанн желает возвысить, но не изменить человеческую жизнь. Невзирая на свой платонизм, он не в силах закрыть глаз на ход человеческой жизни, — и знает, что последняя совершенно противоположна его высокому идеалу, осуществляемому лишь отрывочными, минутными проявлениями. Повторяю, в таком понимании и стремлении все значение проповеди апостола. С другой стороны мы видим художественный рассказ, вполне независимый от проповеди Иоанна, но, тем не менее, способный, рядом со всяким живым организмом, стать орудием не только поучения, но и целого ряда поучений. Читатель, привыкший наслаждаться художеством автора, и здесь отдался бы этому чувству, если бы его не смущали диссонансы, внесенные на этот раз преднамеренностью. Граф Толстой далеко не из людей, не владеющих словом. Всегда адекватное мысли, оно лишает нас возможности понимать его неточно. Поэтому, мы вынуждены, наравне со всеми, понимать заглавие «Чем люди живы» в смысле: вот основа и способ жизни людской. Или: если люди живы, то обязаны своим существованием попечению о них собратий. Предположим, что автор своим рассказом несомненно утвердил такое положение. В таком случае его рассказ являлся бы прямым опровержением апостола, на которого он ссылается. Если люди действительно искони живы (сущность человека неизменна) братской любовью, то слова Иоанна являются излишней

рекомендацией вечно существующего. Кто серьезно станет учить людей дышать воздухом и враждовать? Уж если задаваться рассказом в подтверждение слов апостола, то надо выводить примеры тщетности таких поучений, чтобы сохранить за ними честь значительности.

Наслаждаясь произведениями графа Толстого, мы до сих пор ни разу не задавались розысками поучений. На этот раз автор сам побуждает нас к тому своим примером. Каково же по рассказу выходит это поучение? Воспользовавшись легендой, автор сообщает нам, что архангел Михаил, свергнутый Богом с неба за непослушание, спасен от замерзания бедным сапожником, у которого, выучившись в три дня ремеслу, он довел его до совершенства, доставившего хозяину известность и барыш.

Ангел предузнает смерть требовательного заказчика и, увидав женщину, выкормившую своим молоком, кроме собственного ребенка, двух сирот, получает прощение и возносится на небо. На земле он узнал три слова Господних: что есть в людях, чего не дано людям и чем люди живы? Непослушание ангела состояло в том, что он не вынул душу из больной, родившей двойню, но на земле он узнал, что у людей есть любовь, что люди не знают будущего, и что люди живы любовью к ним ближнего. Повторяем, если бы перед нами был чистый миф, то мы не стали бы искать в нем будничного здравого смысла. Но видя перед собой проповедь в рассказе, мы не можем не спросить: каким образом архангел, согрешивший неповиновением из-за любви матери к новорожденным, принужден был узнавать чувство любви на земле, как нечто ему совершенно незнакомое? Из легенды не видно, для кого важна истина незнания человеком будущего. Очевидно, не для людей, которые давным-давно поняли, что не только не знают будущего, но что им вообще не дано ни в чем истинного познания. Ясно, что ангел сходил на землю за этой истиной для себя; хотя странно, как он, зная о меньшем совершенстве людей, не догадался о деле по собственному незнанию будущего. Зная будущее, он не подпал бы под наказание. Но целью рассказа оказывается третья истина, послужившая заглавием: чем люди живы? Если бы в этой фразе были слова: иногда остаются, то и сам рассказ утратил бы свою тенденциозность, а слова апостола остались бы неприкосновенными. Между тем, оказывается, что работник Михаил «работает без разгиба, ест мало» — «и прошла слава, что никто так чисто и крепко сапог не сошьет, как Семенов работник, Михайла. И стали из округи к Семену за сапогами ездить, и стал у Семена достаток прибавляться». Стало быть, и Семен, и случайно спасенный его любовью Михайла стали живы, по-

добно всем людям, трудом и трезвостью. Что любовью не проживешь, знает по опыту Матрена, у которой муж из любви к вину пропил холсты, и потому на здравый вопрос ее: «Мы-то даем, да что ж нам никто не дает?» — «не знал Семен, что сказать». Женщина, выкормившая грудью троих, сама объясняет возможность такого дела: «Молода была, сильна была, да и пища хорошая. И молока столько Бог дал в грудях было, что зальются бывало». Следовательно, и женщина сама, а при ее посредстве и сироты живы остались, если не прямо трудом, то накопленным чужим трудом, — капиталом. Таким образом, головная сентенция осталась сентенцией, а художественная правда не только не дозволила автору оправдывать сентенцию рассказом, но и привела его к очевидному утверждению противоположного. Поневоле вспомнишь мудрый совет Козьмы Пруткова: «Когда в зоологическом саду на клетке носорога прочтешь надпись: буйвол, — не верь глазам своим».

Прослеживая шаг за шагом значительное по объему и громадное по содержанию произведение Гете, мы убеждаемся, что оно менее всего модное платье на вешалке предвзятого понятия в окне магазина поэзии. Гете не сочинял «Фауста» по правилам пиитики, а так сказать, наткнулся на готовый факт народной легенды и только при свете поэзии развил зачатки, лежавшие в легенде непосредственно.

Еще с двенадцатого века появилось множество людей, обманывавших толпу мнимым волшебством, которое объяснялось общением с дьяволом. Уже в XV столетии должен был существовать такой прославленный волшебник, принявший имя Фауста (Faustus — счастливый) так как в начале XVI века подобный площадной обманщик писался: Magister Georgius Sabellius — Фауст младший, второй маг, второй по предсказаниям по руке, по воздуху, по огню и по воде. Но главным носителем народного сказания является Иоанн Фауст (Фуст?) из Книтлингена (Кудлинга), земляк и знакомый Меланхтона, при котором около 1530 года проживал он некоторое время в Виттенберге. В 1525 году он выехал верхом на бочке из Ауербахова погреба в Лейпциге, как о том свидетельствуют там позднейшие картины и стихи. В сочинении виттенбергских теологов 1585 года много рассказано историй о Фаусте, мучительно умерщвленном дьяволом, после тщетной попытки волшебника обратиться снова к Богу. Два года спустя появилась во Франкфурте древнейшая книга о Фаусте: «Historia о Д. Иоанне Фаусте». Здесь уже указано на высокомерное стремление «к исследованию всех оснований на небе и на земле», как на причину, ввергнувшую Фауста в сети дьявола. Старейшая

форма соблазнителя (одного из служителей сатаны) Мефистофель, от греческого «не любящий света», хотя само имя Мефистофель, подобно другим именам злых и добрых духов, происхождения ассирийского, откуда через посредство еврейской каббалы проникло в Европу. Мефистофелю Фауст за 24 года земных услуг записывает свою душу. На 23-м году договора Фауст требует у Мефистофеля греческую Елену, как сам он в Светлое Воскресенье показывал ее виттенбергским студентам. В начале последнего года он назначает своим наследником своего Фамулуса (помощника) — Христофа Вагнера (знаменитого в свою очередь волшебника), которому после своей смерти обещает прислать особенного духа Ауерхана (глухаря) в виде обезьяны.

В 1588 году в Тюбингене появилась в стихах история Фауста; а прозаическое ее распространение в 1591 и 1592 годах переведено на простонародный немецкий, датский, английский и французский языки — еще до исхода XVI века. По одним источникам время жизни Фауста относится к эпохе Карла V и Лютера, а по другим — Максимилиана I, перед которым он вызывает тень Александра Великого, с помощью Соломонова ключа (clavicula Salomonis)*. Уже в XVI столетии являются в Германии английские комедианты, игравшие на немецком языке. Таким образом «Doctor Faustus» Марло, вероятно, очень рано стал известен в Германии.

В 1626 году, 6 июля, англичане давали в Дрездене «Трагедию Д-ра Фауста». Склоняющийся попеременно к духам света и мрака Фауст у Марло близок к спасенью, но греховная связь с вызванной Мефистофелем призрачной Еленой окончательно губит Фауста. На творении Марло основана, вероятно, народная кукольная комедия, с которой Гёте с ранних лет мог познакомиться на Франкфуртской ярмарке. В кукольной комедии, кроме соблазнительного образа Елены, находится и полет на плаще в Константинополь, и таким образом, зародыш классической Вальпургиевой ночи и всех греческих сцен. Здесь же в минуты высочайших страданий Фауст ищет заступничества Святой Девы. Из истории возникновения гетевского «Фауста» видно, что поэт вынашивал идею трагедии с 1772 года по самую смерть свою в 1832 году, следовательно, в течение 60 лет.

Не у Гете, а у всех веков надо спрашивать, почему их постоянно пленяла безграничная гордыня непрестанных поисков и неизменной верности нравственным требованиям духа, до полного забвения личных интересов?

---

* В приписываемой доктору Иоанну Фаусту волшебной книге (Zauberbuch) Мефистофель изображен на картине в виде черной собаки (примечание А. Фета).

Почему художественные образы таких людей, теряя под ногами местную и временную почву, становились выражением целого культурно-исторического типа? Так Иов является подобным типом восточного человека, Прометей — эллина и, наконец, Фауст — германца и вообще нового человека. Продолжая вопросы, мы могли бы спросить, почему во всех случаях человеческое сознание, насколько это допускали религиозные представления, приписывало, при драматическом раздвоении духа, терзания, испытываемые мужем желаний, враждебным, злым силам, — и удовлетворялось только окончательным возвращением такого борца к блаженству духовного равновесия? Только непреложные законы искусства способны отвечать на такие вопросы. Изображать неуловимые и разноречивые колебания человеческого духа едва ли удобно, в особенности в драме, которая, оставаясь верной наглядной действительности, была бы вынуждена совместить поэта Ленского и Мельмота-Онегина в одном лице. Сродство положения Иова с Фаустом не требует доказательств, так как на него указывает пролог первой части. Что же касается до Прометея, то и тут мучителем является не человек и не бог, а, за отсутствием духов зла, животный элемент в виде орла. И здесь дело не кончается простым терзанием богоборца. Миф был бы не закончен. Чувство высшей справедливости оставалось бы неудовлетворенным, и у Эсхила Геркулес освобождает Прометея, который становится сотрапезником олимпийцев. Возвращаемся к Фаусту. Легенда наивно представляет ученого волшебника, которому черт помогает, перенося его на коврах-самолетах, за какие услуги волшебник продал черту душу. Гете, слишком хорошо знавший и средства, и границы науки, не мог так наивно отнестись к преданию. Но при этом он ничего не выдумывал, а лишь ясно понял, что ученый и духовно ненасытный Фауст не стал бы никому, а тем более черту, продавать душу из-за детского желания покататься на ковре-самолете, или удовольствия изумлять чернь необыкновенными штуками. Фауст, убедившись в бессилии науки отвечать на капитальнейшие вопросы бытия, обращается от самих предметов познания к первоначальным силам природы, к стихийным силам, — и только узнав, что беседа с глазу на глаз с ними ему не под силу, с отчаяния, как бы махнув рукой на свое прошлое, вступает в союз с Мефистофелем, в той же надежде узнать истину. Испытав тщету усилий добраться до нее путем размышлений и науки, в которую так наивно верует ограниченный Вагнер, Фауст готов покончить с жизнью, потерявшей для него всякий смысл. Но непосредственный свет красоты, живой в душе всякого нормального человека, удерживает его, и затем разговор с Мефистофелем наводит его

на иной путь. Ну, как истина-то скрывается в самой жизни, которую он до старости прозевал над книгами и ретортами? Почему бы с его светлым и отважным духом не поискать истины там? Но для такой школы нужна юность, и вот, при помощи Мефистофеля, он отправляется в кухню ведьмы. Оставаясь верным идее Фауста, Гете вынужден был, вопреки пословице «Si jeunesse savait, si viellesse pouvait*» — сочетать в Фаусте молодость с прежней ученостью и мудростью. Новость положения дозволяет Фаусту полагать, что его поиски принесут не те горькие плоды, какими жизнь питает заурядных людей. Между тем, жить и для Фауста, как для всей вселенной, значит: теснить другую жизнь. И вот, вопреки высоким рассуждениям о чистоте Гретхен, он не только губит безгранично преданную ему девушку, но доводит ее до детоубийства, сделав сперва орудием смерти брата и матери. В сцене темницы драма достигает вершины. Инстинктивный ужас смерти носится над обезумевшей Гретхен. Фауст протягивает ей руку внешнего, будничного спасения; но воля к жизни окончательно сокрушена в несчастной жертве чужой воли. Она прямо говорит:

Отсюда на вечный покой
И дальше ни шагу… —

как бы подтверждая смысл тютчевского:

Могу дышать, но жить уж не могу.

Она чувствует, что, даже избежав земного правосудия, она не избежала бы общественного и собственного суда.

Но великий художник не останавливается и на этом ярком озарении сокровеннейшей тайны жизни, когда представитель и истолкователь будничной цели причинности Мефистофель вполне логично восклицает: «Ей нет спасенья!» Голос свыше произносит свой суд: спасена, и этим словом единовременно вносит то чувство высшей справедливости, на которое мы указали в Иове и Прометее, и намекает на духовный путь искупления страданием и покаянием, на который указала христианская эра, в качестве нового слова. Призывом Мефистофеля «За мной!» кончается личная драма Фауста. Ни в науке, ни в магии, ни в будничной жизни не нашел он искомого удовлетворения. Обманутый, он не мог сказать мгновению: «Остановись!», и таким образом обманул до некоторой сте-

* Если бы молодость знала, а старость могла (*фр.*).

пени надежды Мефистофеля. Зритель не вправе требовать большего. Искусство, обращаясь к известной озаренной стороне предмета, не может в тот же момент смотреть на него с разных сторон. Глядя на Аполлона ящероубийцу*, никому в голову не приходит спросить, почему художник не представил его в то же время и на колеснице, и у овечьего стада?

Тем не менее, при размышлении над всечеловеческим типом Фауста, мы невольно задаемся вопросом: как же такой пытливый дух в своих поисках мог остановиться на тщете буржуазных отношений к прекрасному полу?

Неужели человеческая деятельность клином сошлась в этом единственном направлении, на исключительном поле малого света? Недаром в первой части Мефистофель говорит:

Посмотрим малый свет, посмотрим и большой.

Сама легенда указывает на посещение Фаустом императорского двора Максимилиана. Но такое посещение лишило бы первую часть художественной одноцентренности. Тем не менее, ширина самого типа, представшего художнику и разлившегося на все человечество, настоятельно требовала воспроизведения не внешних, исторических событий, а тех наисущественнейших нравственных, которыми обозначился ход общечеловеческого развития, насколько такое воспроизведение возможно в лице представшего типа. Невозможное для всякого другого является возможным для колоссального Гете. Нечего спорить о возможности, когда 2-я часть перед нами.

Но препятствия, превосходящие силу даже людей исключительных, не изменяют своей природы, и победа над ними не проходит даром. Мы справедливо изумляемся пловцу через Ламанш или 50-дневному постнику, но не удивляемся и известной болезненности, вытекающей из их подвигов. Победа Гете над своей мировой задачей не обошлась без изъянов в самом творении. Если, в силу драматических условий, Гете в 1-й части расколол своего героя на Фауста и Мефистофеля, введя Вагнера, крестьян, студентов, ведьм, Гретхен и т.д. и намекнув в Вальпургиевой ночи на большой свет, то, пускаясь в поиски по всей истории человеческого развития, он вынужден был наводнить сцену не только группами живых или мифических лиц, но даже аллегориями человеческих и природных сил. Ясно,

* «Аполлон, убивающий ящерицу» — выставленная в Лувре мраморная фигура нагого юноши рядом с деревом, по которому ползет ящерица (первые столетия Римской империи с утраченного бронзового оригинала).

что по мере наплыва разнородных личностей, фигура самого Фауста отодвигается на 2-й план, хотя нигде не изменяет своему основному типу.

Если никакими словами и невозможно заменить художественного произведения, то, прежде всего, необходимо понять его, и потому обращаемся к материальному содержанию 2-й части «Фауста».

Тяжкое сознание собственной вины не могло окончательно подавить всевопрошающего духа Фауста.

Возрождающая красота весны в лице Ариэля пробуждает в Фаусте энергию. Согласно легенде, он вступает в высший круг при дворе императора Максимилиана I*, при особе которого Мефистофель ловко занимает место шута. Здесь Фауст лицом к лицу встречается с величайшим политическим разладом, доходящим до полного разложения государства, вследствие крайней ограниченности эгоистических стремлений правительственных лиц и склонности молодого монарха к пышности и развлечениям. Бесконечно добрый император не прочь от благодетельных, по его мнению, реформ, которые, не захватывая, однако, сущности вещей, ограничиваются формальными перетасовками, передающими дело в те же самые неспособные руки. Не будучи в силах понять причины зла в его корне, правители, тем не менее, ясно понимают его наглядность, выражающуюся отсутствием денег. Ехидный Мефистофель видит удобный случай к злобной штуке. Зная, что обилие денег служит только внешним выражением соответствия продуктивности страны с ее же потребностями и затратами, он, вместо того, чтобы указать на способ восстановления нарушенного равновесия, указывает на минутную пальятиву** в виде внутреннего займа, — в форме ассигнаций. Он хорошо знает, что всякий новый долг только ухудшает, а не улучшает дело. Таким образом, Фауст имеет случай наглядно убедиться в невозможности со стороны одного частного лица достигнуть в области политики народного блага. Та же основная истина выражается и маскарадною шуткою, в которой император, в образе великого Пана, увлекаемый нимфами и фавнами в беззаботную веселость, присутствует при волшебном наделении Фаустом, в костюме Плутоса, всех эфемерным богатством, причем также призрачно от вскипевшего золота погибает весь маскарад, представляющий целое государство. Но так как волшебнику Фаусту до-

* *Максимилиан I (1459–1519)* — король Германии с 1486 г., император Священной Римской империи с 1508 г., реформатор государственных систем Германии и Австрии.

** *Пальятив (лат.)* — временная помощь, срочная, но не исцеляющая помощь.

статочно было аллегорически указать на горестные последствия беззаветных забав, то он магически восстанавливает все сгоревшее. Легенда говорит, что пресыщенный удовольствиями император требовал от Фауста, чтобы тот в Инсбрук вызвал ему тень Александра Великого и его супруги. Но не только Гете, но и предшественник Шекспира — Марло, в своей драме «Фауст», заменил Александра Македонского — Еленой и Парисом. На народном кукольном театре Фауст тоже обнимает чертовскую Елену, которая в его объятиях превращается в отвратительную змею. Когда Фауст за разрешением такой трудной задачи обращается к Мефистофелю, то последний, состоя в качестве духа отрицания в оппозиции к истинно прекрасным, вынуждает признаться в своем бессилии над героическими образами. Чтобы вызвать их на свет, Фауст должен сам низойти к матерям, чем намекается, что прирожденную идею прекрасного человек может отыскать только в глубине собственного духа. В присутствии императора и всего двора Фауст в одежде жреца «искусства» возникает из-под земли с магическим треножником, выведенным из царства матерей — (идей). Вызвав призрак Елены, он, до забвения роли жреца, увлекается ее идеальной красотою и, в ревности бросившись на Париса, касается его своим волшебным ключом. Но так как невозможно под влиянием личной страсти удержать образа, вызванного объективным художественным вдохновением, то за насилием волшебного ключа следует страшный взрыв. Елена и Парис исчезают, и Мефистофель с насмешкою уносит оглушенного и собою не владеющего жреца Фауста. Во втором акте влюбленный Фауст вынужден проникнуть сам в идеальный мир греческого искусства, чтобы овладеть действительною тенью Елены, которой в первом акте он видел лишь призрак.

Неудержимое стремление Фауста к идеальной красоте, выражает Гомункул, освещающий своим интеллигентным фонарем дорогу в классическую Вальпургиеву ночь. Хотя тупоумный Вагнер и воображает, что в своей лаборатории изготовил химическим путем разумного человечка, но оказывается, что, так сказать, отвлеченно разумный человек, жаждущий окончательно произойти в человека, засажен в реторту тем же Мефистофелем, как новое олицетворение художественного стремления Фауста.

Если для ширины картины Гете был вынужден в первой части, независимо от характеристического сборища колдунов на Брокене, привести в Вальпургиевой ночи силуэты многоразличных гражданских и художественных деятелей, то классическая Вальпургиева ночь является во второй части уже не только роскошной прихотью художника, но неизбеж-

ным требованием самой трагедии, как со стороны наглядного уяснения постепенности развития античного культа, так и в видах приобретения фактической почвы для драматического сближения искательного Фауста с идеальною Еленою. Отсутствие злых духов в античном мире представляло громадные затруднения для воспроизведения классического подобия средневекового Брокена, но и тут глубокое знакомство с древним миром выручило великого художника. Мы видим, что Фауст, в Вальпургиевой ночи, проходит между образами греческого искусства, начиная с самых грубых до самых окончательно прекрасных, но, не находя нигде Елены. Он при помощи Персефоны вынужден сам искать ее в подземном мире. Гнусному Мефистофелю приходится держаться среди греческих мифов наиболее звероподобных и безобразных, так что под конец он принимает вид гнуснейших из форкиад. Следя в своей картине за развитием грубых зачатков искусства в высшие формы, Гете не мог удержаться от сближения такого постепенного возрастания с учением нептунизма, причем не щадил вулканизма стрелами своей сатиры.

В третьем акте является действительный союз Фауста с Еленой. Персефона дозволила Фаусту вызвать Елену, но, по-видимому, строго обозначила положение, в котором она должна снова появиться на свет, т.е. по возвращении из Трои, в собственном дворце в Спарте, откуда только угрозы Мефистофеля-форкиады по поводу намерения мстительного Менелая принести виновную Елену в жертву богам склоняют последнюю искать, при помощи того же Мефистофеля, убежища в средневековом неприступном замке Фауста, обладающего многочисленным войском и храбрыми предводителями. Такая концепция дает Гете полную возможность с первой строки третьего акта ввести нас в самобытный по своему внутреннему и внешнему строю мир античной драмы. Размеры античного драматического стиха, расположение хоров, со строфами, антистрофами и эподами вполне переносят нас в трагедию Софокла. Мы в Древней Греции, которую, по-видимому, только случайное историческое потрясение могло заставить незаметно перейти в жизнь и дух новых народов без утраты своей типической красоты. Такое потрясение воспроизведено в нашей драме в образе роковых угроз Мефистофел-форкиады, а самый переход художественной формы из античной в средневековую наглядно и прелестно воплощен в сцене, в которой Фауст учит Елену говорить рифмами.

Плодом сближения средневекового Фауста с классической Еленой является Эвфорион, коего имя Гете заимствовал из позднейшего греческого сказания о крылатом сыне Ахиллеса и Елены. Верный необузданной

стремительности пытливого отца, мальчик, срываясь с колен матери, подымается все выше и выше по скалам и наконец, считая себя крылатым, падает мертвый к ногам родителей. Вот что об этой сцене говорит Дюнцер: «Эта первоначально не предполагавшаяся вставка смерти Эвфориона может быть объяснена только делающим честь поэту, но здесь неуместно осуществленным намерением почтить память могучего саморазрушительного поэтического стремления Байрона». Не входя в исторический разбор повода появления этой сцены, мы не можем согласиться с Дюнцером насчет ее неуместности. Байрон действительно является не только вершиной, возрожденной под влиянием греков европейской поэзии, но и родоначальником того разнузданного романтизма, которого образцом может служить Гюго. Мы не говорим уже о беззаветном духе свободы, самовластно попирающем и нравы, и закон, в чем Гете не преминул, среди похвал, упрекнуть Байрона; но нельзя не признать, что сама беззаветность форм и приемов байронизма, заключая в себе, между прочим, и протест против вековечных законов греческого искусства, равняется самоубийству поэзии в припадке безграничного стремления. Дальнейший исторический ход поэзии подтверждает истину пророческой аллегории. На новейшем поэтическом горизонте только те звезды сверкают чистой поэзией, которые ближе к Елене, чем к романтическому Эвфориону. Но и этого мало. Когда мы оглянемся на весь ход развития основной идеи трагедии, то придем к убеждению в художественной необходимости заключения третьего акта смертью Эвфориона и исчезновением самой Елены.

Человечество в типе Фауста, не удовлетворившись в области политики, ищет удовлетворения в области свободного искусства. Для наглядного изображения такого поиска Фауст появляется в образе жреца искусства. Но мы не должны забывать, что такое появление — только исторический момент. Сам Фауст, покоренный основе типа, не муж науки, политики или искусства, а муж желаний, попеременно ищущих удовлетворения то в той, то в другой сфере. Все человечество в совокупности лишь тот же муж желаний. Заставить Фауста удовлетвориться областью прекрасного значило бы не только окончить трагедию третьим актом, но и возвести на человечество нелепую клевету, будто бы оно в одном искусстве находит окончательное удовлетворение всех стремлений. Между тем в конце третьего акта мы узнаем, что видимые эмблемы поэзии, плащ и лира, служат для художников, бессильных подняться на высоту байроновской гениальности, только поводом к зависти и цеховому раздору.

Такое грустное извращение возвышенного в низкое, конечно, не может удовлетворить человечества. Фауст пускается в новые поиски.

В начале четвертого акта мы видим Фауста, перенесенным облаком на уступ скалы, причем облако, отделяясь от него, уносится в виду колоссальных изваяний, напоминающих высокие идеалы искусства и чистой любви, двух сил, столь мощно захвативших и очистивших все его существо со времени его сближения с Мефистофелем. Фауст появляется до того исцеленным от страстных увлечений, что ищет счастья лишь в разумном развитии силы и целесообразной деятельности. Свое нерасположение ко всякому насильственному развитию он тотчас же высказывает перед собеседниками отвращением к учению вулканистов. Мефистофель, не имеющий о действительном стремлении Фауста никакого понятия, все надеется, по своей ограниченной односторонности, увлечь его в область низменных похотей и выиграть заклад. Своими предположениями об идеалах Фауста он высказывает свою неспособность понять его. Между тем, Фауст пришел к убеждению, что на земле достаточно места для великих дел, к совершению которых он чувствует в себе силу. Борьба с морем, коего необузданности он желает положить преграду, далеко ворвавшись в его область, возбуждает в нем отвагу. Дикие стихии, бессмысленно разрушающие плоды человеческих усилий, составляя прямую противоположность с обдуманною преднамеренностью окрепшего духом Фауста, вызывают его на открытый бой. Мефистофель, не обязанный понимать стремлений Фауста, должен, по договору, только быть его слугой, рабом. И вот он указывает на кратчайший путь к цели при благоприятных обстоятельствах. Оказывается, что в данную минуту император, обогащенный в первом акте призрачными ассигнациями, идет войной на анти-императора. Если Фауст с Мефистофелем силою чар помогут победе императора, то Фауст получит желанное прибрежье. Фауст, при всем отвращении к войне, соглашается, частью из сожаления к императору, частью в ожидании прибрежья. Тщетно Мефистофель возбуждает в нем воинственное тщеславие, предлагая ему военачальство. При помощи чар анти-император разбит, и единодержавие восстановлено. Император сознает необходимость заняться устройством порядка, но здесь-то именно ярко выступает коренное различие между всецелым беззаветным стремлением Фауста ко благу и головным к нему стремлением императора. Первый ошибается и тотчас же оставляет предмет минутного удовлетворения для новых поисков блага, а второй только головой ищет блага, а всем существом (эмпирическим характером) льнет

к удовольствиям. При громких фразах о реформах, он сводит их на передачу придворных и государственных должностей тому же неспособному кружку, который уже привел государство на край гибели. Этого мало. Расширением феодальных прав этого кружка добрый император окончательно обессиливает монархический принцип, из-за которого только что сражался. Вновь подкупленный дорогим его душе блеском, он уже забыл, что все его придворные, начиная с главнокомандующего, бежали в минуту опасности, и что спасением он обязан не им и не себе, а случайному вмешательству волшебства.

Пятый акт представляет нам Фауста, достигнувшим грандиозной цели: победы над стихией. Трудом и искусством он вырвал громадную полосу земли у бесплодного моря; победил не преходящего, как сам он, человека, а вечную стихию. Совершенной противоположностью титаническому его стремлению является идиллически-добродушная пара под именами Филемона и Бавкиды. Поставивши на этот раз своей целью чувство власти и собственности, Фауст естественно чувствует себя стесненным присутствием близ центра своего владычества, хотя и прекрасного, но вполне чуждого элемента. В оправдание такого чувства, он старается уверить себя, что возвышение, на котором стоит хижина стариков, окруженная вековыми липами, необходимо ему для обзора владений. Великодушный, но страстный, он не хочет понять, что насильственный обмен, независимо от стоимости вещей, составляет сам по себе нарушение чужого права. Мефистофель, и тут подстрекающий его на нечистое дело, под конец цинически доносит ему о насильственной смерти стариков и защищавшего их гостя. Фауст, снова достигнув цели, проклинает и грубое насилие исполнителей, и деятельность, в которой благо одних неразрывно со злом для других. В минуту раскаяния он задается высшей и благороднейшей на земле целью: увеличения благосостояния людей без нарушения чьих-либо личных прав. Желая посредством канализации оздоровить громадное зараженное пространство, он мечтает о тех счастливых тружениках, которым из поколения в поколение доставит средства существования. Конечно, такой громадный труд связан с заботою. Олицетворенная забота лишает престарелого Фауста зрения. Но он, и ослепнув, блаженствует, предвкушая создаваемое им благо. Духовными очами предвидит он минуту, когда может сказать мгновенью: «Остановись! Прекрасно ты». На этой мечте застигает его смерть, и Мефистофель уже воображает свое двойное торжество. Он до конца служил прихотям Фауста, и смерть застигла Фауста на слове: остано-

вись! Радостно скликает Мефистофель разнокалиберных чертей хватать душу Фауста, когда она порхнет из тела. Он не понимает, что ему, Мефистофелю, ни разу не удалось свести Фауста «до низменных кругов», и что хвастливые слова его перед Господом: «Он пыли всласть же насосется» не оправдались. От разгула Фауст отвернулся в ауербаховом погребе, у Гретхен увлекся духовной прелестью гармонической души, а политика, искусство, война, власть и деятельность на благо человечества и подавно составляют предметы духовных, а не плотских вожделений. В минуту кончины Фауста хитрец Мефистофель не догадывается, что ему придется устыдиться перед лицом Господним. Фауст, подобно Иову и Прометею, вышел чистым из искушений.

Нравственное чувство и простой смысл драмы требовал конца. Этим концом является мистическая апофеоза, в которой перед зрителями исполняется обещанный вывод высокого, хотя и заблудшего духа, окончательно на свет блестящий.

Художественный образ Фауста не потому только велик, что является носителем всех высоких человеческих стремлений, а главное потому, что запросы человеческого духа, в высшей его потенции, не вмещаются без остатка ни в какие земные задачи. Причина этого очевидна. Человек, прежде всего, лицо. А всякая деятельность, по мере своего совершенства, стремится к принижению, уничтожению личности. Совершенство простого рабочего и величайшего художника или полководца растет обратно пропорционально его самоличности. Чем менее он личен, тем совершеннее как специалист. Есть Венера Милосская, Гамлет, Ватерлоо; ни скульптора, ни Шекспира, ни Веллингтона тут нет, а есть творцы, повернувшиеся одной стороной к делу. Вот причина, почему вслед за достигнутой целью личность требует своих прав и чувствует себя неудовлетворенной. Смерть, застигнувшая Фауста на мечте о благе, независимо от чужих страданий, как бы указала, что такая задача на земле возможна лишь как стремление. Можно справедливо изумляться целесообразности частей хитро придуманного механизма, но такую целесообразность в живом организме, где она составляет сущность явления, можно только изучать. Гете не мог, не изменяя с одной стороны средним векам, а с другой условиям драмы, зачеркнуть чертей, представителей плотских стремлений. На том же основании не мог он отклонить целого ряда возносящихся духом аскетов и ангелов, представителей высших стремлений. Если мир Мефистофеля являлся миром отрицания, то мир святых является миром положения. По концепции целого, это естествен-

но и просто. Но когда подумаем о художественных силах, необходимых для осуществления такой задачи, то всякое изумление и восторг немеют. Вспомним, что большинство гениальных творцов уклончиво обходили такую задачу даже по отношению к апофеозе земной любви.

Что же сказать о воспроизведении любви всеобъемлющей? Никто, кроме Гете, не осмелился бы подступиться к подобной задаче. И что же? Проникнувшись идеей всепримиряющего чувства любви, этого обратного конца всепожирающей воли, — любви, так сказать, утопающей в самоотречении, Гете, вместо того, чтобы удовольствоваться слабыми намеками на процесс духовного вознесения за женственно нежным, как бы сосредоточивает все лучи своего гения на этом моменте, давая возможность зрителю, так сказать, присутствовать при органической постепенности вечного прогресса. В хоре возносящихся грешниц появляется Гретхен.

С нашей точки зрения, мы в каждом художественном произведении видим индивидуальное проявление живой идеи. Художественный тип, таким образом, являясь личным, остается общим. Хлестаков, являясь знакомым нам Иваном Александровичем, остался представителем легионов. Если это относится до всех произведений искусства, то в «Фаусте» такая двойственность, кидаясь в глаза, составляет основное условие произведения.

В первой части искатель живой истины, не нашедший ее в науке и магии, потребовал ее от самой будничной жизни. Перед лицом невинной Гретхен он впервые почувствовал жар любовного умиления. Чистота и беспредельная любовь Гретхен пробудила нежнейшие струны человеческой души. Чувство к Гретхен было кульминационным пунктом личного Фауста. Гретхен на время спасла его от него самого, от его бесплодных поисков. Личный Фауст хоть на минуту познал женственно нежное и упал к ногам его. Конечно, слово женственный не должно здесь быть понимаемо в его ограниченном значении одного пола человеческого рода. Женственное стоит тут в смысле pulchritudo, красота, которая недаром женского рода. Привлекательная женственность красоты представляет вечный, сознательный или бессознательный мотив всякого творчества; в природе в виде весны, в животном и свободном искусстве в виде красоты. Надо преднамеренно закрыть глаза на окружающее, чтобы не видеть этого вечного Фауста. Нельзя не признать совершенной последовательности в женщинах, желающих всецело стать на почву мужского творчества (сущности мужчины) и восстающих в то же время на атрибуты женской красоты (женственной сущности). Равным образом Антиной уже не мужчина. Мы видели, так сказать, стихийную причину гибели Гретхен и нравствен-

ную причину ее спасения. Личный Фауст остался мужем желания. Но повторяем: куда девалась бы общечеловеческая драма, которую Гете прозрел в народном предании? Где выведение на свет, обещанное Господом?

Для личности самое дорогое — личность. А мы видели, что на всех жизненных путях: желать, искать, стремиться — значит ущерблять личность. Одно мистически-религиозное чувство представляет исключение. Только на этом пути всецелая личность отдается всецелому стремлению.

Вот причина его постоянного верховенства в развитии человеческого духа; вот причина завершения «Фауста» средневековой мистерией. Как в первой части Гретхен вызывает лучшую часть личного Фауста, так она, как представительница женственно-нежного, возносит за собой бессмертное человечество. Драма окончена. Фауст из мрака выведен на свет блестящий.

Мы успели указать на «Фауста» с нашей точки зрения, но уверены, что, как живой организм, он может служить поводом и источником всевозможных соображений и даже учений. Прибавим только, что углубленный во второй части в созерцание всеобъемлющего Фауста, Гете, хотя всюду и удержал личность своего героя, но нередко вынужден был условиями задачи отодвигать его на второй план, выдвигая на авансцену не саму историю человечества, а историю развития его духа. Он не мог, как в первой части, оставаться верным действительным событиям, а вынужден был, опираясь на действительные, но духовные события, находить для их воплощения очевидные события, хронологическое течение которых становилось уже на задний план. Теснимый ужасающей массой фактов, он вынужден был прибегать даже к воплощенным аллегориям, выводя, таким образом, сценическое действие из условий времени и места. Избежать этого было невозможно. Но такое насилие драматических условий не обошлось даром самому Гете. Он слишком хорошо понимал, что, желая быть кратким, т.е. выкидывая сцены, служащие лишь связью целого, он стал бы совершенно непонятным. И вот во избежание горацианского:

Brevis esse laboro
Obscurus fio*, —

он впадает в ту скучноватость, в которой та же «Ars Poetica»** упрекает Гомера:

---

* Стремясь быть кратким, делаюсь темным *(лат.)*.

** «Искусство Поэзии» *(лат.)*.

Quandoque bonus dormitat Homerus*.

Подобно тому, как Гималайский хребет представляет крайний предел земных возвышенностей, «Фауст», и в особенности вторая его часть, выражает в искусстве крайний предел духовных поисков человечества. Желающий смотреть на жизнь с подобных высот не должен бояться холода.

Повторяем, мы не ставили себе задачей ни хвалить, ни порицать гигантского факта. Нам нужно было понимать его, чего бы мы в нем ни искали: непосредственного наслаждения прекрасным, отвлеченной или будничной мудрости, если между последними возможно различие.

Для последовательного знакомства с текстом, прилагаем в виде примечаний сущность всего, что уяснено многими специалистами. Читатель и после нашего предисловия может нуждаться в разъяснениях, которые найдет постранично обозначенными на полях примечаний. Без полного знакомства со всеми лицами и связующими сценами понимание даже отдельных выдающихся красот положительно невозможно.

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.

(«Кто желает понять поэта, должен идти в страну поэта», — говорит Гете).

Обращаясь к «Фаусту» с обычными требованиями верности идее, природе и наставительности, мы найдем, что, во-первых, ни одно произведение искусства не захватывает такой широкой идеи, как «Фауст». Если под верностью природе разуметь природу искусства, то на каждом шагу мы будем изумлены той очевидностью, с какой трагедия вводит нас из мира будничных явлений в мир самых волшебно несбыточных, перед воплощением которых затруднились бы Шехерезада и сам Гофман. Что же касается поучительности, то «Фауст» выставляет такую массу фактов и глубочайших мыслей, хотя и чуждых всякой дидактики, что поучиться есть чему, была бы охота.

Афанасий Фет

---

* Иногда и добрый наш Гомер дремлет *(лат.)*.

Фауст

Трагедия

Посвящение*

Вы вновь ко мне, воздушные виденья!
Давно знаком печальный с вами взор!
Хочу ль теперь те задержать волненья?
Иль сердцу мил безумный сон с тех пор?
Вы принеслись! Я, полон умиленья,
В туманной мгле приветствую ваш хор;
Трепещет грудь младенческими снами
От волшебства, навеянного вами.

Вы принесли веселых дней картину
И много милых ожило теней;
Подобно саге, смолкшей вполовину,
Звучат любовь и дружба прежних дней;
И больно мне; давнишнюю кручину
Несет мне жизнь со всех своих путей,
И кличет тех, которых в миг участья
И унесло, и обмануло счастье.

Им не слыхать последующих песен,
Всем тем, кому я первые певал;
Кружок приветный избранных стал тесен
И отголосок первый отзвучал.**
Кому пою, тот круг мне неизвестен,
Его привет мне сердце запугал;
А те, чей слух мою и любит лиру
Хотя в живых, рассеяны по миру.

И вновь во мне отвычное стремленье
В тот кроткий мир, к задумчивым духам;
Неясное подъемлю песнопенье
Подобное эоловым струнам;
Проснулось в строгом сердце умиленье,
Невольно слезы следуют слезам;
Все, чем владею, кажется мне лживо,
А что прошло — передо мною живо.

---

* «Посвящение» написано октавами — восьмистрочными строфами, распространенными в итальянской поэзии и впервые перенесенными Гете в немецкий язык.

** Ко времени написания «Посвящения» (24 июня 1797 г.) скончались многие из слушателей первых сцен «Фауста».

Пролог на театре

Директор, поэт, комик.

Д и р е к т о р

Вы оба мне уже не раз
В нужде и горе были братья,
Скажите, это предприятье
Успешно ли пойдет у нас?
Ведь на толпу поди-ка угоди ты,
А ведь, живя, она и жить дает.
Столбы стоят и доски поприбиты,
И праздника невольно всякий ждет.
Вот собрались, сидят, поднявши брови,
И изумленья ждут, коли не крови.
Я знаю, чем народу угождать;
Но в этот раз меня сомненья взяли.
Хоть их не водится хорошим баловать,
Но страшно много все читали.
Как быть, чтоб вышло ново и свежо,
Значительно и вместе хорошо?
Конечно, видеть рад я весь поток народа,
Как к нашей лавочке валит он так, что страсть,
И мучается там у узенького входа
В дверь милосердия попасть.
С утра уже начнется страшной давкой
У кассы, чуть забрезжит свет.
И, как в голодный год пред хлебниковой лавкой,
Готов пропасть он за билет.
Такое чудо — дело рук поэта.
Мой друг, прошу: сегодня сделай это.

П о э т

О, не кажи на пестрое движенье,
В котором дух поэта не живет,
Скрой от меня все это треволненье,
Что нас невольно мчит в водоворот.
Нет, в тихое введи уединенье,
Где радости поэт лишь обретет,
Там где любовь и дружба в благостыне
Рукой богов приводят нас к святыне.

Ах! Что лишь сердца глубина рождает,
Что с робостью лепечут лишь уста,

Что удалось и снова исчезает
Суровый свет развеет навсегда.
Нередко лишь с годами возникает
Вся образов воздушных полнота.
Блестящее на миг лишь создается,
Прекрасное в века передается.

Комик

Мы о веках здесь толковать отложим;
Потомки, я скажу, положим.
А современных тешить как?
И им ведь хочется забавы;
И в настоящем малый бравый,
Скажу я, тоже не пустяк.
Кто ловок говорить с толпой,
Тому хоть будь она еще в причудах злобней;
И нужен круг ему большой,
Чтоб потрясать его удобней.
Итак, смелей, чтоб верно в цель попасть;
Фантазии весь хор нам подавайте,
Пускайте ум и разум, чувство, страсть,
А глупости, прошу, не забывайте!

Директор

Но действию ты должен дать кипеть!
Идут смотреть, так было б, что смотреть,
Коль ты в глаза бросаешься жестоко,
Чтоб всяк сидел, разиня рот,
Ты тотчас захватил широко,
И уж привлек к себе народ.
На массы ты лишь массой повлияешь;
Всяк что-нибудь на вкус отыщет свой.
Взяв многое, ты многих оделяешь;
Тогда доволен всяк пойдет домой.
Разбей свой кус, чтоб каждый видел крошку;
Им нравится глотать подобную окрошку,
Легко играть, легко и сочинять.
Какая польза, здесь им целое давать!
Ведь публика же все расщиплет понемножку.

Поэт

Вам не понять, к чему тут ремесло ведет!
Художнику оно позор неотразимый!
А пачкотня таких господ,
Как вижу, уж у вас максимой.

Д и р е к т о р

Не ляжет твой упрек на совести моей.
Кто хочет действовать верней,
И должен выбирать орудие прямое.
Подумай ведь колоть то дерево гнилое,
Взгляни-ко, для кого писать!
Пришли: тот скуку разогнать,
Из-за стола поднялся объедало,
А ведь иной, легко сказать,
Пришел от чтения журнала.
Идут рассеянно они как в маскарады,
Полюбопытствовать из кресел и из лож;
И дамы показать себя, свои наряды,
Безденежно играют тож.
На высях что мечтать, поэт-владыко?
Наполненный театр порадует ли вас?
На покровителей взгляни-ко!
То сущий лед, то дикари подчас.
За карты сесть одни мечтают молодцы,
Тот до продажной добежать постели.
Чего ж вам, бедные глупцы,
Прекрасных муз терзать для этой цели?
Давайте больше, больше, — вам твержу одно,
От этого никак не уклоняйтесь.
Лишь с толку сбить людей старайтесь,
А угодить им мудрено.
Чем полон ты? Восторгом иль слезами?

П о э т

Ступай, ищи других рабов!
Какой поэт права свои готов,
То право человека, что дано
Природою ему, попрать ногами?
Чем властвует он над сердцами?
Чем примиряет все в одно?
Не строем ли одним, что из груди стремится,
Чтоб с цельным миром в сердце возвратиться?
Когда природа нити бесконечной
Бездушное крутит веретено,
Когда всей пестрой, скоротечной
Толпиться твари суждено,
Кто все в ряды текучие ровняет,

Где все рифмически плывет?
Кто частности в священный хор скликает,
К созвучью дивному зовет?
Кто в бурю страсть влагает роковую?
Дает задумчивость заре?
Кто милой на стезю кидает дорогую
Цветы в весенней их поре?
Кто злачными, ничтожными листами
Заслугу чтит, сплетая ей венец?
Кто на Олимпе правит и богами?
Мощь человека — лишь певец.

Комик

Так властью пользуйся своей,
Примись за творчество скорей,
Как за дела любовные берутся.
Сначала встретятся, прочувствуют, сойдутся,
Глядишь и заплелось, прикован нежный взор;
Все к счастию пошло, а вдруг наперекор,
Восторг в груди; тут жди сердечных ран,
И не оглянешься, а целый уж роман.
Обрадуй нас ты пьесою такой!
Старайся почерпать из жизни-то людской!
Все ей живут, не всем она известна,
А где ни выхвати, повсюду интересна.
Картину пеструю при слабом освещенье
И правды искорку при многом заблуждении,
Такое пиво как сварить,
По вкусу будет всем, всем можно угодить.
Весь цвет сберется молодежи,
Чтоб откровенья слово услыхать,
И в каждом нежном сердце тоже
Твое творенье будет грусть питать;
То то, то это станет пробуждаться
И станет каждый сам с собой считаться.
Они еще не прочь и плакать, и смеяться,
Им дорог и порыв, их привлекает вид.
Кто довершен, с тем трудно управляться,
Кто развивается, за все благодарит.

Поэт

Так вороти те дни мне снова,
Когда я сам в развитье был,

Когда поток живого слова
За песней песню торопил,
Когда я видел мир в тумане,
Из ранней почки чуда ждал,
Когда я все цветы срывал,
Что распускались на поляне.
Я был убог и как богат!
Алкая правды, так обману рад.
Дай тот порыв мне безусловный,
Страданий сладостные дни,
И мощь вражды, и пыл любовный,
Мою ты молодость верни!

Комик

Друг, молодость тебе нужна,
Когда в сраженье меч над головой твоею,
Когда красавиц, — не одна,
А много кинулись на шею,
Когда за бег быстрейший твой
Еще вдали венец мелькает,
Когда за пляской круговой
Всю ночь попойка ожидает.
Но с силою, с уменьем ударять
По всем струнам знакомым, неизменным
И в обаянье сладостном витать
Уж долг велит вам, господам почтенным,
И честь от вас нимало не отходит.
Не к детству старость может возвращать,
Она лишь нас вполне детьми находит.

Директор

Довольно на словах считаться,
Пора бы дело увидать;
Чем в комплиментах разливаться,
Могли б полезное создать.
Что толковать о вдохновенье этом?
Не жди, хватай его сейчас.
Коль ты считаешься поэтом,
Так дай поэзии приказ.
Наш вкус довольно обнаружен,
Напиток самый крепкий нужен,
Вари сейчас, чтоб был хорош!
Что нынче не сыскал, и завтра не найдешь;
Пропал, кто день один просрочит.

Одно возможное везде:
Хватает сильный, приурочит,
Тогда уж сам бросать не хочет
И продолжает, по нужде.
Ты знаешь сам, на наших сценах
Свое всяк тащит напоказ;
И не тужи на этот раз
Ты о машинах, переменах.
Большой и малый свет пускай ты произвольно,
На звезды тоже будь щедрей,
Воды, огня и скал довольно,
И хватит птиц у нас, зверей.
Так на подмостках дай-ко вдруг
Всего творенья полный круг,
И пробегай, насколько быстро надо,
С высот небес ты через мир до ада.

Пролог на небе

Господь, небесные силы, затем Мефистофель, три архангела.*

Рафаил

Ликует солнце как бывало,
Свой голос в хор миров неся,
Не уклонилася нимало
Его громовая стезя.
Сей вид возносит херувима,
Твоих творений без числа
Краса для всех непостижима,
И все, как в первый день, светла.

Гавриил

И с быстротою веской мочи
Земли кружится красота,
То вся покрыта мраком ночи,
То райским светом залита;

* «Пролог на небе» построен по принципу Книги Иова («Ветхий Завет»), где дьявол получает позволение Творца вселенной искусить Иова.

И, пенясь, моря волны рвутся,
Чтоб со скалою в бой идти,
И море, и скала несутся
Стремглав по вечному пути.

Михаил

И бури вечные бушуют
К морям с земли, к земле с морей,
И цепь влияний образуют
Живой подвижностью своей.
И все спаля и уничтожа,
Прогрохотавший гаснет гром.
Но мы, твои посланцы, Боже!
Твой кроткий день мы воспоем.

Все три

Сей вид возносит херувима,
Твоих творений без числа
Краса для всех непостижима
И все, как в первый день, светла.

Мефистофель

Когда, Господь, ты вновь доступен нам,
И сам спросил, как там у нас ведется,
И милостив ко мне обычно сам,
То с челядью и мне предстать придется.
Прости! От громких слов не жду успеха,
Хоть попади у всех я на язык, —
Мой пафос лишь тебе б наделал смеха,
Когда б ты сам от смеха не отвык.
О, солнце, о мирах мне вовсе неизвестно,
Я вижу лишь, что человеку тесно.
Сей мелкий бог земли стал на одну ступень
И странен, как и в первый день.
И от того беда над ним стряслася эта,
Что призрак дал ему небесного ты света;
Его он разумом зовет, и с ним готов
Звероподобнее явиться всех скотов.
Коль вашей милости угодно,
Живет с цикадою он длинноногой сходно,
Что, подлетая, подскакнет
И тотчас же в траве все старое поет.
И хоть лежал бы уж в траве-то без вопроса,
А то ведь дряни нет, куда б не сунул носа.

Господь

Иль ты сказать другого не имеешь?
Иль только осуждать умеешь?
Земля хоть раз тебе понравиться могла б.

Мефистофель

Помилуй, Господи! Но мир наш плох и слаб.
Мне жаль людей, и я, при их терзанье,
Сам мучить их не в состоянье.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Доктор он?

Господь

Мой раб!

Мефистофель

Не как другой тебе он угождает.
Чудак все неземным одним себя питает.
Брожением его уносит неизменно,
Свое безумство он едва ли сознает;
Давай ему звезды небесной непременно,
Земля неси ему свой лучший плод,
И все, что близко или отдаленно,
Никак в нем жажды не зальет.

Господь

Хоть смутно он мне служит, но в конце
Его на свет я выведу блестящий.
Ведь узнает садовник в деревце
Грядущий цвет, прекрасный плод сулящий.

Мефистофель

Бьюсь об заклад, что он для вас пропащий,
Лишь дайте власть в моем лице
Повесть его дорогой настоящей!

Господь

Пока с земли он не сойдет,
То я тебе не возбраняю.
Блуждает человек, пока живет.

Мефистофель

Благодарю на этом; не желаю
Я с мертвыми возиться никогда.
С румянцем щеки — вот моя среда.

Покойником меня уж не прельстишь;
Я так люблю, как кошка любит мышь.

Господь

Ну, хорошо; теперь ты власть имеешь!
Сбей этот дух с живых его основ
И низведи, коль с ним ты совладеешь,
Его до низменных кругов.
Но устыдись, узнав когда-нибудь,
Что добрый человек в своем стремленье темном
Найти сумеет настоящий путь.

Мефистофель

Прекрасно. В ожиданье скромном,
Я в выигрыше буду преогромном,
Когда дойду до цели я.
Вот хохотать-то мне придется:
Он пыли всласть же насосется,
Как тетушка моя, почтенная змея.*

Господь

И вновь явись. Таких, как ты, пускают.
Не гнал я вас от моего лица.
Из духов всех, что отрицают,
Скорее всех терплю я хитреца.
Слаб человек, на труд идет несмело,
Сейчас готов лелеять плоть свою;
Вот я ему сопутника даю,
Который бы, как черт, дразнил его на дело.
Вы ж, дети божьего избранья,
Любуйтесь красотой созданья!
Все, что в быванье** движет и живит,
Пусть гранию объемлет вас любовной,
И что в явленье призраком парит
Скрепляйте мыслью безусловной.

Небо закрывается, архангелы рассеиваются.

Мефистофель (один)

Рад видеть старика я хоть на миг один,
Боюсь в немилость впасть, конечно.
Прекрасно, что такой великий господин
И с чертом речь ведет так человечно.

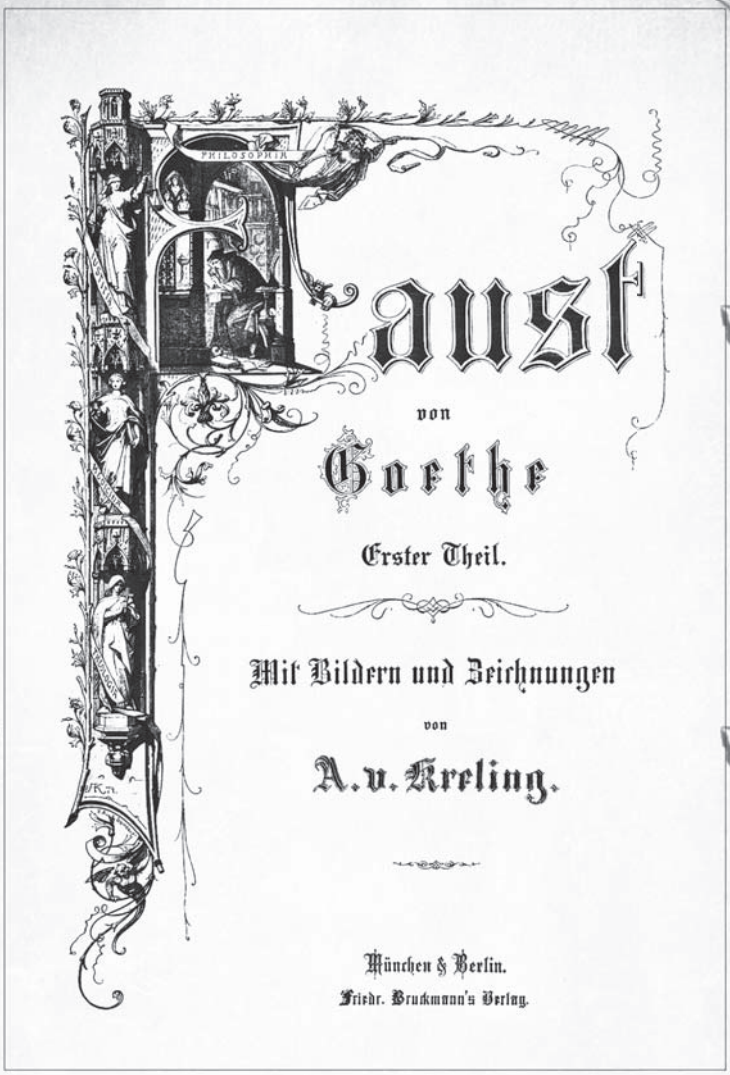
---

* В образе змеи, согласно библейскому преданию, сатана искушал праматерь Еву.

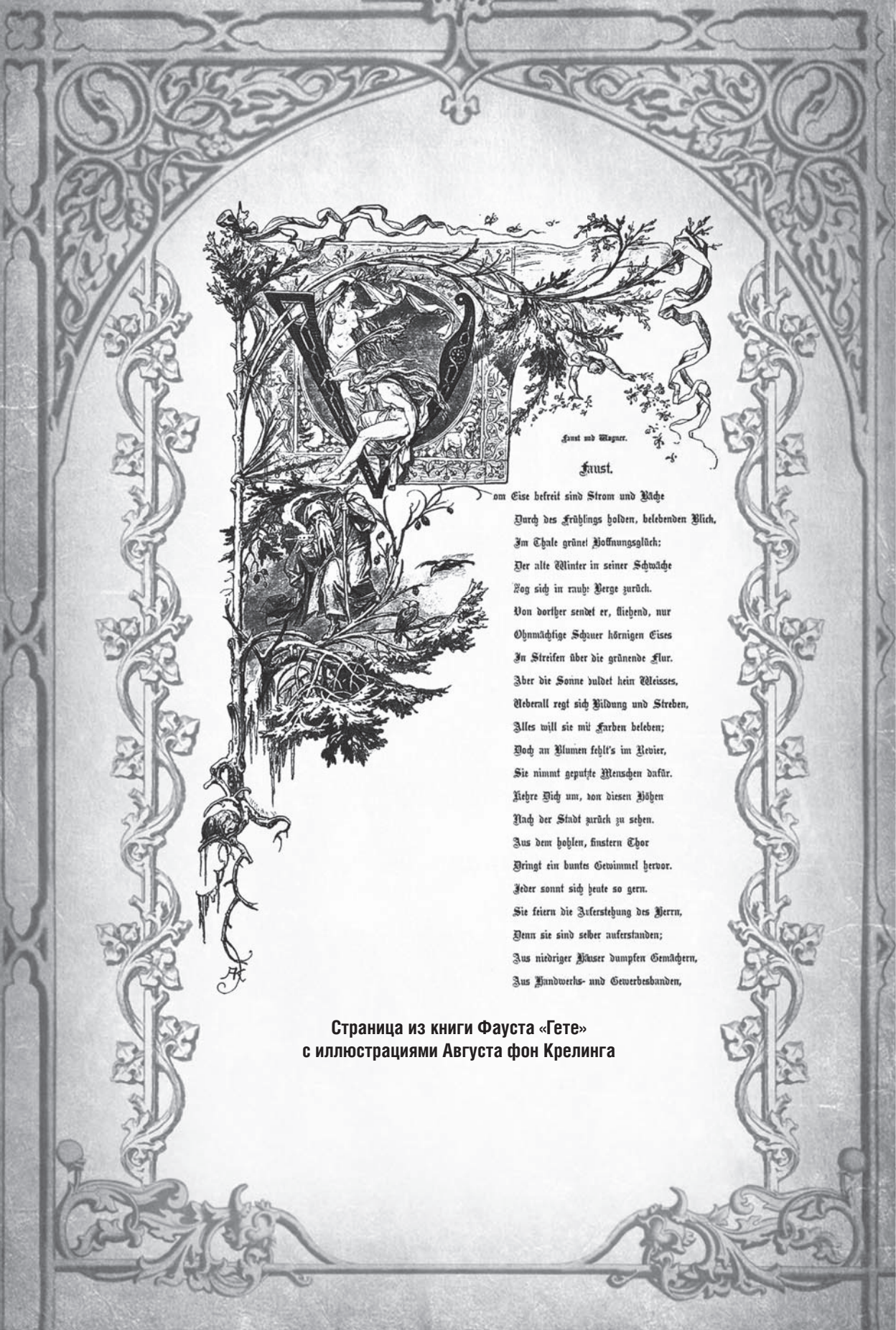
** *Быванье (устар.)* — существование, жизнь.

Август фон Крелинг — немецкий исторический живописец и скульптор. Иллюстрации к «Фаусту» Гёте — одна из самых значимых работ Крелинга, как живописца.

Август фон Крелинг родился 23 мая 1819 года в городе Оснабрюке. Получив художественную подготовку в Ганновере, он прибыл в 1836 году в Мюнхен с целью завершить своё образование в сфере скульптуры и живописи.
Будучи в 1853 году назначен директором Нюрнбергского художественного училища, исполнял эту должность до конца своей жизни и много сделал для процветания вверенного ему заведения и вообще для успеха художественно-промышленного образования в Баварии.
Умер 22 апреля 1876 года в Нюрнберге.



Обложка изданной в 1875 году в Мюнхене/Берлине книги Фауста «Гете» с иллюстрациями Августа фон Крелинга (Faust von Goethe.Mit Bildern und Zeichnungen von August von Kreling. München/Berlin 1875)



Faust und Wagner.

Faust.

Vom Eise befreit sind Strom und Bäche
Durch des Frühlings holden, belebenden Blick,
Im Thale grünet Hoffnungsglück;
Der alte Winter in seiner Schwäche
Zog sich in rauhe Berge zurück.
Von dorther sendet er, fliehend, nur
Ohnmächtige Schauer körnigen Eises
In Streifen über die grünende Flur.
Aber die Sonne duldet kein Weisses,
Ueberall regt sich Bildung und Streben,
Alles will sie mit Farben beleben;
Doch an Blumen fehlt's im Revier,
Sie nimmt geputzte Menschen dafür.
Kehre Dich um, von diesen Höhen
Nach der Stadt zurück zu sehen.
Aus dem hohlen, finstern Thor
Dringt ein buntes Gewimmel hervor.
Jeder sonnt sich heute so gern.
Sie feiern die Auferstehung des Herrn,
Denn sie sind selber auferstanden;
Aus niedriger Häuser dumpfen Gemächern,
Aus Handwerks- und Gewerbesbanden,

Страница из книги Фауста «Гете»
с иллюстрациями Августа фон Крелинга

«Река освободилась ото льда, ручьи,
Где милый взгляд весны, там все журчит,
Надежда зеленеет радостно в долине,
И старая зима ослабла ныне.
В суровые отходит горы.
И шлет оттуда на зеленые просторы
Дрожь слабую, зернистый иней.
Но солнце белый цвет не терпит ныне.
Повсюду тяга к жизни и стремленье,
Все оживляет, все в цветенье;
Еще цветов недостает вокруг,
Но люд разряженный усеял луг.
Вот повернись и с гор взгляни
На этот город средь долин!
Чрез вынутые мрачные ворота
Струится пестрая толпа народа.
И каждый греется на солнце, млад и стар.
Все Воскресение празднуют Христа
И радуются, и воскресли сами:
Из тех жилищ с их чердаками,
Из ремесла и из профессий,
Из тяжести фронтонов, крыш, навесов,
Из узости давящей улиц и прочей,
Из почитаемой Церковью ночи,
Они достигли света тут»

Перевод неизвестного автора, подписавшегося инициалами Н.Б.,
Санкт Петербург 1980 год.

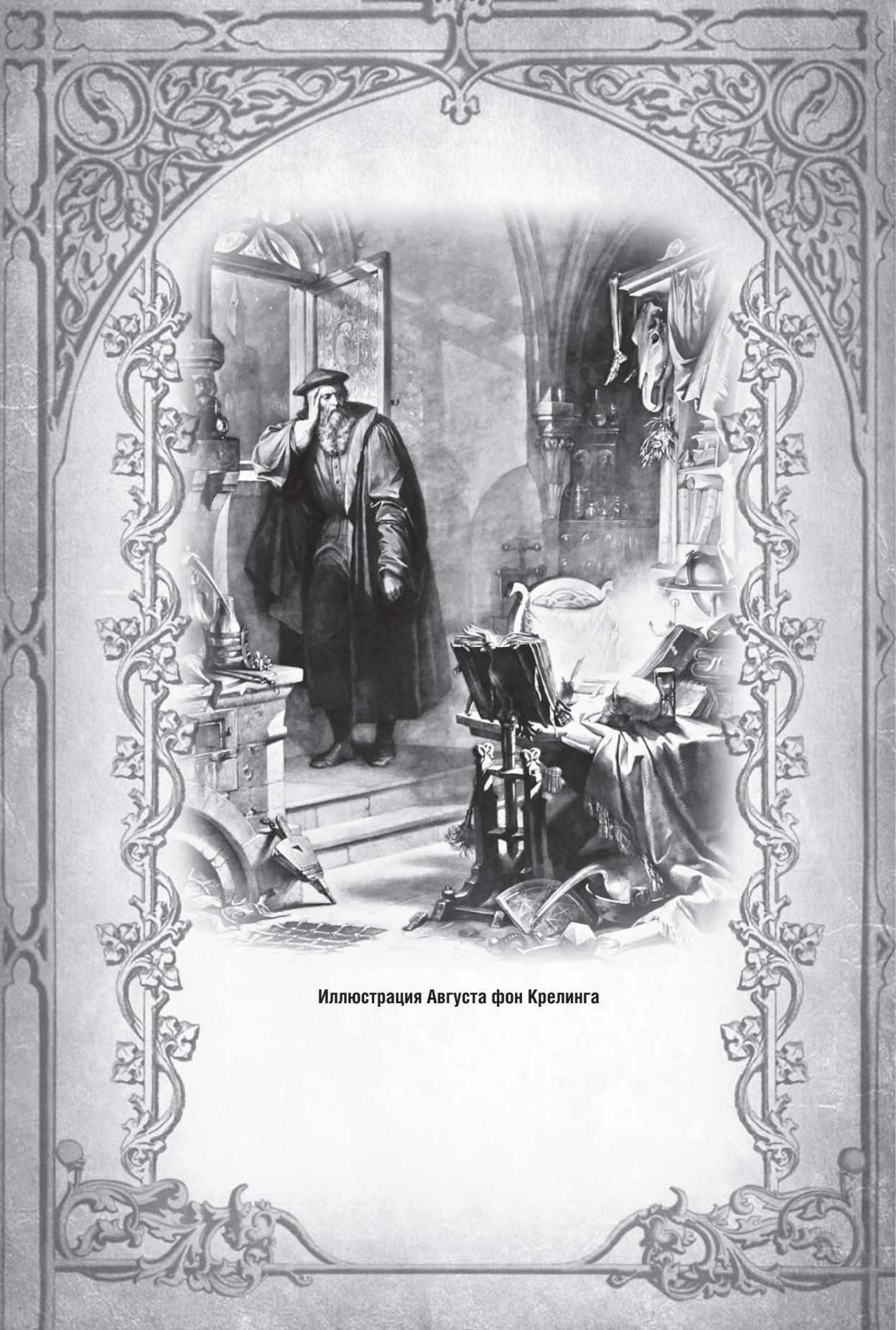


Иллюстрация Августа фон Крелинга

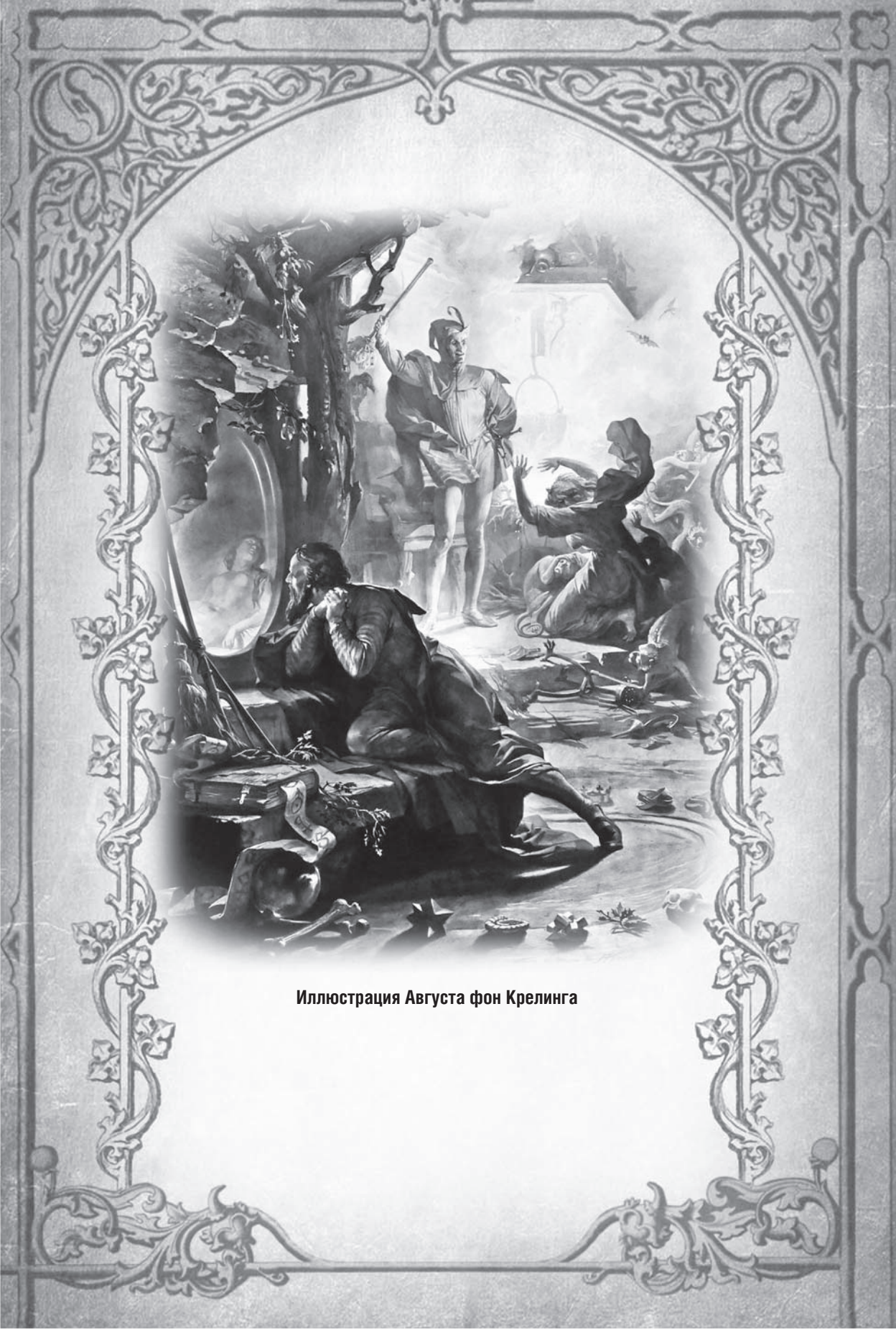


Иллюстрация Августа фон Крелинга

Часть первая

Ночь

В тесной готической комнате с высокими сводами
Фауст в беспокойстве, в своем кресле у конторки.

Ф а у с т

Ах, и философов-то всех,
И медицину, и права,
И богословие, на грех,
Моя изучила вполне голова;
И вот стою я, бедный глупец!
Каким и был не умней под конец;
Магистром, доктором всякий зовет,
И за нос таскать мне десятый уж год
И вверх и вниз, и вкривь и вкось
Учеников своих далось.
И вижу, что знать ничего мы не в силах!
От этого кровь закипает в жилах.
Я точно ученей всех этих глупцов,
Магистров, писцов, докторов и попов:
Смущаться сомненьем мне больше не надо,
Не стану бояться я черта и ада;
За то и отрады ни в чем не встречаю,
Не мню я, что нечто хорошее знаю,
Не мню, что чему-то могу поучать,
Людей исправлять и на путь наставлять.
Ни денег не нажил, ни благ иных,
Ни славы, ни почестей мирских;
Собака б не стала так жить, как я маюсь!
Поэтому к магии я обращаюсь,
Не изречет ли мощный дух
Какой-нибудь мне тайны вслух,
Чтоб перестал я твердить, кряхтя,
Другим, чего не знаю я;
Чтобы познал я, чем вполне
Мир связан в тайной глубине,

Чтоб силы мне предстали сами,
А не возился бы я над словами.

О, месяц! Если б в этот час
Ты озарял в последний раз
Конторку в комнате моей,
Где столько я не спал ночей!
Тогда над книгами горой,
Печальный друг, ты был со мной!
О, если б на вершинах гор
Я светом мог насытить взор,
Средь духов вкруг пещер носиться,
В лугах, в лучах твоих томиться,
От чада знанья облегченный,
В твоей росе возобновленный!

Увы! Не в той же ль я тюрьме?
Нора, в которой душно мне,
Где даже свет небес дневных
Тускней от стекол расписных;
Стесненный этой грудой книг,
Что точит червь, гнездясь в пыли,
Где вверх до сводов до самих
Бумаги в копоти легли,
Везде бутыли у шкапов
И инструменты по стенам,
Меж них набит старинный хлам —
И вот твой мир; вот мир каков!

Спрошу ль, зачем так сердце вдруг
Пугливо застучится в грудь?
И непонятный мне недуг
Всей жизни преграждает путь?
Взамен природы всей живой,
Куда Господь послал людей,
Живу в пыли я лишь гнилой
Звериных да людских костей.

Беги! Воспрянь! И в свет иной!
И разве эта книга вот,
Что Нострадамуса* рукой

* *Нострадамус* (1503–1566) — французский фармацевт и алхимик, знаменитый своими пророчествами, лейб-медик французского короля Карла IX.

Написана, — не поведет?
Тогда познаешь ход планет,
Природою руководим,
И сила духа даст ответ,
Как дух беседует с другим.
Напрасно трезвым здесь умом
Святые знаки разъяснять.
Вы духи! Вьетесь здесь кругом;
Ответьте, коль могли вы внять!

(Открывает книгу и видит знак макрокосма.)*

Какую радость этот вид исторг
Из всей души покорной этим силам!
Я слышу, юный и святой восторг
Течет по нервам у меня и жилам.
Не бог ли эти знаки начертал,
Что бурю сердца укрощают,
Его отрадой наполняют,
И тайной властию начал
Природы силы вдруг пред взором обнажают?
Не бог ли я? Все ясно, наконец
В чертах я сих читать умею.
Природы творчество перед душой моею.
Теперь я понял, что сказал мудрец:
«Не мир духов нам заперт властный,
Твой смысл закрыт. — Но ты прозри,
Встань, ученик! Омой, несчастный,
Земную грудь в лучах зари!»

(Он рассматривает знак.)

Как все слилося здесь в одном,
Как все живет одно в другом!
Как вверх и вниз здесь силы неземные
Несут друг другу ведра золотые,
На крылиях перелетают,
С небес сквозь землю проникают
И все созвучьем наполняют!
Какое зрелище! Лишь зрелище, увы!
Природы силы, где же вы?
Где грудь ея? Источник жизни каждой,
К которому земля и небо льнет,

---

* *Макрокосм (микрокосмос)* — в античной философии понимание человека как вселенной (макрокосм) в миниатюре. Эта теория послужила основой для многих учений средневековых мистиков.

Куда всего меня влечет —
Ты всех поишь, что ж я томлюся жаждой?
(Он нетерпеливо раскрывает книгу в другом месте и видит знак духа земли.)
Совсем не так на этот знак смотрю!
Ты дух земли, ты мне роднее;
Себя я чувствую сильнее,
Я словно от вина горю;
Я мужество почуял молодое,
Сносить и скорбь, и счастие земное,
Сражаться с бурею морскою,
Под треск крушенья не слабеть душою,
Тускнеет надо мной —
Луна свой прячет свет —
Лампада меркнет!
Чадеет*!
Красные лучи дрожат
Вкруг головы моей! Со сводов
Какой-то дрожью веет
И обдает меня!
Ты реешь, дух желанный, чую я:
Откройся!
Ах, как стеснилась грудь моя!
Чтоб вновь наполняться,
Все чувства волненьем томятся!
Явись! Явись! Хоть с жизнью пришлось бы расстаться!
(Он берет книгу и таинственно произносит знак духа. Красное пламя вздрагивает, и дух является в пламени.)

Дух

Кто звал меня?

Фауст
(отворачиваясь)

Ужасные черты!

Дух

Ты влек меня в сильнейшей мере,
И долго льнул к моей ты сфере,
И вот…

Фауст

Ах! нестерпим мне ты!

---

* Чадит.

Д у х

Ты звал, алкал под страстный лепет
Услышать мой голос и лик видеть мой;
Я тронулся твоей мольбой,
Вот я! — Какой позорный трепет,
О, полубог, тебя объял?
Где грудь, в которой мир ты целый создавал
Носил, вмещал, гордясь мечтой любовной
Возвыситься до нас, до высоты духовной?
О, где ты, Фауст! Чей зов ко мне звучал,
Которого ко мне порыв всесильный мчал?
Ты ль здесь, объят моим дыханьем,
Вдруг стал трепещущим созданьем,
Подобьем слабого червя?

Ф а у с т

Лик огненный, смущусь ли я душою?
Я точно Фауст, и равен я с тобою.

Д у х

В буре деяний, в волнах бытия
Бродящая сила,
Кружусь на просторе,
Рожденье, могила
И вечное море,
За сменой другая,
И жизнь огневая,
Основу у времени шумно сную,
Живой я покров божества создаю.

Ф а у с т

Носящийся над бездной мировой,
Дух деятель, как родствен я с тобой!

Д у х

С тем равен бываешь, кого постигаешь,
Не ты со мной!

(Исчезает.)

Ф а у с т

(содрогаясь)

И не с тобой?
Так с кем же?
Я, образ божества!
И даже не с тобой!

(Стучат.)

Смерть! Узнаю, — мой фамулус опять —
Прощай все счастия мгновенья!
Ведь нужно ж эту мощь виденья
Сухому шатуну прогнать!

Вагнер в халате и колпаке, с лампой в руке. Фауст отворачивается.

Вагнер

Простите! Декламировали, мнилось,
По греческой трагедии вы? — Вот
Такое б мне искусство пригодилось,
Ему теперь большой почет.
Слыхал я мненье, да и всякий скажет,
Иной актер священнику укажет.

Фауст

Да, ежели священник сам актер.
Как это иногда бывает.

Вагнер

Ах! Кто сидит, вперяя в книгу взор,
И мир едва по праздникам видает,
Лишь издали, в трубу глядя глазами,
Как станет мир он убеждать словами?

Фауст

Чего в нас нет, нам не поймать, мой милый!
Не из груди оно течет,
Откуда с первобытной силой
У слушателя к сердцу льнет.
Вам век сидеть в труде бесследном,
В чужих объедках видеть прок,
Стараясь в вашем пепле бедном
Раздуть убогий огонек!
У обезьян да у ребят возбудишь
Восторг, — коль в этом вкус нашел,
А сердца льнуть ты к сердцу не принудишь,
Коль не от сердца ты исшел*.

Вагнер

Но дикция оратора спасенье.
Сам чувствую, отстал я, без сомненья.

* *Исшел* — исходил, происходил, шел (слово «исшел» часто употребляется в Библии).

Ф а у с т

К чему при честной цели шум?
Зачем шутом с гремушкой быть?
С искусством малым здравый ум
Себя сумеет заявить.
И если подлинно есть что сказать,
Зачем мудреных слов искать?
Да, ваши речи с яркой мишурой,
Глаза лишь людям отводящей,
Бесплодны, как осеннею порой
Туманный ветр, в сухой листве шумящий!

В а г н е р

О, Боже! Жизнь кратка, — меж тем,
Искусство долго в изученье.
Я при своем критическом стремленье
Пугаюсь иногда совсем.
Источники, какие и найдешь,
Чтоб приобрестъ, как трудно достается,
Полу пути, пожалуй, не пройдешь,
А бедняку и умереть придется.

Ф а у с т

Ужель пергамент — кладезь тот священный,
Что в силах жажду навсегда залить?
Лишь из души отрадою нетленной
Возможно душу утолить.

В а г н е р

Позволь! Так радостно, признаться,
В дух прошлых лет переселяться,
И видеть, что до нас писал мудрец,
И как мы далеко ушли-то, наконец.

Ф а у с т

О! Далеко. До звезд самих!
Для нас, мой друг, чреда веков былых
Есть книга за семью печатями.
Что духом тех веков слывет,
То, в сущности, дух самых тех господ,
А в нем века должны признать мы.
Тут больше грустного, чем срама.
Посмотришь, — жаль, что не бежал давно;
Помойное ведро, чулан для хлама,
И много что событие одно, —

С прекрасной прагматической максимой,
Ни с чем в устах у кукол несравнимой!

В а г н е р

Однако мир и дух-то наш познать
Ведь каждого из нас прельщает.

Ф а у с т

Да, что зовется познавать!
Кто вещи звать их именем дерзает?
Того, кто что-нибудь да знал
И сердцу в простоте душевной дав свободу,
Свои воззрения и чувства нес народу,
Народ же изгонял всегда, да распинал.
Любезный друг, прости, давно уж ночь,
Пора расстаться позднею порою.

В а г н е р

А я не спать и доле бы не прочь,
Чтоб так учено толковать с тобою.
Но завтра, ради праздника Христова*,
Про то и се позволь спросить мне снова.
Ученый труд давно себе усвоя.
Хоть много знаю, — знать хотел бы все я.

(Уходит.)

Ф а у с т

Как в голове надежда не проходит,
Когда иной пустому только рад,
Рукою жадно роет клад,
А дождевых червей находит!

Как смеет речь людская здесь звучать,
Где мощный дух сказался мне тревогой?
Но, ах! Спасибо, в этот раз сказать
Я должен и тебе, бедняк убогой.
Ты спас меня в ужасный этот миг,
Как я едва с рассудком не расстался.
Так исполински образ сей возник,
Что сам себе я карликом казался.

Я образ божества, когда
Перед зерцалом правды вечной
Я мнил, в отраде бесконечной

* Праздник Воскресения Христова.

Стряхнуть земное навсегда;
Я, выше херувимских сил
Мечтавший всюду разливаться,
И творчески с небесными равняться, —
Как тяжело я должен рассчитаться!
Ты словно гром меня сразил.
С тобою мне равняться не пристало.
Хоть сил во мне призвать тебя достало,
Но удержать тебя не стало сил.
Я был в те чудные мгновенья
В душе так мал и так высок;
Ты вновь столкнул без сожаленья
Меня в людской неверный рок.
Кто скажет мне: куда стремить желанья?
За тем порывом, иль назад?
Ах! Наши действия, равно как и страданья
Ход нашей жизни тормозят.
К высокому, что в духе обретаем,
Все чуждое помалу пристает.
Когда земного блага достигаем,
Все лучшее мечтой у нас слывет.
Святые чувства жизненных стремлений
Коснеют средь житейских треволнений.
Хотя сперва, в порыве молодом,
Мечта рвалась взлететь над сферой звездной.
Теперь ей круг очерчен небольшой,
Когда за счастьем счастье взято бездной.
Забота тотчас в сердце западает,
В нем тайные страданья порождает,
И, разрушая радость и покой,
Все маской прикрывается другой:
Дом, двор, жена и дети нас дурачут,
Вода, огонь, кинжал и яд,
Что не грозит, — пред тем дрожат,
И то, чего не потерять, — оплачут.

Богам не равен я! Глубоко в том сознаюсь;
Я равен червяку, я в прахе пресмыкаюсь.
Его, возросшего, живущего в пыли,
Стирает путника ступня с лица земли.
Не прах ли, что с высоких стен
Здесь грудь стесняет мне до боли,

Что здесь гнетет меня как тлен
В жилище копоти и моли?
Найду ли здесь, чего искал,
Хоть в тысячах бы книг я убеждался,
Что человек всегда страдал,
Что изредка счастливец выдавался? —
Что скалишься так, череп ты пустой?
Что мозг твой, как и мой, добыча тленья,
Что дня искал ты в темноте густой,
И, алча правды, знал лишь заблужденья!
Вы инструменты, кубы горбачи,
Колеса, гребни на смех, знать, вы были?
Стоя у врат, я видел в вас ключи,
Бородки ваши ничего не вскрыли. —
Таинственна средь бела дня,
Природа не дает покров свой снять руками,
И то, чего она не вскроет для меня,
Винтами выдавить нельзя да рычагами.
Ты, старый хлам, мной сбережен ты весь,
Ты послужил отцу, но мне не мог годиться.
Ты, старый свиток, ты коптишься здесь,
С тех пор, как на столе лампада тут дымится.
Не лучше ль было б мне всю эту дрянь прожить,
И не потеть всю жизнь над малым, что имеешь,
Что мог ты от отца в наследство получить,
Приобрети, — и им ты овладеешь.
Нас давит то, чего нельзя употребить,
Лишь в том, что создал миг, ты пользу возымеешь.

Но отчего мой взор к той точке прилепился?
Ужель тот пузырек для глаз моих магнит?
Зачем весь мир вокруг внезапно озарился,
Как в час, когда луной полночной лес залит?
Привет тебе, о, склянка дорогая!
Благоговейно чту тебя, снимая.
В тебе дивлюсь людскому я уму,
Ты усыпительница мук несносных,
Ты выжимок всех соков смертоносных,
Иди служить владельцу своему!
Тебя я вижу — и слабей страданья.
Тебя беру — и никнут все желанья,
Отлив волны духовной настает.

Меня влечет морская вдаль пучина,
У ног моих зеркальная равнина,
На новый берег новый день зовет.
Я огненную вижу колесницу
Сходящую! И я готов душой
Перелететь эфирную границу
К деяньям чистым сферы неземной.
И это счастье жизни богоравной,
Недавний червь, ты мог бы заслужить?
Лишь к солнцу, милому недавно,
Дерзни ты спину обратить!
Отважься только в те врата ворваться,
Которых всяк бежит невольно сам.
Пора тому на деле оправдаться,
Что сильный не уступит божествам.
Не трепетать пред мрачной той пещерой,
Куда мечта на казнь себя ведет,
В тот переход пуститься с верой,
Где целый ад пред устьем тесным ждет,
На шаг такой с улыбкою решиться,
Хотя б затем пришлось в ничто разлиться.
Теперь сойди, хрустальная ты чара,
Из своего старинного футляра,
Тебя я много лет позабывал!
Пиры отцов ты обходила,
Гостей угрюмых веселила,
Когда тебя один другому подавал.
Изображений хитрых блеск и свет
И пьющих долг их объяснять стихами
И пить до дна, не отольнув устами, —
Все в память мне с пирушек юных лет;
Теперь тебя не передам соседу,
И в честь твою не рассмешу беседу;
Вот этот темный сок, который лью
Теперь в тебя, мгновенно охмеляет.
Кто сам готовил — избирает,
Чего душа в последний раз алкает,
Его в честь утра праздничного пью!

(Подносит чашу к устами. Звон колоколов и хоровое пение.)*

* Церковные песнопения и звон колоколов доносятся, по-видимому, из ближайшего храма, где совершается пасхальное богослужение.

Хор ангелов

Христос воскресе!
Радость свободного
От первородного
Греха народного
Миру дадеся*!

Фауст

Что так жужжит, какой веселый звон
От уст моих вдруг чару отрывает?
Иль гул колоколов со всех сторон
О светлом празднике вещает?
Иль та же песнь, что пел ночной порой
Хор ангелов над сенью гробовой,
Союз нам новый обещает?

Хор женщин

Благоухания
Мы ему лили,
Полны рыдания,
Здесь положили,
В плат из холста мы
Его облекли.
Ах! Но Христа мы
Здесь не нашли.

Хор ангелов

Христос воскресе!
Блажен тот преданный,
Кому изведанный
И заповеданный
Искус дадеся!

Фауст

Зачем юдольного жильца
Искать вам здесь, святые звуки?
Звучите там, где нежные сердца,
Я слышу весть, но с верой я в разлуке;
Кто верит, жаждет чуда до конца.
Мой дух лететь в те сферы не дерзает,
Откуда слышен ваш привет;
Но этот звон, знакомый с юных лет,

* *Дадеся (устар.)* — дается.

Меня и ныне к жизни призывает.
В субботней, помню, тишине
Лобзания небес слетали:
Тогда так веще мне колокола звучали,
И так молиться сладко было мне.
В порывах радостно могучих
Рвался в леса я и поля
И новая, средь слез горючих,
Мне открывалася земля.
Мир детских игр, не знающих искусства,
Пел в этих звуках, веющих весной.
Я вспомнил все, — младенческое чувство
Последний шаг задерживает мой.
О, лейся отзвук сладостно святого,
Слеза течет, земле я отдан снова!

Хор учеников

Коль погребенный
Взнесся над нами,
Преображенный
Жизни лучами,
Коли в блаженстве весь
Он всесоздания,
Ах, на земле мы здесь
Лишь для страдания.
Коль и в обитель
Слез мы пойдем,
Жребий, учитель,
Твой воспоем!

Хор ангелов

Христос воскресе!
Из лона тления
Вырвитесь здесе
Вы из пленения!
Вы его чтители,
Веры хранители,
В братстве сожители,
Тайн огласители,
Благовестители,
Близок учитель к вам,
С вами он сам.

За городскими воротами

(Проходят гуляющие всякого рода.)

Мастеровые

Зачем же тем путем?

Другие

Мы в дом охотничий идем.

Первые

А мы на мельницу желаем прогуляться.

Мастеровой рабочий

К прудам пройдитесь, не спеша.

Другой

Дорога к ним не хороша.

Вторые

А ты куда?

Третий

С другими проболтаться.

Четвертый

Взберитесь-ко на Бургдорф* — там всегда
И девушки, и пиво хоть куда,
И драки первого разбора.

Пятый

Ты весельчак! Давно не бит?
Иль кожа в третий раз зудит?
Туда я не пойду; боюсь я их задора.

Служанка

Нет, нет! Я в город ворочусь.

Другие

Под тополями там с ним можем повстречаться.

Первая

Немного счастья в том дождусь;
К тебе он только будет жаться,
Пойдете танцевать вдвоем.
Что мне в веселии твоем!

Другие

Сегодня он, наверно, не один.
Кудрявый, он сказал, с ним будет и блондин.

---

* *Бургдорф* — поселение в Нижней Саксонии.

Ш к о л ь н и к

Вишь, как шагают девки дружно!
Пойдем-ко, брат! Нам провожать их нужно.
Покрепче пиво, злой табак,
Да разодетая служанка, — вот так-так!

Д е в у ш к а г о р о ж а н к а

Вишь, мальчики, не постыдятся!
И молодежь какая тут;
Могли бы в обществе отборном обращаться,
А за служанками бегут!

В т о р о й ш к о л ь н и к (первому)

Не торопись! За нами две!
Они одеты очень мило;
Моя соседка в том числе,
Она меня приворожила.
Идут неспешною стопой,
Пожалуй, под конец и нас возьмут с собой.

П е р в ы й ш к о л ь н и к

Нет, брат! Стесненья не люблю ни в чем.
Скорей! Упустим дичь! Мое такое мненье,
Рука, которая в субботу с помелом,
Тебя всех ласковей похолит* в воскресенье.

Г р а ж д а н и н

Нет, новый бургомистр, на вкус мой, не годится,
Как выбрали, что день, то больше он кичится.
А городу чем он помог?
Не хуже ль с каждым днем, признаться?
И больше прежнего велят повиноваться,
И больше прежнего налог.

Н и щ и й (поет)

Так и румяны, и нарядны
Вы, госпожи и господа,
Не будьте к нам душою хладны,
Взгляните, какова нужда!
Не дайте петь мне тут напрасно;
Тот весел, кто дает другим.
Пусть день, для всех людей прекрасный,
Днем будет жатвенным моим.

Д р у г и е г о р о ж а н е

Мне в праздник ничего так слушать не отрадно,
Как разговор о битвах и войне,

* От слова *холить* — ухаживать за кем-нибудь, заботиться о ком-нибудь.

Как в Турции, там где-то в стороне,
Народы бьются беспощадно.
Стаканчик, подойдя к окну, опорожнишь,
Вниз барки по реке глазами провожаешь;
Вернешься вечером домой — повсюду тишь,
И мирный век благословляешь.

Третий гражданин

Так-так, сосед! И я согласен в том,
Пусть, как хотят, дерутся часто.
Пускай хоть все идет вверх дном,
Лишь будь по-прежнему у нас-то.

Старуха (девушкам горожанкам)

Эх, разодеты! Молодо, свежо!
Ну, кто на вас не заглядится?
Лишь не кичитесь. Дайте срок, ужо
По мыслям вам могу я пригодиться.

Девушка горожанка

Агата! Ты от ведьмы этой прочь!
Чтоб с нею нас толпа не увидала;
Хотя она в Андреевскую ночь
Мне суженого чудно указала*.

Другая

Мне показала моего
В стекле, — такой солдат красивый;
Смотрю вокруг, ищу его,
Не попадается, спесивый!

Солдаты

Крепостей твердых,
Башнями в поле,
Девушек гордых,
Взросших на воле,
Мне бы поболе!
Сколько отваги,
Сколько наград!

Будят и климат
Трубные звуки,
Как на веселье,
Так и на муки.
Вот так живется!
Долго ль сбираться!

* По немецкому народному поверью, в Андреевскую ночь (под 30 ноября) девушка, помолившись святому Андрею, может увидеть своего суженого.

Девушкам, башням
Надо сдаваться.
Сколько отваги,
Сколько наград!
Вот и солдаты
Мимо спешат.

Фауст и Вагнер.

Ф а у с т

Лед вскрылся по речкам, весна прилетела,
Кидая вокруг оживляющий взор,
В долинах свежеет зеленый ковер,
Старуха-зима бушевать ослабела
И скрылась в ущелья суровые гор.
Оттуда она посевает нам
Крупу ледяную с усильем несмелым,
Косыми грядами по свежим полям.
Но солнце ни с чем не сживается с белым,
И всюду зачатки, все к жизни стремится,
Все хочет в окраске живой возродиться.
Но в поле цветов еще нет никаких;
Нарядные люди теперь вместо них.
Вот с этой только высоты
Взгляни назад на город ты:
Из мрачной глубины ворот
Как движется пестро народ.
Всяк хочет погулять сегодня,
В день Воскресения Господня.
Они и сами воскресли, глядишь,
Из низких домишек, углов отсырелых,
Из плена работ в мастерских закоптелых,
Да из-под гнета давящих крыш.
Из улиц, где не протеснишься,
Из благодатной мглы церквей
На солнышко бегут скорей.
Смотри, смотри! Как все спешат разбиться
В поля иль в сад на бугорок,
Как вся река и вдоль, и поперек
От лодок весело пестрится;
В последней лодке так насели,
Что чуть ко дну нейдет она.
И даже с горних троп отселе

Одежда пестрая видна.
В деревне гам какой-то сбродный;
Вот настоящий рай народный,
Вопит и малый, и большой,
Здесь человек я, —
Здесь я свой.

Вагнер

Вот с вами, доктор, прогуляться,
Тут и почет, и польза есть;
Один же здесь не мог бы я остаться,
Я грубости не в силах снесть.
Тут вой смычков невыносим для слуха,
И крик, и шум, и кегли тут;
Вопят, как будто бы во власти злого духа,
И это пением зовут.

Крестьяне

(Под липой, пляска и пенье)

Собрался к танцам пастушок,
На нем цветной кафтан, венок;
И на устах улыбка.
Под липкой было все полно.
Там в танцах бесятся давно.
Люли! Люли!
Ах, люшеньки! Живей юли!
Так заливались скрипки.

В толпу проворно он влетел,
И локтем девушку задел,
Недалеко от липки;
Та обернулася, глядит,
Как это глупо, говорит.
Люли! Люли!
Ах, люшеньки! Живей юли!
Уж чересчур вы прытки!

Но в круг пускаются — и вот,
Направо, влево поворот, —
Подол летает зыбкий.
Они краснеют, духота, —
И отдыхает их чета;
Люли! Люли!
Ах, люшеньки! Живей юли!
Он жмется к ней с улыбкой.

Не льните так — и без проказ!
Божбой вводили уж не раз
Невест своих в ошибки!
Но вдаль уйти с ней удалось,
И из-под липки к ним неслось:
Люли! Люли!
Ах, люшеньки! Живей юли!
И крик, и звуки скрипки.

Старый крестьянин

Вот, доктор, добрый вы какой,
Что не побрезгали вы нами,
Многоученый муж такой,
А в многолюдство вышли сами.
Уж кружку лучшую вином
Для вас спешили мы налить.
О ней прося, скажу я вслух:
Ей мало жажду утолить,
Пусть сколько капель будет в ней,
Вам приумножится и дней.

Фауст

Я подношу ее к губам,
Спасибо! И во здравье вам!

(Народ сбирается в кружок.)

Старый крестьянин

Ну, право хорошо, что вы
Явились к нам в веселый час;
Ведь никогда и в злые дни
Вы тож не забывали нас!
Как много здесь еще в живых,
Которых вырвал ваш отец
У злой горячки в дни, когда
Чуме он положил конец.
В то время юношей вы шли
Охотно в каждый дом к больным;
Снесли немало мертвецов,
Но вы осталися живым,
Не тронул вас недуг-губитель;
Хранил спасителя Спаситель.

Все

Мы доблестному шлем привет,
Чтоб помогал он много лет!

Ф а у с т

Вы перед Тем склонитесь, Кто с высот
И учит помогать, и помощь шлет.

(Уходит далее с Вагнером.)

В а г н е р

Великий муж! Что должен ощущать
Среди ты общего высоко почитанья!
Блажен, кому дано из знанья
Такую пользу извлекать!
Отец спешит тебя сынишке указать,
К тебе стремится каждый взор,
Смолкают скрипки, ждет танцор.
Проходишь ты, как словно власть,
На воздух шапки полетели;
Недостает всем на колени пасть,
Как бы священный ход узрели.

Ф а у с т

Еще немного, — вон до камня мы дойдем!
Там на пригорке отдохнем и сами.
Как часто одинок я сиживал на нем
И мучился молитвой да постами.
С надеждой, с верой до конца,
В слезах, стеня любвеобильно,
Конец заразы у Творца
Мечтал я вымолить насильно.
Приветствия толпы как на смех мне один.
Когда б тебе мои раскрыты чувства были,
Как мало и отец, и сын
Такую почесть заслужили!
Отец был честный темный человек,
Над всем, что у природы скрытно,
По совести, хоть очень самобытно
Трудясь, продумал он весь век.
Подобно он другим адептам,
На черной кухне проживал*,
И по бесчисленным рецептам
Все, что противно, то мешал.
Тут красный лев, жених отважный,
Пускался к лилии в раствор**,

* *Черная кухня* — рабочий кабинет алхимика.

** Гете пользуется терминологией алхимиков для изображения фантастического опыта добывания панацеи — все исцеляющего средства. Алхи-

Потом огнем из бани влажной
Обоих гнали на простор.
Когда ж цветную выливали
Царицу в склянку — благодать!
Лекарство есть, больные умирали.
Кто выздоравливал? — Как знать!
И с адским снадобьем в дорогу
Мы шли, — сама чума, ей-богу,
Не принесла такого зла.
Сам в тысячи вливал я этой мерзостыни,
Они кончались. Слышу ныне
Убийцам наглым нам хвала.

Вагнер

Зачем же этим вам смущаться?
Достойный муж, конечно, прав,
Когда искусство восприяв,
Им станем точно заниматься!
Коль юношей ты чтишь отца,
К урокам ты его исполнен и вниманья;
Коль мужем трудишься ты до поту лица,
И сын твой высшего достигнуть может знанья.

Фауст

О, счастлив, кто еще в надежде сам,
Что выплывем из моря лжи мы дружно!
Чего не знаем, было б нужно нам,
Того, что знаем, — нам не нужно.
Но в этот дивный час не говори
Мне о скорбях, которые смущают!
Смотри, как там, в лучах зари,
Сквозь зелень хижины мелькают.
День пережит, уходит солнце дня,
Спеша дарить и дале жизнью снова.
О! Отчего нет крыльев у меня,
Когда душа за ним лететь готова!
У ног уже я вижу спящий мир
В заре, сияющей вовеки,
По высям блеск, в долинах кроткий мир,
Ручьи как серебро бегут в златые реки.
Я чувствую, тогда ущелья мрачных гор

мики под красным львом разумели золото или серу, под лилией — серебро или ртуть.

Полета гордого уже б не задержали.
Уж моря теплые заливы засверкали,
И изумляется мой взор.
Вот божество как бы готово закатиться,
Но снова пробудилась мощь,
И я несусь его лучами вновь упиться, —
Передо мною день, за мною ночь.
Свод неба надо мной, а волны подо мной.
Какой чудесный сон и сладкие усилья!
Ах! Крыльям духа кто земной
Придаст вещественные крылья?
Но каждому дала природа,
Что чувство ввысь и вдаль его стремит,
Когда нам с голубого свода
Песнь жаворонка зазвенит;
Когда над темными лесами
Орлы опять парить пошли,
И над полями, озерами
В отчизну тянут журавли.

Вагнер

Бывали у меня такие дни смятенья,
Но я подобного не ощущал стремленья.
Прискучит дол и лес, как с виду неказист;
А птичьих крыльев мне не надо.
То ль дело, как помчит духовная отрада
От книги к книге и с листа на лист!
Тут ночи зимние становятся светлы,
Отрадный жар по членам разбежится.
И ах! Как развернешь пергамент дорогой,
Тебе все небо в душу тут глядится.

Фауст

Ты испытал стремленье лишь одно.
О, никогда не знай другого!
Ах! Две души вмещать мне суждено,
И грудь их разобщить готова.
Одной хвататься грубо суждено
За этот мир, с его любовным телом;
В другой же все горе вознесено
Высоких праотцев к пределам.
О, если есть меж небом и землей
Властительные духи, — низойдите

С высот златых вы — и меня с собой
Для жизни новой, яркой уведите!
О, если б был волшебный плащ моим,
Чтоб вдаль унесть меня по миру,
На все одежды, на порфиру
Я б, кажется, не променялся им.

Вагнер

Не призывай известных молодцов,
Что стелятся средь пара голубого;
Они нам вечно строят ков*, —
Со всех концов беда готова.
То с севера нахлынут нападать
И грызть тебя зубами неплотскими;
То вдруг начнут с востока иссушать,
Питаясь легкими твоими.
Когда их юг погонит со степей,
И воздух над тобой как печь они растопят,
Их запад шлет, чтоб освежать скорей,
Они тебя и все поля затопят.
Они внимательны, но, на беду земли,
Покорны, коль надуть нас можно,
Подумаешь, что с неба притекли,
Как ангелы лепечут, только ложно.
Однако, в путь! Уж все кругом серей,
Туман встает, и в воздухе свежей!
Под вечер только дом и мил.
Чего ж ты стал и взоры вдаль вперил?
Во что при сумраке так мог ты углубиться?

Фауст

Не видишь, черный пес по жнивью там кружится?**

Вагнер

Давно заметил я. Что ж толку в этом есть?

Фауст

Получше присмотрись! Чем зверя можно счесть?

Вагнер

Да пуделем, который тож в печали
Хозяйских нюхает следов.

---

* *Ков (устар.)* — тайный злой умысел, коварное намерение, заговор.

** В народной книге о докторе Фаусте встречается «собака Фауста» по кличке Прехтигиар, меняющая окраску и помогающая своему хозяину в его проделках.

Ф а у с т

Заметил ты, как он в большой спирали
Носясь кругом, к нам близиться готов?
И все мне кажется, что огненный, проворный
Какой-то вихрь за ним летит.

В а г н е р

Не вижу ничего. Ну, просто пудель черный;
В глазах у вас, должно, рябит.

Ф а у с т

Как будто нас ловя, магические петли
Вокруг он наших ног старается плести.

В а г н е р

Я вижу: ищет он, хозяина тут нет ли,
И к незнакомцам двум боится подойти.

Ф а у с т

Круг все тесней; сближается он к нам!

В а г н е р

Собака, как и есть, не призрак, видишь сам.
Визжит и льнет, как растянулся — натко!*
Вертит хвостом, — собачья вся повадка!

Ф а у с т

Ну, подойди! Пойдем со мной!

В а г н е р

Ну, право, пудель пресмешной.
Ты остановишься, он служит;
Заговоришь, он радость обнаружит;
Что потеряй, ведь он найдет,
За палкой в воду сам прыгнет.

Ф а у с т

Ты, точно, прав; мы духа не найдем
Тут признака, все дрессировка в нем.

В а г н е р

Собаку, с должным воспитаньем,
И мудрый муж почтит вниманьем.
Он стоит, чтоб и ты к нему привык,
Студентов он отличный ученик.

(Они уходят в градские ворота.)

---

* *Натко (устар.)* — указывает на вещь: на, бери.

Кабинет

Фауст
(входит с пуделем)

Покинул я поля и долы,
Глубокой ночью мир объят,
Ее священные глаголы
С душой в нас лучшей говорят.
Почиют в глубине сердечной
Все злые помыслы и сны,
Полны любви мы человечной,
Любовью к Богу мы полны.

Пудель, уймись! И взад и вперед не мечися!
Что на пороге ты нюхаешь там?
В угол за печкой ложися,
Свою подушку тебе отдам.
Как тешил прыжками ты нас вдоль дороги,
Стараясь нам ласку казать, а не злость,
Прими мою ласку ты после тревоги,
Как дорогой и тихий гость.

Ах! Как отрадно в тесной келье,
Лампада смотрит на тебя,
Опять в душе как бы веселье
И в сердце, знающем себя.
Опять наш ум глядит далеко,
Надежда снова горяча,
И жизни жаждем мы потока,
И жизни ищем мы ключа.

Полно рычать тебе, пудель! К звукам священным,
В душу вливающим мне благодати,
Эти звериные звуки некстати.
Люди встречают с укором надменным
То, чего не поймут,
Что перед добрым или вдохновенным
Им тяжело порицанье унять, —
Знать и собаке охота рычать?

Но, ах! Я чувствую, в противность доброй воле,
Довольства грудь моя не источает боле.
Но отчего ж поток подобный сякнет вдруг,

И жаждою опять томится дух?
Я испытал все эти превращенья!
Такой пробел есть способ восполнять,
Мы неземное станем почитать,
Алкать мы станем откровенья,
Которого нигде достойней, чище нет
Того, что новый дал завет.
Возьму я подлинник, раскрою,
С правдивым чувством, я взалкал
Святой оригинал
Перевести мне речию родною.
(Он открывает том и готовится.)
Написано: «Вначале было слово»*.
Вот я и стал!
Как продолжать мне снова?
Могу ли слову я воздать такую честь?
Иначе нужно перевесть!
Коль верно озарен исход тяжелых дум,
То здесь написано: «Вначале был лишь ум».
На первой строчке надо тщиться,
Чтобы перу не заблудиться!
Ум та ли власть, что все, подвигнув, сотворила?
Поставлю я: «Была вначале сила».
Но в миг, как собралась писать рука моя,
Предчувствую, что все не кончу этим я.
Вдруг вижу свет! Мне дух глаза открыл!
И я пишу: «Вначале подвиг был».
Коль хочешь комнату со мной делить,
То перестань ты, пудель, выть.
Ты лаешь!
И мне мешаешь.
Такого соседа к себе не приму,
Из нас одному
Нет места в дому.
Хоть гостя гнать я и не сроден**,
Дверь отперта, и ты свободен.
Но что я вижу пред собой!
Естествен ли исход такой?
Тень это? Иль на самом деле?
Мой пудель прибывает в теле,

* Гете приводит здесь начало первого стиха из Евангелия от Иоанна.

** *Сроден* — подобен.

Растет, — его не узнаешь,
Уж на собаку он не похож!
Какой упырь мной в комнату введен!
С гиппопотамом сходен он,
Глаза горят, ужаснейшая пасть.
Не вздумай ты пропасть!
Я знаю, братцы, как могуч
Над вами Соломонов ключ*.

Д у х и * *
(в коридоре)

Там один уже попался!
Благо, сам ты цел остался!
Словно в капкане теперь
Адский томится там зверь.
Но погодите!
Вейтесь, летайте кругом.
Этим его вы путем
Освободите.
Кто только может,
Пусть-ко поможет!
Всем нам, бывало,
Сам угождал он немало.

Ф а у с т

Чтоб встретиться со зверем мог,
Беру заклятье четырех:
Саламандра гори,
Ундина кружись,
Сильфида пари,
Кобальт трудись.***
Что ни стихия
Силы иные,
Кто их не знает,
Не совладает

---

* В европейских народных сказаниях средних веков библейский царь Соломон считался могучим волшебником. «Ключ Соломона» — древнееврейский сборник заклинаний. Эта мистическая книга получила широкое распространение в XVIII веке в масонских кругах.

** Здесь: духи — прислужники Мефистофеля, пытающиеся спасти его от магических заклинаний Фауста.

*** Фауст заклинает здесь четыре стихии: огонь, воздух, воду и землю. Саламандра в этом заклятии олицетворяет стихию огня, так как, по легенде, это пресмыкающееся не горит в огне; Ундина олицетворяет духов воды, Сильфида — духов воздуха, а Кобальт — духов земли.

В веки веков
С миром духов.

В огне исчезни,
Саламандра!
Скройся в бездне
Ундина!
Будь метеора причина,
Сильфида!
Дом охраняй от обиды,
Инкубус*! Инкубус ты!
Будете каждый своим заняты.

Из четырех их ни одно
Во звере не обретено.
Лежит, как на смех, безобидно;
Не пронял я его, как видно.
Но стану опять
Сильней заклинать.

Так если чадо,
Беглец ты ада,
То этим знаком
Из вас во всяком
Возбудим смиренье мы!**
Уж ощетинился сын тьмы.
Проклятый род!
Прочтешь ли вот?
Знак век несотворенного,
Неизреченного,
На небо вознесенного,
Преступно пробожденного?

Залез за печку он,
Раздулся — точно слон,
Все больше, больше он растет,
Пустил туман великий.
Не подымайся ты под свод!
А ляг к ногам владыки!
Ты видишь сам, недаром я грозил,
Тебя святым огнем я опалил!

* *Incubus (лат.)* — название домового, домашнего духа, хранящего клады.

** Знак, изображающий начальные буквы имени Иисуса Христа.

А станешь ждать,
Трикраты опалю опять!
Тебя унять
Сильней искусство берегу я!

Мефистофель

(выходит из тумана из-за печки бродячим схоластиком)

Зачем шуметь? Чем услужить могу я?

Фауст

Вот чем был пудель начинен.
Проезжий в нем схоласт? Вот истинно забавно!

Мефистофель

Ученому глубокий мой поклон!
Меня потеть заставили вы славно.

Фауст

Как звать тебя?

Мефистофель

Вопрос подобный мал
В устах того, кто так не ценит слова,
Кто оболочку отвергал,
Вникая в суть всего живого.

Фауст

У вашей братии, признаться,
Легко по имени добраться
До существа. Так вас к лицу зовем
Царем мы мух, губителем, лгуном.
Прекрасно, кто же ты?

Мефистофель

Той силы часть и вид,
Что вечно хочет зла, и век добро творит.

Фауст

Что эта притча означает?

Мефистофель

Я дух, который отрицает!
И в этом прав; все, что родится,
Достойно, чтобы провалиться;
Не лучше ль было б ничему не быть.
И что затем грехом могло прослыть,
Все разрушенье, мысли злые —
Как раз и есть моя стихия.

Ф а у с т

Ты частью назвался, а весь передо мной?

М е ф и с т о ф е л ь

Я правду высказал со скромностью большой.
Коль человек свой шутовской мирок
Счесть целым, как известно, мог,
То часть той части я, что прежде всем была,
Часть тьмы, которая и свет произвела,
Свет гордый, что свою родительницу ночь,
Всего лишив, из мира гонит прочь,
А все удачи нет; затем, что сам
Вполне прикован он к телам.
Тела он красит, исходя из тел,
Тела в пути ему преграда, —
Надеюсь, долго ждать не надо,
Чтоб он с телами отлетел.

Ф а у с т

Теперь ясна твоя задача!
Тебе в великом неудача,
Так ты пошел по мелочам.

М е ф и с т о ф е л ь

Успеха, точно, мало там.
Небытия противовес,
То нечто — этот мир балбес, —
Над ним лишь сам себя измаешь,
А все его не доконаешь,
Огнем ли, бурей иль волной.
Земля и море все в поре одной!
А этой погани, зверо-людской породы
Ничем известь не хватит сил.
Уж скольких я похоронил!
Глядишь, опять цветут по милости природы.
С ума сойдешь! Не выдумаешь гаже,
В земле, в воде и в ветре даже
Кишит зачатков миллион,
Сушь, влагу, стужу наполняя!
Не захвати себе огня я,
Так бы остался обделен.

Ф а у с т

Так против силы благородной,
Творящей вечно красоты,

Кулак чертовский свой, холодный,
Сжимаешь понапрасну ты!
Уж лучше же иным предметом
Займись, сын хаоса чудной!

Мефистофель

Подумать стоит мне об этом;
Впредь потолкуем мы с тобой!
Нельзя ль теперь мне удалиться?

Фауст

Я не пойму, вопрос о чем.
Ты навещай, когда случится,
Теперь с тобою я знаком.
Вот дверь, а вот тебе окошко;
Труба открыта пред тобой.

Мефистофель

Признаться, мой уход немножко
Стеснен безделицей одной —
Волшебный знак там на пороге.

Фауст

От пентаграммы ты в тревоге?*
Эге! Скажи, коль в ней такая власть,
Как мог сюда, сын ада, ты попасть?
Как дух — и дожил до расплоха**?

Мефистофель

Ты присмотрись! Начерчен знак-то плохо;
Тот угол, что глядит на дверь,
Оставлен, видишь сам, открытым.

Фауст

Вот вышло дивом знаменитым!
Ты у меня в плену теперь?
И неожиданно и мило!

Мефистофель

Собака, ничего не чуявши, вскочила,
Теперь же дело-то ахти!
Черт очутился взаперти.

---

* *Пентаграмма* — магический знак в виде пятиугольной звезды, по углам которой размещены начальные буквы греческого имени Иисуса Христа. Пентаграмму изображали для того, чтобы спастись от проникновения в дом злых духов.

** *Расплох* — состояние того, кого захватили нечаянно, врасплох.

Ф а у с т

Но видишь сам, окошко не заперто.

М е ф и с т о ф е л ь

Закон для привидений и для черта:
Уйти путем, которым мог войти.
И в первом мы рабы, второе кто как знает.

Ф а у с т

И ад законы наблюдает?
Вот хорошо. Так можно заключить
И договор с такими господами?

М е ф и с т о ф е л ь

То, что обещано меж нами,
Без оговорок можешь получить.
Но нужен толк в такой затее.
В другой перетолкуем раз;
Теперь прошу покорнейше я вас,
Освободить меня скорее.

Ф а у с т

Минуточку еще одну побудь!
Хорошую, быть может, сказку знаешь.

М е ф и с т о ф е л ь

Теперь пусти! Вернусь я как-нибудь;
И спрашивай, о чем ты пожелаешь.

Ф а у с т

Я не ловил тебя, не завлекал.
Сам влез ты в сеть, в том нету спора.
Держись за черта, кто его поймал!
Его в другой не так поймаешь скоро.

М е ф и с т о ф е л ь

Изволь — останусь, коль велишь,
Воспользуюсь беседою твоею;
Но под условием, что лишь
Тебя своим искусством порассею.

Ф а у с т

Смотреть я рад и соглашусь;
Но чтоб в искусстве был и вкус!

М е ф и с т о ф е л ь

От моего, мой друг, искусства
В час насладятся больше чувства
Твои, чем в целый скучный год.

Что духи пропоют малютки,
То не простые только шутки,
А ряд прелестнейших картин.
Тебе понежат обонянье,
И вкус, и даже осязанье,
Не то, чтоб только слух один.

Ф а у с т

О подготовке не мечтай,
Мы в сборе все тут, — начинай!

Д у х и

Вскройтесь, раздайтесь.
Мрачные своды!
Выглянь скорее,
Чище, синее
Нежный эфир!
На небе чисто,
Тучи проплыли!
Звезды лучисто
Вдруг озарили
Радостный мир.
И бестелесных,
Духов прелестных
Легкие волны
Мимо парят,
Нежности полны
Душу манят;
Их одеянья,
Все из сиянья,
Скрыли и поле,
Скрыли тень сада,
Где восхищенный,
С милою в неге,
Бродит влюбленный.
Тень и прохлада!
Рвутся побеги!
Сок винограда
Льется в бокалы
Сладостный, алый.
Винная пена
Мчится из плена,
Брызнет по грудам,
По изумрудам,

Мимо высоких
Гор пробегает,
В плесах широких
Холм обступает.
В радости птицы
Пьют и ныряют,
К свету денницы
Рвутся, взлетают;
Вьются красиво
Над островами,
Что прихотливо
Зыблет волнами;
Где раздаются
Громкие хоры,
В плясках мятутся
Ленты, уборы.
Радостно в поле
Всем им на воле.
Те подыматься
Тянутся в горы,
Эти плескаться
Лезут в озеры.
Эти ж взлетели,
Жить захотели
Все к общей цели,
Где заблестели
Звезды любви.

Мефистофель

Он спит! Спасибо, крошки дорогие!
Вы сны ему напели золотые!
Я за концерт в долгу, друзья мои.
А, черта удержать, знать, ты затеял много!
Вы полелейте полубога
В пучине грез, на самом дне; —
Но снять волшебный знак с порога,
Крысиный зуб потребен мне.
Не долгие тут нужны заклинанья,
Вот уж одна шуршит услышать приказанья.

Я, повелитель крыс, мышей,
Лягушек, мух, клопов и вшей,
Тебе приказываю строго,

Грызи у этого порога,
Где только маслом я пролью.
Прыгнула, — вижу прыть твою!
Скорей! Тот угол, что мешает,
Вон в самый выход упирает.
Еще кусни и срежешь вгладь! —
Ну, Фауст, пока вернусь, ты можешь почивать.

(Уходит.)

Ф а у с т

(просыпаясь)

Ужель обманут я вторично?
Иль час видений миновал,
Что черт приснился мне отлично,
И что мой пудель убежал?

Кабинет

Фауст, Мефистофель.

Ф а у с т

Стучат? Войди! Кому мешать досужно?

М е ф и с т о ф е л ь

Я здесь.

Ф а у с т

Войди!

М е ф и с т о ф е л ь

Сказать трикраты нужно.

Ф а у с т

Войди же!

М е ф и с т о ф е л ь

Вот я сбросил спесь.
Дела у нас не будут худы!
Чтоб разогнать твои причуды,
Как кавалер я светский здесь.
Плащ в золоте кругом — весь красный,
А на мантилье шелк прекрасный,
И петушиное перо
На шляпе, — шпага боевая.

И точно так же ты пестро
Оденься, часу не теряя,
Чтоб ты развязен, волен, прям,
Что значит жить — изведал сам.

Ф а у с т

Знать в каждом платье тем же мне остаться
И тягость жизни сознавать.
Я слишком стар — игрушками прельщаться,
И слишком молод — не желать.
Что даст мне мир? Какие благостыни?
Воздержен будь! Воздержен будь! И ныне
Все та же песня нищеты
Звучит у каждого над ухом,
И каждый час до хрипоты
Всю жизнь владеет нашим слухом.
Я просыпаюсь даже с содроганьем;
Готов встречать я горькою слезой
День, что не даст, наперекор желаньям,
Одной надежде сбыться, — хоть одной.
Он даже сладкую мечту
Разбором злобным разгоняет,
И, что я создал сам и чту,
Кривляньем будничным пугает.
Я принужден и в тишине ночной,
Ложася на постель, бояться;
И тут мне не сужден покой,
И сны ужасные толпятся.
Тот бог, что сердцу говорит, —
И все внутри меня тревожит;
Как он над силами моими ни царит,
На внешнее воздействовать не может.
И так влачу я ношу бытия,
Мила мне смерть, постыла жизнь моя.

М е ф и с т о ф е л ь

А тем не меньше смерть — все грустная статья.

Ф а у с т

О! Счастлив тот, кого она венчает
Кровавым лавром в битве с вражьей силой,
Иль кто ее, окончив пир, встречает,
Нежданную, в объятьях девы милой.
О, если б, восхищен порывом духа, мог
Я бездыханен пасть с мечтой прелестной!

Мефистофель

А кто-то все-таки тот темный сок
В ночи не выпил, нам известной.

Фауст

В шпионстве, кажется, отрада вся твоя.

Мефистофель

Хоть нет всеведенья, но много знаю я.

Фауст

Когда из страшного смущенья
Меня извлек отрадный гул,
И детским жаром умиленья
Времен блаженных обманул;
Кляну я все, пред чем живая
Душа забыть способна боль,
Все, что, сверкая и лаская,
Нас гонит в мрачную юдоль!
Кляну, во-первых, самомненье,
Которым дух у нас повит!
Кляну лукавое явленье,
Что нашим чувствам говорит!
Кляну, что льстит одним мечтаньям,
Как имя, славы вечный гром!
Кляну, что манит обладаньем:
Женой, детьми, сохой, рабом!
Кляну мамона* в час, как дело
Он выставляет нам как цель,
И в час, когда лелеять тело
Он стелет мягкую постель!
Кляну я гроздий вдохновенье!
Кляну любви живой успех!
Надежду, веру, а терпенье
Кляну я первым изо всех!

Хор духов
(незримый)

Увы! Увы!
Его ты разбил,
Прекрасный мир,
Могучей рукой.
Упал кумир.

---

* *Мамон* — согласно библейским преданиям демон, олицетворяющий грех жадности.

Повержен во прах полубогом!
Мы прячем
В ничто дорогие обломки,
И плачем,
Полны сожаленья и страха.
Всевластный
Сын праха!
Прекрасный
Воскресни,
Чтоб сердцем его воссоздать!
И жизнью дышать
Иною,
С веселой душою, —
И новые песни
Польются опять!

Мефистофель

Слышишь, как эти
Умные дети
К поискам светлых минут
Совет дают!
В мир наслажденья,
Из заключенья,
Где наши мысли и кровь застывают,
Тебя увлекают.

Брось предаваться горьким бредням,
Они как коршун на груди твоей.
Почувствуешь ты в обществе последнем,
Что человек ты меж других людей.
Я этим не хочу сказать,
Что в сволочь пустимся мы оба!
Хоть я не важная особа;
Тебе лишь стоит пожелать
Пуститься об руку со мною, —
И я тебя вполне устрою.
Твоим повсюду
Товарищем буду,
А, если угожу потом,
Я буду слугою, я буду рабом!

Фауст

А я, чем буду я в закладе?

Мефистофель

До этого путь долог — не тернист.

Фауст

Нет, нет! Я знаю, черт — великий эгоист,
Не станет он трудиться Бога ради,
Уж больно на руку нечист.
Ты напрямик скажи мне: дело в чем?
Такой слуга беды накличет в дом.

Мефистофель

Здесь я готов тебе служить стараться,
По взгляду твоему трудиться, угождать;
Ты должен тем же поквитаться,
Когда мы там увидимся опять.

Фауст

Что там, о том я не горюю;
Как разобьешь ты жизнь земную,
Пускай иная настает.
Я счастье на земле вкушаю,
Под этим солнцем я страдаю;
Пусть там, когда их потеряю,
Что хочет, то произойдет.
На что мне знать, в каких размерах
Туда любовь и злобу можно внесть,
И подлинно ли в оных сферах
И верх, и низ такой же есть.

Мефистофель

С таким воззреньем жди ты проку.
Сойдемся! И тебя, дай сроку,
Искусством стану ублажать,
Какого никому из смертных не видать.

Фауст

Что можешь дать ты, дьявол бедный?
Когда же дух, порыв наш всепобедный
Тебе подобным понят был?
Но пищи ты без сочной накопил.
Есть у тебя и золото; схватил —
Оно как ртуть — пропал и след.
Есть и игра, где выигрыша нет,
И девушка, что на груди моей
Старается мигнуть соседу,
Есть почести, — дым алтарей —

Как метеор блестящие без следу.
Сули мне плод, что до срыванья сгнил,
И дерева, что вечно вновь одеты!

Мефистофель

Такой задачей ты не затруднил;
В избытке все подобные предметы.
Но, милый друг, порой и вкус бывает разный,
И сладкий кус в тиши нас лакомо зовет.

Фауст

Когда спокойно я разлягусь в неге праздной,
Пускай сейчас конец мой настает!
Когда исполнишь самомненьем
Меня, налгав о мне самом,
Когда обманешь наслажденьем:
Тот день будь мне последним днем!
Бьюсь об заклад!

Мефистофель

Идет!

Фауст

Порукой в том!
Когда воскликну я мгновенью:
Остановись! Прекрасно ты!
Тогда я твой без возраженья,
И двери гроба отперты!
Пусть звон я слышу, умирая,
Свободен ты с того же дня,
Спадет и стрелка часовая,
И минет время для меня!

Мефистофель

Я не забуду, ты обдумай зрело.

Фауст

Ты будешь прав. Не так я слаб,
Чтоб сам не сознавать предела, —
И настою на том: я раб,
Твой или чей? Какое дело!

Мефистофель

За пиром докторским сегодня в вечерок
В лакейском я явлюсь наряде.
Но жизни или смерти ради,
Молю, ты дай мне пару строк.

Ф а у с т

Педант! Ты требуешь, чтоб я расписку дал?
Ты слова честного, как видно, не знавал?
Иль мало, что себя, дав слово, я обрек
Порвать всю связь с былым существованьем?
Как бешено мирской уносится поток,
А я, я буду связан обещаньем?
Но этот призрак в нашем сердце скрыт,
И с ним бороться кто посмеет?
Блажен, кто верность свято чтит,
О жертвах он не пожалеет!
А все пергамент всех страшит,
Всяк перед подписью робеет.
В пере уж слово умирает,
А воск на коже* власть воспринимает.
Тебе что нужно, злобный дух? Ответь:
Бумага иль пергамент, мрамор, медь?
Писать мне грифелем, резцом или пером?
Уж выбирать ты сам потщишься.

М е ф и с т о ф е л ь

К чему ты тотчас горячишься
При красноречии своем?
Листок какой-нибудь. Все равно хороши.
Ты каплей крови подпиши.

Ф а у с т

Коль таково твое желанье,
Исполним это мы кривлянье.

М е ф и с т о ф е л ь

Кровь — самый самобытный сок.

Ф а у с т

Не бойся! Нарушать союза не желаю!
К тому всех сил моих поток
Стремится, что я обещаю.
Я заносился, все кляня;
Я из таких, как ты теперь.
Отверг великий дух меня,
Природа заперла мне дверь.
Нить мысли порвалася больно;
От знанья тошно мне невольно.
Упьемся чувственности дымом,

* Под «воском на коже» подразумевается восковая печать, которой скрепляли написанное на коже (пергаменте).

Страстей задушим в нем напор!
И в волшебстве непостижимом
Пусть будет чудесам простор!
В поток времен низринемся шумящий,
В раскат событий настоящий!
И пусть довольство и нужда,
Удача и беда
Меняются, как знают, век:
Лишь в подвигах и виден человек.

Мефистофель

Запрета нет тебе, ты знай.
Везде, коли придет охота
Тебе что выхватить с налета,
Так и во здравие вкушай.
Хватай, отбрось застенчивость далече.

Фауст

Ты слышишь, тут о радости нет речи.
Я хмелю предаюсь мучительных отрад,
Любовной я вражде и сладкой грусти рад.
Чтоб грудь моя, не алча знаний боле,
Могла затем все горести вместить,
И что всем смертным выпало на долю,
Я сам в себе желаю пережить,
Восторг и скорбь, все, чем трепещут люди,
Я накоплю в своей дрожащей груди,
В стремленье их найду свое стремленье,
И потерплю, как и они, крушенье.

Мефистофель

Поверь, жую уже, мой милый,
Я этот кус не первый век.
Его от колыбели до могилы
Переварить не в силах человек!
Поверь мне, целое все это
Посильно Богу одному!
Лишь он один в сиянье вечном света,
Мрак бездны предоставил нам;
А день и ночь пригодны только вам.

Фауст

Но я хочу!

Мефистофель

Тут нечего ждать долго!
Но одного боюсь опять,

Жизнь коротка, искусство долго.
Ты б мог благой совет принять:
Вступи в сообщество с поэтом.
Пусть он заносится мечтой.
И самым благородным светом
Пусть окружает облик твой,
Отвагой львов,
Оленей быстротою,
Тебе даст итальянца кровь,
Мощь северян унизит пред тобою.
Пусть он сумеет слить два царства,
Великодушье и коварство.
Успеет также, может быть,
Тебя по плану он влюбить.
Хоть мне б такого молодца поймать,
Его бы стал я микрокосмом звать.

Ф а у с т

Что ж я, когда не в силах снесть
Венца, которым всяк гордится,
К которому душа стремится?

М е ф и с т о ф е л ь

Ты напоследок-то, что есть,
Хоть ты в парик кудрявый наряжайся,
Хоть на каблук аршинный подымайся,
Ты все останешься, чем есть.

Ф а у с т

Я чувствую, напрасно был я падок
На все, что дух способен совмещать,
А как взгляну на собственный осадок,
То бьющих сил там новых не видать;
Ни на волос не стал я выше,
И к бесконечному не ближе.

М е ф и с т о ф е л ь

На вещи ты такого взгляда,
Как вещи принято ценить;
Но нам умнее взяться надо,
Чтоб светлых дней не упустить.
Кой прах! Рука, нога, сознаюсь,
И мозг, и ж<…> — все твое!
Но все, чем впрямь я наслаждаюсь,
То разве не вполне мое?

Коль я коней купить шестерку мог,
То не мои ль их силы в этом мире?
И молодцом несусь я, словно ног
Всех у меня двадцать четыре.
Приободрись! Весь позабудь ты бред,
И прямо пустимся мы в свет!
Скажу тебе: кто в критику зарыт,
С животным схож в тоске голодной,
Которое злой дух по голому кружит,
А корм кругом зеленый, превосходный.

Ф а у с т

С чего ж начнем?

М е ф и с т о ф е л ь

Сейчас уйдем. Пора.
Что тут за грустная дыра?
Какой ты жизнью здесь живешь?
Тоскуешь сам, тоскует молодежь.
Соседу это предоставь любому!
Какая радость век промолотить солому?
Все лучшее, что можешь знать,
Не смел ты юношам сказать.
Уж там один в сенях шагает!

Ф а у с т

Его никак я не приму.

М е ф и с т о ф е л ь

Давно бедняжка ожидает;
И не помочь нельзя ему.
Ты дай берет мне свой и платье;
К лицу наряд мне самому.
(Переодевается.)
Мне предоставь теперь занятья!
Я в четверть часика окончу. Удались.
Тем временем ты в путь прекрасный снарядись!
(Фауст уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь
(в платье Фауста)

Лишь презирай ты разум, знанья луч,
Чем человек одним могуч,
Пусть силой волшебства игривой
В тебя дух воцарится лживый, —
Тогда ты безусловно мой.

Ему судьбой дан дух неукротимый,
Который рвется все вперед,
И с жаждою неутолимой
Он мимо благ земли идет.
Промчу его туда, где жизнь мятется
По самым плоским пустякам;
Пусть липнет он, дрожит и бьется;
Его алкающим устам
Предстанет все, чтоб есть и упиваться;
Но тщетно он отрады будет ждать —
И хоть бы черту он не вздумал предаваться,
Ему бы все несдобровать!

(Входит ученик.)

Ученик

Я здесь еще с недавних пор.
Дерзну ль вступить я в разговор
С тем мужем, что всеобщим мненьем
Великим окружен почтеньем?

Мефистофель

Я рад любезности речей!
Не лучше многих я людей.
Вы осмотрелись хоть отчасти?

Ученик

Прошу принять во мне участье!
Я к делу приношу любовь,
Деньжонок несколько и молодую кровь.
Мать отпускать меня едва могла решиться,
Здесь настоящему хотел бы научиться.

Мефистофель

Как раз на верном вы пути.

Ученик

А мне хоть бы назад уйти;
Все стены, переходы только,
Мне в них не нравится нисколько,
Совсем замкнулся белый свет,
Нет зелени, деревьев нет.
А в зале, на скамейках — разом
Заходит даже ум за разум.

Мефистофель

Нужна привычка, милый друг.
Дитя к родной груди не вдруг

Своей охотой припадет,
А после всласть ее сосет.
Так и премудрости сосцами
Разлакомитесь после сами.

Ученик

Я рад в ее объятья устремиться.
Скажите мне, как этого добиться?

Мефистофель

Во-первых, дайте мне ответ,
Какой избрали факультет?

Ученик

Ученым быть желаю страх,
Что на земле и в небесах
Хотел бы знать я без сомненья,
В природе, в области наук.

Мефистофель

Вот настоящий путь, мой друг;
И бойтесь только развлеченья.

Ученик

Душой и телом я готов;
Но было б хорошо при этом,
Хотя на несколько часов
Повеселиться в праздник — летом.

Мефистофель

Да, время мчится без оглядок;
Его беречь научит вас порядок.
Возьмитесь, друг мой, вы за ум,
Сперва Collegium logicum!*
Тут дух ваш чудно дрессируют,
В сапог испанский зашнуруют,
Чтоб осторожнее идти
Он мог на мысленном пути,
А не совался б на авось
Огнем блудящим вкривь и вкось.
Тут вам укажут, что к тому,
Что было просто так уму,
Как пить и есть, — без всякой при, —
Теперь потребно раз, два, три.
На фабрике мыслей действительно тож,

* Курс логики *(лат.)*.

Что только на ткацком станке узнаешь.
Летает и взад и вперед челночок,
Наступят, — и тысячи нитей мятутся,
И к ткани всеобщей невидимо льются,
И тысячи нитей скрепляет толчок.
Философ станет вас учить,
Что этому так и следует быть:
Что первое так, и второе так,
Поэтому третье, четвертое так,
А в-первых, да во-вторых принять,
То в-третьих, в-четвертых и век не бывать.
Ученики повторяют сами
Все это. Однако, не стали ткачами.
Кто хочет живое познать, описать,
Сначала старается дух-то изгнать;
Тогда овладел он отдельною частью,
Лишь связи духовной не стало, к несчастью.
Encheiresis naturae* то в химии-де,
Смеются сами своей беде.

Ученик

Я не вполне вас мог понять.

Мефистофель

Вам станет легче понимать,
Когда дойдете до редукций,
Классификаций и конструкций.

Ученик

Ошеломлен всем этим я,
Как будто в голове грохочет толчея.

Мефистофель

Затем бы, чтоб не разбросаться,
Вам метафизикой заняться!
Тут нужно вам над тем присесть,
Что в мозг людской не может влезть;
В том, что в него, хотя не входит,
Прекрасное слово из бед выводит.
Но в полугодье первом здесь
Порядок заведите весь.
Пять лекций в день у вас пока;
Входите в самый бой звонка!
Да приготовьтесь на дому,

* Повадка природы, ее способ действия *(лат.)*.

Вперив параграфы уму,
Тогда виднее будет вам,
Что к книжке он не прибавляет сам.
Записывайте же, друг мой,
Как будто сам диктует Дух святой!

Ученик

Я не забуду! Мне на ум пришло,
Какая польза в том таится,
Что вывел черным набело,
То дома без забот хранится.

Мефистофель

Но изберите ж факультет!

Ученик

К законоведенью охоты не имею.

Мефистофель

На вас сердиться я не смею,
Науки этой мне знаком предмет.
Законы и права передаются,
Как бы наследственный недуг;
Из рода в род они плетутся,
К чужим переходя не вдруг.
Тут ум в безумство обернется,
Дар в муку, —
Правнуку беда!
О праве, что при нас всегда,
О нем никто не заикнется.

Ученик

Усилили во мне вы отвращенье.
Блажен, кто внемлет ваше поученье.
Хоть богословие я б, кажется, избрал.

Мефистофель

Я б в заблуждение вводить вас не желал.
В науке этой, мнится мне,
Путь верный нелегко сыскать через мытарства.
В ней столько яду есть на дне,
Который отличить так трудно от лекарства.
Тут тоже лучшее, вам слушать одного
И клясться на слова его.
И вообще — держитесь слова!
Тут вам дорога вся готова
И убеждение дано.

Ученик

Но в слове ж быть понятие должно.

Мефистофель

Прекрасно! Но к чему так мучиться некстати;
Как раз, где недочет понятий,
Там слову стать и суждено.
Словами ловки спорить все мы,
Словами создавать системы,
В слова мы верим, нам слова так милы,
Из слова йоты выкинуть нет силы.

Ученик

Не задержал я вас едва ли,
Но все решаюся трудить.
О медицине, может быть,
Вы мне словечко бы сказали?
Три года не далекий срок —
И боже! Путь-то как широк!
Вы указали бы предел
На этом поле распростертом.

Мефистофель

(про себя)

Так тон сухой мне надоел,
И снова хочется быть чертом.

(Громко.)

У медицины нет препятствий на пути;
Учитесь, — мир большой и малый вам открыт,
Чтоб после дать всему идти,
Как Бог велит.
Что пользы рыться в грудах книг,
Всяк труд подъемлет подходящий;
Но кто схватить умеет миг —
Ум настоящий.
Вот вы прекрасно сложены,
Я, чай, и смелости довольно.
В себя поверить вы должны,
Поверят вам и все невольно.
Вам женщины незаменимы;
Их охи, ахи, в добрый час,
Тысячи раз
Все с той же точки исцелимы.
Коль вид ваш веру в них возбудит,
То ваше дело в шляпе будет.

Титул вас должен вывесть в моду,
Затем, что вы искусный человек;
Потом за все хватайтеся с приходу,
Чего другому не дождаться век,
Пожмите пульс меж разговором,
Потом спешите с пылким взором
Свободно стройный стан обнять:
Не туго ль стянута узнать.

Ученик

Вот это стало лучше! Видишь, как и где.

Мефистофель

Теория, мой друг, сера везде,
А древо жизни ярко зеленеет.

Ученик

Клянусь, все это сном каким-то веет.
Дерзну ли к вам явиться я опять,
Чтоб всей-то мудрости внимать?

Мефистофель

Чем я могу, готов помочь.

Ученик

Ну, как же так уйти мне прочь.
Вот мой альбом, благоволите,
В знак снисхождения черкните!

Мефистофель

Прекрасно!

(Пишет и передает.)

Ученик

(читает)

Eretis sicut Deus, scientes bonum et malum.*

(Закрывает альбом и раскланивается.)

Мефистофель

Послушайся ты слов змеи-старушки — нутко;
В богоподобии тебе придется жутко!

(Входит Фауст.)

Фауст

Куда ж теперь?

Мефистофель

Как вздумаем с тобой.
Посмотрим малый свет, посмотрим и большой.

* Будете, как Бог, знать добро и зло *(лат.)*.

Веселость, пользу ты почуешь,
Как этот курс переликуешь!

Ф а у с т

Но с этой длинной бородой
Не справлюсь с жизнью я иной.
Теперь мне трудно жить учиться;
Никак не мог я к свету примениться;
Я при других так мал, стеснен,
И буду я всегда смущен.

М е ф и с т о ф е л ь

Любезный друг, чего ты так робеешь?
Коль веришь ты в себя, так ты и жить умеешь.

Ф а у с т

Но как нам выйти из тюрьмы?
Где кони? Где карета? Слуги?

М е ф и с т о ф е л ь

Вот этот плащ раскинем мы;
И полетим быстрее вьюги.
Коль ты на смелый шаг готов —
Больших не забирай узлов.
Немножко воздуху горячего добуду,
И понесет он нас повсюду.
При легкости успешен будет взлет
Я поздравляю, — жизнь тебя другая ждет.

Погреб Ауэрбаха в Лейпциге*

Пир гуляк

Ф р о ш

И не хохочут? И не пьют?
Пугну, кто будет киснуть тут!
Вы словно мокрая солома,
А, чай, веселость вам знакома.

* Погреб Ауэрбаха был местом сборищ студентов, в которых принимал участие и молодой Гете, когда был студентом Лейпцигского университета.

Брандер

Твоя вина; и сам-то ты хорош,
Ни глупостью, ни свинством не займешь.

Фрош

(льет ему на голову стакан вина)
То и другое на!

Брандер

Сугубая свинья!

Фрош

По просьбе стал такою я!

Зибель

За дверь всех спорщиков, — смотри!
Пой круговую! Пей! Ори!
О! Го, го, го!

Алтмейер

Хоть ваты мне бы дали!
Эх, уши бедные пропали!

Зибель

Как задрожат и своды, и стена,
Тут только баса сила вся слышна.

Фрош

Так, так, за дверь, кто нос дерет на сходке!
А! Тра ла-ла!

Алтмейер

А! Тра ла-ла!

Фрош

Настроены все глотки.
(Поет.)
Священный, славный римский трон,
Как может он держаться?

Брандер

Политика! Фи! Дрянь такую петь!
Хвалю я Господа все с каждым утром боле,
Что не дал мне забот о римском Он престоле.
Какое счастие, скажу я, не хвалясь,
Что я не канцлер и не князь.
Но ведь и нам нельзя без старшины;
И папу мы избрать должны.*

* Церемония избрания «папы» на пьяных пиршествах была широко распространена во многих европейских странах.

Вы знаете, в чем все значенье,
Каким тут качествам дается предпочтенье.

Ф р о ш
(поет)

Вспорхни, голубчик соловей,
Поклонов тысячи снеси красе моей.

З и б е л ь

Красе поклонов нет! Пустячные приветы!

Ф р о ш

Поклон и поцелуй уж не закажешь мне ты!
(Поет.)
Отворилась я в ночи,
Отворилась — постучи.
Затворяюсь — все ушли.

З и б е л ь

Пой! Пой! Ты славь ее, хвали!
Как насмеюсь-то я. О, Боже!
Меня уж провела; с тобою будет то же.
Пускай сам черт с ней затевает связь!
На перекрестке пусть ее ласкает;
Старик козел, на шабаш торопясь,
Пусть доброй ночи ей вприпрыжку проблеяет!
А малый, честью одарен,
Для этой девки не рожден.
Каких поклонов этой кошке,
Как только выбить ей окошки.

Б р а н д е р
(бьет по столу)

Ну, слушай! Что скажу сейчас!
Известно вам, я жить умею;
Сидят влюбленные средь нас,
И вот для них-то я припас,
На сон грядущий то, что предложить вам смею.
Уж песнь! Не сыщете модней!
Подхватывать припев живей!
(Поет.)
В подвале крыса век жила,
На лакомство вострyха,
Над салом, маслом — завела,
Как доктор Лютер, брюхо.
Кухарка яду ей подбрось;

Тут скоро плохо ей пришлось,
Как от любовной пытки.

Хор
(восторженно)
Как от любовной пытки.

Брандер
Бежит, не рада ничему,
Припала к грязной луже,
Грызет, скребет во всем дому,
А легче нет, все хуже.
Немало задала прыжков;
Но и конец ей был готов,
Как от любовной пытки.

Хор
Как от любовной пытки.

Брандер
Она в страстях средь бела дня
По кухне пролетела,
Упала, корчась, у огня,
И страшно засопела.
А отравительница ей:
Тебе, знать, жутко, ей же ей!
Как от любовной пытки.

Хор
Как от любовной пытки.

Зибель
В чем, пошляки, нашли отраду!
Не нужно хитростей больших
Подсыпать бедным крысам яду!

Брандер
Ты, видно, милостив для них?

Алтмейер
Пузан-то с головою лысой!
Стал тих и милостив от бед;
Сравнит себя с раздутой крысой
И видит явный свой портрет.

Фауст и Мефистофель.

Мефистофель
Тебя по первому я следу
Введу в веселую беседу,

Как жить легко увидишь сам.
Тут что ни день, то праздник молодцам.
С большим огнем и малой остротою
На месте всякий на одном
Вертится, как котенок за хвостом.
Коль не страдают головою,
Пока хозяин в долг дает,
Им весело и горе их неймет.

Брандер

Вот эти в месте незнакомом,
И тотчас видно по приемам,
Они с дороги, часа нет, с большой.

Фрош

Ты прав, действительно!
Хвалю я Лейпциг свой!
Он маленький Париж, —
Людей он образует.

Зибель

Кто эти пришлецы?
Ты как считаешь их?

Фрош

Дай срок по этому вопросу!
У них я за вином в единый миг
Червей повытащу из носу.
Должно, высокого рожденья;
У них и вид пренебреженья.

Брандер

Не с рынка ль крикуны?
Хоть об заклад я с вами.

Алтмейер

Быть может.

Фрош

Погоди, — я их нажму!

Мефистофель
(к Фаусту)

Ведь не почуется же черт ни одному,
Хоть тот схвати его когтями!

Фауст

Почтенье господам!

З и б е л ь

Мы тем же воздаем.
(Смотря на Мефистофеля, тихо.)
Знать на одну-то ногу он хромает?*

М е ф и с т о ф е л ь

Позволите ль и нам местечко тут занять?
Уж станем, коль вина хорошего здесь нету,
Мы обществом себя вознаграждать.

А л т м е й е р

Избаловались, видно, вы по свету.

Ф р о ш

На Риппах ехали вечерней вы порой.
Скажите, ужинать с Ивашкой не садились?

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, на дороге с ним мы съехались одной!
И от души разговорились.
О братцах он своих твердил без угомону,
И каждому велел снести нам по поклону.
(Кланяется Фрошу.)

А л т м е й е р

(тихо)
А что? Каков? Досталось!

З и б е л ь

Продувной!

Ф р о ш

Ну, погоди, — он будет мой!

М е ф и с т о ф е л ь

Здесь, как послышалося нам,
Все пели хором так согласно?
Судя по сводам и стенам,
Тут песнь должна звучать прекрасно!

Ф р о ш

А вы, пожалуй, виртуоз?

М е ф и с т о ф е л ь

Ах, нет! Охоты тьма, да силой не дорос.

А л т м е й е р

Хоть песню!

---

* По апокрифическим сказаньям, дьявол хромает с тех пор, как был свернут с неба в ад и при падении сломал себе ногу.

Мефистофель

Сколько вам угодно, господа.

Зибель

Лишь текст бы не был слишком пресен!

Мефистофель

Мы из Испании сюда,
Страны вина и чудных песен.
(Поет.)
Король жил благородный,
При нем блоха жила…

Фрош

Прислушайтесь! Блоха!
Ну, кто когда слыхал?
Блоха! Вот гостью-то зазвал!

Мефистофель
(поет)

Король жил благородный,
При нем блоха жила.
Как сын единородный,
Мила ему была.
Позвал он раз портного,
Вошел портной: взгляни!
Сшей весь наряд ей новый
И брюки пригони!

Брандер

Портному вы бы не забыли
Сказать, чтоб мерка в точь была,
И, если голова своя ему мила,
Чтоб брюки капли не морщили!

Мефистофель

В шелк, бархат разодета,
Явилася она,
Сверх лет, на все на это,
Крестом награждена.
И в министерском, пестром
С звездою кафтане.
Почет ее всем сестрам,
И при дворе оне.
Господ и дам, не шутка!
Грызть стала вся семья,

И королеве жутко,
И камер-фрау ея!
И их чесать не смели,
И щелкать ноготком.
А мы на нашем теле
И щелкаем, и бьем.

Хор
(восторженно)

А мы на нашем теле
И щелкаем, и бьем.

Фрош

Романс на славу! Разлихой!

Зибель

Будь так со всякою блохой!

Брандер

Ты изловчись — и схватишь неравно!

Алтмейер

Да здравствует свобода и вино!

Мефистофель

Стакан свободе в честь и я бы рад испить,
Да вина-то у вас могли бы лучше быть.

Зибель

Мы просим так не говорить!

Мефистофель

Обидится хозяин, я боюсь;
А то бы мог я для начала
Гостям поднесть из нашего подвала.

Зибель

Давайте! Быть в ответе я берусь.

Фрош

Вино хорошее лишь честь вам принесло бы,
Но слишком малые не наливайте пробы.
Когда приходится судить,
Я полон рот хочу налить.

Алтмейер
(тихо)

Их родина не в рейнской ли долине?

Мефистофель

Достаньте мне бурав!

Брандер

На что такой снаряд?
Не бочки же у вас за дверью там стоят?

Алтмейер

Там у хозяина есть инструмент в корзине.

Мефистофель

(берет бурав — Фрошу)

Скажите, вам какие вина любы?

Фрош

Как? Разве можете различных предлагать?

Мефистофель

Я каждого прошу избрать.

Алтмейер

(Фрошу)

Эге! А ты уже облизываешь губы.

Фрош

Коль выбирать, — Рейнвейн я пить всего согласней.
Отечество дары приносит всех прекрасней.

Мефистофель

*(в том месте, где сидит Фрош,
вертит дыру в столе)*

Немного воску мне на пробки восковые!

Алтмейер

Ах, это фокусы пустые!

Мефистофель

(Брандеру)

А вам?

Брандер

Шампанского вина.
Да, чтоб игра была видна!

*(Мефистофель вертит;
между тем один навертел пробок и заткнул дыры.)*

Брандер

Нельзя гнушаться век чужбиной неизвестной,
Хорошее вдали нередко может быть.
Француза полюбить не может немец честный,
Его вино же станет пить.

Зибель

(когда Мефистофель приближается к его месту)

Мне кислое ужасно вяжет рот,
Я предпочту вино послаще!

Мефистофель

(буравит)

Токайским угощу вас даже.

Алтмейер

Нет господа, смотрю я вот,
И вижу сам, смеетесь вы над нами.

Мефистофель

Эх! Эх! С такими господами
Не много ль это затевать?
Скорей! Решайтесь заявлять!
Каким вином служить могу я?

Алтмейер

Да всяким! Что тут толковать!

Мефистофель

(после того, как все дыры заткнуты, со странными движениями)

Гроздья на лозе,
Роги на козе!
Хоть дерево лозы, но сок их желанный,
Вина может дать нам и стол деревянный.
Вот на природу взгляд прямой!
Тут чудеса! Ручаюсь головой!
Ну, пробки вон, и каждый пей!

Все

*(вытягивают пробки, и вино бежит в стаканы)**

О, ключ, сладчайший из ключей!

Мефистофель

Зато, никто и капли не пролей!

(Они пьют в несколько приемов.)

Все

(поют)

Нам, словно пятистам свиньям,
По-каннибальски любо!

Мефистофель

Народ свободный! Видишь, как живут!

Фауст

А я готов бы удалиться.

---

* Рассказ о вине, добытого из деревянного стола, как и последующая сцена одурачивания пьяных гуляк призраков виноградника, заимствованы Гете из народной книги о докторе Фаусте, в которой, однако, оба фокуса показывает Фауст, а не Мефистофель.

Мефистофель

Ты погляди, и бестиальность* тут
Должна отлично проявиться.

Зибель

(пьет неосторожно, вино проливается на землю и превращается в пламя)

Сюда! Горю! Огни зажглись!

Мефистофель

(заговаривая пламя)

Стихия милая, уймись!

(К Зибелю.)

То капелька одна огня из кухни адской.

Зибель

Что это значит? Стой! Что за подвох дурацкий?
Не знаешь видно нас? Нет, братец, не наткнись.

Фрош

Мы просим этого не делать нам вторично!

Алтмейер

По-моему, его б тихонько отпустить.

Зибель

Как господа? Он смеет так шутить?
И фокусы тут строить неприлично?

Мефистофель

Ты, бочка винная, молчать!

Зибель

Ах, кочерга!
Еще грубить ты смеешь сдуру?

Брандер

Постой! Тебе мы вздуем шкуру!

Алтмейер

(вытягивает пробку из стола, на него пышет огнем)

Горю, горю!

Зибель

Тут волшебство!
Он вне закона! Режь его!

(Он вынимает нож и идет на Мефистофеля.)

---

* *Бестия* — плут, пройдоха.

Мефистофель
(с серьезным лицом)
По призрачным словам,
Обман по всем местам!
Вы будьте здесь и там!
(Они стоят в изумлении, глядя друг на друга.)

Алтмейер
Где я? Прекрасный вид какой!

Фрош
Знать виноградники?

Зибель
И грозди под рукой!

Брандер
Беседка, не сыскать тенистей;
Что за лоза! Какие кисти!
*(Хватает Зибеля за нос;
другие делают тоже и подымают ножи.)*

Мефистофель
(как прежде)
Обман, спади с них пеленою!
Шутить вам с чертом не пришлось.
*(Он исчезает с Фаустом.
Товарищи отскакивают друг от друга.)*

Зибель
Что это?

Алтмейер
Как?

Фрош
Ужель твой нос?

Брандер
(Зибелю)
А твой я ухватил рукою!

Алтмейер
Вот был удар! По всем суставам больно!
Стул дайте; падаю невольно!

Фрош
Нет, что случилось? Кто б сказал?

Зибель
Где он, злодей? Его бы в миг не стало.
Когда б его я повстречал!

Алтмейер

Я видел сам, как в двери он подвала
Верхом на бочке ускакал, —
В ногах свинец, как мне сдается.
(Оборачиваясь к столу.)
Как думаешь, вино еще польется?

Зибель

Один обман, затмение одно.

Фрош

Мне помнится, я будто пил вино.

Брандер

А виноград-то, что манил повсюду?

Алтмейер

Вот говори, как не поверить чуду!

Кухня ведьмы

На низком очаге стоит большой котел на огне, в поднимающемся от него пару являются различные образы. Мартышка сидит около котла, снимает пену, заботясь, чтобы он не ушел (перекипел). Мартын (самец) греется подле. Стены и потолок убраны странной утварью колдуньи.

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Все это волшебство — уродство!
Скажи, такое сумасбродство
Способно ль исцелить меня?
Какой совет старуха дать мне может?
И точно ль эта пачкотня
С костей моих лет тридцать сложит?
Пропал я, если нет тут помощи иной!
Уж я отчаиваюсь прямо.
Ужель природа или дух благой
Такого не нашли бальзама?

Мефистофель

Опять разумна речь твоя!
В природе средство есть снять лет твоих вериги;
Но эта странная статья
Написана в особой книге.

Фауст

А как?

Мефистофель

Без ведьм и докторов,
Без всяких денег на расплату!
Ступай ты в поле; будь готов
Там взять топор или лопату.
Воздерживай себя и телом, и умом
Ото всего, что не твое жилище;
Несложною питайся пищей,
Живи среди скота и сам как зверь,
Сам не стыдись свое навозить поле;
Вот средство лучшее, поверь,
Прожить лет восемьдесят боле!

Фауст

Так жить я не привык; не мог я и от скуки
Взять никогда лопаты в руки,
И узость жизни мне тошна.

Мефистофель

Так ведьма все-таки нужна!

Фауст

Зачем старуху эту брать!
Иль ты сварить питья не можешь?

Мефистофель

Охота время мне терять!
Ведь той порой мостов пять тысяч сложишь*.
Тут мало знать или уметь,
Терпенье нужно тут иметь.
В теченье многих лет оставить во вниманье;
Броженью время лишь дать силу в состоянье.
Предметов разных нужно тьму.
Никто так скоро их не сложит!
Хоть черт наставил их уму,
А сам-то сделать черт не может.

---

* В народных легендах черту приписывается сооружение мостов в горах.

(Указывая на зверей.)
Вот пара — любо-дорога!
Вот и служанка! Вот слуга!
(Зверям.)
Хозяйки, видно, дома нету?

З в е р и

По свету,
Гулять захотела,
В трубу улетела!

М е ф и с т о ф е л ь

Когда ж ей снова прилететь?

З в е р и

Успеем лапы отогреть.

М е ф и с т о ф е л ь
(Фаусту)

Ну, что же? Нравятся ли звери?

Ф а у с т

Уж, верно, гаже не найду!

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, разговор, какой теперь веду,
Мне больше нравится всего, по крайней мере.
(Зверям.)
Ну, говорите, как ни глупы,
Какой взболтали там припас?

З в е р и

Мы варим нищенские супы.

М е ф и с т о ф е л ь

Большая ж публика у вас.

М а р т ы н
(подходит и ласкается к Мефистофелю)

Костей кидай,
И проиграй
Мне только денег груду!
Все только прах;
А при деньгах
Я тоже умник буду.

М е ф и с т о ф е л ь

Ведь как бы эту харю одолжили,
Когда б в лото ей ставку предложили!
(Молодые мартышки играют большим шаром и выкатили его.)

М а р т ы н

Вот вам и свет.
Задержки нет,
Бежит поныне.
Стеклянный звон,
Но хрупок он.
Пусть в середине.
Блестит с боков;
Но прочь готов
Я, по причине.
Сынок, играть
Оставь опять!
Знать вам неймется!
Тут глина, — глядь,
И разобьется.

М е ф и с т о ф е л ь

На что решето?

М а р т ы н

(снимает его)

Про вора взято;
Сейчас его признаю.*

(Бежит к мартышке и заставляет ее смотреть в решето.)

Гляди в решето!
А вор-то кто?
Назвать запрещаю!

М е ф и с т о ф е л ь

(приближаясь к огню)

Горшок зачем?

М а р т ы н и м а р т ы ш к а

Он дурень совсем!
Горшок, вишь, зачем?
В котел-то вглядися.

М е ф и с т о ф е л ь

Невежа, смотри!

М а р т ы н

Ты веник бери,
На кресло садися.

(Принуждает Мефистофеля сесть.)

---

* По немецкому народному поверью, подвешенное на гвозде решето начинает само вращаться, если к нему подведут вора.

Ф а у с т

(стоящий это время перед зеркалом, то приближаясь, то отходя от него)

Что вижу я? Какой здесь лик небесный
В волшебном зеркале увидел я!*
О, дай, любовь мне твой полет чудесный,
Чтоб унестись за ней, в ее края!
Ах, если я хоть на мгновенье
Дерзаю подступать к стеклу,
То исчезает, как во мглу,
Прелестной женщины виденье!
Как ей воздать достойную хвалу?
Не познаю ли всех небес я отраженье
По распростертому здесь телу одному?
Возможно ль на земле ее сыскать?

М е ф и с т о ф е л ь

Что ж, если Бог шесть дней трудился,
И крикнуть браво сам решился,
Тут можно толку ожидать.**
На этот раз ты налюбуйся ей;
Тебе такое золотце открою,
И тот блажен, кому дано судьбою
Назвать ее невестою своей!

(Фауст все еще смотрит в зеркало.)

М е ф и с т о ф е л ь

(потягиваясь в кресле и играя веником, продолжает говорить)

Я как властитель здесь сижу на троне;
Вот скипетр мой и дело лишь в короне.

(Звери, исполнявшие досель различные странные телодвижения, с великим криком подносят Мефистофелю корону.)

З в е р и

Ты кровью той склей,
Да потом скорей
Корону с зубцами!

(Разламывают ее надвое, неуклюже с нею обходясь, и прыгают с половинками.)

---

* Фауст видит в зеркале образ Елены Прекрасной.

** Согласно библейскому преданию, Бог создал женщину на шестой день творенья.

Теперь не сберем!
А мы-то орем,
И даже стихами!

Ф а у с т
(против зеркала)

С ума сойду! Безумство началось.

М е ф и с т о ф е л ь
(указывая на зверей)

И у меня башка того гляди, свернется.

З в е р и

А если пришлось,
И нам удалось,
За мысли сочтется.

Ф а у с т
(как прежде)

В груди огонь! В глазах виденье!
Бежать отсюда поспеши!

М е ф и с т о ф е л ь
(как прежде)

По крайней мере, нет сомненья,
Они поэты от души.

(Котел, за которым мартышка до сих пор не смотрела, начинает перекипать, возникает большое пламя, подымающееся в трубу. Ведьма спускается по пламени со страшным криком.)

В е д ь м а

Ау! Ау! А вот и я!
Ах, ты проклятый зверь! Свинья!
Забыл котел! Спалил меня!
Проклятый зверь!
Кто в эту дверь?

(Завидев Фауста и Мефистофеля.)

Кто здесь теперь?
Как смели к нам?
Что нужно вам?
Ах, сто чертей
Вам до костей!

(Она опускает уполовник в котел и брызжет пламенем на Фауста, Мефистофеля и зверей. Звери визжат.)

Мефистофель
(перевернув метлу, которую держит в руке, бьет по склянкам и горшкам)

В кусочки, — глянь!
Всю эту дрянь,
Ты, шельма, не робей,
Я пошутил,
Я такт пробил
К мелодии твоей!

(В то время, как ведьма, в злобе и ужасе отступает.)

Признала, что ль,
Ты шкура, кто я сам?
Владыка твой, я милостив уж слишком;
Пойду тузить по всем углам, —
Конец тебе и всем твоим мартышкам!
Иль красного плаща не признаешь?
Петушьего пера ты не узнала?
Чтоб назвался я, видно, пожелала?
Или лицо мое не то ж?

Ведьма

Затменья, господин, простите миг единый!
Ведь я ноги не вижу лошадиной,
И пары воронов тут нет*.

Мефистофель

Прощаю дерзостные речи;
Действительно с последней встречи
С тобой прошло немало лет.
Да и культура, — свет сначала,
Затем и черта прилизала.
И призрак Севера не бродит между нами.
Куда девался хвост, с рогами и когтями?
Зато с ногою мне возиться суждено,
И на людях она смущала;
Так икры я завел фальшивые давно,
Как носит юношей немало.

Ведьма
(пляшет)

Схожу с ума — и стариной тряхну,
Как вижу я их милость сатану!

---

* Древние германцы чтили бога солнца Вотана, которого изображали с двумя воронами. Впоследствии, в христианской мифологии вороны стали спутниками черта.

Мефистофель

Не смей меня ты звать, как в старину.

Ведьма

Чем это имя гнев могло ваш заслужить?

Мефистофель

Оно уж баснь, и все над ним смеются;
Но людям оттого не лучше стало жить:
От злого отошли, а злые остаются.
Я господин барон, — ты уши приготовь,
Я кавалер, каких и мало.
Высокая во мне (сама ты знаешь) кровь;
А вот и герб мой, — чай, видала?

(Делает неприличное движенье.)

Ведьма

(заливаясь смехом)

Ха, ха! Да с вами тут беда!
Вы сорванец, — и были им всегда!

Мефистофель

(Фаусту)

Вот, друг, ты можешь поучиться,
Как надо с ведьмой обходиться.

Ведьма

Скажите, чем служить вам, господа?

Мефистофель

Известного нам соку дай сюда!
Но я прошу, какого нету старе;
Удваивают силы в нем года.

Ведьма

Охотно! Я бутылку знаю,
Я и сама к ней припадаю,
Уж нет и вони в ней, так сок-то притомлен,
Стаканчик я налью, — и выпьет, не услышит.

(Тихо.)

Но если будет пить без подготовки он,
Вы сами знаете, он часу не продышит.

Мефистофель

Мы с ним приятели, из кухни мне твоей
И угостить его не жалко на здоровье.
Круг обводи, проговори присловье,
И чашку полную налей!

Ведьма со странными телодвижениями обводит круг и ставит в него разнообразные вещи. Склянки начинают звенеть, котлы звучать, и составляют музыку. Наконец она приносит большую книгу, вводит мартышек в круг и заставляет спинами поддерживать книгу, держа факел.
Она дает Фаусту знак подойти.

Ф а у с т
(Мефистофелю)

Скажи мне, сделай одолженье,
Что за безумные движенья?
Все надувательство одно,
Оно противно мне давно.

М е ф и с т о ф е л ь

Эх, вздор! Все на смех лишь от скуки.
Не будь так неуместно строг!
Как врач она выкидывает штуки,
Чтоб сок тебя оправить мог.
(Он принуждает Фауста вступить в круг.)

В е д ь м а
(с большим одушевлением читает по книге)

Зачем чудесить,
Один будь десять,
Как два уйдет,
В трех будет чет.
Считай, не бойсь!
Четыре брось!
А пять и шесть
Велят зачесть
За семь, да восемь,
Хоть ведьму спросим!
А девять, десять
Заброс сперва.
Вот это ведьмам дважды два!

Ф а у с т

Старуха бредит, знать, в припадке.

М е ф и с т о ф е л ь

О, это лишь одни начатки;
Вся книга так известна мне.
Я изучал ее: успех черезвычайный!
Противоречие вполне

И умным и глупцам навек пребудет тайной.
Любезный друг, тут все искусство в том,
Чтоб, как велось и вдревле без сомненья,
Одним ли трех, тремя ль в одном,
За правду выдать заблужденье.
И вот пойдет болтать пустая голова.
С глупцами спор плохой; их племя так сердито
А человек привык, услышавши слова,
Предполагать, что тут и мысль должна быть скрыта.

Ведьма
(продолжает)

Хоть знанья власть
Нам не под масть.
Себя напрасно мучишь!
Но думать брось, —
И принеслось,
Все без труда получишь.

Фауст

Какой она там мелет вздор?
В мозгу трещать уж начинает.
Мне кажется, что целый хор
Ста тысяч дураков болтает.

Мефистофель

Довольно, дивная сивилла!
Неси, коль соку нацедила.
Налей нам чашу по края!
Приятелю твой сок не причинит худого:
Он муж достоинства большого,
И сам не прочь был от питья.

Ведьма с большими церемониями наливает сок в чашу. Когда Фауст ее подносит к устам, появляется небольшой огонь.

Мефистофель

Пей, пей! Все детские мечты!
Сейчас все радости на сердце устремятся.
Сошелся с чертом ты на ты,
И станешь пламени бояться?

(Ведьма разрушает круг. Фауст выходит.)

Мефистофель

Теперь и вон! Тебе нельзя стоять.

Ведьма

Мой сок во здравие; господ я не обижу!

Мефистофель

(ведьме)

Ты, если вздумаешь за труд свой получить, —
Так на Вальпургии увижу.

Ведьма

Вот песенка! Споете в час иной,
Она подействует незримо.

Мефистофель

(Фаусту)

Ну, поскорей иди за мной;
Тебе вспотеть необходимо,
Чтоб сила-то насквозь могла тебя пробрать.
Потом уж ты покой познаешь благородный,
Затем почувствуешь ты в радости свободной,
Как станет купидон рождаться и скакать.

Фауст

Но в этом зеркале как образ тот оставлю!
Позволь взглянуть хоть под конец!

Мефистофель

Нет, нет! Я вскорости доставлю
Тебе живьем всех женщин образец.

(Тихо.)

С напитком этим будешь с жаждой
Елену видеть в бабе каждой.

Улица

Фауст. Маргарита* (проходит).

Фауст

Прекрасной барышне почтенье!
Дерзну ль сопровождать? Примите предложенье.

* Гете называл свою героиню Гретхен только в трагических или лирических сценах, в остальных же — Маргаритой.

М а р г а р и т а

Не барышня и не прекрасна,
На провожатых не согласна.

(Уходит.)

Ф а у с т

Клянусь, прелестное дитя!
Не видывал подобной я;
Благочестива и кротка,
А также несколько резка.
Подобных уст, подобного лица, —
Я в жизни не забуду до конца!
Как опускала ресницы она,
Проникло в сердце мне до дна;
А как меня она отбрила,
Так восхищение как мило!

(Мефистофель является.)

Ф а у с т

Слышь, ты достань мне эту вот!

М е ф и с т о ф е л ь

Которую?

Ф а у с т

Что шла тут, — без сомненья.

М е ф и с т о ф е л ь

Нет, эта от попа идет,
Он отпустил ей прегрешенья;
Припал я к двери на мгновенье, —
Нельзя невинней быть, скромней,
И каяться-то не в чем ей.
Моя тут сила не возьмет!

Ф а у с т

Пятнадцатый ей, верно, год.

М е ф и с т о ф е л ь

Ты говоришь-то как ходок,
Которому, что ни цветок, —
То подавай. Хоть благодать,
Хоть честь, — он все готов срывать.
Я рад бы, — только не готов.

Ф а у с т

Ну, ты профессор дураков,
Оставь законы все пустые!

Пойми — и часу не просрочь.
Коль ты не в силах мне помочь
Ее обнять сегодня в ночь, —
С тобою в полночь мы чужие.

Мефистофель

Подумай, как чего желать!
Я две недели должен ждать,
Чтоб случай вызвать понемножку.

Фауст

Когда б на пол дня я остыл,
Я б даже черта не спросил,
Чтоб соблазнить такую крошку.

Мефистофель

Послушать, точно ты француз.
Но я тебя прошу не обижаться:
Что пользы прямо наслаждаться?
Совсем другой выходит вкус,
Когда, задавши круг большой,
Ты финтифлюшек мишурой
Подводишь куколку к развязке;
Как говорится часто в сказке.

Фауст

К чему? Я голоден и так.

Мефистофель

Без раздражений и без врак!
Но знай, прекрасное дитя
Не думай ты увлечь шутя.
Ломить тут силой не годится;
А надо в хитрости пуститься.

Фауст

Достань мне что-нибудь от ней!
Своди к ней в комнату скорей!
Достань с груди ее платок,
Подвязку с этих милых ног!

Мефистофель

Тебя готов я убедить,
Что рад тоске твоей служить.
Минутки мы одной не потеряем,
Еще сегодня к ней мы в комнату слетаем.

Ф а у с т

Покажешь мне ее? Отдашь?

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, вот!

Она к соседке в дом пойдет.
Тем временем ты без хлопот,
Питаясь чудною химерой,
Дыши отрадной атмосферой.

Ф а у с т

Не отправляться ль?

М е ф и с т о ф е л ь

Обожди.

Ф а у с т

Ты мне подарок ей найди.

(Уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь

Сейчас дарить? Что ж! Так успех возможен!
Давно местами я богат,
Где не один запрятан клад,
Взгляну, какой куда положен*.

(Уходит.)

Вечер

Небольшая чистая комната.

М а р г а р и т а

(плетет и закладывает косы)

Желала бы я знать, кто был
Тот господин, что нынче подходил!
Такой хороший, право, он,
И в знатном доме он рожден;
Я это тотчас разглядела,
Не подошел бы он так смело.

(Уходит.)

* Черта, по народному поверью, считали владельцем кладов, зарытых в землю.

Мефистофель и Фауст.

Мефистофель

Входи! Тихонечко входи!

Фауст

(после некоторого молчания)

Прошу, ты сам-то отойди!

Мефистофель

(осматриваясь)

Вот чистота где — погляди.

Фауст

(осматриваясь кругом)

Привет тебе, отрадный полусвет,
В моем святилище разлитый!
Встречай меня живой любви привет!
Росой надежды сердце обнови ты.
Здесь тишина повсюду разлита,
Порядок, чувства совершенство!
Здесь в этой бедности какая полнота,
В такой тюрьме, и сколько тут блаженства!

(Бросается на кожаное кресло у постели.)

Прими меня! Как многих ты с пелён
Взлелеяло в веселье и в печали!
Ах, верно, уж не раз отцовский этот трон
Толпы детей веселых окружали!
У деда, может быть, за детский дар Христа
И милая моя здесь руку целовала,
С румянцем на щеках, покорна и чиста.
Я чувствую, о, девушка! Твой дух
Порядка, тишины здесь веет надо мною,
Он каждый день твой поучает слух,
Стол чистой скатертью покрыт, а там вокруг
Песочком раскидать хрустящим под ногою.
О, руки милые! Под вашим обаяньем
Небесным хижина наполнилась сияньем.

(Открывает занавес ее постели.)

А здесь! Блаженства дрожь меня взяла!
Здесь рад сидеть я целыми часами.
Природа! Здесь ты золотыми снами
Взлелеять ангела могла.
Дитя лежало здесь; в груди его дышала

Вся нежность жизни молодой,
Здесь постоянно возникало
Все, что явилось красотой!

А я! Что привело меня?
Как глубоко я тронут, слышу я!
Зачем ты здесь? Что давит грудь твою?
Несчастный Фауст! Тебя не узнаю.

Волшебные ли здесь витают сны?
Рвался я прямо насладиться.
И вот пришлось в любовном сне разлиться!
Иль мы среды игрушкой быть должны?

А если б вдруг ее я повстречал,
О, как бы сам я ужаснулся!
Большой болван, как стал бы мал!
У ног ее бы растянулся.

Мефистофель

Скорей! Она идет, я вижу.

Фауст

Вон! Вон! Я не вернусь назад!

Мефистофель

Вот ящик; он тяжеловат,
Кого другого уж обижу.
Ты в шкаф поставь его скорей.
Клянусь, она не взвидит света;
Я там наклал таких вещей,
Что от другой бы ждал привета,
А дети — дети, и игра — игра.

Фауст

Решиться ль мне?

Мефистофель

Вот спрашивать пора.
Ты драгоценности припрятать хочешь, что ли?
Так сладострастие твое
Пусть время сбережет свое,
И мучиться меня не заставляет боле.
Не скупостью же ты, конечно, заражен?
Я в голове чешу и руки зазудило.

(Ставит ящик в шкаф и запирает замок.)

Скорее вон!
Чтоб только твой любовный сон
Прекрасное дитя осуществило.
А ты глядишь,
Как будто ты на кафедре стоишь,
Как будто пред тобой воочию тоска
И физика и метафизика!
Скорей!

(Уходят.)

Маргарита
(с лампадой)

Как душно здесь, я задохнусь.
(Открывает окна.)
А на дворе совсем не зной.
Чего-то словно я боюсь!
Хоть мать скорей бы шла домой.
Дрожит вся внутренность моя! —
Вот глупая трусиха я!
(Поет, раздеваясь.)
Жил в Фуле* король, — до могилы
Он верен был душой,
Ему, умирая, вручила
Любовница кубок златой.

Не знал он дороже бокала,
Что пир, он его осушал,
Слеза на глаза проступала,
Когда из него он пивал.

Перед своей кончиной
Он земли поделил,
Все роздал до единой,
Но кубка не дарил.

Вот с рыцарской семьею
Сидит он у стола,
Где замок над волною
Морской взнесла скала.

Встал бражник неизменный,
Испил вино до дна,

* *Фула (Фуле)* — сказочная страна у древних римлян, находившаяся на севере от Британии.

И ринул кубок священный
Туда, где шумела волна.

Он видел, как мелькнул он,
Черпнулся и пропал.
Тут сам глаза сомкнул он,
Уж капли не пивал.
(Раскрывает шкаф убрать платье и видит ящик.)
Попасть сюда как ящик мог?
Я затворила на замок.
Как странно! Может быть в залог
Он принесен, и мать могла
Деньгами под него ссудить?
На ленте ключик я нашла;
Попробую замок открыть.
Гляди! О, Господи! Что это?
Чьи это вещи дорогие?
(Надевает убор и становится перед зеркалом.)
Вот мне сережки бы такие!
Не так на вас сейчас глядят.
Хоть молода ты, хоть прекрасна,
Все превосходно, да напрасно, —
Внимания не обратят.
Похвалят лишь с участием бесследным.
К богатству льнут,
Богатства ждут
Все! Ах, и горе же нам бедным!

Гулянье

Фауст в раздумье ходит взад и вперед. Подходит Мефистофель.

Мефистофель

Клянусь отверженной любовью! Пылом ада!
Знай хуже что, клялся б и тем я! Вот досада!

Фауст

Что так? И в чем беда твоя?
Подобного лица и видеть не случится!

Мефистофель

Готов бы к черту провалиться,
Когда б сам чертом не был я!

Фауст

Иль голова твоя сбиваться с толку стала?
Тебе так бушевать ужасно не пристало!

Мефистофель

Подумай, тот убор, что Гретхен я припас,
Поп подцепить сумел как раз!
Мать эту штуку усмотрела,
И вмиг сомненье возымела.
У этой бабы чуткий нос,
Он на молитвеннике взрос,
И чует всюду, в каждый след,
Святая это вещь, иль нет.
Она убор как увидала,
В нем благодати не сыскала.
Дитя, сказала, грех и страх!
Неправое стяжанье прах.
Снесем Богородице дар неизвестный,
Она нас порадует манной небесной!
А Гретхен рот скривила свой,
Я, чай, подумала, конь даровой,
И как безбожником считать
Того, кто это мог прислать.
Мать за попом послала скоро;
Тот понял все из разговора.
Взглянул и говорит: рассудок
На путь вас истинный навел.
Кто побеждает — приобрел.
У церкви все варит желудок.
Она и страны пожирает,
А все же сытой не бывает.
Не вредно церкви без сомненья,
Неправое приобретенье.

Фауст

Обычай общий. Он таков
У королей и у жидов.

Мефистофель

Забрал тут серьги и цепочки
Он как грибки поодиночке,

И даже не благодарил,
Орехов словно навалил.
Небесные всем посулил награды,
Они сердечно были рады.

Фауст

А Гретхен?

Мефистофель

Стала тосковать,
Не знает как чего желать,
Убор ей голову вскружил,
А больше тот, кто приносил.

Фауст

Мне жаль бедняжечки моей.
Убор достань ты новый ей!
Да прежний плох был, знаешь сам.

Мефистофель

Все шутки этим господам.

Фауст

Ты постарайся, не ленись,
К ее соседке подкатись.
Ты черт, не будь же размазней,
Достань ты мне убор другой!

Мефистофель

Да, сударь, ваш слуга ослушаться не смеет.
(Фауст уходит.)
Как с дураком влюбленным быть?
Он солнце и луну и звезды все рассеет,
Чтоб только милой угодить.
(Уходит.)

Дом соседки

Марта
(одна)

Мой муженек, чтоб Бог ему простил,
Со мною дурно поступил!
Ушел шататься, — тесно в доме.

Вот и одна я на соломе.
А кажется, ему я не грубила
И, видит Бог, как я его любила,
(Плачет.)
Быть может, уж Господь успел его прибрать.
Где мне свидетельство-то взять?

М а р г а р и т а
(входит)
Я, Марта, к вам.

М а р т а
Дружок, зачем?

М а р г а р и т а
Я вся дрожу, чуть не упала!
В шкапу я ящик увидала
Такой, как был и перед тем,
А вещи, — не было таких
И в том чудесных, дорогих.

М а р т а
Про них ты матери ни слова!
Она попу отдаст их снова.

М а р г а р и т а
Гляди! Ах! Обрати вниманье!

М а р т а
(наряжает ее)
Ах, ты, счастливое созданье!

М а р г а р и т а
Жаль, что нельзя в них ни гулять,
Ни даже в церкви их казать.

М а р т а
Ко мне почаще укрывайся,
Тихонько здесь, в уборе этом всем,
Пред зеркалом часочек прогуляйся,
Мы налюбуемся вдвоем.
А в праздники ты станешь надевать
По малости, — и людям их казать.
Сперва цепочку, серьги там одни.
Мать не заметит; ей, пожалуй, что сболтни.

М а р г а р и т а
Но кто два ящика принес-то?
Тут дело, кажется, неспроста!

(Стучат.)

Маргарита

О, Боже! Ну, как мать идет! Я вся дрожу.

Марта

(смотря за занавес двери)

Чужой там господин. —

Войдите!

Мефистофель

(входя)

Я прошу

Прощенья наперед у дам,
Что прямо так вхожу я сам.

(Почтительно отступает перед Маргаритой.)

О Марте Швертлейн я спросить два слова!

Марта

Я самая. Я отвечать готова!

Мефистофель

(тихо ей)

Теперь я знаю вас, — и впредь я очень рад;
Но гости знатные у вас сидят.
Простите, что вошел без зова,
Но в полдень к вам явлюсь я снова.

Марта

(громко)

Дитя! Вот чудеса пошли!
Тебя за барышню сочли.

Маргарита

Бедняжка я, и господину
Дала к любезности причину.
А весь чужой на мне убор.

Мефистофель

Но он один, а ваш и взор
Блистает благородной волей;
Я рад, что остаюсь тут долей.

Марта

С чем вы пришли? Хочу скорей узнать.

Мефистофель

Желал бы лучших я вестей!
И не хотел бы вызвать стонов.
Муж умер ваш и шлет поклонов.

М а р т а

Он умер? Милый друг! Ахти!
Он умер. Ах, не в силах я снести!

М а р г а р и т а

В отчаянье не приходите!

М е ф и с т о ф е л ь

Печальной повести внемлите.

М а р г а р и т а

Я полюбить весь век свой не желаю,
Утраты я не вынесу, — я знаю.

М е ф и с т о ф е л ь

Грусть в радости, а радость в грусти вечно.

М а р т а

Скажите же, как умер он?

М е ф и с т о ф е л ь

Он у Антония, сердечный,
Там в Падуе похоронен*,
На благодатнейшем погосте
Свои он успокоил кости.

М а р т а

А мне вы ничего затем не сообщите?

М е ф и с т о ф е л ь

Большую просьбу приношу:
Вы триста панихид по мертвом закажите!
Во всем другом не взыскивать прошу.

М а р т а

Как! Безделушки даже никакой?
Какую в сумочке рабочий припасет,
Да в память принесет,
Скорей попросит подаянья!

М е ф и с т о ф е л ь

Мадам, скорблю я сам душой;
Но все ж на ветер он не бросил достоянья.
Он о своих проступках сожалел,
И очень о своем несчастии скорбел.

М а р г а р и т а

Как трудно людям жить и гибнуть без пути!
За упокой его последний грош отдам уж.

---

* *Падуя* — старинный город в Северной Италии, в котором находится собор святого Антония.

М е ф и с т о ф е л ь
Достойны вы сейчас же выйти замуж:
Такое вы прелестное дитя.

М а р г а р и т а
Ах, нет, черед не вышел мой.

М е ф и с т о ф е л ь
Коли не муж, так кавалер любой.
Какое райское блаженство,
Обнять такое совершенство.

М а р г а р и т а
Не принят здесь подобный обиход.

М е ф и с т о ф е л ь
Ну, принят или нет! А все один исход!

М а р т а
Да расскажите мне!

М е ф и с т о ф е л ь
Я в час его кончины
Был у его одра; то был навоз один.
Но умирал он, как христианин,
А за собой еще он находил причины
Как должен, он твердил, себя я ненавидеть,
Что мог так долг попрать и так жену обидеть.
Ах, тяжело! Он продолжал, стеня,
Хотя б простить меня она в душе решила!

М а р т а
(плачет)
Мой бедный муж! Уж я давно ему простила.

М е ф и с т о ф е л ь
Но видит Бог! Она виновнее меня.

М а р т а
Он лжет! Как! Лгать перед кончиной этак!

М е ф и с т о ф е л ь
Он, верно, бредил напоследок,
Коль я могу судить о чем.
Мне, говорил он, жить досталось ,не зевая,
Сперва детей, потом ей хлеба добывая,
И хлеба в смысле не прямом,
А я не мог куска-то съесть покойно.

М а р т а
Всю нежность, всю любовь забыть так недостойно,
Все надрыванье день и ночь!

Мефистофель

Нет, было позабыть о них ему невмочь.
Он говорил: когда из Мальты я Отплыл, я
за жену и за детей молился,
И до небес дошла молитва, знать, моя,
В плену у нас корабль турецкий очутился,
Который вез казну великому султану.
Тут было роздано возмездье храбрецам.
Я получил, скрываться в том не стану,
Часть приходящуюся сам.

Марта

Ах, что? Ах, где? Ее он не зарыл ли?

Мефистофель

Не знаю подлинно; он денег не спустил ли?
В Неаполе с ним барышня сошлась,
Когда уже в трудах не изнурял он силы;
Она его любить так верно принялась,
Что это чувствовал он даже до могилы.

Марта

Ах! Он подлец! Детей грабитель!
Беда, нужда со всех сторон,
А он такой же расточитель!

Мефистофель

Вы видите, за то и умер он.
Когда б я стал на место ваше,
Хоть горевал бы год, другой,
Меж тем дружка высматривал бы краше.

Марта

О, Боже! Все ж каков был первый мой.
Едва ль другой отыщется на свете!
Подобный дурачок найдется ль средь живых.
Он только странствия любил все эти,
Вино чужое, жен чужих
И эти проклятые кости.

Мефистофель

Ну, можно было и терпеть,
Когда и он без всякой злости
Мог и на вашу жизнь смотреть.
Клянусь, с таким условьем сам
Кольцо в обмен отдал бы вам!

Марта

Вы только шутите из лести!

Мефистофель
(про себя)
Нет, от нее пора бежать!
Готова черта на слове поймать.
(Обращаясь к Гретхен.)
А ваше сердце все на месте?

Гретхен
Как мне вас понимать?

Мефистофель
(про себя)
Невинное дитя!
(Громко.)
Прощайте, барыни!

Маргарита
Прощайте!

Марта
Не шутя!
Свидетельство-то мне, премного б одолжили,
Как, где, когда дружка вы схоронили.
Порядок век блюдя во всех предметах,
Про смерть его прочесть желала бы в газетах.

Мефистофель
Двух очевидцев, может быть,
Довольно, дело подтвердить?
Товарищ у меня приличный, —
Он явится на ставке личной,
Мы с ним придем.

Марта
Прошу я вас!

Мефистофель
А вот и девушка как раз?
Он светский малый; но прямой,
И предан барышням душой.

Маргарита
Сгорю я со стыда пред этим господином.

Мефистофель
Да ни перед царем единым.

Марта
Вот там в моем саду, за этим домом,
Сегодня вечерком мы ждем вас со знакомым.

Улица

Фауст и Мефистофель.

Ф а у с т

Ну, что? Каков успех? Дождусь ли я?

М е ф и с т о ф е л ь

А, браво! Весь горишь как жар ты?
И Гретхен вскорости твоя.
С ней вечером увидишься у Марты,
Вот женщина; уж рождена
Цыганкой, сводней быть она!

Ф а у с т

Чудесно!

М е ф и с т о ф е л ь

Но и к нам есть просьба, милый мой.

Ф а у с т

Услуга требует другой.

М е ф и с т о ф е л ь

Мы показать должны, в том только вся услуга,
Что прах ее покойного супруга
Был в Падуе похоронен.

Ф а у с т

Умно! И должен путь туда свершить сперва я!

М е ф и с т о ф е л ь

Sancta simplicitas!* — Тут выход не мудрен;
Ты засвидетельствуй, не зная!

Ф а у с т

Другое выдумай! То выдумка плохая.

М е ф и с т о ф е л ь

О, муж святой! Давно ли освящен?
Как будто в жизни уж поныне,
Ты лжесвидетельств не давал? —
О Боге, о душе не сам ли ты вещал,
О мире, доходя до всех его начал,

* *Sancta simplicitas (лат.)* — «Святая простота». Эти слова произнес чешский реформатор Ян Гус (1369–1415) во время сожжения его на костре, когда увидел, как одна старушка подбросила в костер вязанку хвороста, думая, что совершает этим богоугодное дело.

Определений ты не ставил ли в гордыне?
Да с медным лбом, с отвагой огневой?
А загляни в себя ты честно,
Ведь это все тебе не более известно
Кончины Швертлейна самой!

Ф а у с т

Ты все софист и вечный лжец.

М е ф и с т о ф е л ь

Когда бы я не знал людских сердец,
А завтра неравно случится,
У Гретхен станешь горячиться,
И бедненькой в любви божиться!

Ф а у с т

И от души.

М е ф и с т о ф е л ь

Отлично! Не спеши!
Тут о любви и страсти вечной,
И безграничной, и сердечной,
И это тоже от души?

Ф а у с т

Оставь! Ну, да! Когда горю я,
Когда весь пыл, всю эту дрожь
Назвать и слова не сыщу я,
И в целом мире сердцем снова
Ищу достойнейшего слова,
И этот пыл с стремлением сердечным
Я называю вечным, вечным.
Иль это дьявольская ложь?

М е ф и с т о ф е л ь

А прав-то я!

Ф а у с т

Послушай-ка! Оставь,
Пожалуйста, мои хоть легкие жалея:
Кто хочет правым быть, лишь языком владея,
Тот будет прав.
Пойдем,
Наскучила мне эта болтовня.
Ты прав уж тем, — что нужно для меня.

Сад

Маргарита и Фауст под руку, Марта и Мефистофель прогуливаются.

М а р г а р и т а

Я чувствую все снисхожденье в вас
Ко мне, — и я стыдом сгораю небывалым.
Кто странствует, привык уже подчас
Довольствоваться слишком малым;
И я уверена, муж опытный такой
Не может занят быть моею болтовней.

Ф а у с т

Один твой взгляд и звук речей
Дороже мудрости мне всей.

(Целует ее руку.)

М а р г а р и т а

Не беспокойтесь! Что вам за охота
И целовать? Она жестка, груба!
Не минет этих рук и черная работа;
Мать на взысканье не слаба.

(Проходят.)

М а р т а

А вы, сударь, вы вечно на пути?

М е ф и с т о ф е л ь

Ах, ремесло и долг! Не в вашей это воле!
Как тяжело порой из мест иных уйти,
А все нельзя остаться доле!

М а р т а

В порывистых годах куда ни шло
Носиться по свету, испытывая силы,
Но вот лета приносят зло,
И так холостяком тащиться до могилы
Кого-либо к добру едва ли привело.

М е ф и с т о ф е л ь

Предвижу это с содроганьем!

М а р т а

Размыслите о том за время со вниманьем.

(Проходят.)

М а р г а р и т а

Да, вон из глаз, из сердца вон!
Вы с вежливым сдружились обращеньем.

Не мне чета; разумнейшим сужденьем
Ваш круг знакомства наделен.

Фауст

О, милая! Поверь, разумным-то слывет
Нередко спесь одна, да близорукость.

Маргарита

Да?

Фауст

Ах, жаль, что в простоте невинность никогда
Себя и всей цены своей не сознает!
Что скромность нежную смиренному рассудку
Готовы мы в вину поставить и считать.

Маргарита

Попомните меня единую минутку,
Достанет времени о вас мне вспоминать.

Фауст

Вы все одни?

Маргарита

Да, хлопоты все дни.
Хоть необширные они.
У нас служанки нет; вязать, мести, варить,
Шить надо мне, беги туда, беги обратно,
А матери моей трудненько угодить, —
Так аккуратна!
Не то, чтоб нужно ей стеснять себя во всем,
Мы даже более иных имеем средства:
Отец-таки оставил нам наследство,
Есть домик за городом, сад.
Теперь мои поразвязались руки:
Мой брат — солдат.
Сестричка умерла.
С ребенком этим, что я горя приняла,
Но я бы с радостью опять пошла на муки,
Будь жив он.

Фауст

Ангел был, коль сходен был с тобой!

Маргарита

Вскормила я его, — тянулся он за мной.
Уж после он отца родился;
И недуг матери продлился,
Уж мы отчаялись сперва, —

И поднялась она едва-едва,
Тут думать нечего ей было,
Чтоб крошечку сама она кормила.
Вот и вскормила я ее
Водой да молоком; сказать — дитя мое
И с рук моих оно не шло,
Смеялось, прыгало, росло.

Ф а у с т

Чистейшую из всех ты радость испытала.

М а р г а р и т а

Но сколько я и горя принимала.
Малютки колыбель стояла близ меня,
В ночное время, — чуть, бывало, шевельнется,
Проснусь и я;
То надо напоить, то взять к себе. Неймется, —
Кричит. Тогда вставай, на месте не сиди,
А с ним по горнице взад и вперед ходи,
А поутру опять к корыту подходи;
На рынок, в кухню будь готова,
Сегодня так и завтра снова.
Веселье не пойдет на ум тут, сударь мой;
Зато как вкусен хлеб и сладостен покой.

(Проходят.)

М а р т а

Задача бедных женщин тяжела:
Холостяка нельзя исправить.

М е ф и с т о ф е л ь

А ведь любая б, кажется, могла
На лучший путь меня направить.

М а р т а

Еще ни с кем вы так-то не встречались?
И сердцем вы нигде не прилеплялись?

М е ф и с т о ф е л ь

Пословица гласит нам: свой очаг,
Да добрая жена всех выше благ.

М а р т а

Я говорю: таких вы мыслей не держали?

М е ф и с т о ф е л ь

Меня везде любезно принимали.

М а р т а

Я спрашиваю: мысль питали ль вы сердечно?

Мефистофель

Кто с женщиной шутить осмелится беспечно?

Марта

Ах, вы не поняли!

Мефистофель

Ужасно жалко мне!
Но понял только я, что вы добры вполне.

(Проходят.)

Фауст

Так ты, мой ангелок, сейчас сообразила,
Узнала ты меня, когда я в сад вошел.

Маргарита

Вы не заметили? Глаза я опустила.

Фауст

И ты простила мне, что подошел
Так дерзко я, хотя тогда ты волновалась,
Когда намедни ты из церкви возвращалась?

Маргарита

Я смущена была, мне это было ново;
Худого про меня никто б не мог сказать.
Подумала я: он чего-нибудь дурного
Иль наглого во мне не мог ли увидать?
С чего бы, кажется, и статься,
Так прямо к девке привязаться.
И признаюсь, никак не знала я,
Что в пользу вашу здесь уж стало шевелиться.
Но верно то, я злилась на себя,
Что я на вас сильней не в силах злиться.

Фауст

Душа!

Маргарита

Позвольте!

(Она срывает астру и обрывает лепестки один за другим.)

Фауст

Это что? Букет какой?

Маргарита

Нет, так, забава.

Фауст

Как?

М а р г а р и т а

Не смейтесь надо мной.

(Она обрывает и шепчет.)

Ф а у с т

Что шепчешь ты?

М а р г а р и т а

(вполголоса)

Меня он любит, — нет…

Ф а у с т

О, ты, очей отрадный свет!

М а р г а р и т а

(продолжает)

Он любит, — нет, он любит, — нет…

(Обрывая последний лепесток, с нежной радостью)

Меня он любит!

Ф а у с т

Дитя мое! прими ты речь цветка
За приговор небес, тебя он любит!
Поймешь ли ты слова? Тебя он любит!

(Берет ее за обе руки.)

М а р г а р и т а

Я трепещу!

Ф а у с т

О, не дрожи! Пусть этот взор
И пусть руки моей пожатье
Проговорят, чего сказать нет слов:
Вполне предаться, чувствуя блаженство,
Которое должно быть вечно!
Да, вечно! Ведь его конец бы был
Отчаянье. — Нет, без конца! И вечно!

(Маргарита жмет ему руки, вырывается и убегает. Он стоит некоторое время в задумчивости, потом следует за ней.)

М а р т а

(входя)

Уж скоро ночь.

М е ф и с т о ф е л ь

И мы уйдем сейчас.

М а р т а

Я б вас просила дольше здесь остаться;
Да место-то прегнусное у нас.

Здесь все, как словно им и нечем заниматься,
И дела точно нет другого,
Как у соседа все высматривать любого.
А тут пойдут судить, не избежишь речей.
А наша парочка?

Мефистофель

Порхнула в липник тот.
Вот птички вешние!

Марта

Он, кажется, к ней льнет.

Мефистофель

Она к нему. Таков закон вещей!

Беседка

Маргарита

(вбегает, прячется за дверь, прикладывает палец к губам и смотрит в щель двери)

Идет!

Фауст

(входит)

Плутовка, как, смеяться надо мной? Постой же!

(Целует ее.)

Маргарита

(обнимая его, возвращает поцелуй)

Друг! Тебя люблю я всей душой!

Мефистофель стучится.

Фауст

(топнув ногой)

Кто там?

Мефистофель

Приятель!

Фауст

Зверь!

Мефистофель

Расстаться не пора ль?

М а р т а
(входит)
Уж поздно, сударь.

Ф а у с т
Мне вас провожать нельзя ль?

М а р г а р и т а
Мать стала бы меня ругать — прощайте!

Ф а у с т
Так не ждать? Прощайте!

М а р т а
Добрый путь!

М а р г а р и т а
Увидимся опять!

Фауст и Мефистофель уходят.

М а р г а р и т а
О, Господи! чего, чего
Не передумал он всего!
А я в смущении гляжу
И ко всему лишь да твержу.
Заговорит — я как во сне.
И что он мог найти во мне?

(Уходит.)

Лес и пещера

Ф а у с т
(один)
Высокий дух, ты все послал мне, все,
О чем просил я. Не вотще свой лик
Ты обратил во пламени ко мне.
Отдав мне в царство чудную природу,
Ты дал мне сил ценить ее, вкушать.
К ней разрешил не доступ лишь холодный,
А даровал взглянуть ей прямо в грудь,
Как будто в грудь приветливую друга.
Ты ряд живых проводишь предо мной

И научаешь братьев узнавать
На воздухе, в воде и в тихой роще.
Когда же буря по лесу гудет
И исполин сосна, треща, валится,
Соседние ломя стволы и сучья,
И грянет холм от тяжкого паденья,
Тогда ты мне в пещере безопасной
Указываешь самого себя,
И грудь моя свои мне кажет тайны.
Когда же чистая луна засветит
Успокоительно, ко мне слетают
С отвесных скал и из кустов росистых
Минувшего серебряные тени,
Жар созерцанья строгий укротить.

О, я познал теперь, что человеку
Не ведать совершенства. К наслажденью,
Ведущему меня к богам все ближе,
Ты приобщил мне спутника, с которым
Уж я расстаться не могу, хоть он
В моих глазах меня же унижает,
Как все твои дары, единым словом.
В моей груди он будит пламень дикий,
Чтоб дивную ту омрачить картину.
Так восхотя, ищу я наслаждений,
И в наслажденье жажду восхотеть.

Мефистофель
(входит)

Вести такую жизнь не надоело, знать?
Как на одной стоять затее?
Прекрасно это все однажды испытать;
А нам чего бы поновее!

Фауст

Знать делать нечего, коль в чудный день такой
Тебе терзать меня досужно.

Мефистофель

Ну-ну! Мне дорог твой покой;
И повторять о том не нужно.
В тебе, с причудами твоими, да с душком
Всегда заносчивым — немного потеряешь.
Тут полны руки дел и по ночам, и днем!

Что нравится ему и неугода в чем,
Уж по носу у вас никак не угадаешь.

Ф а у с т

Так вот дела куда пошли!
Благодари я даже за докуку.

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, как бы, бедный сын земли,
Ты жил, когда б не протянул я руку?
Ведь дурь твоей растрепанной мечты
Прогнать-то я надолго постарался.
И если бы не я, давно бы ты
С земного шара прогулялся.
Ну, что ты здесь в пещерах под скалой,
В расселинах сидишь сова совой?
По мхам да влажным камням, только знаешь,
Как жаба пищи набираешь?
Занятье чудное и вид!
В тебе все доктор, знать, сидит.

Ф а у с т

Поймешь ли ты, каким приливом сил
Пустынный этот вид мне душу оживил?
Но если б понял ты хоть частью,
Как истый черт, ты помешал бы счастью.

М е ф и с т о ф е л ь

Сверхчувственно — могу сказать!
В росе, в горах, да по ночам шагать,
И с небом, и с землею обниматься,
До божества пытаясь раздуваться,
И вглубь земли стремиться путь найти,
Шесть дней творенья все вмещать в груди,
Вкушать в гордыне невесть, что такое,
В блаженстве утопать, все позабыв земное,
И сына праха заглушив;
И вдохновения прилив…

(Делает движение.)

Закончить чем?..
Оставлю уж в покое.

Ф а у с т

Фи, гадость!

М е ф и с т о ф е л ь

Видишь ли, тебе не нравлюсь я.
Фи! — вправе говорить ты, нравственность блюдя,

И уши чистые то пропускают мимо,
Что чистым всем сердцам вполне необходимо.
Ну, словом, я твоей предоставляю воле,
Налгать при случае себе как можно боле.
Но долго ль будет так с тобой?
В тебе уж что-то шевелится,
Дай срок, оно и разразится
Безумством, страхом иль тоской.
Оставим это! Твой дружочек милый
Сидит теперь, печальна и грустна;
К тебе она стремится всею силой,
В тебя она до страсти влюблена.
Любовным бешенством сначала забурлил ты,
Как в таянье снегов бушующий ручей;
Волнение свое ей в сердце перелил ты,
Теперь ручейчик твой смирней.
Мне кажется, чем по лесам скитаться,
Великий муж бы, не шутя,
Мог это бедное дитя
Вознаградить за нежность постараться.
Тоска ее ужасная берет;
То станет у окна да все глядит, как тучи
То тянутся, то наплывают в кучи,
«Когда б была я птичкой!» — запоет.
Так целый день, гляди и ночь пройдет
То весела, потом грустна,
То вдруг слезами вся зальется,
Потом как будто и уймется,
И все влюблена.

Ф а у с т

Змея! Змея!

М е ф и с т о ф е л ь
(про себя)

Ага! Тебя поймал же я!

Ф а у с т

Проклятый! К делу и не к делу,
Прекрасной женщины не поминай!
И похоти во мне не возбуждай
К ее ты сладостному телу!

М е ф и с т о ф е л ь

Что ж это будет? Ты в ее глазах
Теперь бежал. Ведь это просто страх.

Ф а у с т

Я близок к ней, — везде она моя,
И к ней навек мечты мои несутся;
Завидую Христову телу я,
Когда ее уста его коснутся.*

М е ф и с т о ф е л ь

Отлично друг! И мне завидно часто было
Двоешек наблюдать, что розами прикрыло.

Ф а у с т

Прочь, сводник!

М е ф и с т о ф е л ь

Ты меня бранишь, а мне забавно.
Бог, что девиц и парней создавал,
В том силу главную признал,
Чтоб случай подвести исправно.
Пойдем! Подумаешь, вот горе!
Ведь ты у милой будешь вскоре,
Не смерть, а счастье впереди.

Ф а у с т

Что мне и рай ее дыханья?
Могу ль забыть ее страданья
Я даже на ее груди?
Я разве не беглец и не безумный?
Не выродок слепой, познавший страсть,
Который как поток со скал несется шумный,
Чтоб в бездне сумрачной пропасть?
А в стороне она с младенческой душою.
На выступе скалы стоит ее домок,
Заботою домашнею одною
Наполнен весь ее мирок.
Богоотверженный, я мало
Того, что захватил
И раздробил
Ее родные скалы!
Я под ее покой решился подкопаться!
Подобной жертвой ад, ты можешь услаждаться!
Чему уж быть, пусть будет поскорей!
Ты, черт, рассей измученную душу!

---

* Речь идет о католическом обряде причащения, когда верующие, по учению католической церкви, вкушают частицу тела Христова.

Пусть на себя судьбу ее обрушу,
Погибнуть чтоб со мной и ей.

Мефистофель

Опять кипишь ты, пылаешь!
Ступай, утешь ее глупец!
Где в бедной голове ты выход потеряешь,
Тебе мерещится конец.
Хвала тому, кто действует смелей!
И огнь, и воду ты ведь человек прошедший.
По-моему, нет ничего глупей,
Как черт, в отчаянье пришедший.

Комната Гретхен

Гретхен
(за прялкой одна)

Прости мой покой,
Тоска в груди;
Никогда мне его —
Никогда не найти.

Где он не со мной,
Все гроб пустой;
Глядеть на свет
Охоты нет.

Мой бедный ум
Пошел кругом,
Мой бедный смысл
Исчез во всем.

Прости мой покой,
Тоска в груди;
Никогда мне его,
Никогда не найти.

За ним лишь гляжу я
Из окна.
За ним лишь иду я
Из дома одна.

Какая поступь,
Как сложен,
Кто улыбнется,
Кто глянет как он?

И эта речь,
Как пенье струй,
И рукожатье,
И поцелуй!

Прости мой покой,
Тоска в груди;
Никогда мне его,
Никогда не найти.

Душа летит
Его встречать.
Ах, как бы схватить
И его удержать?

И целовать
Его и млеть,
И в поцелуях
Умереть!

Сад Марты

Маргарита, Фауст.

М а р г а р и т а

Дай слово, Гейнрих!

Ф а у с т

В чем могу!

М а р г а р и т а

Насколько ты религии послушен?
Ты добрый человек, но я едва ль солгу,
Сказав, что к ней ты равнодушен.*

Ф а у с т

Оставь, дитя! Мою ты сознаешь любовь;
За близких сердцу я готов пролить и кровь,
Не стану отнимать я церкви у страны.

М а р г а р и т а

Нет, мало этого; мы веровать должны!

Ф а у с т

Должны ли мы?

М а р г а р и т а

Мне ль убеждать? Сам знаешь.
И таинств ты не почитаешь.

Ф а у с т

Я чту их.

М а р г а р и т а

Только без желанья.
Не приносил давно ты в церкви покаянья.
А в Бога веришь ли?

Ф а у с т

Кто вправе в целом свете,
Я в Бога верую сказать?
Спроси священника иль мудреца, — в ответе
Скорее можно бы насмешку услыхать
Над вопрошающим.

М а р г а р и т а

Итак, не веришь ты?

Ф а у с т

Как объяснить тебе, мой ангел чистоты!
Кто назовет его? Укажет
И скажет:
В него я верю.
Кто ощущает
И сам дерзает

* Беседа Фауста с Маргаритой о религии носит автобиографические черты. В записках Кестнера, друга Гете, подмечено: «Он никогда не ходил в церковь и на исповедь... Уважает христианскую мораль, но не к церковном ее понимании».

Сказать: Не верю я?
И вседержитель,
Всеохранитель
Не охраняет ли тебя,
Меня и самого себя?
Не свод ли неба там над нами?
И не крепка ль земля под нашими ногами?
Не вечные ли звезды всходят
Все выше, весело блестя?
Глаза в глаза тебе я не гляжу ль,
И не стремится ль все
К тебе и в голову, и в сердце,
И веет тайной безответной
Незримо, зримо вкруг тебя?
Наполни этим грудь со всем участьем.
И если сердце вдруг замлеет счастьем,
Как хочешь это чувство назови,
Любовью! Счастьем! Сердцем! Богом!
Я имени не знаю
На это! Чувство все;
А имя — звук и дым, вокруг
Небесного огня.

М а р г а р и т а

Прекрасно это, добрый друг.
Священник тоже, помню я,
Иными говорил словами.

Ф а у с т

Все это говорят сердцами
Все люди по свету кругом,
На языке своем родном.
Зачем мне на своем не высказать того же?

М а р г а р и т а

Послушать, так и с правдой схоже,
Но в этом есть изъян один —
В душе ты не христианин.

Ф а у с т

Дитя!

М а р г а р и т а

И вижу я, скорбя,
В подобном обществе тебя.

Ф а у с т

Как так?

М а р г а р и т а

Тот человек, с которым ты хорош,
Мне прямо в сердце острый нож.
И в жизни, с самого начала,
Я ничего страшней не знала
Его лица-то одного.

Ф а у с т

Не бойся, куколка, его.

М а р г а р и т а

В его присутствии стесненье я терплю.
А то я всех людей люблю.
Как жажду я тебя увидеть,
Так этого в душе готова ненавидеть.
И я его считаю шельмецом!
Прости мне, Господи, коль ошибаюсь в том!

Ф а у с т

Есть и таким на свете дело.

М а р г а р и т а

С подобными ему я жить бы не хотела!
Как в двери он войдет, заговорит,
С такой насмешкою глядит,
Как бы со злом.
Не примет видимо участья он ни в чем;
На лбу написано признанье,
Что он любить не в состоянье.
В объятиях твоих мне так светло,
Так по себе, так преданно тепло,
А вот при нем я вся больна душой.

Ф а у с т

О, чистый, вещий ангел мой!

М а р г а р и т а

Такое я насилие терплю,
Что стоит лишь ему меж нас появиться,
Я словно и тебя уж больше не люблю.
При нем я б не могла молиться,
Как будто пробирает дрожь;
С тобою, Гейнрих, верно, то ж.

Ф а у с т

Антипатия у тебя!

М а р г а р и т а

А мне пора домой.

Ф а у с т

Ах, хоть бы я Часок с тобой покойно мог остаться.
Чтоб грудь на грудь, душа с душой сливаться!

М а р г а р и т а

Ах, если б я спала одна!
Сегодня б я в ночи замка не задвигала;
Но мать чутка во время сна,
И если б нас она застала,
Я б тут на месте умерла!

Ф а у с т

Мой ангел, в чем беду нашла?
Вот пузырек! Три капли влить
В ее напиток и довольно,
Чтоб в сон ее глубокий погрузить.

М а р г а р и т а

Тебя я слушаюсь невольно!
Надеюсь, ей вреда не будет в этом?

Ф а у с т

Не вызвался б иначе я с советом.

М а р г а р и т а

Друг, близ тебя стихает вся тревога,
Куда велишь, иду я как во сне;
Я для тебя уж сделала так много,
Что нечего и делать больше мне.

(Уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь

(входит)

Мартышка-то ушла?

Ф а у с т

А ты шпионил снова?

М е ф и с т о ф е л ь

Я все расслушал слово в слово,
Из катехизиса* пришлось вам отвечать;
Надеюсь, доктор, это вам здорово.
А девушкам страх хочется узнать,
Блюдет ли кто закон по старине.
Коль тут он тих, так сдастся, мол, — и мне.

---

* *Катехизис (греч.)* — краткое изложение основ христианского вероучения в вопросах и ответах.

Ф а у с т

А ты, чудовище, ты не поймешь никак,
Что чистая душа, святая,
Глубокой верою полна,
Которая в ее глазах
Одна спасительна, — томится, помышляя,
Что сердцу милого погибшим счесть должна.

М е ф и с т о ф е л ь

Сверхчувственный и чувственный мой друг,
Проводит за нос вас девица.

Ф а у с т

Ты грязь и адской бездны дух!

М е ф и с т о ф е л ь

А по лицу читать она премастерица.
При мне она как будто не своя,
Тревожу чувства в ней я маской небывалой;
Она предчувствует, что, верно, гений я,
Коли не сам я черт, пожалуй.
Так нынешнюю ночь?..

Ф а у с т

Тебе-то что же?

М е ф и с т о ф е л ь

И я порадуюся тоже!

У колодца

Гретхен и Лиза (с кувшинами)*.

Л и з а

Ты о Варюше не слыхала?

* В XIX веке сформировалась концепция, согласно которой уход Фауста от Гретхен объясняется тем, что ее мир для Фауста слишком узок, что существует слишком большое различие в интеллектуальном мире гетевских героев, что неудержимое стремление Фауста не может быть сдержано любовью простой девушки. Данную точку зрения исследователи пытались выдать за гетевскую. Но ничто в тексте не может ее подтвердить. Это уход пресытившегося любовью человека, это настоящее преступление и предательство. Девушка остается без какой-либо опоры в ее самоотверженной любви. Диалог Гретхен с Лизой демонстрирует, если так можно выразиться, «общественное мнение».

Гретхен

Ни слова! Выхожу в народ я редко так.

Лиза

Наверное. Вечор сивилла мне сказала!
Попала, наконец, впросак,
Доважничалась!

Гретхен

Как?

Лиза

Не говори, воняет!
Коль ест она иль пьет, так этим двух питает.

Гретхен

Ах!

Лиза

Вот, наконец, ей поделом;
Довольно виснула на парне-то своем!
Довольно гуляла,
На танцах, прогулках мелькала,
Вишь, нужно первой быть во всем,
То с пирожками к ней он, то с вином;
Уж краше, думала, и нет ее кругом.
Стыда-то, совести не знала,
Его подарки принимала.
Шептались, миловались, знай.
А вот цветок-то и прощай!

Гретхен

Бедняжка!

Лиза

Что о ней жалеть!
Как нам за прялкою сидеть,
Да ночью не пускает мать, —
Ей все с возлюбленным стоять;
И на скамье, и в тесном переходе
Часами были на свободе.
Теперь пускай не погневится,
В рубашку грешниц нарядиться!

Гретхен

Он, верно, женится на ней.

Лиза

Он не дурак.
Такому молодцу

Везде простор и все к лицу.
Уж он ушел.

Г р е т х е н

Поступок нехорош!

Л и з а

Хоть он женись, а все ей будет то ж.
Ей парни разорвут венок,
А мы насыплем резки на порог!*

(Уходит.)

Г р е т х е н

Как прежде мне казались тяжки
Проступки девушки бедняжки!
Для прегрешения чужого
Бывало не находишь слова!
Бывало черно — все чернишь,
А надо больше — говоришь.
Гордилася я в собственных глазах!
А вот сама я во грехах!
Но все, что к этому вело,
Ах, было нежно так и так светло!

Ограда

В углублении стены образ скорбящей Божьей Матери.
Перед ним вазы для цветов.

Г р е т х е н

(ставит свежие цветы в вазы)

К молящей,
Ты лик скорбящий
Склони, пойми тоску мою!

Твоя кручина
О смерти сына
Мечом пронзила грудь твою.

---

* По средневековым законам, рождение детей вне брака каралось церковным покаянием и гражданским судом. Поэтому часто наблюдались случаи детоубийства. Существовал также обычай срывать во время венчания венок с головы невесты, потерявшей девственность до замужества, а также посыпать сечкой или соломой порог ее дома.

К отцу взираешь,
И воссылаешь
Ты воздыханьем скорбь свою.

Кто знает,
Как тает
Во мне вся сила до дна?
Чем бедное сердце страдает,
Что дрожью его обнимает,
Ты знаешь, ты знаешь одна!
Куда бы ни пошла я,
Больна, больна, больна я,
Тоска в моей груди!
Уйду ль и горе спрячу,
Я плачу, плачу, плачу,
И сердцу не снести.

Все стекла в моем окошке
Слезами вновь политы!
Когда я сегодня срывала
Тебе вот эти цветы.
Чуть солнце заблестело
Поутру мне в окно,
А я опять сидела
В постели уж давно.

Спаси! Укрой рабу свою!
К молящей,
Ты лик скорбящий
Склони, пойми тоску мою!

Ночь

Улица у двери Гретхен.

Валентин
(солдат, брат Гретхен)

Бывало на пиру ином,
Как похвальба пойдет кругом,
И станет кто мне говорить

И лучших девушек хвалить,
С стаканом полным избочась*,
На край стола облокотясь;
Сижу спокойно я себе,
Внимая этой похвальбе.
Молчу, а смех в душе таю,
И подыму стакан с вином,
Да и скажу: всяк за свою!
Но есть ли где-нибудь кругом,
Чтоб с Гретхен можно спорить ей,
С сестрою дорогой моей?
Топ! Топ! Чек! Чек! — пойдет вокруг.
Они кричат: он точно прав;
Какая прелесть, что за нрав!
А хвастуны затихнут вдруг.
И вот — рвать волосы придется!
На стенку лезть мне остается!
Рад подпустить тебе иголку
Шельмец последний втихомолку!
А я, я, как преступник тайный,
Потей от выходки случайной!
Хоть размозжи их кулаками —
А все не назовешь лгунами.

Кто там? Кто крадется вот тут?
Их двое, кажется, идут.
И если он, его схвачу я, —
И уж живым не отпущу я!

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Как в ризнице там у окна
Лампада вечная лишь светит вверх сильнее,
Теряясь в стороны слабее и слабее,
И ночь кругом ее черна;
Так и в груди моей все темно.

Мефистофель

А мне, так словно кошке томно,
Что вверх по лестнице крутой

* *Избочениться (разг.)* — принять нарочито молодцеватую позу, выставив вперед бок и опершись на него рукою.

Взошла и скрылась за стеной;
И добродетельно я чувствую сперва
Немножко похоти, немножко воровства.
Всего как бы манит и нудит
Вальпургиева ночь опять!
Она же послезавтра будет,
Тогда не жаль и не поспать.

Фауст

А между тем, поднимется ль тот клад,
Где вижу огоньки там назади блестят?

Мефистофель

Уж недалек твой час отрадный,
Котельчик* вынешь преизрядный.
В него намедни я глядел;
Он полон талеров** горел.

Фауст

И ни запястья, ни кольца?..
Мне милой подарить бы нужно.

Мефистофель

Каких-то видел два конца,
От нитки, кажется, жемчужной.

Фауст

Вот хорошо! Мне больно к ней идти,
И ничего с собой не принести.

Мефистофель

Ты мог бы с мыслью помириться.
Порой и даром насладиться.
Теперь послушай лютню ты мою,
При блеске звезд и я смелее;
Я песнь моральную спою.
Чтоб с толку сбить ее вернее.

(Поет под лютню.)

Напрасно, верь,
К дружку ты в дверь
Глядишь теперь,
Катюша, пред денницей***!
Тебя тайком
Введет путем

---

* Котелок.

** *Талер* — старинная немецкая серебряная монета.

*** *Денница* — утренняя заря.

Девицей в дом,
Но пустит не девицей.
Так ты гляди!
Себя блюди;
Того и жди
Накличешь дней печальных!
Мы всем твердим:
Вы ни с одним
Не знайтесь с ним;
До колец обручальных!

Валентин
(выступает)

Кого, проклятый, манишь там?!
Ах, крысолов, — кривая рожа!*
Сперва гудок ко всем чертям!
И к черту песенника тоже!

Мефистофель

Вот лютня сломана! Невелика забота.

Валентин

По черепам пойдет работа!

Мефистофель
(Фаусту)

Вы доктор то ж, куда ни шло!
За мной, когда я наступаю!
Свою шпаженку наголо!
Колите вы! Я отбиваю.

Валентин

Ну, отбивай!

Мефистофель

Что ж! Я таки натерт.

Валентин

И этот?

Мефистофель

Да!

Валентин

Дерется он как черт!
Но что со мной? Слабею как ребенок.

---

* Валентин имеет в виду известную в Германии легенду о гамельнском крысолове, который увел вслед за крысами и всех детей города Гамельна в отместку за то, что бургомистр не дал ему награды, обещанной за истребление крыс.

Мефистофель
(Фаусту)

Коли!

Валентин
(падая)

Увы!

Мефистофель
(подходя)

Знать присмирел теленок!
Теперь уйдем! Бывает час неровный;
Уже орут разбой во всех концах.
С полицией я был всегда в ладах.
Зато мне суд противен уголовный.

Марта
(из окна)

Сюда! Сюда!

Гретхен
(из окна)

Огня скорей!

Марта
(как прежде)

Здесь спор и брань, и звон мечей.

Народ

Один успел уж мертвым пасть!

Марта
(выходя на улицу)

Убийцы, знать, ушли скорей?

Гретхен
(выходя)

Убит-то кто?

Народ

Сын матери твоей.

Гретхен

О, Милосердый! Что за страсть!

Валентин

Я умираю! Говорить
Недолгая статья.
Вы бабы, полно плакать, выть!
А слушайте меня!

(Все его обступают.)

Ты, Гретхен! Видишь, молода,
Еще глупа, в твои года
Концов не можешь скрыть.
Тайком хотел тебе сказать:
Выходит подлинно ты б<...>,
Уж так тому и быть!

Гретхен

Брат! Господи! За что же мне?

Валентин

Оставь ты Бога в стороне!
Что миновало — не вернешь,
А что посеешь, то пожнешь.
Ты тайно начала с одним,
Черед настанет и другим,
А как до дюжины дойдешь,
К тебе весь город будет вхож.

Когда вначале стыд родится,
Его пугает свет дневной,
Ночною ищет пеленой
И с головою он укрыться.
Его убить желанье наше.
А как пошел он только в рост,
Так среди дня он ходит прост,
А все не делается краше.
И чем гнуснее он на вид,
Тем больше к свету норовит.
Настанет день и не один,
Что всякий честный гражданин
Тебя — ты шкура! — побоится,
Как от чумы он сам посторонится,
И сердце кровью будет обливаться
Твое, как ты их встретишь взор!
В цепочке золотой не красоваться
У алтаря тебе от этих пор!*
В воротничке ты с кружевами

* В XV веке в Германии женщинам нескромного поведения запрещали пышно одеваться, носить золотые и серебряные вещи и посещать богослужение.

На танцы не пойдешь с друзьями!
А будешь по углам стараться
Средь нищих и калек прижаться,
И, хоть и Бог простит тогда,
На сей земле будь проклята!

Марта

Отдать готовься душу Богу!
Зачем хулой грешишь ты на дорогу?

Валентин

Ты, сводня! Если б до сухих
Костей добраться мне твоих,
Тогда бы мне — в души спасенье,
Все отпустились прегрешенья.

Гретхен

О, брат! Как этот ад горяч!

Валентин

Я говорю тебе, не плачь!
Ты злее мне удар нанесть
Решилась, потерявши честь.
А я стою у вечных врат
Пред Богом прав и как солдат.

(Умирает.)

Собор

Обедня. Орган и пение.
Гретхен среди толпы народа.
Злой дух позади Гретхен.*

Злой Дух

С тобою то ли, Гретхен,
Бывало, как с невинной

* В этой сцене Маргарита, терзаемая угрызениями совести, оплакивает две смерти: матери, отравленной Мефистофелем, и брата Валентина, убитого Фаустом.

Душой пред алтарем,
Ты по избитой книжке
Молитвы лепетала,
Не то о детских играх,
Не то о Боге помня!
Гретхен!
Что в голове твоей?
А в сердце
Какое прегрешенье?
Молилась ли о матери, которой
Пришлось из-за тебя почить
в страданье долгом?
У двери, у твоей, чья кровь?
А у тебя под сердцем
Не движется ль уже и не растет ли
Себе на муку и тебе
Своим присутствием зловещим?

Гретхен

Увы! Увы!
Хотя б уйти от мыслей,
Которые туда-сюда мятутся
Невольно!

Хор

Dies irae, dies ilia
Solvet saeclum in favilla. *

(Звук органа.)

Злой Дух

Тебя хватает ужас!
Труба трубит!
Гроба трясутся!
И сердце
Твое, из праха
В огне мучений
Рождаясь снова,
Дрожит!

Гретхен

Хотя б уйти!
Мне кажется орган

* Начало католического гимна: «День гнева, этот день обратит мир в пепел» *(лат.)*. Этот гимн входит в заупокойную службу (реквием).

Захватывает дух мне,
А пенье в сердце
Идет до дна.

Хор

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet apparebit,
Nil inultum remanebit.*

Гретхен

Так тесно мне!
Все эти стены
Меня стеснили,
А своды давят!
Нет сил дышать!

Злой Дух

Укройся! Грех и стыд не может
Нигде укрыться.
Свет? Воздух? Горе
Тебе!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus?
Quern patronum rogaturus,
Cum vix justus sit securus?**

Злой Дух

Святые отвратили
Прославленные лики от тебя.
И руку протянуть
Тебе трепещет чистый!
Увы!

Хор

Quid sum miser tunc dicturus?

Гретхен

Соседка! Ваш флакон!

(падает в обморок)

---

* Из того же гимна: «Когда воссядет судия, откроется все сокровенное, и ничто не останется без возмездия».

** «Что я скажу тогда, несчастный, какого покровителя я буду умолять, когда и праведник едва спасется» *(лат.)*.

Вальпургиева ночь*

Гарц. Местность Ширке и Эленд.**
Фауст, Мефистофель.

Мефистофель

Не нужно ль помела тебе хоть для подмоги?
Козла бы взял я подюжей.
А этак колесить немало нам дороги.

Фауст

Покуда мне еще так бодро служат ноги,
Довольно палки мне моей.
Что пользы путь отыскивать прямой!
В извилинах долин тихонько подвигаться,
И на утес потом взбираться,
Откуда этот ключ свергается струей.
Вот чем отраден путь такой!
Весна уж просится повеять от березы,
Да и сосна душку пустила своего.
А вешние на нас не действуют ли грезы?

Мефистофель

Не чую право ничего!
Я полон скуки небывалой;
Мороз да снег мой оживили б дух.
Как грустно, восходя, краснеет запоздалый
Луны недовершенный круг,
И плохо светит; как незрячий,
На дерево, скалу тут всякий набежит!
Дай подзову огонь блудящий!***
Я вижу там один так весело горит.

---

* Название «Вальпургиева ночь» происходит от имени святой игуменьи Вальпургии, память которой католики почитают первого мая. Ночь на первое мая в языческие времена отмечалась народными празднествами в честь наступления весны. С распространением христианства эти древние празднества в Германии были осуждены духовенством как «нечистое, бесовское идолопоклонство».

** На горе Брокен (Блоксберг) в Гарце по преданию в ночь на первое мая ведьмы и колдуны устраивали «сатанинскую оргию». В эту ночь природа приобретает демонический характер; кажется, что все благотворные силы из нее исчезают, она наполняется обманчивым холодным светом блуждающих огоньков, освещающих дорогу, и ночная сторона природы проявляется с особой силой. *Ширке и Эленд* — две деревни на пути к Брокену.

*** По народному поверью, блуждающие огоньки на болоте завлекали путников в трясину и помогали нечистой силе.

Эй, милый друг!
Послушай-ка, любезный!
Чем тратить пламень бесполезный,
Уж будь так добр и вверх нам посвети!

Блудящий огонь

Я постараюсь, вам в угоду,
Сдержать свою летучую природу;
По сторонам мы мечемся в пути.

Мефистофель

Эге! Идешь людской стезею!
Держи же прямо, черт с тобою!
Не то задую в миг один.

Блудящий огонь

Я чувствую, что здесь вы господин.
Охотно вам готов служить.
Но на горе теперь содом тут настоящий,
И если должен вас водить огонь блудящий,
Нельзя взыскательному быть.

Фауст, Мефистофель
и Блудящий Огонь
(поют вместе)

В область снов и волхованья
Мы, как кажется, вступили.
Приложи светить старанье!
Чтобы мы скорей забыли,
Как пустынно здесь и дико!

За деревьями смотри-ка,
Как деревья пробегают,
Как там скалы приседают
И утесы, что над нами
Дуют и сопят носами!

По каменьям меж кустами
Ручеек и чист, и тесен.
Шум ли это? Звуки ль песен?
Или стон любви печальной,
Молодой, первоначальной?
Что мы любим, что нам мило!
Только эха голос дальний
Как предание чудесен.

Угу! — гаркнули спросонка;
Сыч, сова, сизоворонка.
Или в сон вас не клонило?
Саламандры знать в опушке?
Тонконожки, толстобрюшки!

Словно змеи там коренья
Из-под камней, над песками,
Завязалися узлами,
Нам на страх и на смятенье;
Нити выпустив упрямо,
Как полипы, лезут прямо
На прохожих. И стадами
Между травами и мхами
Мыши пестрые шныряют!
Светляки ж, вокруг летая,
Словно туча огневая,
Хуже с толку нас сбивают.

Но скажи, с тобою вместе
Мы идем или на месте?
Все вертится ходуном,
А скалы, деревья тоже,
Искривившись, корчат рожи
Пред блудящим огоньком.

Мефистофель

Ухватись за плащ мой длинный!
На скале мы серединной,
Здесь увидишь, изумлен,
Как в горе блестит мамон*.

Фауст

Как странно в глубине мерцает
Какой-то отблеск заревой!
И даже словно проникает
И в сумрак бездны он самой.
Там точно пар блестит сторонкой,
Здесь пыл так ярок и могуч,
Там потянулся нитью тонкой,
А тут сверкает словно ключ.
Вот здесь по жилам он прелестным

* Демон Мамон (Маммон) построил для сатаны дворец, отливающий золотом (Мильтон «Потерянный рай»).

Спешит в долину низойти,
А здесь за поворотом тесным
Разъединился на пути.
Как искры россыпь золотая
Песком разбросанным блестит.
Но посмотри, скала сплошная
Во весь свой рост огнем горит.

Мефистофель

Не правда ль, как мамон отлично
Дворец свой в праздник осветил?
Ты счастлив, что при этом был;
Хоть гости шумны неприлично.

Фауст

Как этот вихрь и кружит все, и рвет!
Как он жестоко бьет меня по шее!

Мефистофель

За старую скалу держись смелее;
Иначе он тебя в те пропасти столкнет.
Туман кругом разлит.
Послушай, как в лесах трещит!
Взлетают испуганно совы.
В осколки дробятся основы
Зеленых и вечных дворцов.
Ты слышишь ломанье суков,
Стволов непреклонных стенанье,
Кореньев и треск, и зеванье!
Все в общем погроме теснятся,
И дружка на дружку валятся,
И вдоль заваленных ущелий,
Взвывая, несутся метели.
Слышишь ли ты говор дикий?
И вдали и близко крики?
Уж по всем ущельям гор
Заревел волшебный хор!

Ведьмы хором

На Брокен ведьмам всем поход;
Хоть жнивье желто, зелен всход.
Туда толпа поспеть спешит,
Где Уриан* вверху сидит.

* *Уриан* — имя черта на нижненемецком диалекте.

По пням по каменьям гони, пошел!
Колдунья п<...>т, воняет козел!

Голос

А старая Баубо* осталась одна;
Верхом на поросной свинье она.

Хор

Честь честью, кому подобает почет!
Ты тетушка Баубо, ступай наперед!
Свинья поздоровей, да тетка верхом,
Все ведьмы за нею гурьбою пойдем.

Голос

Откуда ты?

Голос

На Ильзенштейн** летела!
Сове в гнездо там посмотрела.
Как глянет пара глаз!

Голос

Эх, чтоб те провалиться!
Куда верхом так торопиться!

Голос

На раны глянь! Сдуру
Ссадила всю шкуру.

Ведьмы хором

Дорога долга и для всех широка;
Какой вас тут леший толкает в бока?
Нам вилы — колоть, а метла, чтобы драть,
Задохся ребенок и лопнула мать.

Колдуны
(полу хор)

Наш как улитка медлен ход;
А бабы все ушли вперед.
Где только царство злого ждет,
Там бабы за версту вперед.

---

* *Баубо* — кормилица древнегреческой богини Деметры. Она старалась непристойной болтовней развлечь богиню, когда та тосковала по своей дочери Персефоне, унесенной в подземное царство. Гете изображает Баубо как предводительницу бесстыжих ведьм.

** *Ильзенштейн* — утес в Гарце, названный по имени принцессы Ильзы, возлюбленной германского императора Генриха II. Вблизи утеса протекает речка Ильза.

Другой полу-хор

Решает спор одна черта:
Нам, женщинам, нужна верста,
Но как ни спешно мы идем,
Мужчина, глядь, догнал прыжком.

Голос
(сверху)

Сюда! Там с горных вы озер!

Голос
(снизу)

Мы рады б к вам на выси гор!
Мы моем, чисты, как вода;
Зато бесплодны навсегда.

Оба хора

Звезда скатилась, ветер спит;
Уж месяц спрятаться спешит;
И искрами волшебный хор
Горит, летя как метеор.

Голос
(снизу)

Стой! Стой!

Голос
(сверху)

Кто там кричит из-под скалы крутой?

Голос
(снизу)

Возьмите меня! Возьмите меня!
Карабкаюсь триста я лет,
А все до вершины подняться
Нет мочи; а горько остаться.

Оба хора

Везет метла, везет и кол,
Везет ухват, везет козел;
Кто нынче уж не полетел,
Тому уж положен предел.

Полу ведьма
(внизу)

Топчусь, уж ноги отекли;
А вишь, другие как ушли!
И дома ладу не найду,
Да и сюда не попаду.

Хор ведьм

У ведьм для бодрости настой,
На парус взял лоскут любой,
Корыто лодка тоже, чай;
Кто нынче не летит — прощай!

Оба хора

Как мы вершину облетим,
Спускайтесь вы к степям самим,
Чтоб весь уступ, как глаз глядит,
Был всюду ведьмами покрыт!

(Они опускаются.)

Мефистофель

Толкутся, суются, трещат!
Болтают, жмутся и шипят!
И блеск, и дым, и вонь, и чад!
А ведьмам любо — сущий ад!
Ты за меня держись! Не то нас разлучат.
Ты где?

Фауст

(издали)

Я здесь!

Мефистофель

Уж вон куда оттерли?
Нет, с ними толковать начну с ножом на горле.
Прочь! Видишь, сам идет.
Прочь, сволочь, чернь, пусти!
Дай руку, доктор, тут чтоб разом нам пройти,
Пока толпа сильнее не нагрянет;
Тут даже мне так тошно станет.
Вон что-то светится особенным огнем;
Вон в те кусты меня все тянет.
Скорей! Скорей! Туда юркнем.

Фауст

Противоречья дух! Какое поведенье!
Иду с тобой, хоть не пойму путем.
В Вальпургиеву ночь на Брокен мы идем,
Чтоб там искать уединенья.

Мефистофель

Смотри, что за огни цветные!
Веселый клуб! Гляди какие!
И в малом будешь не один.

Ф а у с т

Добраться лучше до вершин!
Там у огней в дыму толпа видна.
Где восседает зло, там ей и сладко;
Там выйдет не одна разгадка.

М е ф и с т о ф е л ь

Загадка тоже не одна.
Оставь ты свет большой кружиться;
Мы станем в малом веселиться
Давно уж это не секрет,
Что малые мирки большой вмещают свет.
Вот молодая ведьма — вся нага,
А вон старушка как хитро прикрылась.
Любезен будь, хоть мне-то сделай милость;
Труд невелик, забава дорога.
Ну, инструменты грянули! Досада!
Проклятый хрип! А все привыкнуть надо!
Пойдем! Пойдем! Я буду впереди;
Необходимо мне тебя ввести,
Чтоб было и тебе вольготней.
Что скажешь, друг? Не маленький простор —
Во все концы едва хватает взор!
Огней пылает больше сотни;
Танцуют, врут, варят, смеются, пьют.
Скажи, где лучший есть приют?

Ф а у с т

А ты себя, чтоб выйти на простор-то,
За колдуна им выдашь иль за черта?

М е ф и с т о ф е л ь

Меня всегда инкогнито прельщает;
Но в праздник всяк свой орден надевает.
Подвязки орденской хоть мне недостает*;
Но лошадиной тут ноге большой почет.
Улитку видишь ли? Вон к нам она плетется;
Хоть только ощупью век свой,
А что-то ей во мне сдается.
Здесь, хоть бы я хотел, не скроюсь, милый мой!
Пойдем к огням, ко всем собратам,
Ты как жених, я буду сватом.

(Подходят к некоторым, сидящим вокруг углей.)

---

* *Орден Подвязки* — высший орден в Англии.

Вы, старички, куда вы тут забились?
Я б стал хвалить, когда б вы веселились,
Пустясь в развал, где молодежь, огни.
И дома все сидели вы одни!

Генерал

У наций уж такая мода!
Заслугой их не проберешь;
У женщин, как и у народа,
На первом месте молодежь.

Министр

А мне любезна старина.
Куда теперь заколесили?
Как мы всем правили, так были
И золотые времена.

Parvenu*

Случалося и нам сбиваться кое в чем,
А все назвать нельзя нас дураками;
Теперь же все пошло вверх дном,
И именно, когда все было под руками.

Автор

Ну, кто теперь прочтет, что подельней,
Признайтесь-ко нелицемерно!
А что касается до молодых людей,
Так нос задрали непомерно.**

Мефистофель
(вдруг становясь стариком)

Созрел народ до гибели своей,
На Брокене томлюсь напрасной я отсрочкой;
Как жизнь-то потекла моя, что день мутный,
И мир уж стал пустою бочкой.

Ведьма торговка

Вы, господа, куда пошли!
Вы случая не упустите!
Мои товары разглядите;
Тут что угодно бы нашли.
Недаром выхваляю лавку,
Какой не встретить на земле,
Нет вещи, чтоб она вдобавку
В каком не побывала зле.

---

* Выскочка, нувориш *(лат.)*.

** Генерал, министр, parvenu и автор — сторонники отживших порядков, враждебно относящиеся ко всем новшествам.

Что ни кинжал, то кровь по нем струилась,
Здесь кубка нет, которому б вливать
Горячий яд в тела не приходилось.
Что ни убор, — то женщин соблазнять
Привык, что меч, — измене послуживший,
Хоть в спину, например, противника сразивший.*

Мефистофель

Ты, тетка, плохо, знать, следишь за временами!
Что было, — минуло давно!
Торгуй-ко лучше новостями!
Нам нужно новое одно.

Фауст

Хоть самому б не затеряться!
Вот это ярмарка, признаться!

Мефистофель

Все больше кверху напирают.
Ты норовишь толкать, а самого толкают.

Фауст

А это кто?

Мефистофель

Лилит. Сама она.

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая Адамова жена.**
Ты берегись волос ее прекрасных,
Единственный убор ее, заметь.
Кого из юношей поймает в эту сеть,
Не скоро вырвется тот из объятий страстных.

Фауст

Вон две сидят, старуха с молодой;
Уж верно пляс задали неплохой!

Мефистофель

Сегодня все идет кругом.
Вот новый танец! Что ж, пойдем! И мы возьмем.

---

* Образ ведьмы торговки — сатира на историков и археологов, перерывающих разный хлам, не имеющий научного значения.

** В отличие от библейского рассказа, средневековые предания утверждают, что у Адама до Евы была еще другая жена — Лилит, убившая всех прижитых с ним детей, и им за это отвергнутая. Она была превращена в демона, обуреваемого безудержной женской похотью.

Ф а у с т
(танцуя с молодой)

Прекрасный сон приснился мне,
Я видел яблоню во сне,
Два чудных яблока на ней,
За ними я полез скорей.

К р а с а в и ц а

До яблок падки вы всегда
Еще из рая, господа.
Я в восхищении большом,
Что есть они в саду моем.

М е ф и с т о ф е л ь
(со старухой)

Томился я тяжелым сном;
Я видел дерево с дуплом,
И хоть п<...> на нем была,
Охота все меня брала.

С т а р у х а

Прошу принять привет большой,
Мой рыцарь с конскою ногой!
Держи исправно х<...> ты свой,
Коль не запуган ты п<...>.

П р о к т о ф а н т а с м и с т*

Проклятый вы народ! И непослушный страх.
Иль не доказано давно, что, в самом деле,
Дух никогда не крепок на ногах?
А вы еще плясать, как люди захотели!

К р а с а в и ц а
(танцуя)

Зачем пришел он к нам на бал?

Ф а у с т
(танцуя)

Эх! Он нигде не отставал.
Другой танцует, — он обсудит.
И если каждый шаг им оценен не будет,
То шаг как будто не пройден.

---

* Дословно имя этого персонажа обозначает «задницей чувствовал». Под этим именем Гете высмеял немецкого издателя и литератора Ф. Николаи, своего литературного противника. Николаи заявил однажды в ученом заседании Берлинской Академии наук, что избавился от мучившего его привидения при помощи пиявок, которые он поставил себе на задницу. Proktos по-гречески означает «зад».

Движением вперед он злей всего взбешен.
Вот если бы при нем все лишь кружиться,
Как в старой мельнице своей он то завел,
Пожалуй, слово бы он доброе нашел;
Особенно, как тут ему же поклониться.

Проктофантасмист

А вы еще все тут! Наладили одно!
Исчезните! Ведь все давно просвещено!
Вот чертов-то народ не слушается правил;
Мы так умны, а тут кто эту дрянь оставил?
Все предрассудки я повымел за порог!
А все нечисто тут. Ну, кто б поверить мог!

Красавица

Ну что он нам надоедает?

Проктофантасмист

Вам, духи, говорю я здесь прямым лицом:
Духовный деспотизм противен мне во всем;
Мой дух его не допускает.

(Продолжают танцевать.)

Сегодня здесь моих не слушают советов;
Но путешествие отбуду молодцом,
В надежде, что хотя перед концом
Сумею покорить чертей я и поэтов.

Мефистофель

Пожалуй, в лужу он усесться соберется,
Так облегчает он обычно тяжкий труд.
И если пьявок там побольше присосется,
Уймется дух его, и духи пропадут.

(Фаусту, выступившему из круга танцующих.)

Зачем прекрасную девицу ты оставил?
Она уж пела все нежней.

Фауст

Ах! Вместе с пением у ней
Шмыгнул из уст мышонок красный.*

Мефистофель

Вот выдумал! Какая ж тут беда;
Была ведь мышь-то не седа.
Есть, чем тревожить говор страстный!

---

* Согласно средневековому преданию, это один из признаком того, что женщина отдалась сатане.

Ф а у с т

Потом я видел…

М е ф и с т о ф е л ь

Что?

Ф а у с т

Ты сам вон погляди!
Прекрасное дитя, вдали от всех одна,
Такая бледная, не движется почти,
Плывет, как будто ног не двигает она.
Скажу по совести своей,
Есть с милой Гретхен сходство в ней.

М е ф и с т о ф е л ь

Оставь ее! Она грозит бедой.
То лик волшебный, идол неживой.
С ней встретиться — напасть себе готовь;
От глаз застывших застывает кровь,
Взглянул — и тотчас камнем стал.
Ты о Медузе-то слыхал?*

Ф а у с т

Ну, право, мертвецы одни глядят так вяло,
Когда им глаз никто из близких не смыкал.
Вот грудь, которую мне Гретхен отверзала;
Вот тело нежное, каким я обладал.

М е ф и с т о ф е л ь

В том все и волшебство, иль в ум тебе нейдет!
Что каждый милую свою в ней узнает.

Ф а у с т

О, что за счастье! За терзанье!
Я глаз свести не в состоянье.
Как изумительно пристал
Шнурочек красный к тонкой шее,
Спины ножа не шире, не виднее!

М е ф и с т о ф е л ь

Так точно! Сам я увидал.
Ей голову носить под мышкою удобно;
Ей отрубил ее Персей богоподобный**, —

---

* *Медуза* — по древнегреческой мифологии, одна из трех горгон со змеями на голове вместо волос. От взгляда Медузы люди обращались в камень.

** *Персей* — легендарный древнегреческий герой, отрубивший голову Медузе.

Страсть у тебя к мечтанию во всем!
Вот на пригорок дай взойдем!
Театр! Коль то не наважденье!
А что дают?

Servibilis подлиза

Сейчас опять начнем.
Вещь новая! Седьмое представленье.
Семь пьес всегда играют тут.*
То дилетанта сочиненье,
И дилетанты все дают.
Простите, господа, что вас я оставляю;
Как дилетант поднять я занавес спешу.

Мефистофель

Я рад, что я тебя на Блоксберге встречаю,
Да где ж и быть тебе? Покорнейше спрошу.

Сон в Вальпургиеву ночь, или Оберона и Титании золотая свадьба

Intermezzo**

Режиссер

Нынче Мидинга*** сынам
Есть в трудах замена;
Холм да луг росистый нам
Вот и вся тут сцена!

---

* Гете высмеивает мистическое толкование числа «семь», встречающееся в различных религиях (семь небес, семь планет и т.д.).

** Небольшое комическое представление *(итал.)*. Название этой интермедии дано в подражание «Сну в летнюю ночь» Шекспира, оттуда же заимствованы некоторые персонажи.

*** *Мидинг И.-М.* — искусный художник, столяр-краснодеревщик, осуществлявший театральных постановок в Веймарском придворном любительском театре, созданном при участии Гете.

Герольд
Чтобы свадьбе золотой
Стать — полвека надо,
Будь за труд мой мировой
Золото награда.

Оберон
Полно, духи, вам порхать,
Вы бы прислужились,
Царь с царицею опять
Здесь соединились.

Пук
Если Пук прыжком каким
В пляске отличится;
Сотни бросятся за ним
В хоровод кружиться.

Ариэль
С Ариэлем запоешь —
Выйдет так пригоже;
Много он приманит рож
И красавиц тоже.

Оберон
Каждой паре может быть
Наш пример — наука!
Чтоб друг друга полюбить,
Им нужна разлука.

Титания
Взъелся муж, а на него
Зло берет супругу,
Мчите к Северу его,
А ее вы к Югу.

Весь оркестр
(fortissimo)
Эй, лягушки, ты, комар!
Мухи! Все таланты!
Ты, кузнечик, приударь!
Вот и музыканты!

Соло
Вот сама волынка к нам!*
То пузырь лишь мыльный.

* По средневековому поверью, дьявол любит играть на волынке.

Заревет, так лопнет сам
От натуги сильной!

Дух,
начинающий
образовываться

Жабе крылья, паука
Ножки — вот смешенье!
Хоть не вышло так зверька —
Есть стихотворенье.

Парочка

Мы пустились дружно в пляс,
Вся роса слетает;
Но на воздух что-то нас
Все не подымает.

Любопытный
путешественник

Маскарадный знать чертог?
Вот уж изумился!
Оберон, прекрасный бог,
Ты ли мне явился?

Ортодокс

Нет когтей, не при хвосте!
Но и он в итоге
Все такой же черт, как те
Греческие боги.

Северный художник

Что набросил я — одни
Очерки признаюсь;
Но в Италию все дни
Я подготовляюсь.

Пурист*

Ведь не ценит этот люд
Строгости премудрой!
Изо всех волшебниц тут
Только две под пудрой.

Молодая ведьма

Пудру с платьем я отдать
Старым не жалела;
На козла я так, как мать
Народила — села.

---

* *Пурист* — приверженец пуризма, человек, выступающий за чистоту нравов.

Матрона
Мы привыкли тонко жить.
Вздорить не ведется.
Молода, свежа, а сгнить
Заживо придется.

Капельмейстер
Эй, вы, мухи, ты, комар,
К голой что пристали!
Ты, кузнечик, приударь,
Такт вы потеряли!

Флюгер*
(в одну сторону)
Где подобный круг найдешь?
Что ни шаг — невеста!
На подбор и молодежь,
Вся добьется места.

Флюгер
(в другую сторону)
Коль земля не поглотит
Эту шваль сплошную,
Самый ад не устрашит,
И туда спрыгну я.

Ксении
Насекомыми пришли
Мы — и клещи наши
Мы на службу принесли
Сатане папаше.

Геннингс**
Посмотрите, как болтать
Собрались вострушки!
Станут сами утверждать,
Что они добрушки.

Музагет
Мне этих ведьм мила семья,
Толкался б между ними;

---

* Флюгером Гете и Шиллер называли музыканта и журналиста Рейхардта, к которому в годы, когда создавался «Сон в Вальпургиеву ночь», они относились отрицательно, так как он в политическом отношении был значительно левее обоих поэтов; они ставили ему в вину его попытку лавировать между французской революцией и оппозиционно настроенным к ней веймарскими классицистами.

** *Геннингс* Август фон; он же (далее) *Музагет* (один из его псевдонимов), автор сборника «Гений своего времени» — публицист, порицавший классическую эстетику Гете и Шиллера как чуждую духу христианства.

Тут легче справился бы я,
Чем с музами своими.

Cl devant*
гений своего времени

Какие люди все у вас!
Дай руку. Вот пролез-то!
И Блоксберг, как и наш Парнас,
Обширнейшее место.

Любопытный
путешественник

Кто этот гордый, что притом
Глядит так сановито?
Он всюду нюхает кругом,
«Тут нет ли езуита».

Журавль**

И в мутной я готов воде
Попользоваться рыбкой.
Хоть набожен, спешу везде
Чертей встречать с улыбкой.

Светский

Да, средство набожным во всем,
Чтоб зло исправить в корне;
Они на Блоксберге самом
Устроят все соборне.

Танцующий

Знать новый хор звенит в ушах.
Не бубны ль загремели?
Нет, это выпи в камышах
Так глухо загудели.

Танцмейстер

И всяк-то пляшет.
Эка блажь! Кажись бы, до того ли.
Хромой и увалень туда ж,
Не спросят, хорошо ли.

Гудочник

Ведь эта сволочь, ей-же-ей.
Друг дружку б задушила;

---

* Бывший *(фр.)*.

** *Журавль* — Лафатер, писатель и богослов, в юности друг Гете, но позже стал ему неприятен своим восторженным мистицизмом. Гете дал ему прозвище за «журавлиную» походку.

Но как Орфей* скликал зверей,
Волынка их смирила.

Догматик

Не сдамся критике отнюдь,
И спорить рад до смерти.
Черт должен быть же чем-нибудь.
Откуда ж были б черти?

Идеалист

Я к представленью бытия
Чуть веры не утратил;
Коль это все, — все сам же я,
Так я сегодня спятил.

Реалист

Как надоела мне сейчас
Вся эта суматоха;
И на ногах я в первый раз
Стою довольно плохо.

Супернатуралист**

А мне так стало веселей,
Хожу я торжествуя;
О добрых духах от чертей
Уж заключать могу я.

Скептик

За огоньком бегут везде,
Все клад в воображенье.
А я, я рифму помню: где
Виденье, там сомненье.

Капельмейстер

Вы, кузнечики — смотри!
Эх вы дилетанты!
Что ж вы, мухи, комари,
Вы ведь музыканты!

Ловкие

Sans souci*** слывет наш круг,
Весело меж нами.

---

* *Орфей* — легендарный певец и музыкант, герой древнегреческих мифов.

** *Супернатуралист* — человек, убежденный в существовании сверхчувственного мира; по-видимому, имелся в виду философ-мистик Фридрих Якоби.

*** Без забот *(фр.)*.

Оказались ноги вдруг,
Ходим вверх ногами.

Неловкие

Пришлось и нам хватать куски;
Теперь черед не нашим!
Мы протоптали башмаки,
И босиком уж пляшем.

Блудящие огни

Все мы вышли из болот,
Родины смердящей,
А посмотришь, мы народ
Самый здесь блестящий.

Падучая звезда

Разлетелась я с высот
Как звезда большая,
А теперь лежу я вот,
С места не вставая.

Массивные

Места! Места! Тут примнешь
Траву, как ни хуже.
Мчатся духи, духи то ж,
Только неуклюжи.

Пук

Что вы, точно как слоны
Кажете нам дюжесть*!
Уступить уж вы должны
Пуку неуклюжесть!

Ариэль

Если крылья вам даны
Духом и рожденьем,
Вы лететь за мной должны
К выспренним селеньям!

Духи
*(pianissimo**)*

Тучек нет, туман поник,
Сверху просияло,
Ветра вздох, — заснул тростник,
Вот и все пропало.

---

* *Дюжесть* — мощность, могучесть.

** Очень тихо *(итал.)*.

Пасмурный день*

Поле. Фауст и Мефистофель.

Фауст. В нужде! В отчаянье! Скиталась с горем долго по земле, и вот задержана! Как преступница, заключена в темницу на страшную муку, прелестное, несчастное созданье! Вот до чего! До чего! Предательский недостойный дух, и это ты от меня скрывал! Стой, стой тут! Ворочай злобно своими дьявольскими глазами! Стой и вызывай меня своим невыносимым присутствием! В заключенье! В неисправимом бедствии! Преданная во власть злых духов и бесчувственного суда человеческого! А меня ты тем временем морочишь бессмысленными развлечениями, скрываешь от меня ее возрастающее горе, и оставляешь ее беспомощно погибать!

Мефистофель. Она не первая!

Фауст. Собака! Отвратительное чудовище! Преврати, ты дух бесконечный! Преврати этого змея снова в его собачий вид, в каком часто нравилось ему являться передо мною, катиться беспечному путнику под ноги и виснуть у наткнувшегося на плечах. Обрати его снова в любимый его образ, чтобы он на брюхе ползал передо мною на песке, чтобы я ногами топтал его, отверженца! Не первая! Горе! Горе! Ни в какой человеческой душе невместимое, что более чем одно создание потонуло в глубине этого бедствия, что первая не искупила вины всех остальных своими предсмертными муками перед лицом вечно Прощающего! До мозга костей все существо мое проницает бедствие этой одной; а ты спокойно скалишься над судьбою тысячей!

Мефистофель. Вот мы и опять на границе нашей смекалки, где у вас, людей, ум за разум заходит. Зачем же ты братаешься с нами, коли не в силах довести этого до конца? Хочешь летать и подвержен головокруженью? Мы навязались к тебе или ты к нам?

Фауст. Не скаль так на меня свои прожорливые зубы! Мне гадко! Великий, возвышенный дух, удостоивший меня

---

* Единственная прозаическая сцена, сохраненная Гете в составе «Фауста». Действие происходит утром после Вальпургиевой ночи. За три дня, что прошло с убийства Валентина, происходит множество событий: Гретхен родит ребенка, топит его в реке, затем она «долго блуждает», наконец заключена под стражу, приговаривается судом как детоубийца к смертной казни. В три дня все эти события явно не вмещаются. Так что, углубившись в символику этой сцены, надо «забыть хронологию».

своего появления, ведающий мое сердце и мою душу, зачем приковал ты меня к этому позорному товарищу, который услаждается наносимым злом и радуется гибели?

Мефистофель. Ты кончил?

Фауст. Спаси ее! Или горе тебе! Страшнейшее тебе проклятие на тысячелетия!

Мефистофель. Мстителя уз я расторгнуть не могу, не могу отворить его затворов. — Спасение! — Кто же ввергнул ее в бедствие? Я или ты? *(Фауст дико озирается.)* Или ты ищешь грома? Хорошо, что он не дан вам, несчастным смертным! Разгромить невинного встречного, вот способ тиранов, при стеснении облегчить грудь.

Фауст. Снеси меня туда! Она должна быть свободна!

Мефистофель. А опасность, которой ты подвергаешься? Знай, еще в городе тебя ищут за пролитую кровь. Над могилой убитого носятся духи мщения, поджидая возврата убийцы.

Фауст. Еще этого от тебя недоставало? Кровь и смерть целого мира на твою голову, чудовище! Веди меня туда, говорю я, и освободи ее!

Мефистофель. Я поведу тебя, но что могу я сделать, слушай! Разве мне дана полная власть на небе и на земле? Я усыплю сторожа; захвати ключи и выведи ее человеческой рукой! Я стану на страже. Волшебные кони готовы, и я вас умчу. Вот все что могу я.

Фауст. Скорей и в путь!

Ночь

Открытое поле. Фауст и Мефистофель
(проносятся на вороных конях)

Фауст

Что вьются над местом там казни оне?

Мефистофель

Не знаю, что делают, варят.

Фауст

Поднимутся, спустятся, вьются, плывут.

Мефистофель

Слетелись колдуньи.

Фауст

И сеют, и место готовят.

Мефистофель

Вперед! Вперед!

Темница

Фауст

(со связкой ключей и лампой у железной двери)

Давно забытый страх владеет мною;
Всемирным я страданьем потрясен.
Вот здесь она живет, за влажною стеною,
А весь ее проступок — милый сон!
Ты медлишь ее обнять!
Боишься ее увидать!
Скорей! Спасенья час пока не промедлен.

(Он берется за замок. Слышит песню.)

Маргарита

Ты распутница мать
Извела ты меня!
Ты, разбойник отец,
Ты зачем съел меня!
А сестрички меньшой
И могилки сырой
Не сыщу;
Тут я птичкою стала лесной,
Полечу, полечу!

Фауст

(отпирая)

Что милый здесь, ей не придет на ум,
Что слышит звук цепей он и соломы шум.

(Он входит.)

Маргарита

(прячась в постели)

Увы! Увы! Идут. Час горький мой!

Ф а у с т
(тихо)
Молчи! Сейчас на воле будешь.

М а р г а р и т а
(падая к его ногам)
Коль человек ты, — сжалься надо мной!

Ф а у с т
Ты криком сторожей разбудишь!

(Он берет ее цепи, чтобы отомкнуть.)

М а р г а р и т а
(на коленях)
Кто власть, палач, тебе мог дать
Здесь надо мной такую!
Меня пришел ты в полночь брать.
Умилосердись, — жить хочу я!
Хоть до утра оставь; — тогда…

(Встает.)

Я молода еще, так молода!
И вдруг могила!
И хороша была, вот что сгубило.
Друг близок был, теперь вдали;
Разорван мой венок, цветочки отцвели.
Зачем твоя рука так больно ухватила!
О, пощади! Чем я не угодила?
Не дай напрасно умолять!
Ведь мне впервой пришлось тебя
и увидать!

Ф а у с т
Как с этим горем совладать!

М а р г а р и т а
Теперь да будет власть твоя.
Дай накормить дитя грудное.
Над ним вся ночь прошла моя;
Они отняли дорогое,
И говорят, его убила я.
Всю жизнь мне проводить с тоской.
И песни про меня сложили люди злые!
У старой сказки есть конец такой;
Зачем вставлять слова другие?

Ф а у с т
(бросаясь на колени)
У ног твоих здесь любящий, готовый
Расторгнуть рабские оковы.

М а р г а р и т а
(бросаясь к нему)
О! Пред святыми станем на колени!
Смотри! Куда пошли ступени,
Вот у порога,
Там в ад дорога!
И злобный дух,
И злая прислуга,
Как грянут вдруг!

Ф а у с т
(громко)
Гретхен! Гретхен!

М а р г а р и т а
(вслушиваясь)
То голос милого друга!

(Она вскакивает, цепи спадают.)

Где он? Он звал меня сейчас.
Теперь свободна я! Никто мне не указ.
На шею к нему полечу,
На грудь к нему пасть я хочу!
Он крикнул мне: Гретхен! Он был на пороге.
Средь адского гама, в смертельной тревоге,
Под дьявольский смех и неистовый стук,
Узнала я милый и сладостный звук.

Ф а у с т
Вот я!

М а р г а р и т а
Ты это! О, скажи еще в другой!
(Хватаясь за него.)
Он! Это он! Куда девался ужас мой?
Весь страх тюрьмы, цепей,
Во что он обратился?
Ты, чтоб спасти меня явился!
Я спасена!
Вот я и улицу узнала,
Где в первый раз тебя я повстречала,

А вот и садик увидала.
Где с Мартою тебя мы поджидали.

Ф а у с т
(порываясь)

Пойдем! Пойдем скорее!

М а р г а р и т а

Не спеши!
Так рада я всегда побыть с тобой.

Ф а у с т

Спеши!
Минутою одной
Погубишь все. — Не медли доле.

М а р г а р и т а

Как? Ты уж не целуешь боле?
Мой друг, давно ль я шла тебя встречать,
Уж разучился целовать?
Зачем мне страшно на груди твоей?
Когда в твоих речах, в глазах твоих встречая,
Бывало, небеса храню в душе моей,
Ты целовал меня, как будто удушая.
Поцелуй меня!
Не то я стану целовать тебя!
(Обнимает его.)
Увы! Твои остыли губы,
И звук замолчал.
Куда вся любовь, что я знала,
Пропала?
Ее кто умчал?

(Отворачивается от него.)

Ф а у с т

Скорей! Опомнись, милая! Бежим!
Всем пылом страсти буду вновь твоим.
Иди за мной! Прошу я об одном!

М а р г а р и т а
(обращаясь к нему)

Да ты ли это? Ты ль? Скажи путем.

Ф а у с т

Я! Я! Пойдем.

М а р г а р и т а

Ты цепи разорвешь,
И на колени вновь меня возьмешь.
Друг, отчего ко мне ты страха не питаешь? —
Ты знаешь ли, кого освобождаешь?

Ф а у с т

Скорей! Скорей! Уж начал день светать.

М а р г а р и т а

Я убила родимую мать,
Я дитя утопила свое.
Ведь оно ж и мое, и твое?
И твое! — Это ты! Это он.
Дай мне руку! Так это не сон!
Эту милую руку! — Но, ах! Посмотри,
Как мокра! Ты ее оботри!
На ней кровь.
Боже, что это сделал ты вновь!
Эту шпагу вложи,
Умоляю! Ты знаешь…

Ф а у с т

Что прошло, уж о том не тужи!
Ты меня убиваешь.

М а р г а р и т а

Нет, ты должен остаться, мой милый!
Опишу я тебе все могилы,
Ты поутру их вновь
Изготовь.
Место лучшее матери взято,
Положи с нею рядом и брата,
А меня так-то с бока,
Да не слишком далеко!
Мне ребенка на правую грудь.
Лечь со мною они не решатся! —
Но к тебе мне, бывало, прижаться
Было счастье, отрада моя!
Но теперь нету прежнего боле;
Словно льну я к тебе поневоле,
И тебе точно я не своя.
А ведь все же ты здесь, с этим добрым лицом.

Ф а у с т

Коль меня узнаешь, так пойдем!

М а р г а р и т а

Чтобы я выходила?

Ф а у с т

На волю.

М а р г а р и т а

Коль ждет там могила,
И смерть караулит, пойдем!
Отсюда на вечный покой!
И дальше ни шагу, —
Теперь ты уходишь?
О, Гейнрих! Когда б я могла за тобой!

Ф а у с т

Ты можешь! Решайся! Отворена дверь.

М а р г а р и т а

Нельзя мне. Надежды нет теперь.
Что пользы бежать? Там меня караулят.
Как горько просить подаянья,
К тому же страшась наказанья!
И там на чужбине узнают,
Они меня снова поймают!

Ф а у с т

Я буду с тобой.

М а р г а р и т а

Скорей! Скорей!
К ребенку своему поспей!
Беги. По пути,
Где по кладкам ручей
Перейти,
Все дальше в лес,
Налево, где доска
В пруде.
Хватай в воде!
Подняться хочет
И бьется оно!
Спаси! Спаси!

Ф а у с т

Мгновенье одно!
Лишь шаг один — и будь свободной!

М а р г а р и т а

Вон к той горе тропой обходной!
На камне мать сидит моя,
Меня в озноб кидает!
На камне мать сидит моя,
И головой качает;
И не кивнет, голова тяжела;
Никак не проснется, — так долго спала.
Спала, чтобы мы миловались.
Блаженные дни миновались!

Ф а у с т

Коль нет ни в моленьях, ни в просьбах пути,
Так прямо решаюсь тебя унести.

М а р г а р и т а

Оставь ты меня — не хочу я насилья!
Зачем ты меня так хватаешь силом!
Тебе угождать я старалась во всем.

Ф а у с т

День близок! Друг мой! Милый друг!

М а р г а р и т а

День! Близок день! Последний день настал;
Днем свадьбы для меня он стал!
Не сказывай, что ты уже у Гретхен был.
Венок мой бедный!
Не помни былого!
Увидимся снова;
Но не на танцах.
Толпа валит, ее не слыхать.
На площади и повсеместно
На улицах тесно.
Раздался звон, идут и брать.*
Он вяжет меня и хватает!
Уже я у плахи стою роковой.
Уже надо всеми мелькает
Топор, что блестит надо мной.
И мир замолчал, как могила!

Ф а у с т

О, лучше бы я не родился!

---

* При совершении казни звонили, по обычаю, сохранившемуся до конца XVIII века, в так называемый «колокол грешников»; по прочтении приговора судья ломал палочку в знак того, что пора приступать к казни.

Мефистофель
(появляясь вне)

Скорее бы ты торопился!
Все медлят! Болтают! Пустое твердят!
Мои кони храпят,
И утро мерцает.

Маргарита

Что там из земли возникает
Тот! Тот! Ушли его опять!
Чего на святом ему месте искать?
Меня ему нужно!

Фауст

Ты жить должна!

Маргарита

Суд божий! Тебе я предана!*

Мефистофель
(Фаусту)

Скорей! Скорей! Не то вас брошу я.

Маргарита

Твоя я, Отче! Ты спаси меня!
Вы, ангелы, все прилетите,
Святые, меня защитите!
Мне страшно, Гейнрих, быть с тобой!

Мефистофель

Ей нет спасенья!

Голос
(свыше)

Спасена!

Мефистофель
(Фаусту)

За мной!

(Исчезает с Фаустом.)

Голос
(изнутри замирает)

Гейнрих! Гейнрих!

---

* Две реальности сталкиваются в сознании Гретхен — ее преступления и любовь к Фаусту. Ее сознание блуждает между этими реальностями. Муки совести требуют, чтобы героиня отдала себя на суд Божий и искала спасения у Бога. Появление любимого возвращает в ее душе надежду на продолжение жизни. Но когда видит Мефистофеля, она отказывается идти с Фаустом и отдает себя в руки Бога.

Эжен Делакруа (26 апреля 1798 года, близ Парижа, Франция — 13 августа 1863 года, Париж, Франция) — французский живописец и график, предводитель романтического направления в европейской живописи.

Увидев рисунки Эжена Делакруа для своего шедевра, 76-летний Гете написал своему хорошему другу Иоганну Питеру Эккерману:

«Более совершенное воображение такого художника заставляет нас думать о ситуациях так же хорошо, как и он сам. Теперь я должен признать, что г-н Делакруа превзошел мои собственные представления в некоторых сценах!»

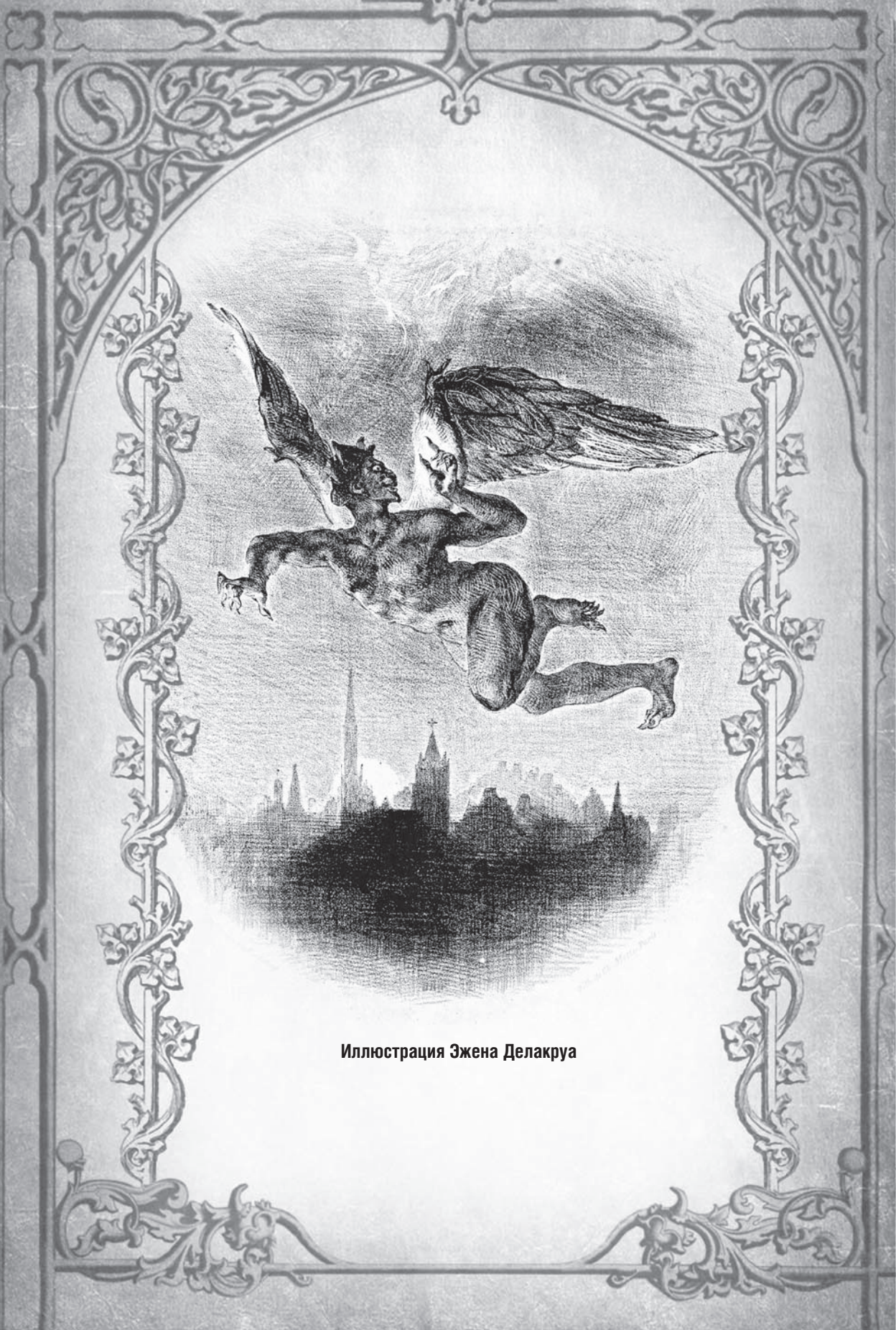


Иллюстрация Эжена Делакруа

Иллюстрация Эжена Делакруа

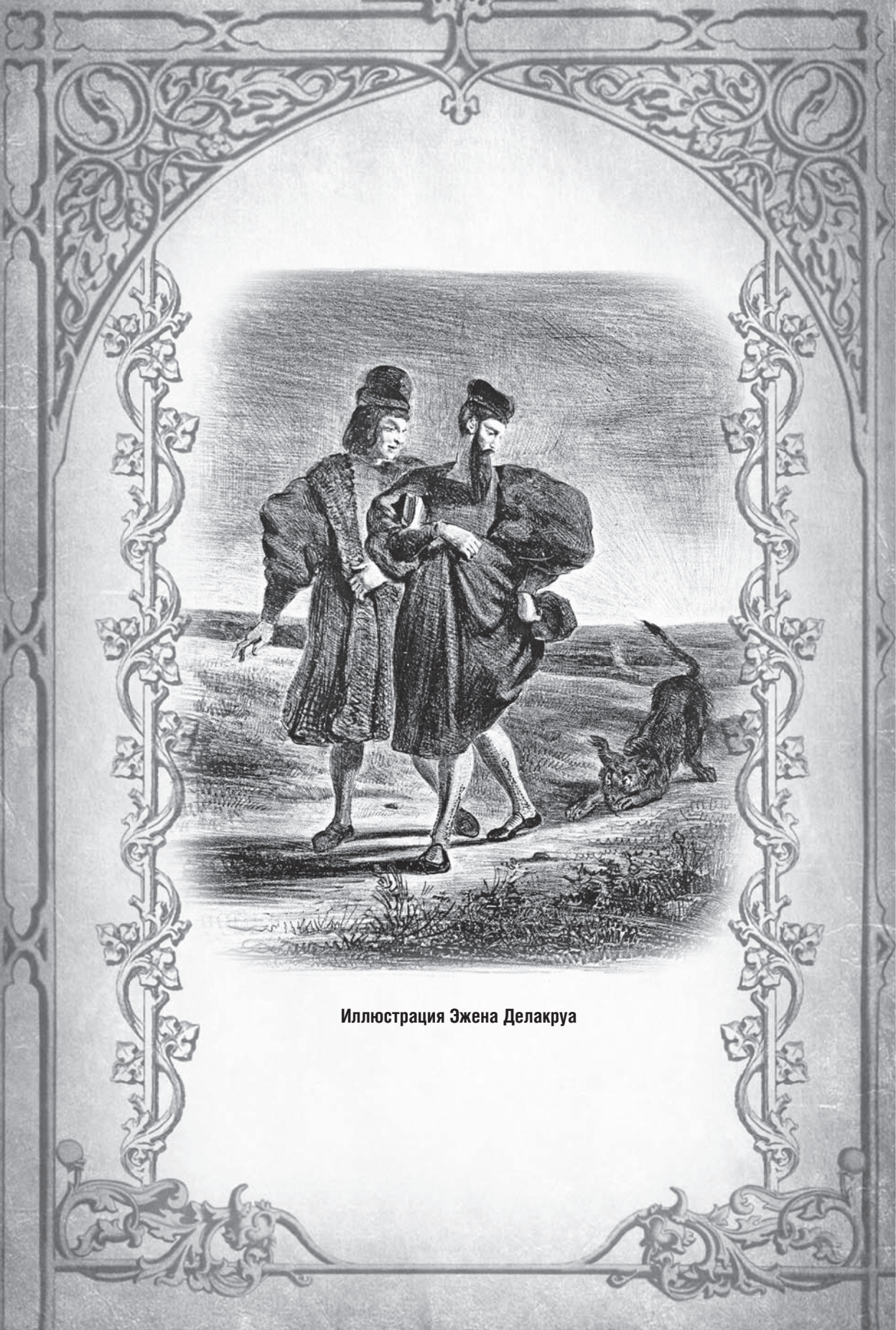


Иллюстрация Эжена Делакруа

Часть вторая

АКТ ПЕРВЫЙ

Живописная местность

Фауст (распростерт на цветущей мураве, беспокойно ищет сна). Сумерки. Хор духов парит подвижно, милые малютки.

Ариэль *

(пение, сопровождаемое эоловыми арфами)

Как весна свой дождь цветочный
Надо всеми пронесет,
Как в полях зеленый, сочный
Всход на радость всем блеснет,
Малых эльфов дух высокий
Помогать спешит всему,
Будь святой он, будь жестокий,
Несчастливца жаль ему.
Вокруг его чела вы, рой свободный,
Исполните долг эльфов благородный,
Уймите пыл, которым он томим,
От стрел его спасите вы упрека,
Развейте ужас, пережитый им.
В ночной тени четыре вам урока**,
Пройдите их вы ласково над ним.
Сперва его вам уложить удастся,
Затем пускай он росы Леты*** пьет;

---

* *Ариэль* — дух воздуха, персонаж пьесы Шекспира «Буря». Фет писал: «Открывающаяся сцена не служит прямым переходом от последней сцены тюрьмы. Фауст, очевидно, как и в первой части, искал освежения на лоне безлюдной природы. Знакомый нам из шекспировской «Бури», тонкий и умный представитель элементарных духов Ариэль приглашает благодетельных эльфов дыханием вешнего вечера освежить измученного Фауста».

** *Четыре урока.* Здесь имеется в виду счет времени у древних римлян. Половина суток, от шести часов вечера до шести часов утра, они делили на четыре части, называемые вигилиями. Эти четыре урока (срока) названы Гете условно: Serenade (вечер), Notturno (ночь), Mattutino (рассвет), Reveil (утро).

*** *Лета* — река забвения в мифологии древних греков, в подземном мире от ее воды души умерших забывали о земных страданиях.

Упорство членов судорожных сдастся,
И, стихнув, он навстречу дню пойдет.
Свершите эльфов долг прямой,
Верните в свет его святой!

Хор
*(отдельно, вдвоем и во множестве,
по очереди и вместе)*

В час, когда весь злак поляны
Теплотой еще объят,
Ароматы и туманы
Ниспускает в них закат.
Тихо шепчет; сном влюбленным
Ищет сердце усыпить,
И пред оком утомленным
Двери дня опять закрыть!

Ночь в долинах глубочайших.
Звезды вечные взошли,
Крупных искр средь искр мельчайших
Ближний блеск и свет вдали
Прыщет, в озере мигая,
Светит с тверди голубой,
И, покой наш завершая,
Правит месяц золотой.

Унялось часов теченье,
Боль и счастье устраня.
Ты предчувствуй исцеленье!
Верь грядущей силе дня!
Холм пышней, тенистой мглою
Расцвеченный дол одев,
И сребристою волною
К жатве движется посев.

Пробудись с мечтой заветной,
В дальнем блеске все твое.
Ты объят лишь незаметно,
Сон — скорлупка, сбрось ее.
Не замедли ты решеньем,
Где порыв толпы смущен, —
Благородным исполненьем
Быстрый подвиг награжден.

(Необычайный гул возвещает приближение солнца.)

А р и э л ь

Слушай, как бушуют Оры*!
Слуху духов заявляясь,
Новый день идет, рождаясь;
Мрачных скал скрипят затворы,
Колеса гремят Авроры**.
Что за гул приносит свет!
Трубный треск дрожит, дробится,
Глаз мигает, уху скрыться
От неслыханного след.
Вглубь цветов скорей спасайтесь!
Глубже, глубже, зарывайтесь
Под скалы, под листья, в мох!
Кто заслышал, тот оглох.

Ф а у с т

Трепещут пульсы жизни вожделенно,
Встречая час, когда заря блеснула.
И в эту ночь, земля, ты неизменно,
У ног моих почив, опять вздохнула;
Ты принесла мне снова наслажденья,
Ты мощно пробудила и вдохнула
К высокой жизни вечные стремленья.
Ночной покров уж снят до половины,
Стогласное в лесу возникло пенье,
Туман струей вливается в долины,
Но отблески небес и вглубь запали;
Приподнялись все ветви до вершины
Из ароматной мглы, в которой спали.
Уж красками оделась грудь земная,
Где цвет и лист слезами задрожали;
Вокруг меня отверсто царство рая.

А в вышине! Нагих вершин колоссы
Уже горят, о торжестве вещая,
К ним прежде всех с сияньем льются росы,
Что позже в дол нисходят усыпленный.
А вот и Альп зеленые откосы
Приемлют свет и вид определенный,
И постепенно сходит день горючий.

---

* *Оры* — богини времен года в древнегреческой мифологии, ведали порядком в природе.

** *Аврора* — древнеримская богиня утренней зари.

Оно взошло. Увы! Уж ослепленный,
Я взоры отвращаю с болью жгучей.

Вот точно тож и в нас, когда стремленья
Окрылены надеждою могучей,
Врата находят настежь исполненья.
Но вот из недра, привлекавшей цели,
Избыток пламени — и мы в смущеньи.
Мы факел жизни лишь зажечь хотели —
Вдруг море пламени, какое пламя!
Любовь? Иль ненависть? Чем закипели
Мы вдруг, что страшно овладело нами?
Так что опять, со мглой мирясь земною,
Завесой мы укрыться рады сами.

Так оставайся ж солнце за спиною.
На водопад, в ущелье гор гремящий,
Взираю я с восторженной душою:
С уступа на уступ он с силой вящей,
На тысячи дробясь потоков, мчится,
Наполнив воздух пеною кипящей.
Но как чудесно в этой мгле родится,
Меняясь вечно, та дуга цветная,
То тает вдруг, то снова загорится,
Росою все душистой обдавая.
Как в зеркале людское в ней стремленье;
Обдумав все, ты скажешь, постигая
Тот пестрый отблеск жизни уясненье.

Императорский дворец

Тронная зала. Государственный совет в ожидании императора. Трубы. Входят придворные всех чинов, в великолепных одеждах. Император вступает на трон. По правую его руку — астролог.

Император

Всем мой привет, кто здесь явился,
Я верность их ценю сердечно! —

Вот и мудрец, при мне конечно.
Куда же шут запропастился?

Юнкер *

Сейчас за мантией твоею
На лестнице свернул он шею.
Вот туша! Еле унесешь.
Пьян пли умер? Не поймешь.

Другой юнкер

Сейчас откуда что берется,
Другой на это место рвется.
Великолепно он одет.
Но рожа! И подобной нет!
Алебардистам** не сдается.
Те, бердыши скрестивши, ждут.
Да вот и он — отважный шут.

Мефистофель
(склоняя колени у трона)

«Что ненавидят и ласкают?
Что изгоняют и манят?
Что постоянно защищают?
Что обвиняют и бранят?
Что глухо к твоему глаголу?
Что всем приятно так назвать?
Что близко к твоему престолу?
Что лишь само могло отстать?»

Император

Такие речи нам известны,
Но здесь загадки неуместны,
Пусть господа их разрешат***.
Вот разреши! — Я слышать рад.
Мой старый шут навек исчез из края,
Иди ко мне, его мне заменяя.

(Мефистофель входит и становится слева.)

Говор толпы

Уж новый шут, — для новых мук!
Откуда он явился вдруг?

---

* *Юнкер* — дворянин-землевладелец в Германии.

** *Алебардист* — охранник, вооруженный холодным оружием: алебардой (бердышом).

*** Разгадка: глупость.

Тот прежний пал — навек ушел.
Тот бочка был, — а этот кол.

Император

Итак, привет вам за участье,
Все верные, мне близкие душою!
Вы под счастливой собрались звездою:
Начертаны нам в небе мир и счастье.
Зачем же в дни, скажите сами,
Когда заботы за горами,
И с подвязными бородами
Мы все желаем веселиться,
Нам совещаньями томиться?
Но коль исхода вы другого не нашли,
Исполним то, зачем пришли.

Канцлер

Горит добра высокий ореол
Вкруг царского чела; его глагол
Один всем правит человечно:
То правосудие, что вечно
Всем нужно, всем необходимо,
В глазах народа, в нем хранимо.
Увы! Что может в человеке ум,
А в сердце благость? Что отвага дум,
Когда весь край в какой-то лихорадке,
И злу вослед другое зло в зачатке?
Кто поглядит с той высоты, где трон,
На царство — словно видит тяжкий сон,
Где над уродством тешится уродство,
Где в беззаконье есть с законом сходство,
И заблуждений общее господство.
Тот крадет стадо, тот жену,
Алтарный крест, подсвечник, чашу,
Затем, позоря слабость нашу,
Вкушает мир и тишину.
Тут челобитчики толпятся,
Судья сидит в своей цепи,
А между тем, чтоб разливаться,
Восстанье все растет в степи.
Тот только чист и безгреховен,
Кого сообщники спасут;
И разве слышится: «Виновен»

Там, где невинный стал на суд.
Так все готово распадаться,
То разрушая, что блюдет.
Как может смысл тут развиваться,
Который к должному ведет.
Пришлось и честному склонять
Чело перед льстецом, злодеем,
Судья, бессильный покарать,
Примкнет невольно к лиходеям.
Картина мрачная. Готов
Я на нее спустить покров.

(Пауза.)

Взять меры тут необходимо;
Коль всяк вредит всем нестерпимо,
В ущербе даже царский дух.

Главнокомандующий

Какое буйство в эти дни-то:
Всяк иль убийца, иль убитый,
А на команду каждый глух!
И горожанин за стенами,
И рыцарь на своем гнезде,
Прижавшись, тешится над нами,
Нам нет пособников нигде.
Хоть взять наемного солдата,
Просить он дерзко жалованья стал,
И если б не за нами плата,
Он и совсем бы убежал.
Кто пикнул, что они буяны,
Тот на гнездо наткнулся ос.
Стране от них бы ждать охраны,
А стать добычей их пришлось.
Мы терпим эти буйства злые,
Промотан чуть не целый свет;
Хоть короли и есть другие —
Но никому до нас и горя нет.

Казначей

Вот на союзников пеняют!
Субсидий только обещают,
Их как воды в засуху нет.
Ты государь больших владений.
Кто ж собственником стал имений?
Куда ни глянь, дом новый восстает, —

И независимы все стали;
А ты гляди, как он дела ведет.
И столько прав мы пораздали,
Что ни на что нам прав недостает.
От партий, как их называют,
Поддержки ждать нельзя давно;
Они хоть хвалят, хоть ругают,
А равнодушны все равно;
Что гвельфы, что и гибеллины*
Спешат укрыться, отдыхать,
Помочь соседу нет причины,
Хоть бы себя-то отстоять.
Нам дверь к богатству затворяют;
Все шарят, роют и скопляют, —
А мы при сундуке пустом.

Кастелян**

И я, в каком я затрудненье!
Толкуем мы о сбереженье,
И больше тратим с каждым днем;
Беда растет, и мне видна.
У поваров пока достаток:
Оленей, зайцев, куропаток,
Гусей и уток, кур оброчных,
То депутатских, то и срочных
Хоть можно понабрать сполна;
Но не хватает нам вина.
Бывало, в погребах едва терпели стойки,
У бочек — бочки как постройки, —
Теперь больших господ попойки
До капли выбрали запас.
И ратуша свой склад спустила на пирушки.
Пьют чашами, хватают кружки, —
И под столом весь пир как раз.
А я плати за все как знаешь;
Жида никак не уломаешь,
Антиципаций*** нахватаешь,
И бейся из году ты в год.

---

* *Гвельфы и гибеллины* — две политические партии, сыгравшие большую роль в итальянской истории XI — XV веков; первые были сторонниками папства и в светских делах, вторые — императорской власти.

** В ведении кастеляна находились охрана замка и хозяйство.

*** *Антиципация* — многозначный термин, здесь — взимание налогов и сборов.

Свиней мы не дождемся в теле,
В залоге даже все постели,
И хлеб кладут нам съеденный вперед.

Император
(после некоторого размышления к Мефистофелю)
Ты, шут, не знаешь ли еще каких забот?

Мефистофель
Я — никаких. Я вижу блеск чудесный
И твой, и этих дам. Сомненья неуместны
Там, где величество всю совмещает власть,
Где все враждебное должно пред силой пасть,
Где воля добрая, направлена умом,
Многообразнейшим окружена трудом.
Возможно ль, чтобы там судьба бедой грозила,
Затменьем, — где горят подобные светила?

Говор толпы
Вот это плут — свое возьмет,
Пошел на лесть — пока берет,
Я понял, — ловкий человек то.
Что ж будет дальше? — Жди проекта.

Мефистофель
Где без нужды бывает белый свет?
В том иль другом; здесь просто денег нет.
На мостовой валяться их не будет,
Но мудрость их из-под земли добудет.
По жилам гор, по стенкам скрытно
Есть просто золото и слитно.
Спросите ж, кто его для нас откроет вдруг?
Природный дар ума и мужа мудрый дух.

Канцлер
«Природа, дух». Для христиан неистов
Такой язык! Сжигают атеистов
За речь, что к пагубе ведет.
Природа — грех, дух — дьявол черный;
Меж ними ряд сомнений спорный,
Таков чудовищный их плод.
У нас не так. В твоем владенье
Возникло два лишь поколенья,
Чтоб защищать достойно трон:
Лишь рыцари, да лишь святые
Стоять способны в бури злые,
За то им храм и суд вручен.

А черни смутные затеи
Упорства развивают дух;
Еретики да чародеи
Разносят гибель лишь вокруг!
Ты шуткой дерзкою без меры
Мрачить и выше хочешь сферы;
В сердцах дурных твои примеры,
Шуту порочный, близкий друг.

Мефистофель

О, как легко признать ученого сейчас!
Чего на ощупь нет, то далеко от вас;
Что не в руках у вас, того искать не след;
Чего вы не сочли, того и вовсе нет;
Чего не взвесили, в том весу нет нисколько;
Что не чеканили — бесценно, да и только.

Император

Злу не поможет этот спор несносный.
Чего ты ждешь от проповеди постной?
Как, да когда б, — приелась это дрянь.
Нет денег: что ж — скорее их достань!

Мефистофель

Достану все, что нынче далеко.
Хоть и легко; но трудно, что легко.
Лежит оно готово, да достать
Задача вся; кто знает, как начать?
Подумай сам, в дни страха и печали,
Когда людские волны затопляли
Страну, — как тот и этот в страхе тоже
Туда, сюда скрывал, что подороже.
Так с римских дней все это началось,
И так затем по этот день велось.
И это все лежит в земле зарыто —
В земле ж имперской все твое, что скрыто.*

Казначей

Для дурака неглупые слова;
То древние имперские права.

Канцлер

Здесь золотые дьявол ставит петли,
Каких-нибудь греховных каверз нет ли?

* Согласно древнегерманскому праву, «все сокровища, хранящиеся в земле глубже, чем проходит плуг», принадлежат королю.

Кастелян

Лишь ко двору бы он даров доставил,
Я б отступить немножко рад от правил.

Главнокомандующий

Дурак умен, он всем пообещал;
Солдат не спросит, кто откуда взял.

Мефистофель

Не думайте, что я налгал вам много,
Вот мудрый муж, спросите астролога!
В своих кругах он видит час и дом…
Скажи-ка, что на небе там твоем?

Говор толпы

Два проходимца с двух сторон —
Шут и фантаст обстали трон.
Все песнь одна не удивит —
Дурак шепнет — мудрец гласит.

Астролог

(говорит, Мефистофель нашептывает)

Из золота все солнце создано;
Слуга Меркурий ждет наград давно;
Венера всех пленить успела вас,
С утра и в ночь с вас не спуская глаз.
Луна стыдливо прячет скорбный луч.
Марс не грозит, но силой он могуч.
Юпитер всех затмил, как воссиял,
Сатурн велик, хотя на глаз и мал.
Мы, как металл, его не очень чтим,
Ценой он мал, но весом взял своим.
Вот если б к солнцу да луна скорей,
Сребро да к злату — всем бы веселей.*
А там уже всего б добыли люди:
Дворцов, садов, ланит и пышной груди.
Многоученый муж достанет вам
Все то, чего нет сил достигнуть нам.

Император

Я слышу речь его вдвойне,
А все доверья нет во мне.

---

* Темный смысл предсказания астролога станет понятен, если учесть, что каждая из семи известных в древности планет соответствовала определенному металлу: Солнце — золоту, Меркурий — ртути, Венера — меди, Луна — серебру, Марс — железу, Юпитер — олову, Сатурн — свинцу.

Говор толпы

Что пользы тут? Баклуши бьют
Календари — черт их дери!
Пришлось слыхать — да тщетно ждать.
А выйдет, глянь! — Так это дрянь.

Мефистофель

Теперь пошли болтать о вздоре,
Как клад достать, для них вопрос.
Один бурчит о мандрагоре,
Другому снится черный пес.*
Что пользы, если тот хохочет,
Другой волшебников бранит,
У самого ж в подошвах уж щекочет.
Иль ног он не пошевелит?
Полны влияний вы тончайших,
Природы вечной то завет,
И из пределов глубочайших
Живой к нам выбегает след;
Коль в членах защепит порой,
Коль месту станешь ты не рад,
Скорей берись! Копай и рой!
Тут жди удачи, тут-то клад!

Говор толпы

Легло мне на ноги свинцом,
Мне руку сводит — видно, лом,
У пальца слышу зуд в следу —
Никак спины не разведу.
По этим признакам, кажись,
Сюда все клады собрались.

Император

Скорей! Шутить я не желаю,
Придай ты лживой пене вес-то,
Кажи сейчас обещанное место!
Я скипетр свой и меч слагаю,
И собственными здесь руками,
Коль ты не лжешь, все дело справлю;
А лжешь, так в ад тебя отправлю.

Мефистофель

Туда дорогу сам бы мог сыскать я.
Но трудно дать о всем понятье,

---

* Согласно средневековому поверью, корни мандрагоры указывают местонахождение кладов; корень мандрагоры может быть выкопан только черным псом; человек, дерзнувший его вырыть, погибает.

Что как ничье лежит везде.
Мужик горшок на борозде
Находит полный золотыми.
Селитра в глине, мыслит он,
И вот руками трудовыми
Вскрыл золото, — испуган он и рад;
В какие пропасти и своды,
В какие склепы, переходы
Копать искатель должен ходы,
В подземный этот мир сходя!
В подвалах древних кубки, чаши,
Тарелки видят взоры ваши,
Кругом ряды их находя;
Бокал рубиновый сверкает,
Кто из него испить желает,
На влагу древнюю напал.
Но верьте знающему смело, —
Лотков все дерево сотлело,
И винный камень бочкой стал!
Но не одно вино такое,
Во мраке золото литое
И самоцветы видит взор.
Для мудреца в ночи не жутко.
Днем познавать — пустая шутка;
Во мгле мистериям простор.

Император

Возьми себе их, что нам мраки эти?
Что ценно пусть появится при свете.
Как разглядеть плута во мгле ночной?
Бык черен, кошки серы до одной.
Горшки то те, что полны золотых, —
Пусти свой плуг, да выпаши нам их!

Мефистофель

Бери сам заступ, рой как надо,
Трудом крестьянским став велик,
И золотых тельцов все стадо
Из-под земли предстанет вмиг.
Уж тут восторга не загасишь,
Себя ты сам и милую украсишь.
Каменьев блеск достоин высоты,
Величества и красоты.

Император

Скорей! Скорей! Что длить тут обещанья?

Астролог
(как прежде)

Монарх! Уйми столь пылкие желанья;
Сперва ты пестрый праздник свой отбудь!
Смешавшись, мы упустим что-нибудь.
Сначала мы решимость обнаружим,
То, что внизу, здесь наверху заслужим.
Кто ждет добра — добра готовь;
Ждешь радости — смири свою ты кровь;
Вина ты ждешь — жми грозди в той же мере,
А чуда ждешь — так укрепляйся в вере.

Император

Так станем дни в веселье провождать!
Поста уж, кстати, будем ждать.
А между тем, хочу, чтоб всяк встречал
Повеселей наш пышный карнавал!

Мефистофель

Что счастье и заслуга — братья,
Не лезет в голову глупца,
Им хоть бы мог и камень мудрых дать я,
Не сыщешь к камню мудреца.

Маскарад

Просторный зал с примыкающими покоями, украшенный и убранный для маскарада*.

Герольд**

В пределах вы немецких, но не верьте,
Что лишь шуты здесь, мертвецы да черти.

---

* Замечательный маскарад, на первый взгляд, совершенно самостоятельный и избыточный для общего сюжета, казалось бы, он задерживает действие. На самом деле — это «Фауст» в «Фаусте». Условность маскарадного действа позволяет Гете сконцентрировать в нем почти все проблемы, которые будет решать вторая часть трагедии.

** *Герольд* — глашатай, церемониймейстер при дворах при дворах владетельных лиц. Фет писал: «Герольд объявляет, что маскарад не будет мрачным воспроизведением немецкой фантазии о мертвецах, чертях и шутах, а по примеру Италии, куда император ездил короноваться, будет представлять легкую и осмысленную забаву. Из дальнейшего хода уясняется, что Фаустом и Мефистофелем начертан весь план маскарада».

Веселый праздник подоспел.
Наш государь, поход свершив на славу,
Себе на пользу, вам в забаву,
Отбыв чрез Альпы переправу,
Веселым царством овладел.
Главой склонясь к святому трону,
Он право испросил на власть,
Но для себя приобретя корону,
Для нас колпак он не забыл припасть.
Переродились все мы сами:
Приятно светским людям всем равно
В него засунуть голову с ушами.
Хоть в нем легко считать их дураками,
Они умны, насколько им дано.
Уж вижу, как они толпятся,
То разойдутся, то сдружатся;
К кружку прибиться ищет всяк;
Войдет и выйдет преотлично.
Что было и осталось так,
Пускаясь в шутки безгранично,
Весь мир один большой дурак.

Садовницы
(пение, сопровождаемое мандолинами)

Похвалы стяжать живые
Разоделись на заре
Флорентийки молодые,
При немецком мы дворе;
Мы цветов, убранства ради,
В черных кудрях принесли,
Шелк в кусочках, шелк как пряди
Место здесь свое нашли.
И чего ж искать вам краше!
Похвалите от души —
И искусственные наши
Целый год цветы свежи.
Симметричными кружками
Дали вид мы лоскуткам.
Издевайтесь над кусками,
В целом это мило вам.
Милы мы как новость, мода,
На садовниц ты взгляни;
Наша женская природа
Ведь искусству так сродни.

Герольд

Взглянем в те корзины сами,
Что вы на головы взяли
Или держите руками;
Чтоб по вкусу мы избрали.
Ну, скорей, чтоб превратились
Входы, выходы — в теплицы!
Стоят, чтобы к ним теснились,
И товар, и продавщицы.

Садовницы

Веселье по обнове,
Но без торгу покупай!
И в коротком тонком слове,
Что досталось, понимай.

Оливковая ветка с плодами*

Не завидую цветку я,
Вовсе споров не терплю я,
Так природой мне дано.
Все же почвенная сила
Вся во мне, и я служила
Мирной вестию давно,
Нынче жду с мечтой безгласной
Украшать чело прекрасной.

Венок из колосьев (золотой)

Дар Цереры** мил отменно,
Приспособленный к венцу.
Что в полезности так ценно,
Будь прекрасно вам к лицу!

Фантастический венок

То, что мальв напоминает,
В мох искусно можно вплесть,
Хоть в природе не бывает,
Но у моды это есть.

Фантастический букет

Кто б назвать меня решился?
Теофраст*** бы сам смутился.

---

* Фет писал: «Оливковая ветвь с плодами и венок из колосьев указывают на пользу, а фантастический венок и фантастический букет — на искусственную красоту, силящуюся превзойти самую природу, чему розы противопоставляют свою значительность».

** *Церера* — древнеримская богиня урожая и плодородия, ее дар — золотые колосья.

*** *Теофраст* — (III в. до н.э.) — греческий философ, основоположник ботаники.

А надеюсь, что найдутся
Те, кому б мне приглянуться.
У такой я может статься
Мог бы в волосы вплетаться,
Иль она б местечко мило
Мне у сердца уступила.

Вызов

Цвет фантазии блестящей
Служит моде преходящей;
Пусть же чуден он бывает,
Как природа не рождает
Ветки, листья золотые
Впейтесь в кудри молодые,
Только…

Почки роз

Скромность в нас живет.
Счастлив тот, кто нас найдет!
В летний вечер благовонный
Почка розы воспаленной
Для кого же не отрада?
Обещанье и награда
Покоряет в тот же час
Чувство, взор и сердце в нас.

(В галереях, украшенных зеленью, садовницы красиво размещают свой товар.)

Садовники

(пение, сопровождаемое теорбами)*

Пусть цветы благоухают,
Ваши кудри украшая;
Но плоды не обольщают,
Их мы ценим лишь вкушая.

Вишни, персики созрели:
Покупайте, кто желает!
Где язык да нёбо в деле,
Глаз плохим судьей бывает.

Вот созревшими плодами
Наслаждайтесь, как ведется;
Розы можно петь стихами,
А плоды кусать придется.

* *Теорба* — струнный щипковый музыкальный инструмент.

Нам дозвольте стать под пару
С вашим блеском молодым,
И созревшему товару
Вид мы придадим.

В расцвеченном повороте,
Что к беседке нас ведет,
Вы совместно все найдете:
Почки, листья, цвет и плод.

(Под чарующее пение, сопровождаемое гитарами и теорбами, оба хора продолжают расставлять по ступенькам и предлагать свой товар.)

Мать и дочь*.

М а т ь

Родилась ты, дочь, — тебя
В чепчик я убрала.
Так мила ты из себя,
Крошечка, лежала.
Уж тебя я под венцом
За первейшим богачом
Увидать мечтала.
Ах! Умчались все года
И с мечтою сладкой.
Волокит уж ни следа
После встречи краткой.
Танцевала ты с одним,
Подавала знак другим
Локотком украдкой.
Скольким праздникам у нас
Приходилось длиться;
Фанты, игры каждый час,
Смотришь, не клеится.
Нынче праздник дураков,
Милка, фартук свой готовь,
Может, кто ввалится!

(Подруги, юные и прекрасные, присоединяются к ним, слышна задушевная болтовня. Рыбаки

* Фет писал: «Мать и дочь и прекрасные ее подруги среди рыбаков и птицеловов, изображающих женихов, служат общим выражением той вечной ловли женихов, за которой таится желание материального обеспечения женщины».

и птицеловы с сетями, удочками, силками и прочими снастями появляются, смешиваясь с прекрасными девицами. Взаимные попытки захватить, поймать, избежать и удержать дают повод к приятнейшим диалогам.)

Дровосеки
(появляются стремительно и неуклюже)

Эй! Расступитесь!
Простор мы любим.
Деревья рубим,
Свалить желаем,
А как таскаем,
Толчков страшитесь.
Пойми сугубый
Смысл неизбежный:
Ведь если грубый
Спины не гнул бы,
Ну, как тут нежный
Себя соблюл бы
Назло затеям?
Что ж рассудили?
Чтоб вы не стыли,
Так мы потеем.

Полишинели*
(ребячески, почти глупо)

Глупцы трудятся,
Горбясь родятся;
Не от ума ли
Мы нош не знали.
Ведь колпаки-то
Уж как легки-то,
И в куртках вольно.
Самодовольно
Мы дни проводим
И в туфлях ходим,
Иль без запинок
Влетим на рынок,
Да крикнем сами
Вдруг петухами,
Затем свободно

* *Полишинели* — веселые маски в итальянской комедии масок.

Там, где народно,
Скользнем как змеи,
И вновь затеи,
И шум, и пляска;
Хоть брань, хоть ласка
К нам долетела:
Нам что за дело.

П а р а з и т ы
(ласкательно-сластолюбиво)

Вы там с дровами,
Нам любо с вами,
Нам уголь тоже
Всего дороже!
Ведь все сгибанье
И все киванье,
Все фразы лести,
Что дует вместе,
Студя и грея,
Вся их затея —
Пустое дело.
Хотя бы пламя
К ним языками
С небес слетело,
Все дров немало,
Да углей нужно,
Чтоб запылало
На кухне дружно.
Там парят, варят,
Пекут и жарят,
И запах — чудо
Для лизоблюда.
Он рыбу чует,
Узнал жаркое, —
Вот запирует,
Где ждет чужое.

П ь я н ы й
(бессознательно)

Нынче мне весь свет чудесен!
Так свободно я дышу,
Ведь веселости и песен
Я с собою приношу;
Вот и пью я. Лейте! Лейте!

Чокнись! Чокнись! Пейте! Пейте!
Ты чего отстал от нас?
Чокнись, вот тебе весь сказ.
На меня жена бранилась,
Пестрым мой камзол нашла,
Я заважничал, — озлилась,
Палкой в маске назвала.
Но я пью! Так лейте! Лейте!
Чокнись! Чокнись! Пейте! Пейте
Палки в масках все зараз!
Чок да чок! Вот вам и сказ.
Сумасбродом не считай-ка
Ты меня, я сам ходок.
Скуп хозяин, даст хозяйка,
Даст служанка на мелок;
Вот и пью я! Лейте! Лейте!
Чокнись! Чокнись! Пейте! Пейте
Каждый так-то! В добрый час!
Чок да чок! Вот вам и сказ.

В чем приятность нахожу я, То не должно изменять:
Где свалился, пусть лежу я, Не хочу уж я стоять.

Хор

Дружно, братцы, лейте, лейте,
На здоровье пейте! Пейте!
На скамье держись у нас!
Кто под стол, — тут весь и сказ.

(Герольд возвещает о различных поэтах, певцах природы, придворных и рыцарских певцах, то нежных, то энтузиастах. В толпе всевозможных соискателей никто другого не допускает до песни. Один проскальзывает с немногими словами.)

Сатирик

Вы знаете ль, что мне, поэту,
Всего б отрадней было?
Когда б твердить и петь я свету
Мог то, что всем постыло.

(Певцы ночи и гроба просят извинения, так как они в настоящую минуту заняты интереснейшим разговором с только что воскресшим вампиром, из чего, может быть, разовьется новый вид поэзии.

Герольд должен на это согласиться, и вызывает греческую мифологию, которая в модных масках даже не теряет своего характера и приятности.)

Появляются грации*.

А г л а я

Прелесть в жизнь мы вносим, знайте;
С той же прелестью давайте!

Г е г е м о н а

Будь прелестно полученье!
Мило мыслей исполненье.

Е в ф р о с и н а

В тихой жизни повсеместно
Благодарность будь прелестна!

*(Появляются парки**.)*

А т р о п о с

Старшей мне пришлось явиться
Прясть с заботой неизбежной.
Сколько всяческих роится
Дум над нитью жизни нежной.

Чтобы мягче ей сгибаться,
Я тончайший лен сыскала,
Чтобы ей не запинаться,
Ловким пальцем я ровняла.

Если вам при вашей прыти
Очень шибко жить придется,
Не забудьте этой нити,
Берегитесь! Ну, порвется!

К л о т о

Этих ножниц управленье
Мне на днях передано.
Нашей старшей поведенье
Ропот вызвало давно.

Все сплетения пустые
Бережет, дает нам жить;
А надежды дорогие
Режет, чтобы хоронить.

---

* *Грации* — в древнеримской мифологии три богини красоты, изящества и радости.

** *Парки* — в древнеримской мифологии три богини судьбы.

И со мной не раз случится:
Промахнусь, — таков наш пол.
Ныне, чтоб не ошибиться,
Прячу ножницы в чехол.

Эта связа мне не бремя,
Мило мне глядеть на вас:
Так в свободное вы время
Веселитесь в добрый час.

Лахезис

Я одна благоразумна,
И порядок я люблю,
Целый век трудясь бесшумно,
Ничего не тороплю.

Нити льются, нити вьются,
Я на путь их навожу;
У меня уж не собьются,
Все как должно укружу.

Ошибись я, — кто поверит
Мира жизнь я прекращу.
Час сочтет, а год отмерит,
И моток идет к ткачу.

Герольд

В тех, что идут, вы ошибетесь сами,
Как чтенье бы вас книг ни просветило.
Взглянув на них, которым зло так мило,
Вы б их сочли приятными гостями.

То фурии*, вот странные затеи!
Прелестны, юны, сложены прекрасно;
Но с ними вам сближение опасно,
И из таких голубок жалят змеи!

А в наши дни к чему же им коварство,
Когда пороком и дурак кичится,
Не ангелам, — им нечего стыдиться,
Что бич они страны и государства.

Алекто

Спасенья нет; доверье мы возбудим,
Мы вкрадчивы и юны, и прекрасны.

---

* *Фурии* — в древнеримской мифологии богини мщения, обитающие в подземном царстве.

Коль между вами есть любовник страстный,
То все ему наушничать мы будем,

Ему глаз на глаз выскажем свободно,
Что и другим порой она кивает,
Умом тупа, горбата и хромает
И как невеста — ни на что не годна.

Да и к невесте мы пристанем смело:
Ведь друг ее недавнею порою
О ней с презреньем говорил с другою.
Мирись потом, — а злое прикипело.

Мегера

Все это вздор! Хоть брак их сочетает,
А я берусь, с моей обычной властью
В причудах их найти отраву счастью.
Не ровен всяк, не ровен час бывает,

Никто не льнет к желанному тому же,
Глупцу другое более желанно,
Он, тяготясь, что счастье постоянно,
Бежит от солнца, ждет тепла от стужи.

Всем этим я руковожу коварно,
И тут зову я друга Асмодея,
Чтоб вовремя вредил он, злобу сея,
И так-то я людей гублю попарно.

Тизифона

Яд и меч, не злое слово,
На коварство берегу я.
Изменил, — подстерегу я,
Рано ль, поздно ль — месть готова.

Если самый миг сладчайший
Превратится в пену яда,
Нет уступок, прочь пощада,
Над виновным суд кратчайший.

Вы не пойте мне; помилуй!
Я спрошу у скал решенье.
Слышишь! Эхо вторит: мщенье.
Изменил, — иди в могилу!

Герольд

Угодно ли вам в сторону раздаться;
С тем, что теперь идет, вам не ровняться. —
Вы видите, гора идет пешком,
Коврами вся увешана кругом,
Змеится хобот, два клыка огромных:
Загадочно; но ключ есть для нескромных.
Там на хребте красавица видна,
И ею правит палочкой она.
Другая выше там стоит за ней;
Блеск от нее, — что больно для очей.
А сбоку две жены идут в цепях,
Веселье видно в той, а в этой страх,
В той дух свободен, эта ждет скорбя.
Пусть сами скажут про себя.

Боязнь

Сколько факелов туманных,
Ламп, свечей я узнаю;
А к среде личин обманных
Я прикована стою!

Прочь, смешные ротозеи!
Что вы скалитесь — все прочь!
На меня все лиходеи
Напирают в эту ночь.

Стал врагом, кто другом звался,
Маской он не проведет;
Тот убить меня сбирался,
Но открыть — сейчас уйдет.

Ах, как рада бы была я
Убежать куда-нибудь;
Только сверху угрожая,
Не дают мне отдохнуть!

Надежда

Вас приветствую, сестрицы;
Хоть сегодня эти лица
Вас в собранье не смущали,
Все, однако, утверждали,
Что вы маски снять готовы.
И хотя в подобном месте
Словно чувствуем мы бремя,

Но в счастливейшее время
И, расторгнув все оковы,
В одиночку или вместе,
Чтоб гулять в широком поле,
Выйдем мы по доброй воле.
Все заботы мы забудем,
Без лишений все добудем.
Всюду встречи, с каждым шагом
Станет радостней наш путь.
Нет сомненья, с высшим благом
Мы сойдемся где-нибудь.

Благоразумие

Двух врагов людского рода,
Вот, надежду при боязни
Заковав, — я от народа
Отвожу такие казни.

Здесь живым колоссом смело,
Нагрузив его, я правлю;
Хоть шагает неумело,
А идет, куда заставлю.

Наверху же над зубцами
Та богиня, что стремится
С распростертыми крылами
Приобретений добиться.

Как пристала ей гордыня,
Этот блеск ее сиянья,
То Виктория* — богиня,
Матерь всякого деянья.

Зоило-Фирсит**

У! У! Попал я в добрый час!
Я дрянью выбраню всех вас.
А главная-то цель моя —
Вон госпожа Виктория.
Она, что крылья подняла,

---

* *Виктория* — богиня победы в древнеримской мифологии. Она могла выступать и как символ победы конкретного императора.

** *Зоило-Ферсит* — сочетание имен двух завистников: Зоила — греческого грамматика (III в. до н.э.), хулителя Гомера, и Ферсита (Терсита) — труса и завистника из «Илиады».

Себя считает за орла
И думает, что весь народ,
Весь свет к ногам ее падет!
А я, где на успех наткнусь,
Так и сейчас вооружусь;
Высоким — вниз, низ — вверх тяни,
Что криво — правь, что прямо — гни,
Вот только этим и живешь;
И в мире я хочу того ж.

Герольд

Так вот, собака, не уйдешь!
Жезла попробуй и смирись!
Теперь покорчись, повертись!
Как быстро этот карлик мог
Свернуться в мерзостный комок!
Ах! Не комок — яйцо у нас!
Раздулось, лопнуло сейчас,
Вот из него ползут вдвоем
Ехидна и с нетопырем:
Одна во прахе прочь бежит,
Другой под потолок летит.
Спешат на воле жребий слить —
Я не хотел бы третьим быть.

Говор толпы

Живо! Там пустились в пляс.
Нет, бежал бы я сейчас —
Как пристала к нам, ты глянь,
Эта призрачная дрянь!
У волос моих вилась —
Мне к ноге подобралась.
Хоть никто не пострадал,
Только страх на всех напал.
Шутка вся омрачена, —
Это бестий цель одна.

Герольд

С той поры, как я в наряде
Быть герольдом в маскараде,
Я блюду у этой двери,
Чтобы вас, по крайней мере,
Не смущали здесь нисколько;
Вот стою, смотрю и только.

Но боюсь я, — в зал наш душный
В окна рвется рой воздушный.
Волшебство подозреваю,
Чем же тут помочь, не знаю.
Если карлик был противен,
То уж этот рой как дивен.
Объяснить всех лиц значенье,
Я хотел бы без сомненья;
Непонятного же дела
Толковать вам не могу я.
Помогите все, — прошу я!
Вон в народ уже влетело!
Колесница четвернею
Пронеслася над толпою;
Никого она не тронет,
Давки нет, — никто не стонет.
Блеск вдали, с зарницей сходно,
Пестрых звезд каких угодно,
С фонарем волшебным сродно.
Мчится ближе с быстротой, —
Места! Вы! Мне страшно!

Мальчик-возница*

Стой!
Кони, крылья задержите,
Верный повод ощутите!
Покоряйтесь, коль велю я;
Мчитесь вдаль, коли гоню я!
Это место чтите строго.
Оглянитесь, как уж много
Удивленных к нам приспело. —
Ну, Герольд, берись за дело.
Опиши, пока мы в сборе,

* Мальчик-возница, согласно разъяснению Гете, это Линцей (Линкей) из третьего акта трагедии. Хотя, объясняя своему секретарю Эккерману значение сцены «Маскарад», Гете сказал: «Вы, конечно, догадались, что под маской Плутоса скрывается Фауст, а под маской скупца — Мефистофель. Но кто, по-вашему, мальчик-возница?.. Это Эвфорион». Когда же удивленный Эккерман спросил, как же сын Фауста и Елены может быть среди участников маскарада, когда он рождается только в третьем действии, Гете ответил с предельной ясностью: «Эвфорион — не человек, а лишь аллегорическое существо. Он олицетворение поэзии, а поэзия не связана ни со временем, ни с местом, ни с какой-нибудь личностью. Тот самый дух, который изберет себе обличие Эвфориона, сейчас является нам мальчиком-возницей, он ведь схож с вездесущими призраками, что могут в любую минуту возникнуть перед нами».

Расскажи, кто мы такие.
Мы собранье аллегорий,
И тебе мы не чужие.

Герольд

Я назвать тебя стесняюсь;
Описать же постараюсь.

Мальчик-Возница

Так попробуй!

Герольд

Я не лгун,
И прекрасен ты, и юн;
Ты полувзрослый мальчик, впрочем, дамам
Ты был бы мил и в полнолетье самом.
На мой ты взгляд, искатель, искуситель —
Ну, прирожденный соблазнитель.

Мальчик-возница

Недурно начал. Продолжай,
Загадку весело решай!

Герольд

Блеск черных глаз и ночь кудрей густая.
Какой венец на ней блестит!
Какой ты мантией увит,
С плеча до пят она спадая,
Каймой пурпурною горит!
Тебя счесть девочкою можно;
Но ты и их бы не смущал,
У девочек ты осторожно
А. Б. В. бы узнал.

Мальчик-возница

А этот, что, блестя безмерно,
На колеснице там сидит?

Герольд

Богатый, добрый царь он верно;
Блажен, кого он отличит,
К чему еще стремиться доле!
Он ищет сам нужде подать,
И помогать он любит боле,
Чем всем богатством обладать.

Мальчик-возница

Но этим кончить неудобно,
Ты опиши его подробно.

Герольд

Как описать все до конца.
Но этот лунный вид лица,
И губы полные, и щеки
Под пышною чалмой, высокой,
И роскошь дорогого платья!
Что про осанку б мог сказать я?
Как властелин, знаком он нам.

Мальчик-возница

То Плутос, бог богатства сам*.
Он в торжестве сюда грядет;
Его сам император ждет.

Герольд

Но кто ты сам, узнать хотел бы я?

Мальчик-возница

Я расточительность, поэзия,
Я тот поэт, что сам преуспевает,
Когда свой дар он расточает.
Неизмеримо я богат
И с Плутосом поспорить рад,
Его пирам я пышность придаю,
Чего в них нет, то я даю.

Герольд

Ты похваляться молодец;
Блесни своим искусством, наконец!

Мальчик-возница

Смотрите, я щелкну сначала:
Уж колесница засверкала —
Здесь нить жемчужная ползет.
(Продолжая щелкать.)
Вот ожерелье, серьги вот;
Коронки, гребни в жемчугах,
И камни яркие в перстнях.
И огоньками я дарю,
Не загорится ль где — смотрю.

Герольд

Вот как накинулись, пристали!
И раздавателя-то сжали;
Дарами он как бы во сне щелкает,

* *Плутос* — бог богатства в древнегреческой мифологии.

И всякий на лету хватает.
Но тут — опять я вижу штуки;
Чьи как ни жадно ловят руки,
Награды нет таким трудам:
Подарок улетает сам.
Рассыпались все жемчуги,
В руках копошатся жуки,
Он их швырнул, они уж, глядь,
Вкруг головы пошли жужжать;
Другие ждут даров правдивых,
А ловят бабочек игривых.
Плутишка много насулит,
А раздает, что лишь блестит!

Мальчик-возница

Ты ловок масок объяснять значенье;
Но в сущность проникать явленья
Герольдам видимо трудней:
Тут надо зренье поострей.
Но я боюсь противоречий.
К тебе, владыко, обращаю речи.
(Обращаясь к Плутосу.)
Не мне ль вручил ты пред тобой
Крылатой править четверней?
Что ж плохо правил я, ты скажешь?
Иль я не там, куда укажешь?
Иль не успел я возноситься,
Чтоб пальмы для тебя добиться?
Коль за тебя я рвался к бою,
Так все к победе нас вело:
И если лавр венчал твое чело,
Не я ли сплел его искусною рукою?

Плутос

Чтоб о тебе не отозваться глухо,
Скажу при всех: дух моего ты духа.
Ты верен был моим мечтам,
И ты богаче, чем я сам.
Из всех моих венцов, чтя дар твой редкий,
Я больше горд твоей зеленой веткой.
И выскажу я правду без сомненья:
Мой сын, тебе мое благоволенье.

Мальчик-возница
(к толпе)

Дарами лучшими из рук
Своих я наделил вокруг;
На многих головах, взгляни,
Мной засвеченные огни.
С того на этого летят,
К тем пристают, с других скользят,
Лишь изредка над кем на миг
Пылает огненный язык,
У многих огонек сейчас
Как долетел, так и погас.

Бабья болтовня

Вся колесница-то обман,
На ней, наверно, шарлатан.
Там сзади тощий шут присел,
Должно быть, он ни пил, ни ел;
Таких и видеть не пришлось,
Щипнуть, так не проймешь, небось.

Исхудалый

Прочь бабы, нечего зудить!
На вас мне век не угодить.
Как дом-то был одна семья
Звался я avaritia*,
Но всем жилось отлично в нем:
Несли не из дому, а в дом;
Всего тащил я в склад да впрок,
Нашли и в этом, вишь, порок!
Но как в новейшие-то годы
У женщин завелись расходы,
И у хозяев бестолковых
Желаний больше, чем целковых,
Тут мужу дни плохие стали:
Куда ни глянет — задолжали.
Она, хоть что успел собрать я,
То на дружка, а то на платье,
И лучше ест она и пьет,
Когда поклонников сзовет.
Тут я уж алчен стал вконец.
Мужского рода я — скупец.

* Жадность *(лат.)*

Главная баба

С драконом пусть дракон скупится;
Ведь это призрак, знает всяк!
Дразнить мужей он лишь годится —
Они несносны нам и так.

Бабы толпой

Вот чучело-то! Да трезвону
Ему проклятому задать!
Он рожей хочет запугать?
Драконы эти из картону.
Скорей, и станем напирать!

Герольд

Сейчас жезлом! Чтоб отходили!
Да тут и жезл не нужен мой.
Они страшилищ разозлили.
А те с обычной быстротой
Двойные крылья распустили;
И вот, полны огня и гнева,
Раскрылись два огромных зева —
Толпа рассеялась кругом.

(Плутос сходит с колесницы.)

Герольд

Вот он сошел. Как царствен он!
Кивнул — покорствует дракон;
Вот с колесницы ящик сняли,
В котором злато охраняли,
Уж он у ног его стоит:
Как скоро дело-то кипит.

Плутос

(к вознице)

Ты ношу сбыл, теперь, по крайней мере,
Ты волен стал; спеши к своей ты сфере!
Она не здесь; здесь только сброд один
Уродливо пестреющих личин.
Туда! Где ясность видит ясный взор,
Где сам ты свой, где для тебя простор,
Где красота и благо, ты ступай
В уединенье — там свой мир создай!

Мальчик-возница

Твоим послом я верным пребываю;
Тебя ж родным ближайшим почитаю.

Где ты, там полнота, где я,
Там всех поит чистейшая струя;
Иному в жизни трудно так решаться:
Тебе ль ему, иль мне вполне отдаться?
Твоих, конечно, отдых ждет везде,
Но кто со мной, тот навсегда в труде.
Мои труды под спудом не бывают,
Я чуть вздохну — уж все про это знают.
Итак, прощай, — ты пестун благ моих;
Но лишь шепни, я возвращуся вмиг.
(Улетает, как появился.)

Плутос

Теперь пора, чтоб клад был обнаружен.
Замка коснусь герольдовой лозою;
Раскрылось все! Глядите! Как запружен
Котел чугунный кровью золотою.
Короны, кольца, цепи тут сверкают,
Того гляди расплавятся, растают.

Крик толпы

Смотри, о, глянь! Как разлилось,
В край сундука уж поднялось!
Златые кубки тают вмиг,
Катятся свертки золотых,
Червонцы скачут — погляди,
Что за восторг в моей груди!
Все, что лишь грезилось в пылу,
Вот раскатилось на полу.
Ведь вам дарят, — чего стоят?
Нагнись и станешь ты богат!
А мы как молния — сейчас
Захватим весь сундук зараз.

Герольд

Куда, глупцы! Чего хотят?
Ведь это шутка, маскарад,
Желать богатств не место тут;
Иль деньги впрямь вам раздают?
В такой игре, чтоб вас занять,
Жетонов было б жалко дать.
Вот дурни! Милый призрак, вмиг
Стань грубой правдою для них!
На что вам правда? Бред и вздор
Ловить вы рады за вихор!

Ты, Плутос, маскарадный бог,
Гони всю сволочь за порог.

Плутос

Твой жезл к тому готов вполне,
Дай ты его на время мне.
Его я в пыл-то окуну, —
Ну, маски, вас теперь пугну!
Как затрещало, так кипит!
И жезл-то сам уже горит,
Начну, кто станет налезать,
Немилосердно припекать!
Вот начинаю я как раз.

Крик и давка

Увы, настал последний час!
Бегите, сколько хватит сил!
Ты что дорогу заслонил!
— В лицо мне брызнуло огнем,
Меня он опалил жезлом.
— Пропали все мы, всех спалят.
Назад, назад, весь маскарад!
Назад, назад! Вы, толкотня!
О, будь-ка крылья у меня!

Плутос

Отброшен круг со всех сторон.
Никто, я чай, не опален.
Толпа бежит,
Как страх велит.
Но чтоб порядок был иной,
Незримой обведусь чертой.

Герольд

Ты чудо совершил, ей-ей.
Спасибо мудрости твоей!

Плутос

Терпенье, друг мой, — погоди,
Довольно шуму впереди.

Скупец

Так можно, значит, дух отвесть,
На всех покойно озираться.
Ведь женщины всегда вперед теснятся,
Где что смотреть, чем лакомиться есть.
Заржавел я пока наполовину:
Что ж краше женщин кто нашел?

И нынче я на даровщину
Пущусь пленять прекрасный пол.
Но где толпа и суматоха,
До уха речь доходит плохо,
Так я потщусь получше ухитриться
И мимикой понятной объясниться.
Руки, ноги, ухватки мало мне,
А надо штуку ясную вполне.
Я золото лепить как глину буду;
Такой металл на все пригоден всюду.

Герольд

Вот нищий шут-то, — я смотрю!
Острить такому сухарю?
Все золото он изведет,
В своих руках его он мнет.
Но как его ни жал, ни мял,
Все вид какой-то гнусный дал.
Стал что-то женщинам казать;
Те с криком рады убежать,
Их корчит ужас всепобедный.
Мошенник, видимо, зловредный,
И радость в том его видна,
Что нравственность оскорблена.
Молчать, терпеть уж не могу я;
Дай жезл сюда, — его турну я!

Плутос

Не знает он, что близится беда.
Пускай дурачится на воле,
Для глупостей его не хватит места боле;
Закон могуч, еще сильней нужда.

Гам и пение

Сюда стремится дикий хор,
С лесных долин, с высоких гор,
На праздник свой, из разных стран,
Их всех созвал великий Пан*.
Ведь все же им известно то,
Чего не ведает никто.

Плутос

Вы здесь — знаком мне ваш великий Пан;
Вам вместе с ним отважный подвиг дан.

* *Пан* — древнегреческий бог скотоводства, плодородия и дикой природы.

Я знаю то, что знать не всем дано,
И тесный круг раздвинул я давно.
Пускай найдут, чего желают!
Тут могут выйти чудеса;
Куда идут они не знают,
И не предвидят их глаза.

Дикое пение

Народ разряженный, — смотри!
Несутся в шкурах дикари,
Большим прыжком, бегом бегут,
Иль тяжкой поступью идут.*

Фавны**

Где фавнов хор,
Там пляс и свист,
Кудрей убор
Дубовый лист!
А уха тоненький конец
Торчит в кудрях, теснит венец;
И нос тупой, и ширь лица
Не портят фавна молодца.
Фавн лапу протянет красавицу брать.
Едва ль не пойдет она с ним танцевать.

Сатир***

Сатир за ними следом — прыг,
На козьих ножках-то своих,
Хоть тонки, много силы в них,
И он как серна по скалам,

---

* Фет писал: «В заключение маскарада является изображение разрушения, вызванного личными стремлениями властителя и его приближенных к беззаветной роскоши и удовольствиям. Новая толпа диких фавнов, сатиров и великанов, сопровождающих великого Пана, хором возвещает об известной ей тайне, намекая на то, что под маской Пана скрывается сам император. Вся эта беззаветная группа представляет прямую противоположность с характером Плутоса, — разумною деятельностью достигнутого избытка. Устраивая с Фаустом эту часть маскарада, Мефистофель, очевидно, рассчитывал на легкомысленное смущение императора, которому он надеялся под шумок подсунуть к подписи указ об ассигнациях».

** *Фавн* — древнейшее национальное божество Италии, добрый дух гор и полей, ниспосылающий плодородие. Фавны часто изображались спутниками Пана.

*** *Сатир* — лесное божество в древнегреческой мифологии, демон плодородия. Фет писал: «Фавны — представители плотских вожделений. Сатиры того надменного эгоизма, который свысока смотрит на жизнь всех остальных, считая себя центром вселенной».

Он всю окрестность видит там;
Он волен — и корит один
Детей и женщин, и мужчин,
Что дым и чад долины пьют,
Воображая, что живут,
А с высоты своей меж тем
Он властелин над миром всем.

Гномы *

Малютки ножками дробят.
Ходить попарно не хотят;
С лампадками, одеты в мох,
Друг перед дружкой кто как мог,
У каждого дела свои,
Они кишат как муравьи.
Взад и вперед везде бегут,
И вдоль, и поперек снуют.
Мы добрым гениям сродни,
Хирурги скал по все мы дни,
Из гор высоких мы берем,
Из полных жил мы достаем,
Кричим, надсаживая грудь:
Тяните вверх! Счастливый путь!
Привет глубокий от души:
Мы к добрым людям хороши.
Но золото мы им дарим,
Чтоб крали, сводничали с ним.
Пусть и железо, наконец,
К убийству всех найдет гордец.
Кто этих заповедей трех
Не чтит, тот всеми пренебрег.
Не нами это завелось,
Так вам, как нам, терпеть пришлось.

Великаны **

Вот люди дикие идут,
На Гарце так-то нас зовут;
Гордясь могучей наготой,

---

* Фет писал: «Гномы, крошечные обитатели гор и рудников, здесь представители алчности к богатству, которое считает себя вправе нарушать все законы, начиная с трех главных: не укради, не прелюбодействуй, не убей».

** Фет писал: «Великаны, живущие, по преданию, на Гарце, часто изображаются у нижнегерманских князей в гербах под именем диких людей (wilde Manner), держащих в руках вырванное с корнем дерево. Здесь они — представители грубых советников безусловного насилия».

Подходит великанов строй.
Сосновый ствол у них в руке,
На чуть заметном кушаке
Лишь фартук из ветвей с листвой.
У Папы стражи нет такой.

Нимфы Хором
(обступая великого Пана)*

Идет! Призван!
Весь мир вместил,
Изобразил
Великий Пан.
Повеселей носись кругом,
Ему пропляшем, пропоем!
Затем что добр, хотя суров,
Веселье видеть он готов.
Он и под сводом голубым
Бессонным сторожем ночным,
Но с ветерком ручей порой
Нашепчут и ему покой.
И если в полдень он заснет,
На ветке листик не дрогнет,
Стихает воздух, травы спят,
Целебный дышит аромат;
Резвиться нимфа устает,
А где стояла, там заснет.
Но если вдруг, в нежданный миг,
Его раздастся грозный крик,
Как гром небес, как шум морской,
Тут всяк бежит и сам не свой.
Войска рассеются в конец,
И в битве задрожит храбрец.
Так честь тому, кто честь блюдет!
Хвала тому, кто нас ведет!

Депутация гномов
(к великому Пану)

Если нитью блестящей
Льется в безднах благодать,
Может только прут всезрящий

* Фет писал: «Одно появление императора в образе орфического Пана (всей вселенной) достаточно указывает на то, что он считает себя не главой и руководителем, а настоящим государством. Нимфы — представительницы лести, отвлекающей властителя от его великого труда в поток наслаждений».

Лабиринт ее сыскать;
Под тяжелыми скалами
Троглодитски мы живем,
Ты ж в сиянье дня дарами
Оделяешь всех кругом.
Вот открыли ключ пожильный
Мы у самых этих скал,
Обещает он, обильный,
То, чего никто не ждал.
Завершится все тобою.
Ты — владыка, так бери ж!
Каждый клад своей рукою
В общий дар ты превратишь.

П л у т о с
(герольду)

Теперь должны мы с мыслями собраться,
Смотря на то, что станет тут сбываться,
Ведь ты всегда на все отважно шел.
Сейчас должно здесь страшное случиться,
В чем мир и все потомство усомнится;
Ты запиши все верно в протокол.

Г е р о л ь д
(хватаясь за жезл в руках Плутоса)

Знать Пана карлики-то тут
К источнику огня ведут.
В нем, то края начнут вскипать,
А то на дно спадет опять,
И станет мрачный зев зиять;
Вот снова яркий пыл вскипел.
Великий Пан не оробел,
Смотреть на это чудо рад.
А пузыри кипят, дрожат.
Вверяться там кому-нибудь!
Согнулся он на дно взглянуть.
Его сварилась борода.
Кто безбородый?.. Вот беда!
Рукой закрылся он от нас.
Другое бедствие зараз,
С горящей бороды сейчас
Его венок и грудь зажгло;
Веселье в горе перешло!

Толпа тушить, гасить спешит;
Огня никто не избежит,
Чем больше хлопают и бьют,
Огни все новые растут.
Стихией ярою объят,
Весь загорелся маскарад.

Но что я слышу, мчится вдруг
Из уст в уста, из слуха в слух?
О, вечно горестная ночь!
Как эту скорбь нам превозмочь!
Грядущий день расскажет то,
Чего не слушал бы никто!
Отвсюду крик я услыхал:
«Сам государь как пострадал!»
О, если б это было вздор!
И государь сгорел, и двор!
Проклятье той, что увлекла
Его, с венком вокруг чела,
В ревущем хоре бушевать
И гибель общую создать!
О, юность, юность! О, когда ж
Найдешь ты радости границу?
О, власть величия! Когда ж
Направит разум твой десницу?
Уж загорается и лес,
И острый пламень уж долез
Под деревянный потолок;
И все сгорит в кратчайший срок.
Несчастье меру превзошло.
Не знаю, что бы нас спасло.
И завтра грудой пепла тут
Величье царское найдут!

П л у т о с

Страх успел распространиться;
Нужно помощи добиться.
Так ударь своим жезлом,
Чтоб дрогнуло все кругом!
Ты, о, воздух, нам скорей
Влажным холодом повей!
Проноситесь, как волненья,
Вы, туманы, испаренья,

Скройте роющий огонь.
Сейтесь, лейтесь, в тучки вейтесь,
Завиваясь, удушайтесь,
Всюду пламя укрощайте!
Вы смягчите, окропите,
И в зарницы превратите
Злого пламени игру.
Там, где духи нас пугают,
Силы магии спасают.

Императорский сад

Утреннее солнце. Император, его придворные, мужчины и женщины. Фауст и Мефистофель, прилично, не странно, а по обычаю одеты; оба на коленях.

Ф а у с т

Простишь ли мне с огнями всю игру?

И м п е р а т о р

Желаю впредь таких забав двору. —
Вдруг весь в огне, кругом распространенном,
Себя готов я был считать Плутоном*;
В ночи горячих угольев костры,
Все в огоньках; дрожащи и остры
С них языки бессчетные взвивались
И трепетно в единый свод сливались;
А этот свод все выше возрастал,
И то вставал, то снова исчезал.
За огненно-извитыми столбами
Я видел, как народ мелькал рядами,
Объемистым он кругом напирал,
И, как всегда, почтенье заявлял;
Придворных я узнал в толпе великой:
Казалось, был я саламандр** владыкой.

---

* *Плутон* — в древнегреческой и римской мифологии бог подземного царства и смерти.

** *Саламандры* — маленькие ящерицы, в средневековой алхимии отожествлялись с субстанцией огня.

Мефистофель

Таков ты есть. Стихии признают
Величество — и безусловно чтут.
Покорность ты огня уж испытал;
Но бросься в море, где бушует вал,
Едва лишь дна коснешься ты, как вдруг
Тебя, дрожа, охватит чудный круг;
Прозрачно зеленеющие волны
С пурпурными краями, блеска полны,
К тебе прильют дворцом; ступи ногой,
Куда пошел, чертоги за тобой.*
И сами стены жизнью веселятся,
И блещут, и вперед, и взад стремятся.
Морские чуда, видя новый, кроткий свет,
К нему стрелой, но дальше ходу нет.
Дивись драконов чешуе как хочешь.
Акула пасть разверзла, — ты хохочешь;
Хоть двор к тебе и тут стремится весь,
Но давки ты такой не видишь здесь;
И милые ты тоже встретишь виды,
Пытливые подплыли нереиды
К чертогам, где немые стены зыбки,
Меньшие быстры и легки как рыбки,
А старшие умны; дошла к Фетиде весть,
Пелею** новому она спешит принесть
И руку, и уста. — Вот Олимпийский трон.

. Император

Воздушным царством я пока не увлечен,
Успеем мы занять заветные края.

Мефистофель

А наша, государь, земля и так твоя.

Император

В какой счастливый час явился сам
Из тысячи одной ты ночи к нам!
Пусть плодовит ты, как Шехерезада***,
А ждет тебя первейшая награда.

---

* Фантастическое повествование Мефистофеля о подводном мире основано на оптических наблюдениях Гете, изложенных в труде «Учение о цвете».

** *Фетида* — морская нимфа; *Пелей* — супруг Фетиды и отец Ахилла.

*** Героиня сказочного цикла «Тысяча и одна ночь» Шехерезада была «плодовита» знанием множества волшебных историй.

Ты будь готов, когда в унылый час
Мне будничный наскучит строй у вас.

Кастелян
(входит поспешно)

Всепресветлейший! Мне во сне не снилось,
Чтоб доносить о счастье приходилось
Мне здесь подобным, — и каким
Я полон пред лицом твоим:
Счет в счет уплачен; я на воле!
Когтей ростовщиков нет боле.
Весь этот ад могу забыть!
В раю светлей не может быть.

Главнокомандующий
(следует быстро)

Солдат вполне мы рассчитали,
Все войско вновь завербовали,
Ландскнехт* доволен через край.
И шинкарю**, и девкам — рай.

Император

Как все свободно задышало!
Как вы торопитесь, сбежало
Раздумье все у вас с чела!

Казначей
(подходя)

Ты их спроси, все их дела.

Фауст

Сам канцлер лучше объяснит все это.

Канцлер
(медленно подходя)

Блажен вполне в преклонные я лета!
Так слушайте, я дивный лист прочту,
Который в радость превратил нужду:
«Да знает каждый, коль желает он,
Сей лист оценен тысячею крон,
И обеспечен полной суммы страх
Всем, что зарыто в имперских землях,
И приняты все меры, чтобы тот
Огромный клад немедля шел в расчет».

---

* *Ландскнехт (дословно с немецкого: слуга страны)* — немецкий наемный солдат эпохи Возрождения.

** *Шинкарь* — содержатель питейного дома (шинка).

Император

Я чую зло, ужаснейший подлог!
Кто царскую подделать подпись мог?
И казни нет за это лиходею?

Казначей

Сам подписал ты, коль напомнить смею,
В ночи. Великим Паном ты стоял,
А канцлер, подойдя, тебе сказал:
«Благоволи в час радости свободной,
Черкнув пером, упрочить быт народный».
Ты подписал. Там ухитрились к свету
На тысячи размножить подпись эту;
Чтоб каждый мог участвовать во благе,
Оттиснули мы целый ряд бумаги,
Их десять, тридцать, сотня на подхват,
Ты не поверишь, как народ-то рад:
Взгляни на город, был он как могила.
Теперь он ожил, все заговорило.
Хоть именем твоим блажен весь свет,
Ему теперь особенный привет,
И азбука из дела уж выходит,
Лишь в этих знаках счастие приходит.

Император

И люди это все так золотом и чтут?
И жалованье так войска и двор берут?
Хоть изумительно, знать, делу не поможем.

Канцлер

Мы наших беглецов и задержать не можем.
Как молниею кто их всюду раскидал:
Все двери настежь у менял,
И серебро, и золото за лист
Со скидкой сует аферист.
Оттуда к мяснику, по хлебням, по трактирам
Пойдет оно; иной сидел бы век за пиром,
Другой расчванится — обновкой щегольнет;
Отрежет лавочник, портной кроит и шьет.
По погребам «ура!» кричат промежду сделок,
Там жарят и варят, и звон стоит тарелок.

Мефистофель

Кто по террасам погулять пойдет,
Красавицу нарядную найдет.

Глазок прикрыт павлиньим опахалом,
Улыбочка при встрече с добрым малым.
И вот, — к чему острот и речи жар.
Любовь сулит заветнейший свой дар;
Зачем себя мы кошельками свяжем, —
Листок легко запрятать под корсажем
С любовною запискою рядком.
Поп в требнике несет его своем,
Солдат, чтобы развязней быть,
Спешит набрюшник облегчить.
Ты, государь, прости, что свел так смело
На мелочи — великое я дело.

Ф а у с т

Несчастные сокровища в земле
Твоей лежат, сокрыты в глубине,
Без пользы; мысль, куда б ни залетела.
Таких богатств все не найдет предела;
Воображенья выспренний полет
Томительно его не досягнет.
И только духу вглубь глядеть привычно,
Он в безграничность верит безгранично.

М е ф и с т о ф е л ь

И золото, и жемчуг представлять
Бумаги эти прелесть: есть, что брать.
Не нужно их менять да торговаться,
Ступай вином, любовью упиваться,
Металла нужно — лавки ждут менял,
А нет у них — немножко покопал,
Бокал и цепь на аукцион попали,
Амортизацией бумаги стали.
Насмешник смолк с неверием своим.
Мы свыклись, мы другого не хотим.
И станет с этих пор достаточно у наций,
При камнях, золоте — бумажных ассигнаций.

И м п е р а т о р

Страна обязана вам счастием своим;
Мы по заслугам вас посильно наградим.*
Я поручаю вам все глубины земные,

* Фет писал: «Император награждает волшебников, делая их хранителями подземных сокровищ. Все радуются предстоящей возможности пользоваться богатством без труда, и император приходит к убеждению, что

Сокровищ тайных вы хранители прямые,
Вы место знаете, где самый клад как раз,
И если нужно рыть, пусть будет ваш приказ.
Начальники казны, исполните же вместе
Свой долг с охотою на этом важном месте,
Где, сочетавшийся с подземным, мир земной
Ведет согласие и счастье за собой.

Казначей

Мы ссориться и впредь причины не имеем,
Мне быть товарищем приятно с чародеем.

(Уходит с Фаустом.)

Император

Коль будет при дворе мной каждый оделен,
Пускай признается, что станет делать он!

Паж

(получая)

Теперь уж весело, беспечно заживу я.

Другой

(также)

Перстней с цепочкою возлюбленной куплю я.

Камергер

(принимая)

Вином двойной цены я стану упиваться.

Другой

(также)

Уж кости для игры в кармане шевелятся.

Вассал

(вдумчиво)

От долга замок я с землей освобожу.

Другой

(также)

Богатство к прежнему богатству отложу.

Император

Я ждал, что новые стремленья в вас родятся.
Но, зная вас, не трудно догадаться.
Чего вам ни давай, чего ни вверь,
Какими были вы, все теми же теперь!

даже новый прилив богатств никому не помог ступить на новый путь с того, который погубил общее достояние».

Ш у т
(подходя)
Ты раздаешь, так удели и мне!

И м п е р а т о р
Ты жив опять? Пропьешь по старине.

Ш у т
Волшебные бумажки — не поймешь.

И м п е р а т о р
Не диво. Ко вреду ты только их возьмешь.

Ш у т
Вот надают еще — а я гляжу, стою.

И м п е р а т о р
Бери ж! Упали, знать, на долю на твою.
(Уходит.)

Ш у т
Пять тысяч крон в руке моей убогой!

М е ф и с т о ф е л ь
Ты встал опять, бурдюк двуногий.

Ш у т
Не в первый раз; но тут я ловко подоспел.

М е ф и с т о ф е л ь
Ты радуешься так, что даже весь вспотел.

Ш у т
Что ж золото дадут за это вот — гляди ж?

М е ф и с т о ф е л ь
На это глотку ты и брюхо усладишь.

Ш у т
И можно дом и скот, и поле покупать?

М е ф и с т о ф е л ь
Конечно. Предложи. Отказу не бывать.

Ш у т
И замок, и леса, где водится дичина?

М е ф и с т о ф е л ь
Желал бы я в тебе увидеть господина.

Ш у т
Сегодня ж вечером в поместье лягу спать.
(Уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь
Кто станет в дураке смышленость отрицать?

Темная галерея

Фауст. Мефистофель.

Мефистофель

Зачем ведешь меня ты в сумрак перехода?
Ужель веселья мало там,
В толпе придворного народа,
С предлогом к шуткам, пустякам?

Фауст

Не говори мне так. В былые годы
Ты истрепал подобные доходы.
А взад-вперед ты шныришь здесь опять,
Чтоб в слове пред мной не устоять.
Меня ж терзают выше мер —
И кастелян, и камергер.
Сам император ждет, чтоб принеслись
Сюда сейчас Елена и Парис*;
Мужчин и женщин светлый идеал
Воочию он видеть пожелал.
Скорей за дело! Я ему дал слово.

Мефистофель

Ты дал ему безумно, бестолково.

Фауст

Тебе, приятель, не в догад,
К чему ведет твое уменье:
Сперва от нас он стал богат,
Теперь он хочет развлеченья.

Мефистофель

Ты полагал, что все сейчас —
Мы у крутых с тобой ступеней,
Чужая область не по нас,
На новый долг навел преступный шаг,
Легко ли приступить к Елене,
Как к сбыту призрачных бумаг!
Скликать колдуний, пляски привидений,
Зобастых карликов я точно гений.
Но чертовых возлюбленных, хоть милых,
За героинь мы выдавать не в силах.

* Герои древнегреческого эпоса о Троянской войне.

Ф а у с т

Погудка старая на новый лад!
С тобой всегда доходишь до сомнений,
Отец ты всяких преткновений,
За новый труд ты новых ждешь наград!
Ты не ворчи, а исполняй свое,
Оглянешься, — ты их примчишь на деле.

М е ф и с т о ф е л ь

Язычники ведь дело не мое,
В своем аду они засели*;
Но средство есть.

Ф а у с т

Скажи без замедленья!

М е ф и с т о ф е л ь

Мне трудно тайн высоких откровенье.
Царят богини средь пустынь немых, —
Ни места там, ни времени вкруг них,
Уста немеют говорить о них. —
То матери.**

Ф а у с т

(испуганно)

Как матери?

М е ф и с т о ф е л ь

Дрожишь?

Ф а у с т

То матери! Ты странно говоришь!

М е ф и с т о ф е л ь

Действительно: богини, смертным вам
Неведомы, назвать их трудно нам.
К жилищу их дойдешь ты глубиною.
Что нужны нам оне, ты сам тому виною.

Ф а у с т

Где ж путь?

---

* Фет писал: «Жаждущий развлечений император требует, чтобы волшебник Фауст вызвал ему тени Елены и Париса. Давши слово, Фауст возлагает его исполнение на Мефистофеля, который в качестве духа отрицания вообще, и представителя средневековых преданий, чувствует отвращение к положительной красоте древнего мира и сознается в своем бессилии над язычниками».

** Миф о матерях — вымысел Гете, на который его натолкнула цитата из сочинений Плутарха. В «Жизнеописании Марцелла» читаем: «Энгиум — небольшой, но старинный городок Сицилии, известный благодаря богиням, именуемым Матерями, храм которым там воздвигнут».

Мефистофель

К ним нет путей: в недостижимость
Недостижимую, в неумолимость —
Неумолимую! Готов ли ты?
Вскрывать замков, засовов не случится,
В пустом пространстве будешь ты носиться.
Постиг ли ты значенье пустоты?

Фауст

Ты приберег бы речь такую!
Тут кухню ведьмы снова чую,
Как в дни несбыточной мечты.
Иль в мире быть опять чужому,
Вздор изучать, учить пустому?
А выскажешь разумное вполне —
Противоречье слышится вдвойне.
От гнусного пришлось мне треволненья
Бежать в пустыню да в уединенье,
И, одному чтоб вовсе не остаться,
Я под конец рад черту был отдаться!

Мефистофель

Да если б ты и в океан пустился
И безграничность увидал,
Тебе бы вал за валом там явился,
Хотя бы ты пред гибелью дрожал;
Ты что-нибудь бы видел, хоть пучины,
Где при затишье движутся дельфины;
Хоть облака, хоть солнце, путь ли млечный.
Но ничего нет в пустоте той вечной,
Своих шагов там не слыхать,
Не сыщешь твердого, где стать!

Фауст

В твоих словах я слышу мистагога*,
Который лжет пред неофитом** много.
Лишь наизнанку: ты меня в пустое
Шлешь, чтобы там набрал я силы вдвое.
И на меня ты смотришь как на кошку,
Чтоб я нагреб каштанов понемножку.
Что ж продолжай; мы можем углубиться,
В твоем ничто мне может все открыться!

---

* *Мистагог* — жрец, посвященный в таинства во время мистерии у древних греков.

** *Неофит* — новый приверженец какой-нибудь религии, учения.

Мефистофель

Хвалю, пока тебя не отпускал.
И вижу, черта ты вполне узнал.
Вот ключ тебе.

Фауст

Такую мелочь брать?

Мефистофель

Возьми его сперва, чем осуждать!

Фауст

Растет в руке, сверкает и блестит!

Мефистофель

Ты видишь ли, что он в себе таит?
Ключ этот сам на место то наводит.
Ступай с ним вглубь, он к матерям проводит.

Фауст

(содрогаясь)

О! К матерям! Мне это слово гром!
Оно несносно мне. Но что же в нем?

Мефистофель

Иль ты в тупик пред новым словом стал?
Иль слышать рад лишь то, что ты слыхал?
Тебе-то что? Звучит как хочет слово,
Чудесное давно тебе не ново!

Фауст

Я не избрал прибежищем застой —
И содроганье лучший дар людской:
Хоть точно жизнь в нас чувства притупляет,
Чудовищность нас сильно потрясает.

Мефистофель

Так погрузись, я б мог сказать: взвивайся!
Тут все равно; беги ты от явлений,
И призраков ты в область погружайся,
В то, отчего давно уж нет и тени, —
Как облака их гонит без предела;
Махай ключом, гони их прочь от тела.

Фауст

Держа его, я стал как бы владыкой,
В груди огонь! Скорей за труд великий!

Мефистофель

Пылающий треножник в глубине,
То знак тебе, что ты на самом дне;

Увидишь ты, что матери все тут
Озарены сидят, стоят, идут.
Образованье, преобразованье,
И вечной мысли вечное дрожанье,
Вкруг образы всех тварей словно дым;
Им зримы только схемы, ты незрим.
Тут не робей, опасность настает,
Иди ты прямо на треножник тот,
И тронь его ключом!

(Фауст делает вполне повелительный знак ключом.)

Вот так как раз!
Он за тобой как раб пойдет сейчас;
Всходи спокойно с ним на высоты,
И не заметишь, как вернешься ты.
Когда ж его доставишь в этот край,
То героинь, героев вызывай.
Ты первый мог на шаг такой решиться:
Твой будет подвиг, если он свершится,
А в будущем нам магия уж прямо
Создаст богов из дыма фимиама.

Фауст

С чего ж начать?

Мефистофель

Всем существом спускаться;
Спустишься — топни; топни, чтоб подняться.

(Фауст топает и проваливается.)

Лишь только б ключ настроил все на лад!
Желал бы знать, вернется ль он назад.

Ярко освещенные залы

Император и князья. Двор в волнении.

Камергер

(Мефистофелю)

Ты сценой духов все в долгу остался.
Скорей за дело! Государь заждался!

Кастелян

Сейчас его величество спросил.
Чего ж ты ждешь? Его ты истомил.

Мефистофель

За этим я товарища отправил.
Он знает, как держаться правил,
И заперся теперь опять.
Теперь все силы напрягает;
Кто хочет клад, прекрасное, — достать,
Тот магию обязан изучать.

Кастелян

Какие правила у вас, — нам все равно;
Но государь сказал, что ждет давно.

Блондинка
(Мефистофелю)

Словечко, господин!
Вы видите, лицо
Мое свежо и чисто как яйцо.
Но летом вдруг коричневые пятна
Всю белизну испортят неприятно.
Мне средство!

Мефистофель

Жаль! Что милого котенка
Май превратит гречишкой в пантеренка.
Икры лягушек, жабьих языков
Ты в полнолунье в склянке приготовь,
Настоем тем в ущерб* натрись опрятно, —
Придет весна, и не вернутся пятна.

Брюнетка

Кругом толпа теснится к вам невольно.
Лекарства мне! С застуженной ногой
Мне и ходить, и танцевать пребольно,
И неуклюж поклон выходит мой.

Мефистофель

Дай я своей вам наступлю ногой.

Брюнетка

Что ж, у влюбленных водится такое.

Мефистофель

В моем пинке значение большое;

* *Ущербная луна* — время между полнолунием и появлением на небе молодого месяца.

Подобное — подобным, будет прок.
Ногою ногу, — так лечить все члены.
Держитесь же! От вас не жду обмены.

Брюнетка

Ай! Ай! Зажгло, ужаснейший пинок!
Копытом, что ль?

Мефистофель

Во здравье, мой дружок.
Теперь танцуй, как душеньке угодно,
И под столом толкай дружка свободно.

Дама

Да пропустите! Жребий мой плачевный!
Изныла я до глубины душевной!
Еще вчера он плакал предо мной,
Теперь он с ней, ко мне же стал спиной.

Мефистофель

Беда! Но слов моих не пророни:
Подкравшися неслышною стопою,
Вот этим углем ты его черкни
По рукаву, по платью, — злу помочь.
Раскаянья кольнут его огни;
Ты ж проглотить тот уголь не гнушайся,
Вина, воды устами не касайся —
К твоим дверям придет он нынче ж в ночь.

Дама

Не яд же это?

Мефистофель

(в негодовании)

Знай, что уважать!
Такого угля долго б ты искала.
Он из костра, каких пришлось немало
Нам в дни былые поджигать.

Паж

Влюблен я; взрослого во мне не признают.

Мефистофель

Не разберу, кого и слушать тут!

(Пажу.)

Перед самой меньшою не расточай усилий,
Созревшие тебя давно бы оценили.

(Теснятся другие.)

Еще нахлынули! Нелегкая статья!

Искать спасенья рад уж в правде я,
Опора слабая, негодная вполне.
О, матери! Верните Фауста мне!
(Озираясь.)
Уж тусклыми огнями светит зал.
Весь двор к нему сбираться стал.
Я вижу, как ряды, — нельзя скромней,
Под сень идут далеких галерей.
Обширный круг теснее стал,
Всех рыцарский едва вмещает зал.
Широкие ковры по всем стенам,
Оружие по нишам и углам.
Кажись, к чему тут заклинать словами,
Тут духи место облюбили сами.

Рыцарская зала

Тусклое освещение. Император и двор присутствуют.

Герольд

Мой долг вещать о новом представленье,
Но духов мне влиянье в том мешает;
Рассудок здравый, при таком сплетенье,
Не объяснит, чего не постигает.
Готовы кресла, стулья под рукой;
И государь посажен пред стеной,
Там на коврах он видит, без сомненья,
Минувших дней великие сраженья.
Здесь все теперь, весь двор с своим владыкой;
А сзади ряд скамеек превеликий,
И милая, смиряя страх сердечка,
Близ милого нашла себе местечко.
И вот теперь, когда мы все засели,
Готовы мы: пусть духи бы летели!
(Трубы.)

Астролог

Вся драма в ход пойдет сейчас!
Раздайтесь, стены, вам такой приказ!

Покорно все тут магии вполне.
Ковры бегут, свиваясь как в огне.
Нет больше стен, куда ни погляжу,
Как бы театр большой все окружает,
Таинственным нам светом озаряет;
На авансцену сам я выхожу.

Мефистофель
(из суфлерской будки)

Здесь я могу пред всеми отличиться:
Нашептывать ведь черту не учиться,
(Астрологу.)
Ты тихих звезд теченье узнаешь,
И шепот мой отлично ты поймешь.

Астролог

Волшебной силой появился сам
Тяжеловесный и старинный храм;
Как Атлас*, что держал небесный свод,
Колонн двойной недвижим хоровод,
Громада брусьев их не отягчила,
Таких бы двух на груз большой хватило.

Архитектор

Так это-то антично? Вот чудесно!
Скорей же грубо и тяжеловесно.
Им грубость — строгость, неуклюжесть — мощь,
Расти колоннам должно в виде рощ,
Стрельчатый свод и нас возносит вдруг.
Таким мы зданьем созидаем дух.

Астролог

Великий час сулят нам звезды разом!
Магическим мы словом свяжем разум,
Дадим напротив возлетать вольней
Фантазии, куда угодно ей!
Чего алкал, на то смотри теперь,
Несбыточно — вот потому и верь.

(Фауст возникает на другой стороне авансцены.)

Одет жрецом, в венке кудесник нам
Заявит то, зачем ходил он сам.
Из-под земли треножник с ним идет.

---

* *Атлас (Анлант)* — в древнегреческой мифологии могучий титан, держащий на плечах небесный свод.

Уж фимиамом словно отдает.
Вот жрец начнет, благословивши, дело.
Удачу мы предсказываем смело.

Ф а у с т

(значительно)

Во имя ваше, матери! Чей трон
В безбрежности молчаньем окружен,
Хоть вкупе вы! Вокруг числом велики
Без жизни мчатся жизненные лики,
Что было раз, чего не воротить,
Все там кишит, желая вечным быть,
И делите вы это в вечной мочи
Под полог дня, под своды темной ночи.
Одних уносит жизнь в свои пути,
Других стремится смелый маг найти,
Своей рукой он щедро расточает
Чудесное, — какого всяк желает.

А с т р о л о г

Блестящий ключ коснулся лишь котла,
Туманная распространилась мгла;
Она ползет, как стая облаков,
Струей, клубами, врозь и слитно вновь.
Но в чем тут сила духов вся видна:
В движенье туч нам музыка слышна.
Воздушных звуков в колебанье том
Мелодия разносится кругом,
Ряды колонн, фронтона главный вход,
Да весь и храм, мне кажется, поет.
Туман садится; светел и могуч,
Красавец юный выступил из туч.
Смолкаю я. Здесь отзыв неуместен;
Кому Парис прекрасный неизвестен!

Д а м а

О, что за блеск в нем силы молодой!

В т о р а я

Как сочный персик свеж, хорош собой!

Т р е т ь я

А сладостно приподнятые губки!

Ч е т в е р т а я

Ты б отыскала сласть в подобном кубке?

Пятая

Красив, а нет в нем тонкости-то всей.

Шестая

Немножко быть он мог бы половчей.

Рыцарь

И видимо из пастухов он горных*,
В нем принца нет, и нет манер придворных.

Другой

Полуодет, действительно он мил,
А вот каков бы в латах-то он был?

Дама

Он мил. Как много мягкости в нем есть.

Рыцарь

К нему бы вам хоть на колени сесть?

Другая

Как мило заложил он на голову руку.

Камергер

Невежа! Стоило б отдать его в науку!

Дама

У вас придирки ко всему найдутся.

Камергер

Пред государем так тянуться!

Дама

Ведь это роль; и он наедине.

Камергер

Играй; но здесь приличен будь вполне!

Дама

Уснул. Во сне хорош он идеально.

Камергер

Сейчас всхрапнет, вот выйдет натурально.

Молодая дама
(восторженно)

Какой сквозь дым я запах узнаю,
Что свежестью наполнил грудь мою?

Средних лет дама

Да, точно; вздох всю душу проникает!
Он от него!

---

* Парис пас отцовские стада, когда к нему пришли три богини: Гера, Афродита и Афина с просьбой избрать из них красивейшую.

Старшая дама

То юность расцветает
Амврозией* живой в красавце том,
А в атмосфере слышится кругом.

(Появляется Елена**.)

Мефистофель

Так вот она! Спокоен я вполне!
Она красива, только не по мне.

Астролог

Я ни на что уж больше не гожусь!
Как честный человек в том признаюсь.
Краса идет. У похвалы нет цели!
О красоте так много вечно пели.
Кому она предстала — все забыл;
Кто ей владел — высоко счастлив был!

Фауст

Глазами ль вижу? Иль в душе живой
Я красоты разливом весь встревожен?
С какой добычей вышел поиск мой!
До сей поры мне мир был пуст, ничтожен!
Чем он теперь, с тех пор как я жрецом?
Он тверд, окреп, я жить желаю в нем!
Пусть не вздохну ни разу я потом,
Как изменю подобному влеченью!
Та, что меня когда-то восхищала,
В волшебном зеркале пленяла,
Такой красы была лишь легкой тенью!
Лишь ты одна, смущая мой покой,
Всю силу страсти роковой,
Любовь, восторг, безумство мне внушаешь!

Мефистофель

(из будки)

Опомнись, ты из роли выпадаешь!

Средних лет дама

Прекрасный рост, но голова мала.***

---

* *Амврозия* — пища богов в древнегреческой мифологии, дававшая им вечную юность и бессмертие.

** Возвращение Елены из подземного мира означает воскрешение красоты, возвращение античности во всем ее блеске, речь идет о поиске утраченного исторического времени, исторического прошлого.

*** В этом замечании «средних лет дамы» об образе Елены повторяется мнение древнеримского ученого Плиния Старшего о статуе Елены античного скульптора Лисиппа.

Молодая дама
Зато нога — огромна, тяжела!

Дипломат
Я лишь цариц подобных видеть мог:
Она прекрасна с головы до ног.

Придворный
Идет с усмешкой к спящему она.

Дама
С красавцем рядом, как она дурна!

Поэт
Весь озарен ее он красотой.

Дама
Хоть рисовать. Эндимион* с Луной!

Поэт
Вполне. Богиня видимо смутилась,
Его дыханье пить она склонилась.
Завидно! Поцелуй! Нельзя изречь!

Дуэнья
При всех — приличьем всяким пренебречь!

Фауст
Какое счастье мальчику!

Мефистофель
Молчи!
Дай призраку ты волю — не учи!

Придворный
Проснулся он; она спешит бежать.

Дама
Она глядит назад. Легко понять!

Придворный
Он изумлен. Ее так дивен вид!

Дама
А ей не диво то, на что глядит.

Придворный
С достоинством глядит она назад.

Дама
Она его, знать, в руки забирает.
Уж тут мужчины глупы все подряд,
И первым он, гляди, себя считает!

---

* *Эндимион* — прекрасный юноша, в которого влюбилась богиня луны Селена.

Р ы ц а р ь
Величество во всем я вижу в ней!

Д а м а
Развратница! На что еще подлей!

П а ж
На месте бы его хотел я быть, ей-ей!

П р и д в о р н ы й
Такая сеть кого б не уловила?

Д а м а
Сокровище, и рук немало проходило,
Чуть позолота не сошла.

Д р у г а я
Она уж в десять лет негодницей была.

Р ы ц а р ь
При случае схватить хорошее все падки,
А я бы захватил прекрасные остатки.

У ч е н ы й
Я признаюсь, хоть мне она видна,
Да как решить, то подлинно ль она.
Что видим мы, то нас увлечь готово,
А я держусь лишь письменного слова.
И я читаю, что она невольно
Всем старцам Трои приглянулась больно.
И здесь, пожалуй, прежние дела, —
Не молод я, но мне она мила.

А с т р о л о г
Не мальчик боле, — молодой герой,
Ее он обнял сильною рукой,
Ее он мощно поднял, наконец.
Похитить, что ль, ее?

Ф а у с т
Постой, глупец!
Не смей! Не слышишь! Стой! Нет, я уйму!

М е ф и с т о ф е л ь
Ведь сам ведешь ты эту кутерьму!

А с т р о л о г
Два слова лишь! Все это представленье
Я назову: Елены похищенье.

Ф а у с т
Как похищенье! Мне ль стоять бесстрастно?
А ключ-то мой! Его он сбавит спесь!

Меня он вел по ужасам всечасно
Уединенья — к твердой почве здесь.
Здесь я стою в действительности твердо,
Тут с духами мой дух сразится гордо,
В двойной победе мир обьемля весь!
Была вдали, теперь близка вполне.
Спасу! И будь моей она вдвойне!
О, матери! Ваш трон мне да поможет!
Кто с ней знаком, расстаться с ней не может.

Астролог

Куда ты, Фауст! О, Фауст! Всей силой он
Ее схватил — уж лик ее смущен.
На юношу навел он ключ, — и вот
Его коснулся.
Горе! Горе — ждет!

(Взрыв. Фауст падает, духи исчезают.)

Мефистофель

(поднимая Фауста на плечи)

Вот и гляди! Связаться с дураками,
Так тут сам черт не справится с делами!

(Темнота. Толкотня.)

АКТ ВТОРОЙ

Тесная готическая комната с высокими сводами

Мефистофель выступает из-за занавеса и поднимает его. Кабинет Фауста в прежнем виде, виден Фауст, лежащий на старинной кровати.*

Мефистофель

Лежи, бедняк! Тебя томит
Та цепь любви, что трудно рвется!

* Фет писал: «Мефистофель в рабочем кабинете Фауста. Соблазнитель переносит Фауста в его прежнее жилище, где контраст его первобытного состояния с настоящим выступает еще ярче. Конечно, на высокое стремление к идеалу красоты Мефистофель смотрит как на глупость и болезненное состояние. В кабинете все по-старому до меховой мантии доцента, висящей на крюке. При воспоминании о былом наставлении ученика, его берет охота снова надеть мантию, с которой в глазах толпы связана вся премудрость».

Кого Елена поразит,
Тот уж не так легко очнется.
(Озираясь.)
Хоть глянуть вверх, сюда ль, туда ли,
Все неизменный вид один:
Кажись, тускней цветные окна стали,
Да развелось побольше паутин;
Чернила сухи, пыль на книгах спит.
Но весь порядок тот остался,
И даже здесь перо лежит,
Которым Фауст у черта подписался.
А в глубине пера застыл
Остаток крови той, что я добыл.
Гордился б редкостью такой
И антикварий записной.
Вот старый крюк со старой шубой;
И вспомнил я о шутке грубой,
Как здесь я мальчика учил.
И юноши того он верно не забыл.
Ты, шуба! Хочется, признаться,
Тебя надеть и, вновь доцентом став,
Опять надменно надуваться!
Ведь убедится ж, что один он прав —
Привычное ученым дело;
Но черту это надоело.

(Трясет снятую шубу; из нее вылетают цикады, козявки и фарфалетты*.)

Хор насекомых**
Здорово, здорово,
Патрон дорогой!
Жужжим мы, летаем,
Знакомы с тобой.
Немногих посеял
Ты тихо в тени;
А тысячи пляшут:
Ты, батя, взгляни.

---

* *Фарфалетта (лат.)* — род бабочек, а в переносном значении — причуда.

** Фет писал: «Уже в первой части Мефистофель провозглашает себя повелителем неприятных для человека насекомых и животных. Поэтому хор появляющихся насекомых тотчас же признает в нем своего патрона и отца, который рассылает их во всем углам мертвенного жилища».

Лукавого в сердце
Укроешь от глаз;
А вошек на шубе
Увидишь как раз.

Мефистофель

Я изумлен; рад видеть молодежь!
Ты только сей, и во время пожнешь.
Еще хочу я старый мех тряхнуть;
И вылетит опять хоть что-нибудь…
Вверху! Кругом! По закоулкам тесным
Укрыться след вам, милочкам прелестным,
В тот ящик, что изломан весь,
В пергамент пожелтевший здесь,
В худых горшках, разбитых вазах
И в черепах тех дыроглазых!
В подобном хламе поневоле
Приходится гнездиться моли.

(Надевает шубу.)

Надену вновь тебя, как надевал!
Опять наставником я стал.
Что пользы так лишь называться,
Где ж те, что предо мной смирятся?

(Он звонит в колокол, издающий резкий пронзительный звон, причем коридоры трясутся и двери растворяются.)

Фамулус*

(ковыляя по длинному коридору)

Что за звон! Душа мятется!
Вход дрожит, стена трясется;
Вижу в пестрых окнах зданья
Словно молнии сверканье.
Скачет пол, а сверху, мнится,
Мусор с известью валится,
И дверей засовы — сила
Непонятная раскрыла.
Ужас! Вижу исполина,
В шубе фаустовой мужчина!
Эти взоры с полдороги
Мне подкашивают ноги.

* Фамулус *(лат.)* — ученый служитель при профессоре или при лаборатории.

Оставаться иль бежать?
Ах! Что будет, как узнать?

Мефистофель
(маня)

Войдите, друг. Зовут вас Nicodemus*.

Фамулус

Действительно, почтенный муж! Oremus!**

Мефистофель

Оставим это.

Фамулус

Рад, что вам знаком!

Мефистофель

Я знаю: вы еще студент притом.
Хотя в летах, ученый человек
Отстать не может, — учится весь век.
И карточный тут домик строим мы;
И не достроят первые умы.
Но ваш наставник дело понимает:
Кто ж доктора-то Вагнера не знает,
В ученом мире кто ж сравнится с ним!
И держится наука только им.
Он мудрость ежедневно множит:
Кто алчет знанья, сколько может,
Спешит в толпе ему внимать.
Один он с кафедры сияет;
Как Петр ключом он обладает***,
И верх и низ им отпирает.
Когда лучи его сияют,
Иная слава прах и дым;
Уж имя Фауста забывают!
А все открыто им одним.

Фамулус

Простите, муж почтенный, коль скажу я,
И возразить притом дерзну я:
Я вижу сторону другую;
Лишь скромность — вот его удел.

---

* *Nicodemus (лат.)* — Никодим.

** Помолимся! *(лат.)* (Испуганный неожиданным появлением Мефистофеля и тем, что он знает его имя, Фамулус хочет сотворить молитву.)

*** Апостол Петр, по христианскому преданию, владеет ключами от рая.

Куда исчез и где скрываться может
Великий муж — ума он не приложит.
Все ждет его, все слушать бы хотел.
Вся комната должна храниться,
Как доктор Фауст в ней прожил до конца.
Ждет старого она жильца;
Едва дерзаю в ней я появиться.
Теперь который звездный час?
Казалось, стены все дрожали,
Тряслася дверь, засовы спали —
А то б вы не прошли до нас.

Мефистофель

Но где же сам-то он, скажите?
Меня к нему, его ль сюда ведите!

Фамулус

Ах! Очень строг его запрет!
Не знаю, доложить иль нет.
Не первый месяц углубился
Он в труд, — и тихо затворился;
Ученый муж был так изнежен,
Теперь как угольщик небрежен,
Нос в саже, уши тож ужасны,
Глаза от поддуванья красны;
Сидит, — схватить минуту рад;
И только что щипцы звенят.

Мефистофель

Ужель приход мой счесть напастью?
Ведь я, глядишь, его помог бы счастью!

(Фамулус уходит. Мефистофель важно садится.)

Едва я занял пост, как вот
Знакомый гость сюда идет.
Но он из самых новых верно.
Он расхрабрится беспримерно.

Бакалавр*

(несется по коридору)

Двери настежь я встречаю!
Так теперь уж, полагаю,

* *Бакалавр* — младшая академическая степень. Это тот самый студент, которому Мефистофель в первой части «Фауста» давал коварные наставления. В грубом и самонадеянном молодом человеке теперь нельзя узнать прежнего скромного и наивного юношу.

Плесень старую забыли,
Где живой и мертвый гнили,
Чтоб закиснуть и заглохнуть,
Чтобы заживо засохнуть.

Эти стены с этим сводом
Ждут паденья с каждым годом.
Не уйди мы осторожно,
То и нам погибнуть можно.
Я первейший на отвагу.
Но уж дальше я ни шагу.

Что за странные дела-то!
Не сюда ли я когда-то
Боязливым в высшей мере,
Новичком являлся в двери,
Верил им, длиннобородым*,
Поддавался их подходам?

Из старинных книг болтали
Ложь они, какую знали,
Знали, ей не доверяя,
Лишь себя и нас терзая.
Как? Там сзади, где темно-то,
Вижу вновь сидит вон кто-то,

Разглядел теперь поближе,
Все он в той же шубе рыжей;
Как оставил я его,
В грубом мехе одного!
Ловким я его считал,
Как его не понимал;
Но теперь иное дело,
Подойду к нему я смело!

Коль воды Леты** все не затопили
Под лысым черепом у вас, — без шутки,
Я ученик, которому так жутки

* Длиннобородыми на студенческом жаргоне назывались профессора.

** *Лета* — в древнегреческой мифологии река забвения в подземном царстве.

Академические розги были.
Я вижу вас, каким видал,
Но я другим уже предстал.

Мефистофель

Рад, что мой звон у вас раздался.
Я в вас заране видел прок,
И в куколке мне представлялся
Грядущий пестрый мотылек.
Вы в локонах, манишкой с кружевами
По-детски любовались сами.
Вам не пришлось ходить с косой?
Теперь я вижу вас по моде.
Решительны вы стали на свободе;
Лишь абсолютно бы не шли домой.

Бакалавр

Мы с вами, сударь, здесь на месте старом;
Но дух поймите новых вы годов.
Двусмысленно не говорите даром!
Теперь уж мы значенье ловим слов.
Вы юношу дурачили преловко,
Вам без труда сходила с рук уловка,
Теперь напрасно так шутить.

Мефистофель

Коль юношам стал правду говорить,
Какой птенцы не могут проглотить,
Да вслед затем с годами по натуре,
Все на своей пришлось им вынесть шкуре,
Сдается им, что выдумал то всяк;
И вот кричат: учитель был дурак.

Бакалавр

Плут может быть! Какой учитель сам
В лицо всю правду скажет нам?
Умеет всяк прибавить иль убавить,
То припугнуть детей, то позабавить.

Мефистофель

Учиться — есть пора для нас;
А вам учить настал, как вижу, час.
С годами вы, хоть время скоротечно,
И опытностью запаслись, конечно?

Бакалавр

Что опытность? Один пустяк,
Ей с духом не ужиться дружно.
Признайтесь, вечно ведал всяк,
Чего и знать совсем не нужно?*

Мефистофель

(помолчав)

Себя давно считал я дураком,
Теперь вполне я убедился в том.

Бакалавр

Сердечно рад! И первого пока
Разумного я встретил старика.

Мефистофель

Век рыл я клад блестящий и тяжелый —
И мрачных угольев достиг.

Бакалавр

Сознайтесь-ка, ваш череп голый
Ничуть не лучше тех пустых?

Мефистофель

(добродушно)

Ты грубости своей, мой друг, не сознаешь.

Бакалавр

По-нашему — коль вежлив, значит, лжешь.

Мефистофель

(подвигаясь на авансцену к публике)

Здесь свет и воздух у меня отняли;
Хоть вы бы мне защитниками стали!

Бакалавр

Считаю мысль я дерзостной совсем,
Быть чем-нибудь, когда уж стал ничем.
Людская жизнь живет в крови; а в ком
Кровь так сильна, как в юноше любом?
Могучей силой молодая кровь
Из жизни прежней жизнь выводит вновь.
Тут все кипит и подвиг создает;
Где слабый пал, там сильный восстает.
Пока полмира мы завоевали,
Что делали вы? Думали, кивали,

---

* Гете имеет в виду философию Фихте и Шеллинга, отрицавших пользу опыта и веривших в интуитивность мышления.

И вечным планам потеряли счет.
Конечно, старость — лихорадка,
Озноб, тоска стоит во всем,
Кому минуло три десятка,
Того считай уж мертвецом.*
Вас перебить бы, чтобы свет избавить.

Мефистофель

Тут черт не может ничего прибавить.

Бакалавр

Коль захочу, так черт не смеет быть.

Мефистофель

(в сторону)

Все ж черт тебя сумеет зацепить!

Бакалавр

То подвиг юности прямой.
Мир был ничто, пока не создан мной;
Я солнце вывел из пучин морских;
Со мной луна достигла фаз своих;
Тогда и день разлился предо мною,
Чтоб радовать меня красой земною.
По мановенью моему, в ночи,
Впервые звезд рассыпались лучи,
Кто ж, как не я вам дал свободу мысли,
Когда вы все филистерами кисли?
А я свободно, как мой дух велит,
Иду за светом, что во мне горит.
И шествую с восторженной душою,
Лицом на свет и к мрачному спиною.

(Уходит.)

Мефистофель

Оригинал, как прыть твоя пылка!
Тебя ничуть сознанье не тревожит:
Что кто ж умно иль глупо думать может
О том, о чем не мыслили б века?
Но в этом нет опасно рокового.
Со временем изменится оно:
Как гроздий сок ни бродит бестолково,
Все выйдет под конец вино.

---

* Гете перефразирует изречение философа Гельвеция (1715–1771), утверждавшего, что лишь до 30–35 лет в человеке под влиянием внешнего мира пробуждаются все те мысли, на которые он способен.

(К молодому партеру, который не аплодирует.)
Не убедил вас мой язык.
Я с вами, дети, прав в расчете;
Подумайте, ведь черт — старик;
Состарясь, вы его поймете.

Лаборатория в средневековом вкусе

Сложные неуклюжие аппараты для фантастических целей.

Вагнер
(у очага)

Ударил колокол ужасный,
Затрепетали стены зданий;
Теперь не может страх всечасный
Продлиться строгих ожиданий.
Уже во мраке проблеск ясный,
Уже в реторте что-то пышет,
Как раскаленный уголь дышит;
Как бы карбункул многоценный
Во тьму кидает луч мгновенный.
Вот белый свет возник сейчас;
О, хоть бы раз мне без потери!..
О, Боже! Кто шуршит у двери?

Мефистофель
(входит)

Мое почтенье! В добрый час.

Вагнер
(боязливо, затем тихо)

Ну, в добрый звездный час, — войдите!
Но ни полслова, не дышите!
Тому, что выйдет, изумится век.

Мефистофель
(еще тише)

В чем дело-то?

Вагнер
(тихо)
Творится человек.

Мефистофель
Как человек? Какую же коптить
Влюбленную вы пару засадили?

Вагнер
Помилуй Бог! Как до сих пор родить
Привыкли все, — мы вздором объявили.
Тот нежный пункт, что жизнью мы дарим,
Та сила, что, внутри сливаясь с ним,
Брала и отдавала, проявляясь,
Сперва родным, затем чужим питаясь,
Достоинство утратила теперь.
Отныне пусть ей предается зверь,
Но человеку след с его значеньем
Гордиться впредь другим происхожденьем.
(Обращаясь к очагу.)
Еще светлей! Тут ждешь, по крайней мере,
Что если мы из многих сот материй
Смешением, — в смешенье весь вопрос —
Материю людскую образуем,
Ее в реторте замуруем
И тщательно дистиллируем,
Все дело нам тихонько удалось.
(Снова обращаясь к очагу.)
Выходит! Масса все светлеет!
И убежденье крепче зреет!
Все, что в природе тайной слыло,
То мы разумно испытуем,
Что организмом в ней произошло,
То мы теперь кристаллизуем.

Мефистофель
Кто долго жил, тот испытал немало;
Он нового не встретит в жизни сей:
При странствиях, видал и я, бывало,
Кристаллизованных людей.

Вагнер
(обращаясь к реторте)
Растет, сверкает, все слилось,
Мгновенье, и затем — сбылось!
Великий план сперва похож на вздор;

Случайность нас отныне не обманет,
Подобный мозг для мысли с этих пор
Мыслителем приготовляться станет.
(С восторгом обращаясь к реторте.)
Стекло звенит, и прояснилась смесь,
Теперь пойдет уж без запинки!
Я вижу, шевелится здесь
Лик миловидного мужчинки.
Чего ж еще и нам, и всем желать?
Разгадка тут всей тайны необъятной:
Старайтесь этим звукам внять,
И голос ваш, и речи станут внятны.

Гомункул*
(из реторты Вагнеру)

Ну, папенька! Ты не шутя? Ей-ей?
Так к сердцу ты прижми меня скорей!
Да понежней, чтоб склянка утерпела!
Сама природа здесь велела:
Начнет творить, так не вмещает свет;
С искусственным же дальше — ходу нет.
(Мефистофелю.)
И ты, хитрец, мой братец, здесь? Смотрю
И вовремя, как раз! Благодарю;
Судьбой ты, кстати, занесен вполне:
Раз что живу — и дело нужно мне,
Хотел бы я сейчас же за работу.
С чего начать, — ты ловок снять заботу.

Вагнер

Одно словцо! Стыжусь я этой темы:
И стар, и млад мне задают проблемы,
Вот, например, для всякого загадка:
Как тело так с душой слилися гладко,
И держатся друг дружки неразрывно,
И целый век враждуют непрерывно? Затем...

---

* *Гомункул (лат. homunculus* — человечек*)* — в представлении средневековым алхимиков, существо, подобное человеку, которое можно получить искусственным путем. Об этом аллегорическом, не совсем ясном образе Гете говорил в беседе с Эккерманом: «Вы заметите, что Мефистофель оказывается в невыгодном положении по сравнению с Гомункулом, который не уступает ему в ясности взглядов, но далеко превосходит его в стремлении к красоте и плодотворной деятельности». Роль Гомункула, считал Гете, должна исполняться чревовещателем. Гомункул — творение Вагнера, чистый интеллект, запрятанный его создателем в колбу.

Мефистофель

Постой! Спросил бы я, признаться,
Зачем мужья все с женами бранятся?
Вот, друг, вопрос ты разреши-ка — нутко!
А здесь нужны дела, — их ждет малютка.

Гомункул

Что ж делать мне?

Мефистофель

(указывая на боковую дверь)

Так выкажи ты силы!

Вагнер

(смотря в реторту)

Поистине, ты мальчик очень милый!

(Боковая дверь отворяется, виден Фауст на постели.)

Гомункул

(изумленно)

Значительно!

(Реторта вырывается из рук Вагнера, носится над Фаустом и освещает его.)

Прекрасный вид! У влаги
Прозрачной, в роще, жены мечут платья.
Прелестны все! А вот теперь все наги.
Но между них одну бы мог признать я
Хоть героиней, если не богиней.
Прозрачный блеск струит она ногою,
И членов пыл с их юною гордыней
Прохладною приемлется волною.
Но что за шум затрепетавших крылий,
Какие плески влагу возмутили?
В испуге девы разбежались, — только
Царицы взор не омрачен нисколько.
Она глядит так женственно надменно,
Что лебедь-царь к ногам ее смиренно
Приник. Ее объемлет он колена.
Но вдруг туман встает волной,
И уж за дымкою густой
Сокрылась сладостная сцена.*

* Фет писал: «Мефистофель под видом одобрения трунит над кристаллизацией организмов. Гомункул с первого слова издевается над нелепым

Мефистофель

Рассказывать, я вижу, ты горазд!
Хоть сам ты мал, за то большой фантаст.
Я ничего не вижу!

Гомункул

Где ж тебе-то!
Провел ты молодости лета
Во мгле, средь рыцарей, попов,
Так вот и глаз-то твой таков!
В туманах только ты и дома.
(Озираясь.)
Сырые стены, гадко, склизко!
Стрельчато, вычурно и низко.
Проснись-ка он, — беда как раз:
Как глянет, так умрет сейчас.
Ручьи лесные с лебедями,
Красавиц видел он во сне.
Как сжиться с этими стенами!
Я терпелив, но невтерпеж и мне.
Умчим его!

Мефистофель

Такому рад исходу.

Гомункул

Ты в битву воина пошли,
А девушку веди ты к хороводу!
Они б места свои нашли.
Классическая, вспомнил я сейчас,
Вальпургиева ночь как раз.
К успеху тут пути прямые.
Снесем его к его стихии!

папашей Вагнером, воображающим заменить ограниченным искусством безграничную природу. Мефистофеля Гомункул, будучи сам демонической природой, обзывает братцем, который способен тотчас же отыскать цель для его жажды деятельности. Вагнер задает Гомункулу существеннейшие вопросы, на которые не находит ответов, но Мефистофель, поднимая его на смех, указывает на то, что Гомункулу предстоят не словопрения, а дружественное дело в оздоровлении Фауста, о котором Мефистофель, в силу договора, должен заботиться. При виде лежащего на кровати Фауста, Гомункул изумлен и увлечен значительностью этого образа. Он вместе с банкой вырывается из рук Вагнера и, освещая Фауста, как бы озаряет его сонные мечты, и громко их высказывает. Фаусту грезится момент зачатия Елены от Леды и Юпитера в образе лебедя».

Мефистофель

Не слыхивал подобного я чуда.

Гомункул

И слышать-то тебе откуда?
Романтикам лишь с призраками жить!
А истый призрак — классик должен быть.

Мефистофель

Куда же путь свой должен направлять я?
Противны мне античные собратья.

Гомункул

Северо-Запад, черт, тебя все влек;
Но нас теперь зовет Юго-Восток.
Там, где Пеней* равнину пробежал,
Среди кустов, заливами сверкая,
До самых гор долина все сплошная,
И древний рядом с новым там Фарсал.

Мефистофель

О, горе! Прочь! Хоть битвой пощадите
Тиранства с рабством! Что ни говорите,
Вещь скучная; едва окончат, — глядь!
Опять пошли друг с другом воевать!
И невдомек уму таких людей,
Что сзади их дурачит Асмодей**.
Все за права свободы, мол, дерутся.
А разглядеть: рабы с рабами бьются.

Гомункул

Оставь людей, коль вздорить им охота;
Им защищаться предоставь самим
С младенчества; так будет и с большим.
Тут весь вопрос, как исцелить его-то?
Коль знаешь чем, так на ноги поставь,
А если нет, то мне все предоставь.

Мефистофель

Тут с Брокена нашлось бы что-нибудь;
Но заперли язычники мне путь.
А греки были век пустой народ!

---

* *Пеней* — персонаж древнегреческой мифологии, бог реки Пиньос в Фессалии.

** *Асмодей* — злой, сластолюбивый демон, упоминаемый в Ветхом Завете. В Талмуде он называется князем демонов.

В глаза-то вам все чувственность их бьет,
Они в грехах весельем соблазняют;
А наши-то все мрачными считают.
Ну, что ж теперь?

Гомункул

Тебя ведь не смущу я;
Коль фессалийских ведьм упомяну я*,
Так, кажется, довольно я скажу.

Мефистофель
(похотливо)

Ах, ведьмы фессалийские! Особы,
Которых я давно искал.
Но что ни ночь, быть с ними не могло бы
Мне нравиться, я полагал;
А изредка, для пробы...

Гомункул

Плащ сюда,
И рыцаря мы завернем больного!
А эта тряпка, как тогда,
Вас одного поднимет и другого;
Я посвечу.

Вагнер
(боязливо)

А я?

Гомункул

Не суетись!
Останься дома, в дело углубись:
Пергаменты старинные достанешь,
По ним сбирать ты элементы станешь
И соблюдать всю совокупность эту;
Обдумай что и как ты, разбери;
Я между тем постранствую по свету,
Быть может, точку отыщу над i.
Тогда к великой цели ты придешь;
За долгий труд награду жди по праву:
Богатство, долголетье, почесть, славу,
И с знаньем добродетель — может тож!
Прощай!

---

* *Фессалия* — область в северной Греции, которую считали родиной магии и колдовства.

Вагнер
(опечаленный)
Прощай! Мне грустно поневоле!
Боюсь, тебя уж не увижу боле.

Мефистофель
Лететь к Пенею я готов!
Не брезгаем мы братцем сами.
(К зрителям.)
Зависим мы, в конце концов,
От креатур, созданных нами.

Классическая Вальпургиева ночь

Ферсальские поля. Темнота.*

Эрихто**
Опять к ночному зрелищу ужасному
Являюсь я, Эрихто, вечно мрачная;
Не так гнусна, как клеветой своей меня
Поэты очернили. Нет конца хвалам
И поношеньям их. Уже убелена
Волной палаток серых вся долина вдоль,
Как призраками этой страшной ночи всей.
Как часто это повторялось! И еще
Век повторяться будет. Уступить никто
Не хочет власти, даже и тому, кто сам
Ее стяжал и держит. Каждый, кто собой
Не в силах управлять, охотно б править стал
Соседней волей, как бы он, гордец, хотел.
Разыгран битвою великий здесь пример,
Как сила пред сильнейшим хочет грудью стать,

* Персонажами этой сцены являются низшие темные духи природной стихии, положившие начало гармоничному античному миру, вершиной которого стала Елена Прекрасная. Стихийные силы показаны в трех фазах своего развития на пути к совершенству, которое наступает с появлением Елены.

** *Эрихто* — колдунья, предсказавшая римскому полководцу Помпею гибельный исход его борьбы с римским императором Юлием Цезарем.

Как дорогой свободы пышный рвут венок,
И жесткий лавр чело владыки обогнет.
Вчера здесь грезился величья день.
Там к слову лести Цезарь слух склонял в ночи!
Теперь сразятся. Знает свет, кто победил.
Огни сторожевые красный пламень шлют,
Как пролитая кровь лег отблеск по земле,
И, привлечен таким сиянием ночным,
Всей саги эллинской собрался легион.
У всех огней колеблются в неверной мгле
Или расселись лики баснословных дней...
А месяц хоть в ущербе, но вполне светло
Встает, кидая нежный блеск на все вокруг;
Исчез палаток призрак, — синь огонь костров.
Но надо мной какой нежданный метеор?
Горит и освещает ком телесный он.
Я чую жизнь. Мне не приличествует быть
Вблизи живого, так как я ему вредна;
Худую славу возбужу без пользы я.
Вот он спускается. Разумно удалюсь!

(Удаляется. Воздухоплаватели вверху.*)

Гомункул

Раз еще кругом лети-ка
Над зловещими огнями;
Как в долине этой дико
Светит призрачными снами.

Мефистофель

Как из северных строений
В окна старые глядя,
Вижу лики привидений,
Здесь и там моя семья.

Гомункул

Вон какая зашаталась,
И уходит каланчой.

Мефистофель

Точно нас перепугалась,
Как летели мы с тобой.

* Фет писал: «При виде странных воздухоплавателей, освещаемых фонарем Гомункула, Эрихто удаляется, страшась новых нареканий. Гомункул при виде самых зверообразных представителей эллинизма не узнает цели своих стремлений и не вдруг решается спуститься и положить Фауста на классическую землю древних сказок».

Гомункул

Пусть идет и удалится!
Наземь рыцаря спусти,
Он очнется, — он стремится
В царстве сказок жизнь найти.

Фауст

(касаясь земли)

А где она?

Гомункул

Сказать не можем;
Здесь всем такой вопрос предложим.
Ступай до утренних лучей
По всем огням осведомляться:
Кто мог сходить до матерей,
Тому уж нечего бояться.

Мефистофель

И мне тут будет часть своя;
Но лучшего для нас не знаю я,
Как чтобы каждый меж огнями
Своими поискал глазами,
Затем — чтоб нам сбираться понемножку,
Заставь фонарь светить со звоном, крошка!

Гомункул

И зазвоню, и засверкаю!
(Реторта сильно светит и звонит.)
Чудес я новых вам желаю!

Фауст

(один)

Так где ж она? Я снова не спросил!
Коль не стояла тут сама она,
Коль эта к ней не ластилась волна,
Здесь воздух тот, что речь ее носил.
Я волшебством вдруг к Греции пристал!
Сейчас почуял землю я, где стал,
Как спящего меня прожгло струей горючей,
Так я стою — в душе Антей могучий,
И если странное здесь сочеталось вместе,
Все ж лабиринт огней пущусь узнать на месте!
(Удаляется.)

Мефистофель

Хоть весь обшарил ряд я освещенный,
Все я чужой и словно в одиночку.

Все нагишом, кой-кто надел сорочку:
Бесстыдны сфинксы, без стыда грифоны.
Чего не встретит с крыльями и с гривой
И передом и задом глаз пытливый!
Мы сами-то довольно неприличны,
А эти право чересчур античны;
Тут нужно бы на этом всем народе
Премногое заклейстерить* по моде...
Противный сброд! Но вежливым, я знаю,
Быть должно гостю. — Здравия желаю
Красавицам и старичкам игривым.

Гриф**
(хрипло)

Нет не игривым — грифам. Кто под старость рад
Игривым слыть? И в каждом слове есть
То, от чего его и произвесть:
Грусть, грозный, гордый, грубый, гробы даже,
Этимология все та же —
И нам она претит.

Мефистофель

Хоть я не возражаю,
Но «гри» в титуле гриф я уважаю.

Гриф
(по-прежнему хрипло)

Естественно! Средство должно тут быть,
Могли его хвалить или хулить;
Греби короны, золото, девиц,
А кто нагреб, пред тем все пало ниц.

Муравьи
*(огромной породы)****

О золоте тут речь. Его набрали
И по скалам, пещерам мы наклали.
Да аримаспы**** там у нас нашли, —
Им смех, что все далеко унесли.

---

* *Клейстер* — клей, изготовляемый из крахмала или муки.

** *Грифы (грифоны)* — мифологические крылатые существа с туловищем льва и головой орла, стражи сокровищ. Символизируют власть над небом и землею.

*** Образ муравьев заимствован Гете у древнегреческого историка Геродота, который говорит о муравьях, собирающих золотую пыль.

**** *Аримаспы* — мифический одноглазый народ на крайнем северо-востоке древнего мира. Как говорит Геродот, этот народ похищал драгоценности, охраняемые грифами.

Грифы

Уж мы заставим их признаться.

Аримаспы

Не здесь на празднике ночном!
А завтра все мы проживем;
Теперь удастся, может статься.

Мефистофель

(садясь между сфинксами)*

Легко у вас мне просидеть без скуки;
Могу я каждого понять.

Сфинкс

Духовные мы испускаем звуки,
Их ваше дело воплощать.
Как звать тебя, мы слышать бы желали.

Мефистофель

Премножество имен мне надавали.
Британцев нет ли тут? Охотники у них
Смотреть места сражений, водопады,
Остатки стен, классические склады;
Вот шли б сюда, на что чудес иных.
Они ж творцы; в старинной драме их
Являюсь я как Old iniquity**.

Сфинкс

За что про что?

Мефистофель

Там толку не найти.

Сфинкс

Пожалуй, так. В звездах ты понимаешь?
Ну, как ты час теперешний считаешь?

Мефистофель

(глядя вверх)

Звезда к звезде, серп лунный разгорелся,
На этом месте я бы засиделся,
У львиной шкуры я твоей согрелся;
К чему напрасно вверх стремиться взгляду?
Задай загадку, а не то шараду!

---

* *Сфинксы* — существа с головой и грудью женщины и туловищем льва. Впервые встречаются в древнеегипетской мифологии.

** *Старый грех (анг.).* Аллегорический персонаж английских пьес, его обычно отожествляли с дьяволом.

Сфинкс

Скажи ты сам загадку про себя.
Загадкою будь сам ты обнаружен:
«Благочестивому и злому нужен;
Аскету цель уколов до эфеса,
Другому — на безумства друг-повеса,
И то и се — чтоб забавлял Зевеса»*.

Первый гриф

(хрипло)

Гони его!

Второй гриф

(хрипит сильней)

Чего он ждет от нас?

Оба

Гоните гадкого сейчас!

Мефистофель

(грубо)

Ты полагаешь, что у гостя ногти
Не так дерут, как вон твои-то когти?
Попробуй-ка!

Сфинкс

(кротко)

Ты можешь оставаться.
Но не пришлось бы с нами стосковаться;
В своей стране живешь ты безобидно,
А здесь тебе не по нутру, как видно.

Мефистофель

Ты аппетитна, если сверху взглянешь,
А глянув вниз на бестию, — отпрянешь.

Сфинкс

Тебе, лукавый, быть побитым:
У всех здоровы лапы тут.
С таким уродливым копытом
Тебе у нас плохой приют.
Сирены** наигрывают сверху.

---

* Сфинкс говорит в своей загадке о дьяволе.

** *Сирены* — демонические сладкоголосые существа в древнегреческой мифологии, верхняя часть тела которых — женская, а нижняя — птичья. Олицетворяли собою коварную морскую поверхность, под которой скрываются утесы и мели.

Мефистофель

Что там качаются за птицы
В ветвях прибрежных тополей?

Сфинкс

Поберегись! Уж те певицы
Губили доблестных мужей!

Сирены

Ах, уже ль тебе привычно
Жить с уродливым народом?
Слушай, целым хороводом
Запоем мы мелодично:
Так сиренам нам прилично.

Сфинксы

(передразнивая их на ту же мелодию)

Ты заставь-ка их спуститься;
Любо им в ветвях таиться,
Чтоб совиными когтями
Растерзать вас, если сами
Слух решитесь вы склонить.

Сирены

Прочь всю зависть гнусной злобы!
Все сберем мы, что могло бы
Лишь под небом усладить!
На земле и над водою
Самой милою игрою
Станем гостя веселить!

Мефистофель

Мы эти штуки знаем сами,
Когда и горлом, и струнами
Хитросплетенья заведут!
Мне эти трели лишь баклуши:
Оне царапают лишь уши,
А все до сердца не дойдут.

Сфинкс

Не поминай ты сердца тоже!
Ведь кошелек из дряблой кожи
Тебе приличней, старый плут!

Фауст

(появляясь)

Как странно, все мне эти лики милы!
В чудовищном черты заметны силы;

В душе моей надежды луч возник;
На что наводит этот строгий лик!

(Указывает на сфинксов, потом на сирен, муравьев, грифов.)

Такие вот Эдипа* вопрошали;
Улисса** вот от этаких вязали;
Вот эти клад большой могли собрать;
Его умели эти охранять.
Дохнули мощью на меня все лики,
Велики здесь, и в памяти велики!

Мефистофель

Ты б прежде проклял их во тьму,
Теперь они тебе понятны;
Кто ищет милую, тому
Чудовища — и те приятны.

Фауст

(сфинксам)

Скажите, лики женские, сейчас:
Елены кто не видел ли из вас?

Сфинкс

Ее года ведь нами не дожиты,
Последние Алкидом*** перебиты.
Скорей Хирона**** расспроси ты;
Он скачет тут. Его б тебе поймать,
Тогда бы мог ты все узнать.

Сирены

Есть тебе еще дорога!
Как Улисс к нам прибыл в гости,
Без надменности и злости,
Он рассказывал нам много;
Все тебе откроем сами,
Только ты иди за нами
К морю на берег свободный.

---

* Царь Фив Эдип отгадал загадку, которую всем загадывал Сфинкс. Услышав ответ, Сфинкс в отчаянии бросился вниз со скалы и разбился насмерть.

** *Улисс (Одиссей)* — один из главных героев древнегреческой мифологии, царь Итаки.

*** *Алкид (Геракл)* — один из главных героев древнегреческой мифологии, сын Зевса и Алкмены.

**** *Хирон* — в древнегреческой мифологии мудрый кентавр (получеловек — полуконь), искусный врачеватель.

С ф и н к с

Бойся, рыцарь благородный,
И как Улисс пенькою связан был,
Советом нашим будь ты связан!
Ты поищи, — Хирон тебе указан,
Он скажет все, о чем я говорил.

(Фауст уходит.)

М е ф и с т о ф е л ь
(с неудовольствием)

Что стало крякать, крыльями плескать,
И мчится так, что даже не видать
Да друг за дружкой? Их догнать
Охотник увидал бы виды!

С ф и н к с

Как буря быстры и почти незримы,
Стрелам Алкида только достижимы —
Проносятся над нами стимфалиды*
И шлют нам кряканьем привет.
Совиный нос, гусиный след;
Они хотели б здесь остаться
И старой нам родней считаться.

М е ф и с т о ф е л ь
(как прежде, с неудовольствием)

Тут что-то с ними вновь шипит.

С ф и н к с

Не бойся пасти ты злодейской:
То головы змеи Лернейской**;
Ведь срублены, а чванство в них сидит...
Но что с тобой? Ты сам-то ли в порядке?
Какие странные ухватки!
Куда спешишь ты?.. Уходи!
На хор, что вижу назади,
Ты озираешься. Так что ж,
Ступай, приятных много лиц найдешь:
То девы ламии*** всем хором,
С улыбками, с нахальным взором;

---

* *Стимфалиды* — мифические хищные птицы с железными перьями, которые они разбрасывали, как стрелы.

** *Лернейская змея (или гидра)* — мифическое девятиглавое чудовище, убитое Гераклом.

*** *Ламии* — женщины-вампиры, оборотни.

Таких сатиры любят больно,
У них ноге козлиной вольно.

Мефистофель

Надеюсь, вас, вернувшись, здесь найду я.

Сфинкс

Да. Ты ступай теперь в толпу живую;
Еще в Египте мы привыкли жить
Так, чтобы лет на тысячи царить.
Не трогать нас, когда мы ляжем,
Так мы луны и солнца ход покажем.*

Мы сидим у пирамиды,
Судим свет своим судом,
Наводненья, войн обиды, —
Мы и глазом не моргнем.

Пеней**, окруженный потоками и нимфами.

Пеней

Ты шепни, камыш прибрежный,
Ты вздохни, тростник мой нежный,
Лепечите, листья ивы,
С веткой тополя спесивой,
Чтоб дремал я упоен!
Нечто грозное учуя,
Просыпаюсь, трепещу я,
Тихих струй тревожа сон.

Фауст

(подступая к реке)

Слышу ль я, иль мне сдается,
Что в ветвях тут раздается
И под сенью тростниковой
Человеческое слово;
Струйки — словно спор болтливый,
Воздух — словно вздох шутливый.

Нимфы

(Фаусту)

Ты лучше на отдых
Склонись головою,

---

* Сфинксы символизировали у египтян месяц июль, стоящий под знаком Льва, и август, стоящий под знаком Девы; в июле и августе происходят разливы Нила, по которым у египтян производилось летоисчисление.

** *Пеней* — древнегреческий бог реки Пиньос в Фассалии.

Раскинься в прохладе,
Предайся покою.
Усни, отдохни ты,
Ведь ты утомлен;
Плесканьем, журчаньем
Нашепчем мы сон!

Ф а у с т

Ведь я не сплю! Пусть без смятенья
Встают прелестные виденья,
Куда ни кинет их мой глаз!
Как чудны все мои мечтанья!
То сны или воспоминанья?
Ведь был же ты так счастлив раз!
Тихонько двигаются воды,
Кустов слегка качая входы,
И не шумят, а чуть журчат;
Со всех сторон ручьи живые,
Сливаясь в зеркала сплошные,
Купаться в глубину манят.
Я вижу, молодые жены,
Зеркальной влагою отражены,
Возникли ясно предо мной!
Они купаются красиво,
Плывут, храбрясь, бредут пугливо.
Кричат и плещутся водой.
Мне здесь бы должно оставаться
И ими только любоваться;
Но снова вдаль меня манит.
Мой взор с усильем ищет новым:
За этим лиственным покровом
Высокий лик царицы скрыт.

Странно! Лебеди красиво
Выплывают из залива
В величавой чистоте.
Тихо движется их стая,
Клюв и голову склоняя
В горделивой красоте...
Но один из всех смелее,
Выгибая грудь и шею,
Быстро всех опередил;

Он, распучившись* крылами,
Бороздя струи струями,
К месту тайному подплыл...
Другие плавают, гуляют,
Их перья чистые сверкают,
Но в бой вступивши на волне,
Они и дев всех распугали,
Чтоб не о службе помышляли,
А о спасенье лишь оне.

Нимфы

Сестры, лягте-ка ушком
На зеленый брег реки-то;
Словно слышу за холмом
Топот конского копыта.
Если б знать, кто мог принесть
В эту ночь так скоро весть.

Фауст

Так земля кругом и стонет,
Словно всадник быстро гонит.

Туда мой взор!
Иль с этих пор
Сбывается, что снилось?
О! Чудо совершилось!

Несется всадник рысью, — в нем
Отвага сдержана умом...
Конь белоснежный мчится смело,
Я не ошибся: это он,
Филиры** славный сын, Хирон! —
Стой, стой! Хирон! К тебе есть дело...

Хирон

Ну, что там? Что?

Фауст

Остановись, постой!

Хирон

Я не стою.

Фауст

Возьми меня с собой!

---

* *Распучить* — увеличить в объеме.

** *Филира* — нимфа, родившая Хирона.

Х и р о н

Садись ко мне! Все расспросить могу я.
Куда ты в путь? Тут берег под тобой,
Хоть за реку тебя перенесу я.

Ф а у с т

(садясь на него)

Мне все равно. Спасибо, дорогой!..
Великий муж, достойный педагог,
Что воспитать героев стольких мог,
Круг аргонавтов*, славою одетых,
И всех других поэтами воспетых.

Х и р о н

Оставим это в стороне!
Быть Ментором** в наклад самой Палладе***;
Они потом все чередить вполне
Как невоспитанные ради.

Ф а у с т

Врача, который свойства трав
И всех кореньев их познав,
Способен боль и язвы исцелять,
Душой и телом рад я здесь обнять!

Х и р о н

Где близко ранен был боец,
Я помогал при знанье слабом;
Но это знанье под конец
Попам я передал и бабам.

Ф а у с т

Ты, как вполне великий муж,
Хвалы не терпишь, и к тому ж
Хотел бы ты душе незлобной
Внушить, что есть тебе подобный.

Х и р о н

Ты, кажется мне, ловок — не робеешь,
Народу ты и князю льстить умеешь.

Ф а у с т

Признайся, в жизни-то своей
Ты величайших видывал мужей.

---

* *Арго* — в древнегреческой мифологии участники похода в Колхиду (побережье Черного моря) на корабле «Арго».

** *Ментор* — старый друг Одиссея, его имя часто употребляется как нарицательное, в смысле наставника юношества.

*** Афина Паллада, кроме прочего, была богиней знаний.

Сопровождал ты многих благородных
Полубогов в их подвигах свободных!
Но близкий сам ко всем геройским ликам,
Кого считал ты изо всех великим?

Хирон

Из круга аргонавтов каждый
Геройской был исполнен жаждой,
И силой, что его одушевляла,
Он нужен был, где прочих не хватало.
Так Диоскуров верх брала чета,
Где молодость нужна я красота;
С решимостью почин отважных дел
Был Бореад прекраснейший удел;
В совете мудр, глубок, могуч, смышлен
И женщинам приятен был Ясон;
Затем Орфей и нежный, и смиренный
Превыше всех был лирой вдохновенной;
Линцей* был зорок, — день и ночь искал
Путь кораблю он средь подводных скал.
Союзников напасти не печалят:
Один ведет, а все другие хвалят.

Фауст

О Геркулесе ты ни слова?

Хирон

О! Не смущай меня ты снова!..
Арея, Феба не видал
Я, как и Гермеса, ни разу:
Вдруг тот глазам моим предстал,
Кто был божествен по рассказу!
И был рожденный в царской доле,
Прекрасным юношею он,
У брата старшего в неволе
И у прелестных самых жен.
Второго не родить уж Гее.
И Гебе не назвать своим,
Напрасно лирам петь звончее,
Напрасно камень мы томим!

Фауст

Ваятель трудится напрасно,
Такого не проявит он.

---

* Написание имени персонажа древнегреческих мифов Линцея ныне — Линкей.

Кто муж прекраснейший, мне ясно,
Кто ж всех прекраснее из жен?

Хирон

Что! В женской красоте нет силы,
Холодный часто лик она;
Те существа мне только милы,
В которых жизнь веселия полна,
Краса, сама себе отрада;
Служить прелестному — награда,
Хоть мне, как я Елену нес.

Фауст

Ты нес ее?

Хирон

Да, на спине же.

Фауст

И так сходить с ума пришлось!
И вдруг сижу теперь. И где же?!

Хирон

За волоса мои она,
Как ты, держалась.

Фауст

Как полна
Восторгом грудь! Скажи мне все!
Лечу желаньем ей навстречу!
Куда, откуда, нес ее?

Хирон

На твой вопрос легко отвечу.
Отбили Диоскуры вдруг
Сестричку у разбойников из рук;
В обиде неудачи, те сошлись,
И яростно вослед им погнались.
Бегут борцы с сестрой, — и вот
У Элевзинских им болот
Пришлось вдвоем брести, я вплавь пустился.
Она спрыгнула, потрепала
По мокрой гриве, обласкала,
Благодаря еще притом;
Так молода, мила со стариком!

Фауст

Семи лишь лет!..

Хирон

Ты веришь филологам.
Тебе да и себе дано им лгать во многом.
У женских мифов дар особый есть,
Быть, как поэт их вздумает привесть;
Ни зрелости, ни старости им нет,
Все привлекательный расцвет:
Ребенком похищают, к старой льнут;
Поэты, словом, лет не признают.

Фауст

Витать и ей в безвременных лишь сферах!
Ахилл же мог найти ее на Ферах,
Сам вне времен. Вот счастие-то впрямь!
Любви добиться вопреки судьбам.
Я б что ль не смог, умея так любить,
Высокий лик заставить снова жить,
То существо, что средь богов родилось,
Величьем, негой, прелестью гордилось?
Ее видал ты; нынче видел я
Прекрасную в расцвете бытия!
Теперь мой ум, мой дух окован ею;
И мне не жить, коль ей не овладею!

Хирон

Как человек, ты, странник, лишь влюблен,
Но средь теней ты просто поврежден.
Тебе на счастье, без сомненья,
Я каждый год, лишь на мгновенье
Спешу туда, где Манто обитает*.
Дочь Эскулапа умоляет
Отца, чтоб тот во славу знанья
Дал, наконец, умам врачей сознанье.
Я от убийств их свел на покаянье;
Среди сивилл она мне всех милее,
В приемах мягче всех, и всех добрее;
Побудь у ней, она тебе, быть может,
Кореньями какими и поможет.

---

* Прорицательница Манто обитала в Фивах. Фет писал: «Спокойный Хирон смотрит на Фауста, как на поврежденного умом, которому помочь может разве сама дочь Эскулапа — Манто (предсказательница). Поэтическая вольность Гете называет Манто дочерью Эскулапа, тогда как она дочь прорицателя Тиресия и состоит на службе Аполлона, а не Эскулапа».

Ф а у с т

Что мне лечить? То чувства не больные!
Ведь я бы подлым стал как остальные!

Х и р о н

Целебного ключа не пропусти же
Мы прибыли на место; так сойди же!

Ф а у с т

Куда же ночью, — даже страх берет,
Меня примчал ты по хрящам, да вброд?

Х и р о н

Здесь Рим с Элладой бились, полны гнева,* —
Пеней направо и Олимп налево —
Громадной пасть державе рок судил.
Царь убежал, а гражданин сразил.
Взгляни сюда, увидишь, близко к нам
Стоит при лунном свете вечный храм.

М а н т о

(внутри грезя)

Стучат копыты,
Дрожат священные плиты;
Спешат полубоги в тени.

Х и р о н

Так, так!
Лишь глаза разомкни!

М а н т о

(просыпаясь)

Здорово! Я вижу ты вовремя сам.

Х и р о н

И у тебя все прежний храм!

М а н т о

Ты скачешь как обыкновенно?

Х и р о н

Ведь ты же все живешь смиренно,
Пока я по свету кружу?

М а н т о

Кружится только время, — я сижу.
А этот?

---

* Имеется в виду победа римлян над македонским царем Персеем при Панде (168 г. до н.э.).

Хирон

Страшной ночью он
К тебе как вихрем занесен.
Елену — ум его блуждает, —
Елену он добыть желает,
Да как и где искать — не знает;
Хоть Эскулап его бы исцелил.

Манто

Кто хочет невозможного, — мне мил.
(Хирон уже умчался.)
Войди ко мне, отвагой окрыленный!
Вон темный вход в обитель Персефоны.
Где под Олимпом тайный грот,
Она свиданий, ей запретных, ждет.
Здесь у меня учился сам Орфей;
Воспользуйся ты лучше! Ну! Смелей!
(Они спускаются.)

(Пеней, окруженный, как прежде, потоками и нимфами.)

Сирены

Бросьтесь вглубь пенейских вод!
Станем плавать и плескаться,
Песни петь, чтоб утешаться
Мог несчастный здесь народ.
Без воды спасенья нет!
Стоит нам добраться вскоре
До Эгейского лишь моря,
Чтоб избавиться от бед.
(Землетрясение.)
Пенясь, волны вспять несутся,
По руслу уж вниз не льются.
Грунт дрожит, вода за ним,
Берег треснул, валит дым,
Убежимте все туда!
Это чудо всем беда.

Прочь, веселые подруги,
К морю пышному на юге,
Где волна, дрожа, мелькает,
Плещет в берег, прибывает,
Где луна встает, двойною

Нас кропит святой росою!
Там живое наслажденье,
Здесь беда — землетрясенье!
Уходи, кто поумней!
Место тут, нельзя страшней.

С е й с м о с *

(ворча и стуча в глубине)

С силой раз еще собраться,
Да плечами приподняться!
Только б доверху добраться,
Где ничто не устоит!

С ф и н к с ы

Что за гнусный этот трепет,
Словно грозный чей-то лепет!
Что за дрожь и сотрясенье,
Что за качка, за волненье!
Как досадно, как претит!
Только нас никто не стронет,
Хоть и целый ад застонет.

Вот и свод поднялся с ямой.
Странно. Это тот же самый
Старец с головой седою,
Что растроганный мольбою,
Остров некогда Делос
Из пучин морских вознес.
Все посильно исполину,
Руки вверх, согнувши спину,
Он как Атлас подлегает,
Землю, дерн приподнимает,
Мечет хрящ, песок и глину
На прибрежную равнину;
Разорвал уж на две части
Тут долину он отчасти.
Напряженный весь и с вида
Исполин-кариатида.
С грудой камней он поднялся,
Но в земле по грудь остался.
Дальше видно не полез-то,
Сфинксы заняли там место.

* *Сейсмос* — гнев богов; божество, символизирующее вулканическое начало.

Сейсмос

Один исполнил я все дело,
В том каждая сознается душа:
Когда бы я не сотрясал так смело,
Была ли бы земля так хороша?
Ну, как могли бы ваши горы
Небес касаться голубых
И восхищать немые взоры,
Когда б не выдвинул я их?
Из ночи хаоса воспрянув,
Тогда я силы напрягал,
И тут в сообществе титанов
Олимп и Оссу я как мяч швырял.
И юностью пылая своевольной,
Мы увлеклись движеньем кутерьмы,
Пока Парнас, как шапкой двуугольной,
Двумя горами не прикрыли мы...
Там с хором муз, владеющих сердцами,
Приют находит Аполлон,
И самому Юпитеру с громами
Я высоко приподнял трон.
Вот снова силы напрягая,
Из бездны поднимаюсь вновь,
И к новой жизни призываю
Веселых, будущих жильцов.

Сфинксы

Вековечным можно б счесть
Все, что здесь из недр явилось,
Если б из земли, как есть,
Не при нас оно ломилось.
Расходится все вдаль лесная мгла,
Еще скалу идет теснить скала,
Но Сфинксу нет до этого и дела:
Сидим на месте мы священном смело. *

Грифы

Золотые нити блещут
И в расселинах трепещут;

* Сейсмос утверждает, будто участвовал в создании гор. Но сфинксы отрицают вулканическое происхождение гор, полагая, что они образовались постепенно, в течение долгих веков. Им, сфинксам, не пришлось даже сдвинуться с места.

Клада вы не прозевайте —
Муравьи, живей, копайте!

Хор муравьев

Как те тревожные
Все выдвигали,
Вы б, мелконожные,
Следом бежали!
Скрытой дорожкою
В щель углубляться!
Тут каждой крошкою
Стоит заняться;
Не ошибайтеся
В мелком кусочке,
В каждом являйтеся
Вы уголочке.
Чтоб, где расколото,
Все было взято;
Мчите к нам золото;
Что нам гора-то!

Грифы

Стаскайте золото бугром!
Его под когти мы возьмем;
Засовов этих нет прочней,
Под ними каждый клад целей.

Пигмеи*

Тут на месте мы покуда,
Как случилось, не поймем;
Ты не спрашивай откуда,
Благо все мы здесь лицом.
Жизнь повсюду приютилась,
Что ни место, то приют;
Чуть расщелина явилась,
Глядь, и карлик тут как тут.
Карлик с карлицей — так мило,
Пары знают роль свою;
Я не знаю, так ли было
Это все уже в раю.
Здесь на труд роптать не буду,

* Племенам пигмеев, горным духам, согласно древнегреческой мифологии, были подвластны все подземные духи и муравьи. Как и Сейсмос, пигмеи символизируют вулканическое начало.

Станем жить судьбу хваля;
Что восток, что запад — всюду
Век рождает мать земля.

Дактили*

Ежели в ночь она
Малых родить могла,
Так и мельчайших знать
Сыщет — другим под стать.

Старший пигмей

Шибче бегите!
Место займите!
Дело нам мило!
В скорости сила!
Мир хоть наружный,
Кузницы нужны.
Куйте, ребята,
Войску вы латы.
Эй, муравьи, вы!
Вы суетливы,
Мчите руды вы!
Вон и дактили.
Вы б натащили
Нашему люду
Дров отовсюду!
Сами нажгли бы
Вы, как смогли бы,
Угольев груду!

Генералиссимус

С луком, стрелами
Выйдите сами;
К пруду ступайте,
Цапель стреляйте,
Всех, что там кружатся,
В гнездах так пружатся**,
Всех их зараз!
Всех перебьем мы,
И уберем мы
Шлемы сейчас!

---

* *Дактили* — в древнегреческой мифологии демонические существа-лилипуты, обитающие на Крите на горе Ида.

** *Пружить (устар.)* — натягивать, гнуть упругое.

Муравьи и дактили

Мы вот готовы,
В железе рыться,
А те оковы куют.
Не время
Свергать нам бремя:
К чему ж кичиться!

Ивиковы журавли*

Крик, предсмертные усилья!
Бьются судорожно крылья!
Что за стоны, что за гам
В высоту доходит к нам!
Все они уж перебиты,
Волны кровью их залиты;
Эти гнусные творенья
Сняли с цапель украшенья.
Их на шлемы, как хотели,
Брюханы наткнуть успели!
Вы соратники, что в сборе
Мчитесь цепью через море,
Вас зовем, — вступитесь смело
Вы за родственное дело:
Нашу кровь не пощадим!
И навек враги мы им!

(С крехтом **разлетаются в небе.)

Мефистофель
(на равнине)

На севере пугну я ведьм бывало,
А здесь у духов прыть моя пропала.
Ведь Блоксберг наш отличнейший приют;
Куда ни стань — знакомый тут как тут.

---

* *Ивиковы журавли* — свидетели смерти поэта Ивика, убитого разбойниками на пути к Истмийским играм, указавшие виновников злодеяния. Журавли в древнегреческой и немецкой средневековой мифологии находятся в непримиримой борьбе с пигмеями, дактилями и прочими демоническими лилипутами. Гете трактует эту борьбу как противопоставление «вулканической теории» (объяснявшей происхождение рельефа Земли как результат воздействия жидкого пламени ее сердцевины на ее твердую оболочку) и «нептунической теории» (объяснявшей строение Земли как результат сложного процесса превращения влаги в плотное вещество). Обе эти теории — антинаучны.

** *Крехт* — хриплый крик.

Все Ильза* та ж на камне, на своем;
И Гейнриха на высоте найдем;
Хоть храпунам сопеть на Эленд след,
Да тысячи все так ведется лет.
А как узнать, где тут ступить ногой,
Не дуется ль земля-то под тобой?
Долиной весело иду,
А обернусь назад, — уже в виду
Встает гора, — не стоит звать горою,
А сфинксов-то моих она со мною
Уж разлучила. Тут еще мелькают
Огни кругом, внушая страх невольно...
Еще несется, пляской теша взор,
Плутовок ласково манящий хор.
Потише к ним: не диво соблазниться.
Где б ни было, все хочется разжиться.

Л а м и и**
(увлекая Мефистофеля)

Улыбки, чары —
И прочь обратно!
Затем постойте,
Болтайте, пойте!
Ах, как приятно,
Что грешник старый
Спешит за нами!
За грех свой тяжкий,
С большой натяжкой,
Ногой костлявой
Стучит лукавый.
Он хром, смешон,
Куда мы с вами,
Туда и он.

М е ф и с т о ф е л ь
(останавливаясь)

Проклятье! Мало ль нас трепали,
С Адама мало ль надували?
Стал стар, а стал ли ты умен?
Иль мало был ты проведен?
Такой народ, и все одной цены;

---

* Утес Ильзы на Брокене, возле деревни Эленд.

** *Ламии* — демоны, принимающие облик прекрасных женщин.

Затянуты, в лице набелены,
Здорового в них не найдешь нисколько,
Где ни схвати, все дрябло да и только.
Ведь знаешь, видишь, что плохие шутки,
А пляшешь все по их шельмовской дудке!

Л а м и и
(останавливаясь)

Стой! Он задумался, он стал.
Беги к нему, чтоб он не убежал.

М е ф и с т о ф е л ь
(наступая)

Куда ни шло; к чему сначала
Себя раздумием томить,
И если б ведьм совсем не стало,
Кой черт хотел бы чертом быть!

Л а м и и
(грациозно)

Подойдемте же к герою!
В сердце страстном, без сомненья
Он пленится хоть одною.

М е ф и с т о ф е л ь

Эти сумерки обидны,
Но при них вы миловидны,
Привлекательны собою.

Э м п у з а *
(проталкиваясь)

И меня вы пропустите,
В свой кружок меня примите!

Л а м и и

Вот эта нам не по нутру;
Всегда испортит нам игру.

Э м п у з а
(Мефистофелю)

С ногой ослиною Эмпуза
Желает твоего союза!
С одной ты конскою ногой,
Прими же мой привет родной.

---

* *Эмпуза (Эмпуса)* — в древнегреческой мифологии женщина-демон с ослиной единственной ногой, высасывающая по ночам кровь у спящего человека.

Мефистофель

Я думал — здесь мне все чужие,
А к сожаленью все родные;
Тут старые читаешь святцы —
От Гарца до Эллады братцы!

Эмпуза

Способна быстро я решиться,
Во что угодно превратиться.
Но в честь тебе я предпочла
Головку тут надеть осла.

Мефистофель

Здесь люди, надобно признаться,
Родством умеют сосчитаться;
Но не могу, хоть что случится,
С ослиной головой мириться.

Ламии

Оставь ты гадкую! Она
Гнать всюду прелесть создана;
Что нежно, что милей всего,
Она пришла — и нет его.

Мефистофель

И этих кумушек прелестных
Я не могу считать за честных;
Хотя у них на щечках розы, —
А там, боюсь, метаморфозы.

Ламии

Решись! Прими в игре участье;
Нас много, выбери на счастье,
И лучший жребий будет твой!
Песнь про любовь давно избита!
Ты самый жалкий волокита,
Гордишься попусту собой!..
Он к нам идет искать развязки;
Снимайте понемногу маски
И вид откройте ваш прямой!

Мефистофель

Вот выбрал, чудо ведь какая...
(Обнимает ее.)
Увы! Что за метла сухая!
(Хватает другую.)
А эта? Поглядеть, так срам!

Л а м и и

Не стоишь лучшей, знаешь сам!

М е ф и с т о ф е л ь

Поменьше видно взять придется...
Она как ящерица вьется,
Коса как змей — вот какова!
Вот к этой длинной подступаю...
Но палку тирса я хватаю,
Сосновой шишкой голова.
Ну, что за притча? Может статься
За эту толстую мне браться?
Остался выбор невелик!
Вид самый вздутый, самый сочный,
Подобных ценит люд восточный...
Увы! — Уж лопнул дождевик!

Л а м и и

Рассейтесь, вейтесь и летайте:
В полете черном вкруг мелькайте
Над сыном ведьмы, здесь чужим!
В кругах неверных и зыбучих,
Мы на крылах мышей летучих,
Злу хоть страхом отомстим.

М е ф и с т о ф е л ь

(отряхаясь)

Умней ли стал я? Что-то не похоже.
Нелепо здесь, нелеп и север тоже,
Упырь и здесь, и там урод,
Поэты пошлы и народ!
И здесь, как всюду, в маскарад
Запрятать чувственность хотят.
Искал пристать я к маскам плотно,
И ужасы встречать мне приходилось;
Я б надувал себя охотно
Когда б оно побольше длилось.

(Блуждая между камнями.)

Где я? Каким идти путем?
Была тропинка, — стал разгром.
Сюда я шел, все гладко было,
Теперь каменьев навалило;
Пошел я вверх да вниз шагать.
Где б сфинксов мне своих сыскать?

Представить было бы невмочь,
Чтоб столько гор явилось в ночь!
У ведьм знать праздник неплохой,
И Блоксберг принесли с собой.

Ореада*
(с натуральной скалы)

Сюда! Гора моя хранит
Еще первоначальный вид.
Крутые уважай дороги —
То Пинда древние отроги,
Утес мой также все стоял,
Как через нас Помпей бежал.**
А призраки исчезнут вновь
При первом пенье петухов.
Подобных сказок много было тут.
Появятся и пропадут.

Мефистофель

Хвала! Почтенное чело!
Как месяц ни гори светло,
Твоих дубов густую ночь
Его лучам не превозмочь.
Но вижу, около кустов
Какой-то свет затлился*** вновь.
Ведь нужно ж случаю навесть****:
Никак Гомункул то и есть! —
Откуда ты теперь, малютка?

Гомункул

Я все ношусь, и всё мне жутко,
Все хочется возникнуть мне вполне,
Свое стекло разбить я порываюсь,
Но в то, что виделося мне,
Вступить никак я не решаюсь.
И только, уж тебе признаюсь,
Двух мудрецов был встретить рад.
«Природа да природа», — все твердят.
Расстаться с ними не могу я,

---

* *Ореады* — нимфы гор.

** Имеется в виду бегство Помпея, разбитого Цезарем в сражении при Фарсале 9 августа 48 г. до н.э.

*** Разгорелся.

**** Направить.

Они уж верно знают жизнь земную.
От них узнаю без сомненья,
Какого мне держаться направленья.

Мефистофель

Сам избирай ты что-нибудь.
Где приведенья заведутся,
Сейчас философы найдутся;
И чтоб искусство не пропало их,
Плодят они нам дюжину других.
Не поблуждав, о правде не мечтай;
Возникнуть хочешь, сам уж возникай!

Гомункул

Нельзя чужим пренебрегать советом.

Мефистофель

Ступай! Увидим, много ль толку в этом.

(Расходятся.)

Анаксагор
*(Фалесу)**

Твой ум упорный уступить не может,
Какой же новый довод тут поможет?

Фалес

Всем ветрам рада уступить волна;
Но от скалы назад бежит она.

Анаксагор

Вот та скала огня произведенье.

Фалес

Во влаге лишь — живого зарожденье.

Гомункул
(между ними)

Позвольте с вами и мне пойти!
Я жажду сам произойти.

Анаксагор

Сумел ли б в ночь одну, Фалес, ты сам
Создать из илу эту гору нам?

---

* *Анаксагор* и *Фалес* — древнегреческие философы и математики. Первый из них выступает в качестве родоначальника вулканизма, второй — представителем нептунизма на основании того, что всякое семя влажно, равно как влажны и все питающие землю соки. В своих геологических воззрениях Гете больше склонялся к нептунизму.

Ф а л е с

Нигде природы вечное теченье
Не знало дней, ночей, часов стесненья;
Она творит обычным чередом,
Насилия чуждаясь и в большом.

А н а к с а г о р

Оно здесь было. Силою могучей
Огонь Плутона и Эол кипучий,
Прорвав земли остывшие равнины,
Извергли эту гору из пучины.

Ф а л е с

Из этого что ж можно заключить?
Она вот тут, — ей, значит, нужно быть.
Мы только тратим время в этом споре
И водим лишь доверчивых на своре.

А н а к с а г о р

Чтоб жить в расселинах — на склоны
Сейчас полезли мирмидоны.
Пигмеи, муравьи, дактили
Уж гору всю заполонили.
(Гомункулу.)
Ведь ты не гнался за большим,
А жил отшельником прямым;
Коль рад принять ты власть земную,
Тебя царем тут короную.

Г о м у н к у л

Фалес, что скажет?

Ф а л е с

Нет, нельзя решиться.
От малых только малых дел добиться.
Велик и малый при большом.
Ты видишь журавлей там тучу,
Весь мелкий люд уж сбился в кучу.
Вот то же было б и царю;
Они носами и когтями
Накинутся на карлов сами;
Беда подходит, я смотрю;
Злодейство цапель перебило,
Когда приют их обступило;
Но стрел убийственных метанье
За кровь приносит воздаянье.

И вот родня несется вновь,
Пролить пигмеев злую кровь.
К чему копье, и шлем, и щит,
И перьев цапель украшенье?
Дактили ищут уж спасенья!
Их войско дрогнуло — бежит.

Анаксагор
(помолчав, торжественно)

Я целый век подземных восхваляю,
Теперь мольбу я кверху обращаю...
Ты, в вышине век неизменная,
Трехлично — трехименная,
Молю тебя, так тяжела утрата, —
Луна, Диана и Геката!
Ты грудь целящая, умом горящая,
Все тихо зрящая и власть таящая,
Раскрой своих теней ужасный зев,
И прояви без чар могучий гнев!

(Пауза.)

Иль внят мой стон?
Ужель мой вздох
На небе мог
Природы изменить закон?

Растет, и, блеском окружен,
Богини к нам нисходит трон.
Мой взор от страха цепенеет,
Огонь чем ближе, все краснеет...
Не приближайся нам на горе,
Погубишь нас и землю ты, и море!
Знать удалось же фессалийским девам
Совлечь магическим напевом
Тебя с путей твоих эфирных,
И бедствий испросить всемирных?
Вот ясный щит уж омрачился!
Вот молнией он, треснув, разразился!
Вот зашипело! Закипело!
И гром, и буря зашумела!
Здесь я у ног твоих смирился —
Прости! Ведь сам я напросился.

(Повергается ниц.)

Ф а л е с

Чего ему тут видеть ни пришлось!
Уж не пойму, как это так сбылось;
Я ничего не чувствовал такого.
Ведь это просто бред больного,
И тихо движется луна;
На месте все своем она.

Г о м у н к у л

Вон у пигмеев-то гора
Была кругла, теперь остра.
Тут сотрясенье ощутилось;
Скала к нам с месяца свалилась,
Она их всех и не спросила,
Друг или недруг, — раздавила!
Хвалю искусство я без лести,
Что творчески, в ночи одной,
И снизу, да и сверху вместе
Постройку вывело горой.

Ф а л е с

Не бойсь! То призрак лишь пустой.
На эту дрянь рукой махнем!
Будь рад, что не был ты царем.
К морскому празднику скорее!
Там чтут гостей, что почуднее.

(Удаляются.)

М е ф и с т о ф е л ь

(лезет на противоположной стороне)

Вот тут — по плитам каменным таскайся,
Да по корням дубовым спотыкайся!
На Гарце отдает смолой,
А это уж любимый запах мой;
Равно как серный... Здесь же эти греки
Подобного не нюхали вовеки.
Желал бы я разведать несомненно,
Чем топят ад они обыкновенно.

Д р и а д а *

Как ты ни будь в стране своей умен,
Не будешь ты к чужой приспособлен.

---

* *Дриады* — в древнегреческой мифологии лесные нимфы, покровительницы деревьев.

Ты б не искал предметов отдаленных,
А здесь хвалил красу дубов священных!

Мефистофель

Покинутый всегда на мыслях край:
К чему привыкли, кажется нам рай.
Но расскажи: в пещере мрачной там
Какое жмется тройственное тело?

Дриада

То форкиады*. Подойди-ка сам
И их спроси, коль сердце не сробело.

Мефистофель

Что ж? Я смотрю, но понимаю плохо;
Как я ни горд, но сознаюсь вполне,
Подобного не попадалось мне.
Оне ведь злей чертополоха!..
Грехи, как ни были б ужасны,
Покажутся вполне прекрасны
Пред этим пугалом тройным!
Таким мы воспретили б строго
Стоять у адского порога,
А этих здесь, в стране красот
Антиком всякий назовет...
Зашевелились, — видно, услыхали;
Нетопыри-вампиры засвистали.

Форкиады

Глаз дайте сестры мне — узнать,
Кто смеет к храму подступать.

Мефистофель

Почтенные! Дозвольте мне в смиренье
Троякое принять благословенье.
Я прихожу не пришлецом печальным,
А, кажется мне, родственником дальним.
Уж у богов я стародавних был,
И Опс, и Рею я уже почтил;
Увидеть парок, сестр вам от Хаоса,
Вчера мне иль позавчера пришлося;
Но вам подобных я нигде не знаю,
Затем молчу, в восторге утопаю.

---

* *Форкиады* — в древнегреческой мифологии три дочери Форкия и Кето (имели один глаз и один зуб на троих), сестры горгон и гесперид.

Форкиады

Он, кажется, разумен, этот дух.

Мефистофель

Как вас поэты не воспели вслух?
Как то сбылось средь дел обыкновенных?
Я в статуях вас не встречал почтенных.
Резцу б над вами потрудиться надо. —
Что Гера нам, Венера и Паллада!

Форкиады

Сокрытые в безмолвии ночном,
Об этом мы не думали втроем!

Мефистофель

Где ж было вам: покинули вы свет,
Ни вам к нему, ни к вам и ходу нет.
Вы б лучше в те места переселились,
Где с роскошью искусства воцарились;
Где каждый день, ускоря шаг двойной.
Из мрамора спешит предстать горой.
Где...

Форкиады

Замолчи, не накликай печали!
Что пользы, если б мы что лучше знали?
Родясь в ночи, почти себя самих
Не знаем мы, — безвестны для других.

Мефистофель

Тут бедствие еще не так сурово;
Перенести себя лишь на другого.
Вам трем дан зуб один, один и глаз.
Мифологическим путем сейчас,
В две сущности все три вы вставьте,
А третий образ мне вы предоставьте —
На время.

Одна

Как вы судите о том?

Другая

Что ж! — Только глаз и зуб себе возьмем.

Мефистофель

Вы самое-то лучшее отняли,
И верен выйдет образ тут едва ли!

Одна

Один ты глаз зажмурь, послушай нас.
А зуб глазной ты выставь напоказ,

Так профилем ты можешь постараться
Одноутробным нашим показаться.

Мефистофель

Премного чести, —
Пусть!

Форкиады

Пусть!

Мефистофель

(как форкиада в профиль)

Не сплошал!
Любимым сыном Хаоса я стал!

Форкиады

Гордимся Хаосом, отцом мы знаменитым.

Мефистофель

Ох! Забранят теперь меня Гермафродитом*.

Форкиады

Вот новых три сестры украсились сугубо!
У нас теперь два глаза и два зуба.

Мефистофель

От глаз я всех укроюсь в беге спешном,
Пугать чертей в аду кромешном.

(Уходит.)

Скалистый залив Эгейского моря

Луна в зените.**

Сирены

(кругом на скалах, играя на флейтах и распевая)

Если слушаясь злодеек,
Фессалийских чародеек,

---

* *Гермафродит* — согласно древнегреческой мифологии, прекрасный юноша, двуполый, слитый в единый организм с влюбленной в него нимфой.

** Фет писал: «Эгейское море. Гомункул достигает полного развития слиянием с высшей красотой. Гете воспользовался случаем провести греческое искусство по всем ступеням развития. Веселый праздник морской представляет яркую противоположность с разными сценами: с выдвигания гор и падения громадных аэролитов».

Древле ты с высот сходила,
Ныне б ты, небес светило,
На дрожанье волн почило,
Озаряя негой тайной
Этот сбор необычайный,
Что кругом из волн встает!
Умоляем униженно:
Будь, луна, к нам благосклонна!

Нереиды и тритоны
(как морские чудовища)

Пойте громче на просторе,
Чтоб во все звучало море,
Весь морской скликайте люд!
Злобной бури мы боялись,
Вглубь затишья погружались,
Ныне песни нас зовут.
Как мы рады, в самом деле,
Золотых цепей надели,
И корон в цветных каменьях,
И запястий в украшеньях!
Все они от вас пришли!
Взяты бездной эти дива,
Их вы, демоны залива,
Вашим пеньем привлекли.

Сирены

Знаем, рыбам жить привольно,
Их уносит своевольно
Тела гладкого изгиб;
Но вот вас-то мы скликаем,
Нынче мы узнать желаем,
Что значительней вы рыб.

Нереиды и тритоны

Мы еще не выплывали,
Уж об этом помышляли.
Сестры, братья помогли б!
Не в далекий путь сберемся,
Но докажем, как вернемся,
Что значительней мы рыб.
(Удаляются.)

Сирены

Мгновенно убрались!
В Самофракию понеслись;

Им ветры в пути помогают.
Какие в них будят стремленья
Высоких кабиров* владенья?
То боги, живущие странно;
Себя хоть они создают непрестанно,
Но кто они, сами не знают.

Стой недвижна и ясна,
Милосердая луна,
Пусть в ночи все море тонет,
День придет и нас прогонит!

Ф а л е с
(на берегу — Гомункулу)

Пойдем искать Нерея** старика;
Хотя его пещера тут близка,
Но не поладишь с ним никак,
Такой упрямый он кисляк!
Весь род людской никак по нем
Не может поступить ни в чем.
Но знает будущее он;
За это всеми он почтен.
И все пред ним благоговеют.
Ему не раз и помогать пришлось.

Г о м у н к у л

Так постучимся мы! Авось,
Стекло и пламя уцелеют.

Н е р е й

Не речь ли то людская пронеслась?
На сердце злоба разом поднялась!
Достичь богов все хочется тщеславным,
А суждено себе остаться равным.
Чем в божеском покое пребывать,
Хотел всегда я лучшим помогать;
А поглядишь потом на дело это,
Так все равно, что не давал совета.

Ф а л е с

Всем, старец моря, в силах ты помочь.
Ты мудр, и нас не прогоняй ты прочь!
Вот это пламя в образе людском
Твоим речам последует во всем.

---

* *Кабиры* — древние божества древнегреческой и более ранней мифологии.

** *Нерей* — в древнегреческой мифологии бог моря, справедливый старец.

Нерей

Что речь! От ней кто людям видел толку?
Речь мудреца в упрямом ухе мрет.
Хоть плачутся на дело без умолку,
А всяк, глядишь, по-прежнему живет.
Я, как отец, Париса увещал,
Пока чужой жены он не смущал.
Ему, как шел он к грекам с корабля,
Я предсказал, что в духе видел я:
На воздухе горой багровый дым,
И балок пыл, и бой, и смерть под ним.
День судный Трои уловлен в стихах,
Столетиям на память и на страх.
Но речи старца счел игрушкой он;
Он страсти внял — и рухнул Илион.
Гигантский труп, покинут, наг и сир;
Орлам, слетевшим с Пинда, сладкий пир.
Я ль и Улиссу то ж не предсказал
Сетей Цирцеи и Циклопа скал?
И мешканье его, и произвол
Товарищей, — ну что ж он приобрел?
Пока волной качаем, поздно он
На мирный берег не был занесен.*

Фалес

Поступки эти мудрому претят;
Но добрый снова попытаться рад,
Признательности фунт ему, как чудо,
Неблагодарности важнее пуда.
Не с пустяком решились мы придти:
Желает мальчик вот произойти.

Нерей

Не отравляй отрадных мне часов!
Сегодня ждать я не того готов:
Всех дочерей я ожидаю вскоре,
Я звал дорид, прелестных граций моря.
Ни на Олимпе, ни у вас, людей,
Нет образов в движениях милей;
Гордясь, несут их средь морского лона
То чудовища, то кони Посейдона;

* Перечисленные приключения Улисса (Одиссея) изложены в поэме Гомера «Одиссея».

С стихией нежно так слились оне,
Что держит их и пена на волне.
На раковине яркой всех милее
Венерой здесь предстанет Галатея.
Она, когда Киприда удалилась,
Сама богиней Пафоса явилась,
И у нее, чтоб власть ее возвесть,
Престольный город с колесницей есть.
Прочь! Неприлично в час отцу любезный
Смущаться в сердце бранью бесполезной.
Ступайте вы к Протею, чтоб спросить,
Как превращаться и происходить.

(Удаляется к морю.)

Фалес

Тут не нашли мы толку никакого;
Сыщи Протея*, он исчезнет снова,
А хоть предстанет, будет говорить,
Что всякого способно с толку сбить.
Но ведь тебе совет необходим;
Попробуем, пойдем путем своим!

(Удаляются.)

Сирены

(наверху скал)

Что это перед нами
Несется над волнами?
Как, весело играя,
Ветрил белеет стая,
Так ясно на просторе
Сияют жены моря.
Сойти со скал придется,
Их пенье раздается.

Нереиды и тритоны

Что мы несем руками,
Похвалите вы сами.
В щит ясный, черепаший,
Глядится сонм их страшный.
Богов мы вам приносим;
Высоких песен просим!

* *Протей* — морское божество, способное произвольно менять свой внешний вид.

Сирены

Малые лики,
Силой велики,
Кормчих спасители главные!
Боги древнейшие, славные.

Нереиды и тритоны

Мы плавали к кабирам,
Чтоб праздновать нам с миром;
Где им почет устроен.
Там и Нептун спокоен.

Сирены

Всех вы нас превзошли;
Шли ко дну корабли,
Только мощью своей
Вы спасали людей.

Нереиды и тритоны

Трех удалось нам принести,
Четвертый не хотел идти;
Себя он главным называет,
Один за всех он рассуждает.

Сирены

Бог про другого бога
И на смех скажет много.
Всех милосердых чтите,
Коль целы быть хотите.

Нереиды и тритоны

Ведь семь их оказалось.

Сирены

А что ж с тремя-то сталось?

Нереиды и тритоны

Ответить мы не в силе,
Олимп бы вы спросили;
Осьмого б там сыскали,
Какого и не ждали!
Все милостивы с нами,
Да не готовы сами.

Эти несравненные
Все вперед стремятся,
Им голодным снятся
Тайны сокровенные.

Сирены

Всем богам по старине
Служим мы одне,
Хоть солнцу, хоть луне;
И выгодно вполне.

Нереиды и тритоны

За этот праздник превознесть
Должны нас лиры!

Сирены

Герои даже старины
Всю славу уступить должны,
А хоть кого и превознесть,
У них руно златое есть,
У вас — кабиры!

Общим хором

У них руно златое есть,
У нас? У вас? Карибы!

(Нереиды и тритоны плывут мимо.)

Гомункул

По мне, уроды пришлецы,
Горшки напоминают;
На них наткнулись мудрецы
И головы ломают.

Фалес

Да в этом-то их цель одна!
Монета ржавчиной ценна.

Протей

(незаметно)

Чудак старик, я полон восхищенья:
Что чем странней, тем более почтенья.

Фалес

Где ты, Протей?

Протей

(чревовещает то вблизи, то издали)

Вот здесь! — И здесь!

Фалес

Ты в шутках век проводишь весь,
Но другу-то скажи по правде слово,
Ты с места говоришь другого.

Протей

(будто издали)

Прощай!

Ф а л е с
(тихонько Гомункулу)
Он здесь вблизи. Свети сильней!
Ведь любопытный раб Протей;
В каком бы виде ни был он,
Огнем он всюду привлечен.

Г о м у н к у л
Начну светить жестоко, но умело,
Лишь исподволь, чтоб склянка уцелела.

П р о т е й
(в образе исполинской черепахи)
Что так прелестно светит там?

Ф а л е с
(прикрывая Гомункула)
Желаешь видеть, так приблизься сам.
Не тяготись уже трудом немногим,
И человеком ты предстань двуногим.
Мы слышать просьбу от того желаем,
Кто хочет видеть то, что мы скрываем.

П р о т е й
(в благородном образе)
Лукавством мудрым ты еще богат.

Ф а л е с
Ты образы менять все также рад.
(Открывает Гомункула.)

П р о т е й
(удивленно)
Светящий карлик! В мире не найти!

Ф а л е с
Спросить он хочет, как произойти.
Вопросов мне он объяснил причину,
На свет родился он лишь вполовину.
Духовных сил дано ему несметно,
Но дельности наглядной незаметно.
До сей поры стеклом лишь весок* он,
И ждет теперь, что будет воплощен.

П р о т е й
Тебя девичьим сыном счесть:
Ты до поры уж тут как есть.

---

* *Весок* — имеет вес.

Ф а л е с

Еще вопрос является немалый:
Ведь он гермафродит, пожалуй.

П р о т е й

Тут ждать удачи можно смело;
Чем он ни стань, все выйдет в дело.
Здесь думой нечего смущаться:
В широком море должен ты зачаться.
Там с малого придется начинать,
Глотать мельчайших, чувствуя блаженство;
И понемногу станешь подрастать,
Чтоб высшего достигнуть совершенства.

Г о м у н к у л

Как нежно дышит воздух тут,
Как будто травы испаренья шлют!

П р о т е й

Ты не ошибся, мальчик милый!
А дальше будешь счастья полн.
На этом мысе с новой силой
К тебе польется запах волн.
Они несутся средь зыбей,
Там впереди их сонм видней.
Пойдем туда!

Ф а л е с

И я готов.

Г о м у н к у л

Трояко важный шаг духов!

Тельхины* родосские на морских конях и драконах, держа трезубец Нептуна

Х о р

Трезубец Нептуна сковали мы сами,
И им-то он бойкими правит волнами:

---

* *Тельхины* — вулканические божества морской глубины. Фет писал: «Тельхины родосские представляют последнюю ступень человеческого развития, которому недостает только идеальности. Они древнейшие обитатели Родоса, дети Талассы (моря,) и славились своим колдовством и умением обрабатывать металлы и лить статуи, из коих многие известны были как произведения. Нептун снабдил их на этот раз своим трезубцем, чтобы укрощать волны моря. Тельхины приветствуют светлую Диану во имя брата ее Аполлона, которого они на Родосе чтут непрестанными песнопениями (пеанами) и множеством статуй, от малых до исполинского колосса, служащего маяком, освещающим остров после захождения солнца».

Как шлет громовержец округлые тучи,
Ему и Нептун отвечает кипучий.
И как ни сверкает там сверху порой,
И снизу забрызжет волна за волной;
А что между ними борьбою томится,
Побьется с пучиной, и ей поглотится.
Сегодня свой скипетр он передал нам,
Вот нам и легко по спокойным волнам.

Сирены

Гелиосу посвященным,
Днем веселым освященным,
Вам приветствия полны
Мы в священный час луны!

Тельхины

Богиня прелестная свода ночного,
Как чествуют брата, ты слушать готова,
К Родосу блаженному слух твой склонен;
Там вечным пеаном* почтен Аполлон.
Он день зачинает; но день лишь погас,
Взирает он огненным взором на нас.
И город, и горы, и берег, и волны
Отрадным для бога сиянием полны.
Туман хоть и встанет, но бог так лучист,
Дохнет и проглянет, и остров весь чист!
Там сотнями лики сходны с властелином,
То юношей там он, то вдруг исполином.
Мы первые стали богов благодать
В красе человеческих тел выставлять.

Протей

Пусть величаются хвастливо!
Взирает солнце горделиво
На все, что мертвым создалось.
Расплавясь медь по формам льется,
А отольют, — уж им сдается,
Что все их дело удалось.
Где к этой гордости основа?
Кумиров высилось чело,
Землетрясенье их снесло,
Уж переплавили их снова!
Земной порядок, как ни глянь,

* *Пеан* — хоровая песнь в честь Аполлона.

Одно мучение и дрянь.
В волне ход жизни безупречной!
Тебя помчит по влаге вечной
Протей-дельфин.

(Превращается.)

Сейчас помчу!
Удачу там найдешь прямую,
Тебя лишь на спину возьму я
И с океаном обручу.

Фалес

Проникнись рвением похвальным
Твореньем стать первоначальным
И сам будь деятелен тож!*
Тут, подвигаясь в вечных нормах
И в тысячах побывши формах,
До человека ты дойдешь.

(Гомункул вступает на Протея-дельфина.)

Протей

Вступи как дух во влагу моря!
Там вширь и вдаль ты можешь вскоре
Простор движению найти.
Не рвись на степени ты выше;
Иди ты к человеку тише;
Дошел, — остался без пути!

Фалес

Ну, как сказать, — кажись, в свой век
Весьма хорош достойный человек.

Протей

(Фалесу)

Да, коль тебе подобных взять!
На время может их хватать;
Где бледные витают духи эти,
Тебя я вижу много уж столетий.

Сирены

(на скалах)

Что за тучки окружают
В чистом небе лунный лик?
Это голуби мелькают

---

* Фалес советует Гомункулу , стремящемуся войти в сонм органических веществ, обручиться сначала с праматерией — водной стихией, из которой, по мнению философа, возникло все живое.

Белоснежны крылья их.
Прилетела к нам с Пафоса
Этих милых птиц семья,
Все на праздник принеслося
К нам на радость бытия.

Нерей
(подступая к Фалесу)

Путник скажет в час полночный —
Это лунное явленье;
Но мы, духи, знаем точно,
И совсем другого мненья.
Дочь мою сопровождают
Эти преданные птицы,
Их летать у колесницы
Уж издревле обучают.

Фалес

Я и сам согласен в этом;
Мудрый благом признает,
Если в гнездышке нагретом
Жизнь святыню соблюдет.

Псиллы и марсы*
(на морских быках, телятах и баранах)

В пещерах Кипра скрытных,
Куда Нептун не рвется,
Где Сейсмос не трясется,
Во мраках первобытных,
Издревле и поныне
Мы в мире и в святыне
Блюдем колесницу богини.
Теперь при ночном дуновенье,
По чудным узорам волненья,
От нового скрыв поколенья,
Вывозим прелестную дочь.
И вот мы теперь суетимся,
Ни льва, ни орла не боимся,

* *Псиллы* и *марсы* — заклинатели змей, мифические обитатели Ливии и Нижней Италии. Фет писал: «Псиллы и марсы — представители волшебной силы чувства прекрасного, глубоко таящейся в душе человека. Марсы — итальянский народ заклинателей змей. По Плинию, псиллы — африканский народ таких же заклинателей змей, исцелявший укушения змей высасыванием. Гете, перенося их на остров Кипр, делает их таинственными хранителями колесницы Афродиты, вместо которой они теперь вывозят прелестную дочь Нерея».

Не страшны луна нам и крест,
Что гордо сияют окрест.*
Пускай их дерутся как знают,
Друг друга пускай убивают,
И все города разрушают,
А мы все заветным путем
С прелестной царицей идем.

Сирены

Так легко, неторопливо,
Колесницу окружив,
Соплетается красиво
Змеевидный ваш извив.
Приближайтесь, Нереиды,
Жены мощные красой,
Мчите нежные дориды
К Галатее лик родной.
Как гордынею сияя,
В ней божественность видна,
Но как женщина земная
Привлекательна она!

Дориды

(хором, плывя на дельфинах перед Нереем)

Дай, луна, лучей небесных
Эту юность озарять!
Мы хотим отцу прелестных
Всех супругов показать.

(К Нерею.)

Этих мальчиков спасали
От прибоев мы морских,
В тростниках, на мхах качали,
И взлелеяли мы их.
И они уж в воздаянье
Расточают нам лобзанья.
Взор привета кинь на них!

Нерей

Должно двойной удачею считаться!
Благотворить и тут же наслаждаться.

---

* Крылатый лев — герб Венеции, орел — герб Римского государства, луна (полумесяц) — герб Оттоманской империи, крест — эмблема, начертанная на знаменах рыцарей-крестоносцев. Здесь имеется в виду господство в Эгейском море в свое время Венеции, Рима, Турции и рыцарей-крестоносцев (во время второго крестового похода).

Дориды

Если наш порыв сердечный
Мог, отец, ты похвалить,
Дай бессмертье им, чтоб вечно
С ними в молодости жить!

Нерей

Вы взлелейте ваших милых,
Чтоб отрок мог и мужем стать!
Но награждать я тем не в силах,
Что может лишь Зевес послать.
Волна, что качкой вас лелеет
Ведь и любви уносит миг,
И если склонность оскудеет,
Ссадите на берег вы их.

Дориды

Вас, милые мальчики, как не любить;
Но грустно, что нас разлучают:
Мы вечную верность хотели хранить,
Да боги того не желают!

Юноши

Вы только лелейте нас жизнью такой,
Какой мы у вас проживали;
Мы лучшей и жизни не знаем другой,
И лучшего б мы не желали.

(Галатея* приближается на колеснице-раковине.)

Нерей

Вот ты, дорогая!

Галатея

Отец, это ты!
Постойте, дельфины! Сбылися мечты!

Нерей

Увы! Уж ее и умчали
Сокрыться вдали необъятной!
Волненья сердечные им непонятны!
О, если б с собой меня взяли!
Но взгляд один, один лишь вид
За целый год вознаградит.

---

* *Галатея* — в древнегреческой мифологии нереида (дочь Нерея и Дориды).

Ф а л е с

Рад! Рад я сердечно!
Душой я расцвел бесконечно,
Прекрасное в сердце проникло!
Ведь все из воды же возникло,
Вода — вседержитель великий.
О, будь, Океан, нам владыкой!
Когда б ты туч не слал бы,
Ручьев не источал бы
И рек не извивал бы,
Потоков не сливал бы,
Что б было с горами, с простором долин?
Ты свежую жизнь сохраняешь один.

Э х о

(хор всего круга)

Ты свежую жизнь изливаешь один!

Н е р е й

Качаясь, вдаль уходит хор,
Уж взоров их не встретит взор.
Но цепью вьющейся кругом,
Вполне согласно с торжеством,
Весь сонм несется на кругах.
А Галатеи светлый трон
Опять мелькнул, мне виден он:
Горит звездой
В толпе несметной.
Что мило — в толкотне заметно;
Оно в дали любой
Светло, как бы в лучах,
Все близко и в глазах!

Г о м у н к у л

Где по волне прекрасной
Я свет раскинул ясный,
Осветит прелесть он!

П р о т е й

Во влаге здесь прекрасной
Пышней твой светоч ясный
И слышен чудный звон.

Н е р е й

Какая там новая тайна средь хора
Желает открыться для нашего взора?

Что блещет у трона у ног Галатеи?
То вспыхнет, то теплится слаще, нежнее.
Как будто и самый огонь-то влюблен!

Ф а л е с

Ведь это Гомункул, Протеем прельщен...
Все признаки это всевластных желаний,
Мне слышится звон затаенных стенаний.
Ведь он разобьется об трон-то, небось!
Вот пышет, сверкает, —
И вот разлилось!*

С и р е н ы

Какое там чудо в волнах озаренных,
Как будто друг к другу огнем нанесенных?
Светясь и качаясь, чтоб кверху идти,
Пылают тела на полночном пути, —
И всюду мерцанье огнем разливает.
Хвала же Эроту, он все зарождает!

Славься море, славьтесь волны,
Вы огнем священным полны!
Славься пламя, влаге слава!
Как сбылось все величаво!**

В с е

Слава ветрам с их весельем,
Слава тайным подземельям!
Воздадим почет затем
Четырем стихиям всем!

---

* Фет писал: «Едва восторженный Нерей завидел Галатею, как ее уже умчали дельфины. Высший идеал красоты предстает во всей чистоте лишь в редкие мгновения перед духовными взорами даже истинного художника. Фалес в восторге признает в Галатее высшую красоту и истину природы (ибо красота есть высказанная истина), исшедшую, согласно его учению, из воды. Он славит океан, как источник всей органической жизни. Хотя дориды и удалились настолько, что взоры их не могут встретиться со взорами Нерея, но последний и в отдалении не спускает глаз с колесницы Галатеи. Гомункул, вдали от Нерея, на спине Протея-дельфина в море, не может противостоять прелести Галатеи. Его склянка страстно сверкает и звенит. Он все ближе склоняется к ногам Галатеи и, разбившись о ее трон, проливает в море свой огонь».

** Последнее четверостишие гимна сирен прославляет все четыре стихии, гармонические слившихся воедино властью Эрота (гения любви) у ног Галатеи. Вход в царство совершенной гармонии открыт, все подготовлено к появлению Елены Прекрасной.

АКТ ТРЕТИЙ

Перед дворцом Менелая в Спарте

Появляются Елена* и хор пленных троянок.
Панталис — предводительница хора.

Е л е н а

Стяжав хваленья и хулу, Елена, я
От берега иду, куда пристали мы.
Все качкою опьянена тех волн, что нас
С Фригийских отдаленных пажитей сюда,
Хребты при силе Эвра пуча, как судил
Посидаон**, в залив перенесли родной.***
Пока остался там внизу царь Менелай;
С храбрейшими он празднует теперь возврат.
Но ты приветом встреть меня, высокий дом,
Что выстроил на склоне этом Тиндарей****,
Отец мой, возвратясь с холма Паллады сам.
Его тогда ж, как с Клитемнестрой мы, сестрой,
С Кастором и Поллуксом в играх тут росли,
Из всех домов спартанских он пышней убрал!
Примите, двери медные, вы мой привет!
Гостеприимно растворясь, дозволили
Когда-то Менелаю вы, из всех других
Избраннику, мне светлым женихом предстать.
Раскройтесь снова предо мной, чтоб я могла

---

* Елена, героиня древнегреческого мифа о Троянской войне, предстает как воплощение античного идеала красоты. Мотив любовной связи Фауста с Еленой заимствован Гете из народного сказания о докторе Фаусте, но эта интрига поднята автором трагедии на высоту философской и культурно-исторической проблемы. Фет писал: «Погрузившийся в мир греческого искусства Фауст — сам Гете. Отбросив всякие романтические подходы, он прямо выводит перед нами Елену в тех самых формах жизни, какими окружали ее греческая трагедия и предания. Во всем предстоящем перед нами образе нет черты, не обоснованной на глубоком изучении классической древности...»

** Посейдон.

*** Елена, забыв, что пребывала в подземном царстве, думает, что она из Фригии, столицей которой был Илион (Троя), только что вернулась в Спарту.

**** *Тиндарей* — мифический царь Спарты, изгнанный своим братом Гиппокоонном и возвращенный Гераклом; муж Леды и мнимый отец Елены, дочери Леды и Зевса.

Приказ царя исполнить, как супруги долг.
Меня впустите вы, и остается пусть
Вся буря роковая за моей спиной!
С тех пор как беззаботно я отсель ушла
В храм Цитеры, как священный долг велит,
А тут меня разбойник тот фригийский взял*,
Случилось многое, о чем народ кругом
Охотно разглашал, но что претит тому,
О ком молва успела сказок наплести.

Хор

Не отвергай, о, дивная, ты
Высокого блага славнейшую честь;
Величайшее счастье тебе лишь в удел:
Слава той красоты, что превыше всего!
Герою предшествует слава его,
И ею он горд;
Но самый упорный склоняется муж
Перед красотой всепобедной умом.

Елена

Довольно! Я с супругом приплыла сюда.
И вот в свой город он меня вперед послал;
Но что в уме таит он, не могу понять.
Вернулась ли супругой я? Царицею?
Или вернулась жертвой горестям князей,
Чтоб долгие невзгоды греков искупить?
Взята я с бою, но, как знать, взята ли в плен.
Знать, боги славой и судьбой двусмысленной,
Сомнительными спутниками красоты,
Меня снабдили, так что даже здесь они
С порога смотрят грозным взором на меня!
Уже на емком корабле кидал порой
Лишь взгляды мне супруг, но слова не сказал;
Как будто зло тая, сидел он предо мной.
Когда ж в залив по глубине Эврота** вверх
Взойдя, земли коснулись кораблей носы,
Заговорил он, словно бог ему вдохнул:
«Здесь по порядку воины сойдут мои,

* Вариант мифа о Елене, в котором она отправилась на остров Цитеру, чтобы полюбоваться на прибывшего туда красавца Париса, и там стала добычей дерзкого похитителя, не побоявшегося напасть на нее в храме, где она приносила жертву богине Диане.

** *Эврот* — река в Лакедемонии, земле спартанцев.

Я осмотрю ряды на берегу морском,
А ты ступай все дальше, вдоль священного
Прибрежья Эврота плодоносного,
И по лугу цветущему направь коней,
Пока равнины пышной не достигнешь ты,
Где на полях, в былые дни распаханных,
Лакедемон, горами окружен, возник.
Вступи затем в высокий царский терем ты
И осмотри рабынь, что там оставил я,
Все поруча разумной старой ключнице.
Она тебе покажет все сокровища,
Какие твой отец оставил, да и я,
В войне и в мире множа, накопить успел.
Ты это все найдешь в порядке, потому
Что вправе царь потребовать, вернувшись в дом,
Чтоб было верно все соблюдено вполне,
И все на месте, как его оставил он.
Затем, что раб не вправе ничего менять».

Хор

Порадуй же ты, на богатство взглянув
Приумноженное, и взоры, и грудь!
Драгоценная цепь и короны краса
Спокойно лежат и себе на уме;
Только взойдешь и потребуешь их,
И готовы оне.
Мне отрадно видеть борьбу красоты
Против золота, жемчуга, камней цветных.

Елена

Затем властитель так еще ко мне вещал:
«Когда вокруг ты все в порядке оглядишь,
Тогда возьми треножников ты, сколько их
С другой посудой жертвоприносителю
Потребно совершить святое торжество,
Котлов и чаш, и плоскодонных всяких блюд.
Водой чистейшей из священного ключа
Наполни кубки; дальше дров еще сухих
Вели сготовить, чтобы восприять огонь;
И наточенный нож быть должен под рукой.
О всем же прочем позаботься ты сама».
Так говорил он, торопя меня; но мне
Живущего дыханья он не указал,
Что олимпийцам в жертву хочет он заклать.

Сомнительно все это! Но заботы я
Гоню, высоким предоставив все богам
Вершить, как в мыслях держат то они;
Добром ли это человеку или злом
Покажется, нам смертным это все стерпеть.
Уж часто жрец, топор тяжелый занеся
В затылок вземь* смотрящего животного,
Не завершал удара; был задержан он
Приходом вражьим иль вмешательством богов.

Хор

Что должно свершиться, тебе не узнать.
Ты, царица, гряди
Не страшась!
Зло идет и добро
К человеку нежданно;
Им и предсказанным веры нет.
Троя ж горела, видели ж мы
Смерть пред глазами, страшную смерть;
А разве не мы
Здесь тебе радостно служим,
Видим на небе жгучее солнце
И всю прелесть земную
Нам на блаженство, тебя!

Елена

Будь то, что будет! Что ни предстоит теперь,
А я должна немедля в царский дом вступить.
Желанный, милый, чуть мной не утраченный,
Он вновь в глазах моих; сама не знаю как.
Уж ноги быстро так не мчат меня наверх
Ступеней тех, что были в детстве мне прыжком.

Хор

Бросьте, о, сестры, вы,
Грустные пленницы,
Всю тоску свою тотчас.
Славьте царицу вы,
Славьте Елену вы,
Что в отеческий дом,
Хоть и поздно вернувшейся,
Но тем боле надежной
Ныне стопой идет!

* В землю.

Славьте священных вы,
Счастье дарующих
Ей — богов милосердых!
Освобожденному,
Словно крылатому,
Всюду дорога, но узнику
Только в муках доводится
Над зубцами тюремными
Руки свои простирать.
Но ее восхитил бог
Отдаленную,
И с илионских развалин
Он перенес ее вновь
В старый, убранный снова
Отчий дом,
После великих
Мук и отрады
Первую молодость
Помянуть безмятежно.

Предводительница хора

Теперь оставьте песен радостных вы путь,
И к створчатым дверям свой обратите взор!
Что вижу, сестры! Уж нейдет ли вновь сюда
Взволнованной походкою царица к нам?..
Великая царица, что могло тебе
Взамен приветствий слуг твоих представиться
Тревожное? Ты даже не скрываешься;
Я отвращенье вижу в челе твоем,
И благородный гнев при изумлении.

Елена

(оставившая двери растворенными в волнении)

Несвойствен дочери Зевеса подлый страх,
Ее испуг мгновенный тронуть не дерзнет;
Но ужас, что из лона старой ночи все
Встает от века в разных видах, словно дым
Густой из пасти огнедышащей горы.
Он и героя даже потрясает грудь.
Так ужасом сегодня мне божества стигийские*
Вступленье в дом отметили, что рада б я
С знакомого порога, столь желанного,

* *Божества стигийские* — богини мести Эринии.

Как гостья запоздавшая, простясь, уйти.
Но нет! На свет я вышла, и меня
Уж дальше не прогнать вам, силы мрачные!
Святить примусь я, чтоб очищенный очаг
Отдать привет жене да и владыке мог.

Предводительница хора

Открой своим прислужницам усердным ты,
Царица, что могло там встретиться тебе.

Елена

Что видела, увидят ваши то глаза,
Коль древняя не поглотила снова ночь
Исчадья своего во мрак своих чудес.
Но чтоб вы знали, расскажу словами вам,
Как, думая о первом долге, я вошла
Торжественно в покои царского дворца.
Странна мне стала пустота безмолвная.
Ни шороха, не слышно было скорых ног,
Ни быстрой хлопотливости не видел взор,
Служанок не встречала я иль ключницы,
Которых долг приветствовать входящего.
Но только что я к очагу приблизилась,
Вдруг увидала у остывшей там золы,
Огромную закутанную женщину,
Не в сон, скорей в раздумье погруженную!
Властительно зову ее к занятью я,
Ее считая ключницей, оставленной
Моим супругом из предосторожности.
Закутана, сидит она, не двигаясь;
Лишь на мои угрозы повела она
Рукой, как бы гоня меня от очага.
Я, гневно отвернувшись от нее пошла,
К ступеням, наверху которых ждет меня
Краса опочивальни рядом с кладовой.
Но чудо быстро с полу поднялось, и мне
Дорогу властно заступя, казало так
Свой стан худой и свой кроваво-мутный взгляд,
Что вид его один мне взор и дух смущал.
Но речь моя на ветер; слово никогда
Не в силах образов воссоздавать, творя.
Смотрите! Выступить дерзнуло в свет оно!
Здесь наша власть, пока придет державный царь.

В пещеры прогоняет друг прекрасного,
Феб, все исчадья ночи, иль смиряет их.

(Форкиада* выступает на пороге между притолками.)

Хор

Много изведала я, хоть и локон
Мой на челе еще молодо вьется,
Страшного много видеть пришлось,
Плач побежденных, ночь ту, когда
Пал Илион.

Сквозь окруженный облаком пыли
Гам ратоборцев слышала страшный
Голос богов я, слышала медный
Крик я раздора, с поля летел
Он к стенам.

Ах! Стояли еще
Стены Трои, но пыл огня
Уж от соседа к соседу шел,
Разливаясь и там к сям,
Собственной бурей гонимый,
По полночному городу.

Видела я сквозь огонь и пыл,
Видела, меж языков огней
Страшно гневные боги шли,
Непонятные чуда,
Исполины шагали,
Ярким дымом объяты.

Видела я, иль казалось
Страхом томимой душе
Все это смутное — век мне
Не узнать; но что вижу здесь
Этот ужас глазами я,
Это наверное знаю!
Тронуть руками могла б его,

* В облике форкиады здесь выступает Мефистофель. Фет писал: «Мефистофель, появляющийся на пороге дворца в образе форкиады, рад в качестве представителя безобразия смущать прекрасные образы классической древности. Хор при виде такого безобразия проникается лирическим чувством всего страшно пережитого при разрушении Трои».

Если б от опасного
Не воздерживал страх.

Ты же, которая
Форкиса дочь, тут?
Вижу в тебе я Эту породу.
Или одна из седых ты,
Глазом и зубом одним
Попеременно владеющих,
Грайя* здесь явилась?

Смеешь ли, чудо,
Рядом с красою,
Ты знатоку ее
Фебу казаться?
Но выходи, тем не менее, смело;
Безобразья не видит он,
Как его священное око
Тени видеть не может.

Нас же, смертных, томит, увы!
Доля наша злосчастная
Болью глаз нестерпимою,
Коль на отверженно-гнусное
Чтущий одну красоту глядит!

Так услышь же, коль дерзко ты
Вышла к нам, — порицания,
Брань и угрозы ты выслушай
Из проклинающих уст, осчастливленных
Тем, что богами мы созданы!

Ф о р к и а д а

Высок и непреложен смысл старинных слов,
Что красота и стыд нейдут рука с рукой
Зеленою тропою по лицу земли.
Глубоко скрыта в них взаимная вражда,
Так что при встрече каждый из противников
Спиной к другому тотчас обращается.
Затем поспешно каждый продолжает путь,
Стыд в горе, красота же с дерзостным челом,
Пока ее пустынный мрак не окружит,

* *Грайи (форкиады)* — три сестры в древнегреческой мифологии, дочери Форкия и Кето, сестры горгон и гесперид.

Коль старость раньше не смирила сил ее.
Я вижу вас, нахалок, из далеких стран
Вы дерзко принеслись сюда, как журавлей
Хрипливо-громких стая, что над головой
Как туча тянется, ниспосылая к нам
Свой крехт, который вызывает путника
Взглянуть наверх; но в свой они уходят путь.
А он идет своим. Так с нами станется.

Кто вы такие, что у царского дворца
Шуметь дерзнули буйно так вакхически?
Кто вы, что на домовую тут ключницу
Завыли, словно бы на месяц стая псов?
Не знаю разве я, какого рода вы?
В войне зачаты вы и ей воспитаны,
Развращены в кругу мужчин, чтоб развращать,
И воинов, и граждан расслаблять равно!
Как посмотрю на вас, вы точно рой цикад,
Что на посев зеленый вдруг накинулся.
Вам пожирать лишь труд чужой! И лакомы
Лишь на зачатки благосостоянья вы!
Добыча, рыночный товар, променный вы!

Е л е н а

Кто пред хозяйкою бранит служанок, тот
Ее домашних прав уже касается;
Одной лишь подобает ей достойное
Хвалить, а все не должное наказывать.
А я довольна службой их во дни, когда
Великий, славный Илион в осаде был
И пал, и лег; не меньше и во дни, когда
Пришлось терпеть нам бедственное странствие,
Причем обычно каждый ближе сам себе.
И здесь того ж от их веселой жду толпы;
Вопрос не в том, кто раб, а в том, как служит он.
Так ты молчи и скалиться на них оставь.
Коль царский дом до сей поры ты сберегла,
Хозяйку заменив, так честь тебе за то;
Но вот она сама, а ты уж отстранись,
Чтоб кары вместо награжденья не навлечь!

Ф о р к и а д а

Грозить домашним, это право важное
Принадлежит супруге властелина лишь

За долгий труд хозяйства по заслуге ей.
Как признанная, ныне место ты
Царицы и супруги заступила вновь.
Прими ж ослабшие бразды и правь сама,
Прими добро и нас самих ты вместе с ним!
А пуще защити меня, старейшую,
От этих, что пред лебедем красы твоей
Лишь сброд гусей ощипанных, гогочущих!

Предводительница хора

Как безобразье гнусно рядом с красотой!

Форкиада

Как глупость тут же рядом с мудростью — глупа!

(Отсюда отвечают хористки, поодиночке выступая из хора.)

1-я Хористка

Скажи про Ночь — свою ты мать, да про Эреб*!

Форкиада

Скажи про Сциллу**, про сестрицу нам свою!

2-я Хористка

Чудовищ много в родословной есть твоей.

Форкиада

Ты в Орк*** ступай! Отыскивай ты там своих!

3-я Хористка

Те, что живут там, слишком юны для тебя.

Форкиада

Ступай Тирезия**** ты старца соблазнять!

4-я Хористка

Ведь нянька Ориона правнучка тебе*****.

Форкиада

Вскормили гарпии тебя нечистотой******.

---

* *Эреб* — в греческой мифологии олицетворение вечного мрака.

** *Сцилла (Скилла)* — морское божество-чудовище.

*** *Орк — одно из имен древнеримского бога смерти.*

**** *Терезий* — слепой фиванский жрец. Его имя в античном мире стало нарицательным для обозначения долголетия.

***** *Орион* — дикий великан в Аиде (у Гомера). Здесь — насмешливое определение солидного возраста старухи.

****** Считалось, что гарпии, подобно птицам-стервятникам, распространяют нестерпимую вонь.

5-я Хористка

Чем кормишь ты свою такую худобу?

Форкиада

Не кровью, до которой больно ты жадна.

6-я Хористка

Ты алчешь трупов, и сама ты — гнусный труп.

Форкиада

Вампира зубы блещут у тебя во рту.

Предводительница хора

Я твой заткну, когда я расскажу, кто ты.

Форкиада

Так назовись сперва, загадка пропадет.

Елена

Не с гневом, с грустью становлюсь меж вами я,
Чтоб воспретить такой разлад неистовый;
Вредней ничто не может быть властителю
Раздоров тайных меж слугами верными.
Его приказов эхо не летит уже
К нему, как дело вмиг свершенное назад.
Нет; самовольства шумом окруженный сам,
Потерянный напрасно лишь бранится он.
Еще не все; в безнравственный вступая гнев,
Страшилищ мрачных вы накликали сюда,
Они меня объемлют так, что чувствую
Я близость Орка даже средь родных полей!
Воспоминанья иль безумство правят мной?
Была ль такой? Такая ль я? И буду ли
Мечтой и страхом всех градогубителей*?
Трепещут девушки, но ты, старейшая,
Стоишь спокойна; дай разумный мне совет!

Форкиада

Кто долгих лет счастливые припомнит дни,
Тому и высший дар богов как будто сон.
Но ты, превыше меры одаренная,
Встречала лишь любовью пламенеющих,
Всегда готовых на отважный самый шаг;

* Неясно, что переводчик имел в виду. Может быть, уничтожитель (губитель) городов?

Уж, воспылав, сперва тебя схватил Тезей*,
Сложен прекрасно, силою он был Геракл.

Е л е н а

Увез меня десятилетнюю он лань,
И мне в Афине жить пришлось Аттической.

Ф о р к и д а

Но скоро Кастор и Поллукс тебя спасли,
И окружил тебя героев первых сонм.

Е л е н а

Милей же всех, охотно я сознаюсь в том
Предстал Патрокл, с Пелидом сходный как двойник.

Ф о р к и а д а

За Менелая тут тебя отдал отец,
За морехода и хозяина в дому.

Е л е н а

Он отдал дочь ему и царство поручил,
И Гермиона — плод была супружних уз.

Ф о р к и а д а

Когда ж искал наследства смело в Крите он,
Тебе уединенной дивный гость предстал.

Е л е н а

Не вспоминай; ведь я была полу вдовой!
Иль мало горя из того возникло мне?

Ф о р к и а д а

И в том походе вольной тож критянке, мне,
И плен пришлось, а там и рабство испытать.

Е л е н а

Тебя сейчас поставил ключницею он,
Вверяя много: всю казну и свой дворец.

Ф о р к и а д а

Который ты, покинув, в Илион ушла
За радостью неисчерпаемой любви.

Е л е н а

Не говори о радостях! Жестокое
Страданье пролилось мне в грудь и в голову.

Ф о р к и а д а

Но говорят, что ликом ты была двойным:

---

* Тезей похитил Елену, когда она была еще ребенком. Далее упоминаются другие древнегреческие герои, которых пленила красота Елены.

Жила в Египте, как и в Илионе ты*.

Е л е н а

Не путай выдумок таких безумных ты!
Все не пойму, которая ж я подлинно.

Ф о р к и а д а

Да говорят, что из страны пустой теней
Еще Ахилл с тобою сочетался тож,
Тебя любивший некогда назло судьбе**.

Е л е н а

Как призрак сочеталась с ним я призраком,
То был лишь сон, как видно то из самых слов.
Сама я стала призраком в своих глазах.

(Падает на руки хора.)

Х о р

Смолкни! Смолкни!
Зловещая, злословная ты.
Из однозубых, ужасных
Уст, что же может
Изрыгать эта страшная пасть!

Ибо зловредный, явясь благотворным,
Волк под овечьею шерстью,
Мне он гораздо страшнее трехглавой пасти собачьей.
Полные страха все ждем мы:
Как и откуда накинется
Стольких козней
Сторожкое*** чудовище?

Вот ты вместо благих, утешеньем богатых,
Летой дарящих, приветных речей,
Трогаешь в целом прошедшем
Злого боле, чем доброго,
И омрачаешь тут вместе

---

* По одному из вариантов мифа, Гера (Юнона), рассерженная тем, что не она победила в состязании трех богинь (Геры, Афродиты и Афины), помешала браку Париса с Еленой, соткав из эфира живой призрак Елены, с которым Парис и уехал в Трою. Елена же была унесена Гермесом в Египет, во дворец Протея.

** По еще одному из вариантов мифа, Елена, уже после смерти, вступила в брак с другим обитателем подземного мира — Ахиллом, который уговорил свою мать Фетиду даровать ему и Елене хотя бы недолгое возвращение к жизни.

*** *Сторожкий* — выжидательный, настороженный.

С блеском данной минуты
И в грядущем
Нежно сквозящий надежды свет.

Смолкни! Смолкни!
Чтобы царицы душа,
Уже бежать наготове,
Задержалась, держала сильней
Лик из ликов, какие
Солнце от века могло озарять.

(Елена снова стоит посредине.)

Форкиада

Выходи из туч бегущих, солнце нынешнего дня,
Ты и в дымке восхищало, а теперь, блестя, царишь.
Если мир ты видишь ясно, весел собственный
твой лик.
Пусть слыву я безобразной, все я знаю красоту.

Елена

Хоть из обморока вышла я, качаясь на ногах,
Все ж уснуть хотела б снова, я устала до костей.
Но царицам подобает, подобает людям всем
Ободриться, укрепиться, хоть грозила бы беда.

Форкиада

Если ты в своем величье, в красоте пред нами здесь,
Если ты повелеваешь, что велишь ты? Объясни.

Елена

Вашей ссоры дерзновенной наверстайте вы прогул:
Справить к жертве все спешите,
как приказывал мне царь!

Форкиада

Все готово в доме: чаша и треножник, и топор,
И кропленье, и куренье, только жертву укажи.

Елена

Царь не сказывал про жертву.

Форкиада

Не сказал? О, горе нам!

Елена

В чем твое такое горе?

Форкиада

О, царица, жертва — ты!

Е л е н а

Я?

Ф о р к и а д а

И эти.

Х о р

Горе, горе!

Ф о р к и а д а

Ты падешь под топором.

Е л е н а

Ужас! Так я ожидала!

Ф о р к и а д а

Неизбежно то, по мне.

Х о р

Ах! А нас что ждет?

Ф о р к и а д а

С почетом ей придется умереть.
Но на брусе том, что держит у домовой крыши верх,
Как дроздам в силках придется колыхаться
вам рядком.

(Елена и хор стоят в изумлении и ужасе в хорошо обдуманной группе.)

Ф о р к и а д а

Что ж, призраки! Оцепеневших ликов ряд,
Страшитесь день покинуть вы, хоть он не ваш.
Всем людям, призракам таким же, как и вы,
Не хочется покинуть милый солнца свет,
Но их никто спасти не в силах от конца.
Все это знают; но приятно то не всем.
Довольно, вы погибли. Так скорей к делам!

(Хлопает в ладоши, по знаку появляются в дверях закутанные карлики, которые быстро исполняют услышанные приказанья.)

Сюда немое, шаровидное ты чудище!
Сюда накиньтесь! Вволю можно здесь вредить.
Золоторогий приготовьте вы алтарь,
Чтоб лег топор на край его серебряный.
Наполните кувшины! Нужно омывать
Что запятналось черной кровью, страшною;
Ковер роскошный разверните здесь в пыли,
Чтоб жертве преклонить колена царственно,

И, хоть с отнятой головой, ее сейчас
С почетом, завернувши, похороним мы.

Предводительница хора

Задумчиво стоит царица рядом здесь;
А девы вянут как скошенная трава.
Но мне, как старшей, долг святой велит
Речь повести теперь с тобой, старейшая.
Ты опытна, разумна, да и к нам добра,
Хоть этот рой безумный оскорбил тебя;
Поведай, где бы нам спасенье обрести?

Форкиада

Легко сказать. Зависит от царицы все,
Спасти себя, а тут уже вдобавок вас.
Одна решимость только быстрая нужна!

Хор

Почтеннейшая парка, мудрая сивилла ты,
Золотых не трогай ножниц, возвести спасенья день!
Нам сдается, уж повисли, закачавшись неприятно,
Наши члены, что любили, насладившись резвой пляской,
К груди милого прильнуть.

Елена

Пускай им страшно; боль я чувствую, не страх;
Но за спасенье благодарны будем мы!
Находит мудрый, дальновидный иногда
Возможным невозможное. Так ты скажи!

Хор

Ты скажи, скажи скорее, как избегнуть нам ужасных,
Гадких петель, уж готовых самым гнусным ожерельем
Охватить нам шеи? Это мы предчувствуем, бедняжки.
Мы замрем и задохнемся, если ты нам не поможешь,
Рея, матерь всех богов!

Форкиада

С терпеньем можете ль вы выслушать рассказ
Растянутый? Довольно в нем событий есть.

Хор

Терпенья много! Мы, внимая, будем жить.

Форкиада

Кто, сидя дома, бережет свое добро,
Притом жилища стены смазывать горазд,

И крышу охранять умеет от дождей,
Тот проживет в довольстве много долгих лет.
Но кто порога своего черту́ дерзнет
Святую легкою ногой перешагнуть,
Тот, воротясь, хоть место старое найдет,
Но все иным, коль не разрушенным вполне.

Е л е н а

К чему такие всем известные слова?
Мы ждем рассказа: так не тронь обидного!

Ф о р к и а д а

Тут только быль, и вовсе тут упреков нет.
Разбоем плавал Менелай по бухтам всем;
По берегам и островам он шел врагом,
Добычи ради, что теперь там в кладовой.
Пред Илионом простоял он десять лет;
Не знаю, долго ль довелось проплыть домой.
Но чем теперь стал Тиндарея дом честной?
И чем вокруг все царство стало славное?

Е л е н а

Ужели с порицаньем так сроднилась ты,
Что без хулы не можешь ты и уст открыть?

Ф о р к и а д а

Так много лет покинут был нагорный кряж,
Что к северу от Спарты возвышается,
Спиной к Тайгету, с высоты которого
Эврот, катясь ручьем в долину светлую,
По тростникам питает ваших лебедей.
Там в глубине долины горной сел народ
Отважный, он из киммерийской ночи* шел;
Он неприступный замок взгромоздил себе,
Страну легко тесня оттуда и народ.

Е л е н а

Все это удалось им? Верится с трудом.

Ф о р к и а д а

Им времени довольно было в двадцать лет.

Е л е н а

Один там правит, иль их стан разбойничий?

---

* *Киммерия* — в античной историографии название северных областей известной тогда Ойкумены, в частности, территории Северного Причерноморья и Приазовья.

Форкиада

Один глава, но это не разбойники.
Я не браню его, хоть нас он посещал;
Все мог он взять, но удовольствовался он
Лишь приношеньем, данью не назвав его.

Елена

Каков собой он?

Форкиада

Да не дурен он, по мне.
Веселый и отважный, образованный,
Каких у греков мало, муж разумный он.
Бранят их варварами, но не думаю,
Чтоб изверг был у них такой же, как иной
Герой пред Илионом, людоедом став.
Величию его доверилась бы я.
А замок-то его! Взглянуть бы вам самим!
Не те уж это стены неуклюжие,
Что как циклопы взгромоздили без толку
У вас отцы, на грубый камень наваля
Такой же камень; нет, у них совсем не то.
Там все отвесно, правильно подобрано.
Снаружи глянешь: к нему поднялося все,
Так твердо, слитно, как стальное зеркало.
Тут влезть — и мысль-то даже соскользнет.
А изнутри дворов просторных — все кругом
Уставлено постройками различными.
Колонны там, колонки, своды, сводики,
Ходы и выступы, глядеть вовнутрь и вдаль,
Гербы.

Хор

Что за гербы?

Форкиада

Вы сами видели:
Украшен был Аякса щит узлом из змей.
У семерых героев Фивских на щитах
У каждого значительно являлися
Изображенья месяца и звезд ночных,
Богинь, героев, лестниц, факелов, мечей,
Того, что разрушеньем городам грозит.
Так и до наших воинов от предков их
Дошли изображенья разноцветные.

Там много львов, орлов, и клювов, и когтей,
Рогов и крыл, хвостов павлиньих, роз; затем
Полосок красных, синих, белых, золотых.*
Развешано рядами это в залах все,
А сами залы безграничны, точно мир;
Там можно танцевать вам!

Хор

А танцоры есть?

Форкиада

Отличные! Золотовласая толпа
Душистых юношей! Таким был лишь Парис,
Когда к царице он вошел.

Елена

Ты роль свою
Забыла; слово мне последнее скажи!

Форкиада

Последнее ты скажешь, если скажешь: да!
Сейчас в том замке будешь ты.

Хор

О, изреки
Словечко это, и спаси себя и нас!

Елена

Как? Неужели бояться мне, что Менелай
Решится надо мной такое сделать зло?

Форкиада

Забыла, как он Деифоба твоего,
Погибшего Париса брата, истязал
Неслыханно за то, что он тебя, вдову,
Взял силою; и нос, и уши он ему,
И все отрезал, так что было страх взглянуть!

Елена

Так поступил он с ним; но то из-за меня.

Форкиада

Из-за него ж поступит так же он с тобой!
Неразделима красота; кто ей владел,
Скорой готов сгубить ее, раздел кляня.

(Звук труб в отдалении, хор содрогается.)

---

* Гете считал, что гербы — порождение «эпохи варварских рыцарских турниров».

Как рев трубы терзает слух и внутренность,
И ревность также запускает когти в грудь
Мужчины. Он забыть не может, чем владел,
Что потерял, чем боле не владеет он.

Хор

Слышишь ли рогов раскаты, видишь ли оружья блеск?

Форкиада

Мой привет царю владык; я охотно дам отчет.

Хор

Мы же?

Форкиада

Это вам известно, смерть увидите ее.
А в доме там ждет и ваша; не поможешь вам ничем.
(Пауза.)

Елена

Обдумала я первый шаг решительный.
Ты злобный демон мой, я это чувствую,
И я боюсь, что превратишь добро ты в зло.
Но за тобой сперва пойду я в замок тот;
Другое же я знаю; что в груди своей
Таинственно хотела бы царица скрыть,
Пусть недоступно всем. Веди, старуха, нас!

Хор

О, как рады идти мы,
Быстрой стопой;
Смерти бежать,
Вновь чтобы видеть
Крепости гордой
Недоступные стены.
Пусть охраняет она,
Как Илион хранил!
Низкою хитростью
Только и взят был он!

(Туманы стелятся, закрывают отдаление
и авансцену по востребованию.)

Как? Это как?
Сестры, взгляните-ка!
Был же ведь светлый день?
В шатких прядях туман встает
Из Эврота священных волн!

Уж сокрылся пленительный
Брег, камышами увенчанный;
Даже свободные, гордые,
Тихо плывущие лебеди
Скрылись стройной семьей.
Ах, я не вижу их!

Все же я, все
Слышу их крик,

Дальний, хрипливый зов —
Смерть пророча, гласят они.
Ах, чтоб и нам также он,
Вместо спасенья заветного,
Не накликал беды вконец,
Нам прекрасным, с лебяжьими
Белыми шеями; ах, и ей,
Напой, лебедь родной!
Горе нам, горе всем!

Все покрылось вокруг
Дымкой туманною.
Дружка дружку не видно нам!
Что ж такое? Идем мы?
Или, топчась,
Мы над землею уносимся?
Видишь ли что? Не несется ль вперед
Гермес у нас? Не блестит ли, грозя,
Жезл золотой, чтоб назад нас гнать
К мрачному, неосязаемых ликов
Полному в сумраке дня,
И с толпой все пустому Аиду?

Вдруг, однако, мрачно стало,
Весь туман исчез без блеска,
Что-то темное как стены.
Стены стали перед нами.
Пред глазами неподвижны.
Двор ли это? Или яма?
Как бы ни было, все страшно!
Сестры, ах, мы в плен попались,
Да и в плен еще какой!

Внутренний вид замка

Двор замка окружен богатыми фантастическими средневековыми строениями.

Предводительница Хора

Безумно-спешны, настоящий женский пол!
Зависит только от минуты счастья он
Или несчастья! Ни того спокойно снесть
Не может, ни другого. Спорит только век
Одна с другой, а та напротив ей в ответ.
В веселье и в беде ваш плач похож на смех.
Молчите, слушайте, на что владычица
Решится мудро для себя и вас.

Елена

Где ты, сивилла*? Как бы ни звалася ты,
Из-под угрюмых сводов замка выходи!
Коль ты пошла владыку здешних храбрецов
Предупредить, готовя честный мне прием,
Благодарю, — введи ж меня к нему скорей!
Блуждать устала, лишь покоя жажду я.

Предводительница хора

Напрасно смотришь здесь, царица, ты вокруг;
Исчез ее противный лик, остался ль он
В тумане том, из недр которого сюда
Мы, не шагая, невесть как, примчались вмиг;
Иль подлинно попала в лабиринт она,
Каким из многих зданий вышел замок сам,
И просит там владыку с честью нас принять.
Но вон взгляни! Там наверху задвигалась
Толпа по галереям, окнам, портикам,
Прислуги много взад, вперед забегало;
Почетной встречи можно ожидать гостям.

Хор

Сердцем воскресла я! О, поглядите вы,
Как благонравно они сдержанным шагом идут,
Юноши светлые все, чинно блюдут они
Свой установленный строй. Как? По веленью чьему,
Обучены с ранних пор стройно рядами ходить
Эти мальчики все, этот чудесный народ?
Что изумительней тут? Этот ли мягкий шаг,

* *Сивиллы* — в античной культуре пророчицы и прорицательницы.

Или их локонов блеск над белоснежным челом,
Иль пара щечек их, алых как персики,
И пушком же таким легким овеянных?
Я укусила бы, только что страх берет;
В этом случае ведь рот-то наполнится,
Страшно подумать, золою!*

Но прелестнейшие
К нам идут; несут
Что же они?
Трона ступени,
Кресло, ковер,
Полог и верх
Будто шатра;
И возносится
Над головой уже
Нашей царицы он;
Так как взошла уж она,
Приглашенная сесть на трон.
Станьте сюда,
Рядом ступени
Чинно занять!

Славен, преславен, трижды прославен
Будь благодарно подобный прием!

(Все, высказываемое хором, постепенно исполняется. После того, как мальчики и пажи сошли в длинном шествии вниз, Фауст появляется наверху лестницы в средневековом рыцарском придворном костюме и с достоинством тихо спускается.**)

Предводительница хора
(внимательно оглядывая Фауста)
Коль боги не на время, как случалось то,
Его снабдили видом изумительным,
И этою высокою осанкою,

---

* Хор троянок подозревает, что эти юноши — только призраки, выведенные из подземного царства старухой Форкиадой. Может быть, они также начинают догадываться, что и сами они — выходцы из Аида.

** Фет писал: «Фауст должен оклеветанную, но невинную Елену принять как средневековый рыцарь, согласно решению Персефоны, не на немецкой земле, а явиться за нею в Спарту со своим войском. Дворец Тиндарея и замок, в который он превращается, только волшебные призраки; но появление Фауста в Спарте, где возникает Елена, должно, с точки зрения трагедии считаться действительностью».

С таким приветом, — так ему, наверное,
Удастся все, что он начнет: в бою ль мужей,
Иль в малых войнах с женами прекрасными.
Его бесспорно многим должно предпочесть,
Которых все ж как избранных видала я.
Походкой тихой, сдержанной почтительно
Подходит князь. Царица, обратись к нему!

Ф а у с т

(подступая, ведя окованного)

Взамен приветствий должных, пред тобой
Почтительно склоняюсь я, — ведя
В цепях раба, который долг забыл,
И у меня равно исхитил долг.
Склони колени и поведай тут
Жене высокой сам свою вину!
Владычица, вот этот человек
Поставлен взором быстрым озирать
С вершины башни весь небесный свод
И землю всю кругом, не встретит ли
Там или сям чего заметного
С крутых холмов долиной к замку он,
Будь то волна мелькающая стад,
Иль войско; мы дадим защиту той,
И встретим это. Нынче, что за срам!
Ты к нам идешь, а он не возвестил.
Не удался почтительный прием
Высокой гостьи. В преступленье впав,
Уже давно лежал бы он в крови,
Смерть заслужив; но лишь тебе одной
Карать и миловать, как знаешь ты.

Е л е н а

Высокий сан; каким облек меня
Ты как царицу и судью, хотя б
Для испытанья, как сдается мне,
Велит исполнить первый долг судьи,
Услышать обвиненных. — Говори!

Л и н ц е й, с т р а ж н а б а ш н е*

На коленях и с мольбою,
Пусть умру я, пусть живу я,

---

* *Линцей* — - современное написание: Линкей. Гете дает имя дозорному Фауста в честь кормчего корабля агронавтов, обладавшего необыкновенной зоркостью.

Сердцем преданный, стою я
Пред божественной женою.

Ждал я утра, как известно,
Чтоб с востока рассвело,
Но нежданно и чудесно
Солнце с юга вдруг взошло.

Увлечен порывом весь я,
Вместо пропастей и гор,
Вместо шири поднебесья
На него глядел с тех пор.

Мог я зреньем поравняться
С зоркой рысью на сосне,
Вдруг пришлось мне выбиваться,
Как томясь в глубоком сне.

Тут не взвидел ни кургана
Я, ни башни, ни ворот;
Все в тумане, из тумана
Вдруг богиня эта вот!

Взор и сердца пламень жгучий
Обратил я к ней смущен;
Красотой ее могучей
Я, бедняк, был ослеплен.

Я забыл, что я на страже,
Рог забыл, оторопев.
Осуди меня ты даже! —
Красота смягчает гнев!

Е л е н а

Зло, что сама я нанесла, карать
Я не должна. Увы! Жестокий рок
Велит повсюду мне умы мужей
Так затмевать, что ни себя они,
Ни прочего не могут пощадить.
Разбой, соблазн и битвы разнося,
Герои, боги, демоны меня
И там, и сям заставили блуждать.
Одна смущала всех, затем вдвойне,
Теперь я втрое, вчетверо — напасть!..
Ты возврати свободу бедняку;
Затменного богами — не казнят.

Ф а у с т

Я изумлен, царица, видя тут
Разящую и пораженного.
Я вижу лук, спустивший ту стрелу,
И раненого. За стрелой стрела
Летит в меня. Я чувствую, оне
Свистят по замку здесь во все концы.
Что я теперь? Ты взбунтовала всех,
Мне преданных. Защиты нет в стенах!
Боюсь, готово войско пред тобой,
Непобедимой, всепобедной, пасть.
Осталось мне себя и все мое, —
Мое ль оно? — повергнуть пред тобой!
Так от души позволь у ног твоих
Тебя признать владычицей; ты власть
И трон, едва вступив, приобрела.

Л и н ц е й

(с ящиком и людьми, несущими за ним другие ящики)

Царица, видишь, я богат!
Но кинь как нищему мне взгляд;
Стою перед твоим лицом
И нищим я, и богачом.

Чем был — и чем пришлось мне стать?
Чего желать, что исполнять?
К чему огонь мне быстрых глаз?
Он в красоте твоей угас!

С востока мы пришли сюда,
Настигла запад тут беда;
Народ валил и стар, и мал,
Передний заднего не знал.

Где первый пал, там встал второй,
И третий с пикой боевой.
За каждым сотня восстает,
Убитых тысячи не в счет.

Мы напираем, мы идем,
Мы забираем все кругом,
И где сегодня я царил,
Другой назавтра грабил, бил.

Взглянул, что долго думать: ну!
Хватай красавицу-жену,
Хватать быков везде пошли,
И лошадей всех увели.

Но я высматривать любил
Все, что я редким находил,
А все, чем завладел другой,
Считал засохшей я травой.

Я драгоценностей искал,
На них-то взор я обращал,
В карман иль шкап что забралось —
Все это видел я насквозь.

Набрал я золота, к нему
И драгоценных камней тьму;
Но изумруду лишь удел:
Чтоб на груди твоей он млел.

Меж ртом и ухом пусть видна
Лишь капелька с морского дна!
Рубину плохо там, затмит
Его огонь твоих ланит.

Итак, я свой огромный клад
Здесь у тебя пристроить рад,
И я у ног твоих сложил,
Что кровью в битвах заслужил.

Я к этим ящикам готов
Прибавить много сундуков;
Дозволь лишь быть перед тобой,
Подвалы я набью казной.

Едва восходишь ты на трон,
Уже бегут со всех сторон
К тебе богатство, сила, ум
Упасть перед царицей дум.

Все это блюл я как свое,
Теперь — о, прелесть! — все твое;
Что высоко ценил я, то
Теперь считаю за ничто.

Исчезло все, чем я владел,
Как будто пук травы сотлел;
О, возврати дарам моим
Всю цену взглядом лишь одним!

Ф а у с т

Уйди скорей ты с ношей дорогой,
Не стоишь ни хулы ты, ни наград.
И так уж все ее, что в замке есть;
Ей предлагать отдельно что-нибудь
Напрасно. Ты ступай добро к добру
Копить с умом. Сокровищ выставь ряд
Невиданных! Заблещут своды пусть
Как свод небесный! Изготовь ты рай
Из жизни не имеющих вещей!
Пусть пред ее шагами ляжет ряд
Цветных ковров, чтоб мягко было ей
Ступать ногой, а взор встречался с тем,
Что может лишь богов не ослеплять.

Л и н ц е й

Не мудрен слуге приказ;
Все исполню я сейчас:
Кровь и собственность должны
Пасть к ногам такой жены.
Войско кротко стало вмиг;
Все мечи ступились их.
Перед дивной красотой
Солнце пыл смиряет свой;
Пред лицом ее живым
Все ничто, — все прах и дым!

(Уходит.)

Е л е н а

(Фаусту)

Я говорить хочу с тобой, но сядь
Со мною рядом! Господина ждет
Пустое место, чтоб упрочить и мое.

Ф а у с т

Сперва позволь склонить колени мне,
Высокая жена; позволь сперва
Ту руку, что взведет меня, поцеловать.
Ты соправителем признай меня
Владений безграничных, и прими
Поклонника, слугу и стража все того ж!

Е л е н а

Чудес я вижу много, слышу их;
О многом я желала бы спросить,
Хотела б знать, зачем мне этого слуги
Речь так звучала странно и приветливо,
Как будто звук с другим сближенья ищет,
И только слово в ухо принеслось,
Спешит другое с первым лобызаться.

Ф а у с т

Коль речь тебе понравилася наша,
О, так и песнь восторг тебе внушит,
И слух, и ум отраду в ней найдут.
Но лучше сами мы начнем сейчас;
В ответной речи все придет само.

Е л е н а

Скажи, как мне так мило говорить?

Ф а у с т

Весьма легко: из сердца исходить.
И если грудь блаженство слышит вдруг,
Оглянешься и спросишь.

Е л е н а

Кто наш друг?

Ф а у с т

Дух ни вперед не смотрит, ни назад,
Он в настоящем только.

Е л е н а

Счастью рад.

Ф а у с т

В нем клад, залог, в нем только жизнь легка.
Кто ж этим всем дарит?

Е л е н а

Моя рука.

Х о р

Кто осудит тут царицу,
Что к владыке замка так
Взор ее приветлив?
Согласитесь, мы ведь все
Только пленницы, как бывало
С разрушенья позорного
Трои, и бедствий
Безысходного странствия.

Жены, милые мужчинам,
Избирать не могут сами,
Знатоки однако.
Как пастухам златокудрым,
Так и щетинистым фавнам,
Если случай укажет,
Равное право дают они
Телом роскошным владеть.

Ближе и ближе сидят они
Друг ко другу склоняясь,
Рядом колени, плечо с плечом;
Безмятежно, рука с рукой,
Смотрят они
С трона царственно пышного.
Так не прочь и величество
Радости тайну
Пред глазами народа
Прихотливо выказывать.

Е л е н а

И так чужда, и так близка тут я,
И хочется сказать: вот, я твоя!

Ф а у с т

Едва дышу, немеет мой привет:
Все это сон, ни дня, ни места нет.

Е л е н а

Отжившая, я жизни так полна,
Я вся в тебе, и чуждому верна.

Ф а у с т

Не мудрствуй в час восторгов дорогих!
Существовать наш долг, хотя б на миг.

Ф о р к и а д а
(входя стремительно)

По складам любовь читайте,
Смысл любовный изучайте,
И любя, учитесь, знайте.
Но теперь не время вам.
То не гром ли отдаленный?
Слышен рев трубы военной!
Знать беда подходит к нам.
Менелай с своей толпою

Уж идет на вас войною.
Выходите же к врагам!
Не ответили б вы оба:
По примеру Деифоба
Ты заплатишь за позор.
Этих всех он вздернет вместе,
А ее, как жертву мести,
Наточенный ждет топор.

Ф а у с т

Какая дерзкая помеха ворвалась!
И в бедствиях противен мне безумный гам;
Красавец вестник безобразен с вестью злой;
Ты ж гнусная — охотница до злых вестей.
Но в этот раз тебе не удалось,
Бей воздух ты. Опасности тут нет,
Самой бы ей пришлось напрасно нас пугать.

(Сигналы, выстрелы с башен, трубы и рожки, воинственная музыка. Марш значительного войска.)

Нет, все смущенье успокоит
Круг славных витязей моих:
Тот только ласки женщин стоит,
Кто защитить умеет их.

(К предводителям, которые, отделяясь от колонн, подходят.)

Кипя отвагой безупречной,
Победу всюду разнесли
Вы, юный цвет страны полночной,
Восточной сила вы земли.

Ваш панцирь тверд, шелом ваш блещет
И царства рушатся кругом,
Идете вы — земля трепещет,
Проходите — стихает гром.

В Пилосе на берег мы стали,
И старца Нестора уж нет!
Все царства мелкие забрали
Мы разом — их пропал и след.

Отбросьте же сомкнутым строем
Вы Менелая к морю вспять,

Пусть ходит он по нем разбоем,
Чего ж ему еще желать.

Царица Спарты мне велела
Поздравить герцогами вас,
У ног ее судьба удела,
А правьте сами, в добрый час.

Коринф между двумя морями,
Германец, огради стеной,
Ахаю с горными путями
Ты смелой грудью, готф, отстой*.

В Элиде франки будут в сборе,
Мессена саксов станет часть,
Норманн очисти только море,
И Арголиде дашь ты власть.

Тогда в домашнем всяк блаженстве
Врагом не будет утеснен,
Но Спарте быть у всех в главенстве,
Она царицы древний трон.

Вы от нее приобретете
Страну, где недостачи нет,
У ног ее всегда найдете
Вы правосудие и свет.

(Фауст сходит с трона, князья обступают его, чтобы ближе услышать его приказания и распоряжения.)

Хор

Кто красавицей хочет владеть,
Прежде всякого дела
Пусть припасет оружие он!
Лестью точно стяжал
Он высочайшее благо;
Мирно же им не владеть ему:
Хитрый льстец обольстит ее,
Дерзкий разбойник умчит ее.
Предотвратить это должен он!

---

* Фауст обращается последовательно к германцам, французам, саксам (англичанам) и норманнам. В феодальных княжествах, основанных в Греции рыцарями-крестоносцами, рыцарские поместья (сеньории) были распределены между представителями перечисленных народов.

Князю нашему хвала,
Выше всех ценю его;
Храбрый, он мудро составил союз,
Так что сильные молча ждут
Мановенья его.
Исполняют веленья его
Каждый для собственной пользы своей
И в благодарность властителю тож,
Чтоб обоюдная слава росла.

Кто же исторгнет ее
У властелина теперь?
Он ей владеет, ему наш поклон,
Дважды поклон за то, что нас
С ней он крепчайшей стеной изнутри,
Войском сильнейшим извне окружил.

Ф а у с т

Дары, что здесь они находят, —
Мы всех успели наделить —
Велики, чудны. Пусть уходят!
Мы в середине станем жить.

Там защитят они и сами,
Где волны прядают кругом,
Твой полуостров, что слегка холмами
К горам Европы прицеплен.

Страна из всех под солнцем краше,
Будь всем отрадная страна.
Теперь ты в ней, царица наша,
С тобой сроднилася она,

Когда средь камышей залива
Ты выступала из яйца,
Высокой матери на диво
Красою светлого лица.

Страна готова на услугу
К тебе расцветшая придти;
Хоть весь он твой — земному кругу
Ты край родимый предпочти.

Пусть на хребтах зубчатый верх коснеет,
Чтоб солнца луч холодный лобызать,

Но лишь скала слегка позеленеет,
Коза найдет, что лакомо щипать.

Сверкает ключ, ручьи, сливаясь, мчатся,
И зелены ущелий склон и дно,
А по холмам раскинутым толпятся
Везде стада, неся свое руно.

Рогатый вол тихонько, осторожно
Над пропастью отвесною бредет;
Всех отдых ждет, и всем укрыться можно,
Везде в скалах пещер прохладный свод.

Пан их блюдет; в кустах, в тени прохладной
Селится нимф веселых хор живой,
И просятся все вверх макушкой жадной
Стволы дерев, теснясь между собой.

То древний лес! В безмолвии глубоком
Там мощный дуб суки свои простер,
И мягко клен, наполнен сладким соком,
Как бы смеясь, возносит свой шатер.

Природа-мать и детям, и ягнятам
Уж молоко под тенью припасла,
Плоды манят в долину ароматом
И каплет мед из старого дупла.

Преемственно легко дышать всем вместе,
Ланит и уст весельем пышет кровь,
Бессмертен каждый на своем тут месте,
Всяк и доволен, и здоров.

Тут сын растет, отвагою питаем,
И, как отец, он будущий герой.
Дивимся мы. И все еще не знаем:
То боги или род людской!

Так Аполлон у смертных занял сходство,
Прекраснейшим явясь средь пастухов;
Там, где природы полное господство,
Там сочетанье всех миров.
(Садясь с Еленой рядом.)
С тобой теперь успели мы во многом,
Минувшее оставим за собой!

Почувствуй же, что рождена ты богом,
Что первобытный мир тебе родной.

Тебе не место в замке тесном!
Недаром же во все века,
Укрыть в приюте нас прелестном,
Аркадия от Спарты так близка.

Бежала ты, искавши обороны,
И дождалась отраднейшего дня!
В беседки превратились троны,
Аркадским счастьем нас маня!

(Сцена совершенно изменяется. К ряду скалистых пещер прилегают скрытые беседки. Густой лес вверх по возносящимся скалам. Фауста и Елены не видать. Хор лежит, спящий врассыпную.)

Форкиада

Как долго спали девушки, не знаю я;
И снится ли им то, что ясно я сама
Глазами видела, тож неизвестно мне.
Так разбужу их. Пусть дивится молодежь
И вы, бородачи, что собрались внизу
Чудес правдоподобных увидать исход.
Скорей! Скорей! Стряхните сон с кудрей своих!
Глаза протрите! Что моргать! Да слушайте!

Хор

Говори, да расскажи-ка, что там чудного случилось!
Нам послушать бы хотелось, что вполне невероятно;
Мы соскучились ужасно на одне скалы глядеть.

Форкиада

Чуть глаза еще протерли, детки, что ж так скучно вам?
Ну, так слушать: в этих гротах, да пещерах и беседках
Приютились, как какая идиллическая пара,
Князь и с нашей госпожою.

Хор

Как? Внутри там?

Форкиада

Удалившись

Здесь от мира, для прислуги лишь меня они позвали.
Удостоясь их вниманья, как поверенной прилично,
Я на что-нибудь другое все туда-сюда глядела,

Мхов, кореньев все искала, силу действия их зная;
А они там все одни.

Хор

По твоим рассказам, словно целый мир внизу таится,
Лес, луга, ручьи, озера; что за сказки ты плетешь!

Форкиада

Так, неопытные дети! Все в тех глубинах сокрыто:
Сколько зал, дворов обширных; я везде там побывала.
Вдруг однажды слышу, хохот раздается по пещерам;
Заглянула, скачет мальчик от колен жены да к мужу,
От отца опять к родимой; милованье и проказы,
Перекоры из-за шуток, крик и хохот вперемежку
Оглушили тут меня.
Вот нагой, бескрылый гений, фавн, хоть зверя в нем не видно,
По земле там скачет твердой; но земля его обратно
Вверх подбрасывает сильно; при втором прыжке и третьем,
Достигает свода он.
В страхе мать кричит: «Ты прыгай невозбранно, сколько хочешь,
Но летать ты не пускайся, не дано тебе летать».
А отец увещевает: «Ведь земли упругость мечет
Вверх тебя, так ты ногами, хоть слегка касаясь долу,
Как Антей, землей рожденный, будешь тотчас подкреплен».
Так он прыгал на вершину той скалы и прямо с краю
На другую и обратно, как подбитый скачет мяч.
Вдруг однако же исчезнул он в расселине утеса.
Мы сочли его погибшим. Мать в слезах, отец уныл;
Я стою, содвинув плечи. Но опять, что за явленье!
Иль богатства там сокрыты? Разноцветные одежды
Он с достоинством надел.
Рукава на нем с кистями, на груди трепещут ленты,
С золотой в руке он лирой, совершенно Феб-малютка.
Подошел к обрыву смело, в самый край; мы в изумленье,
И родители в восторге обнимать спешат друг друга.
Голова-то ведь сияет! Что там светит? Неизвестно.
Золотой убор иль пламя молодых духовных сил?
Так выказывал он ясно, что уж в мальчике таится
Жрец прекрасного, в котором нежный строй мелодий вечно
Разливается по членам; но услышите вы сами,
Но увидите вы сами все с особенным восторгом.

Хор

Что же тут чудного
Видишь, дочь Крита?
Иль поучительных ты
Песен вовек не слыхала?
Не слыхала ты Ионии,
Не слыхала Эллады ты,
Прародительских былей
Про богов и героев?
Все, что и ныне
В мире бывает,
Грустный лишь отзвук
Дней наших дедов;
Далеко твоим рассказам
От того, что ложью милой,
Вероятней всякой правды,
Окружило сына Майи*!
Нежный и мощный и только что
Новорожденный младенец,
Был он увит пеленами;
Так свивальнями пышными
Сонмище нянек болтливых
Запеленало его.
Мощно и ловко, однако, он,
Хитрый, выправил гибкие,
Но упругие члены
Вон, — и, оставя пурпурную
Оболочку томящую
Вместо себя опочить,
Он мотыльку уподобился,
Что из стеснительной куколки
Выползает уж с крыльями,
Чтобы в сиянии солнечном
На просторе подняться.
Так и он-то, проворнейший,
Чтобы ворам и обманщикам,
Всем искателям прибыли
Стать благодетельным демоном,
Все подтверждает немедленно
Ловким искусством своим.
Крадет у бога морского он

* Гермес, сын нимфы Майи и Зевса.

Щит трезубец, и ловко меч
Из ножен у Арея,
Лук и стрелы у Феба тож,
Даже клещи у Гефеста;
И у отца-то унес бы он
Молнию, если б огонь не жег;
Но побеждает Эрота он,
Ногу подставя в борьбе ему.
И у Киприды, с ним ласковой,
Пояс он крадет с груди.

(Прелестные, чисто мелодические звуки струн раздаются из пещеры. Все вслушиваются и вскоре являются видимо тронутыми. Отсюда до отмеченной паузы непременно сопровождает благозвучная музыка.)

Форкиада

Звукам сладостным внемлите;
Сказки надо позабыть!
Старых вы богов не ждите,
Их покиньте! Им не жить.
Вас никто не понимает;
К цели высшей нас манит:
Только сердце порождает
То, что сердцу говорит.
(Она уходит к скале.)

Хор

Если, страшное творенье,
Песней ты увлечена,
То для нас в ней возрожденье,
Нас до слез томит она.
Пусть и солнца блеск затмится,
На душе лишь был бы свет!
В сердце собственном родится
То, чего и в мире нет.

Елена, Фауст, Эвфорион*.

Эвфорион

Песни ль детские польются,
Рады слушать вы певца;
Запляшу ли в лад, забьются
И в родителях сердца.

---

* *Эвфорион* — сын Ахилла и Елены. По одному из древнегреческих мифов, Ахилл после смерти был перенесен на остров, где Фетида на время вернула ему и Елене жизнь. У них родился сын Эвфорион, ставший

Е л е н а

Счастье людям дать прямое,
Сводит их любовь вдвоем,
Но блаженство неземное
Мы вкушаем лишь втроем.

Ф а у с т

Смысл тогда отыскан точный:
Ты моя, а сам я твой;
Мы стоим четою прочной —
Можно ль жизнью жить иной!

Х о р

Многих лет блаженных сила,
На ребенке отразясь,
И чету преобразила.
Умилительна их связь!

Э в ф о р и о н

Пустите прыгать,
Пустите мчаться!
Хочу на воздух
Я весь подняться;
Во мне лишь этот
Призыв один.

Ф а у с т

Но тише! Тише!
Без увлеченья,
Чтоб не случилось
С тобой паденья,
Не погубил бы
Нас, милый сын!

Э в ф о р и о н

Не стану боле
Внизу тут ждать я,
Пустите руки,
Пустите платье,
Пустите кудри,
Я в них волен.

Е л е н а

О! Вспомни только,
Чье ты дитя-то!

юношей редкой красоты. У Гете Эвфорион — сын Фауста и Елены. Образ Эвфориона создавался Гете под впечатлением деятельности английского революционного романтика Байрона, который умер в расцвете сил, приняв участие в освободительной борьбе греков против турецкого ига.

Страшна насколько,
Для нас утрата!
Вся наша радость —
Я, ты да он!

Хор

Боюсь, исчезнет
Прекрасный сон!

Елена и Фауст

Сдерживай! Сдерживай
Нам ты в угоду
Слишком кипучую
Страстью природу!
Здесь веселиться
Можешь у нас!

Эвфорион

Буду крепиться
Только для вас.
(Извиваясь между хором и увлекая его к танцам.)
Легче мне с девами;
Весел их пол.
С теми ль напевами
К вам я пришел?

Елена

Точно все справишь ты,
Милых заставишь ты
Стать в хоровод.

Фауст

Скоро ль умаются!
Вовсе не нравится
Мне этот сброд.

Эвфорион и хор

(танцуя и распевая, сплетаются в хоровод)*
Как помаваешь** ты
Мягко руками,

---

* Фет писал: «Хотя надпись и гласит, что Эвфорион танцует и поет с хором, но очевидно все двенадцать следующих стихов принадлежат одному хору, изображающему грацию Эвфориона, который, отдохнув от игры, затевает новую, в которой преследует очарованных им девушек как дичину; увлекающийся лишь тем, что берется с бою, он догоняет самую резвую, пренебрегая остальными. Но сопротивляясь насильственным ласкам, троянка — выходец из Аида, — уносится пламенем, насмешливо приглашая его ловить ее. Здесь кончается изображение первых, неукротимых и неудовлетворенных, стремлений молодости Байрона».

** *Помавать (устар.)* — помахивать, колебать.

Как потрясаешь ты
В пляске кудрями,
Если и ноги в лад
Чуть по земле скользят,
Полны томления
Телодвижения —
Уже достиг венца
Тем ты, дитя,
Ты и увлек шутя
Наши сердца.

(Пауза.)

Эвфорион

Вас тут без счету,
Легкие лани:
Мы здесь охоту
Затеем с вами!
Вы все дичина,
Охотник — я.

Хор

Ты нас лови-то
Не так проворно;
У нас в крови-то —
Тебя покорно
Принять в объятья,
Краса моя!

Эвфорион

В леса бегите!
По пням скачите!
Одной игрою
Не заманят;
Что взято с бою,
Тому я рад.

Елена и Фауст

Что за буйство в этой силе!
Тут и удержу не будет;
Уж не трубы ль протрубили
По долинам, за горами.
Что за гам?! И что за крик?!

Хор

(быстро вбегая поодиночке)

Убежал от нас он вскоре,
Словно он побрезгал нами,

С самой дикой в целом хоре
Он сцепился, баловник!

Эвфорион
(внося молодую девушку)
Волоку я эту крошку,
Чтоб насильно насладиться;
Мне отрадно прижимать
Грудь, что ищет враждовать.
Целовать таких люблю:
Силу воли проявлю.

Девушка
Отпусти! Не мучь ты боле,
Сила есть во мне к борьбе,
И во мне такая ж воля,
Не поддамся я тебе.
Ты на силу уповаешь!
Где ж тебе меня сломить?
Ты держи меня, как знаешь,
Мне легко тебя спалить.
(Она вспыхивает и уносится вверх пламенем.)
Ты за мною ввысь немую,
Ты за мною вглубь земную —
Цель летучую ловить.

Эвфорион
(отрясая последнее пламя)
Лесом завесило,
Скалы теснят меня,
Быть тут невесело!
Молод и боек я.
Ветры свистать пошли,
Волны шумят вдали,
Внятно их слышу сам;
Быть бы мне там.
(Он скачет все выше.)

Елена, Фауст и хор
Хочешь с серной, что ль, равняться?
Упадешь, — а нам терпеть.

Эвфорион
Надо выше подыматься,
Надо дальше мне глядеть.
Знаю теперь, где я, Вижу земли края;

Пелопса край родной*
Близок волне морской.

Хор

Ты бы в лесах у нас
Жил без печали,
Мы б виноград сейчас
Тут разыскали.
Яблок, плодов златых
Ты не забудь.
В милой стране родных,
Милый, побудь!

Эвфорион

Мир и во сне у вас!
Снись он вам в добрый час.
Я на войну иду
Там я победы жду...

Хор

Кто средь покоя
Кличет войну назад,
Тот из счастливых
Мира изъят.

Эвфорион

Всех, кто рожден тут был,
С горя на горе жил,
Волен, безмерно смел,
Лить свою кровь умел,
Под самовластием
Думы святой, —
Пусть же их счастьем
Кончится бой!

Хор

Как высоко он поднялся!
Все же он не мал на взгляд.
Словно в латы он убрался,
Медь и сталь на нем горят.

---

* Греческий полуостров Пелопоннес. Фет писал: «Возносясь все выше и приобретая все более широкий кругозор, Эвфорион озирает Пелопоннес, окруженный морем. Хор, не понимающий его беспредметных стремлений, старается удержать его в мирных полях Аркадии, но ему грезится война и победа. Полный благородных преданий вольнолюбивой Эллады, Эвфорион переносит этот воинственный дух и на современных греков в их борьбе за независимость. Гром битвы за освобождение все более

Эвфорион

Ни оград, ни укрепленья,
Лишь отважен каждый будь!
Крепче замка, без сомненья,
В медь закованная грудь!
Жить не хочешь покоренный, —
Взял доспех и прямо в бой!
Амазонки ваши жены,
Что ни мальчик, то герой!

Хор

Песня священная,
Ты, вдохновенная,
Яркой звездой одна
Будь с высоты видна!
Все ж ты доходишь к нам,
Все ж ты земным сынам
Вечно слышна.

Эвфорион

Нет, не ребенком неумелым,
Борцом я юношей предстал!
В союзе с сильным, вольным, смелым,
От них я в духе не отстал.
Вперед!
Там ждет
Ко славе путь; его я ждал!

Елена и Фауст

К жизни призванный недавно,
Мира — новый гражданин,
Рвешься к бездне своенравно
Ты с обманчивых вершин!
Иль родной
Стал чужой?
Иль союз наш сон один?

Эвфорион

Тот гром вы слышите ль над морем,
И по долинам гром опять!
В пыли и на волнах мы спорим,
Хотя б и муки испытать.

воспламеняет Эвфориона. Он летит разделить участь бойцов и вдохновенный принимает свое развевающееся платье за крылья».

Смертный стон —
Нам закон;
Это следует понять.

Елена, Фауст и хор

Что за ужас! За несчастье!
Смерть ужель тебе закон?

Эвфорион

Иль смотреть мне без участья?
Нет! Туда — где смертный стон.

Елена, Фауст и хор

Тучи надвинулись!
Смерть позвала.

Эвфорион

Все ж! И раскинулись
Вдруг два крыла!
Там нанесем удар!
Медлить нет сил!

(Он бросается на воздух, одеяние поддерживает его на мгновение, голова его сияет, светлый след бежит за ним.)

Хор

Все ты, Икар, Икар*,
Все погубил!

(Прекрасный юноша падает к ногам родителей. В мертвом признают знакомые черты, но телесное тотчас исчезает, ореол кометой возносится к небу, на земле остаются мантия и лира.)

Елена и Фауст

Горе нахлынуло,
Радость сменя.

Эвфорион

(из глубины)

Хоть все и минуло,
Мать, не покинь меня!

(Пауза.)

---

* *Икар* — в древнегреческой мифологии юноша, восковые крылья которого растаяли, когда он в полете приблизился к солнцу, что повлекло за собой падение в море и смерть.

Хор
(печальное пение)*

Не покинь! — О, без сомненья,
Наше горе без конца.
Ах, и в час исчезновенья
Ты увлек с собой сердца.
Но тебе наш плач напрасный,
Нам завиден жребий твой:
В ясный день ты и в ненастный
Песнью горд был и душой.

Ах! Для счастья ты родился,
Знатных предков мощный сын,
Но, увы! Мгновенно скрылся
Юный цвет родных долин;
Взгляд на мир живой и ясный,
Благородный сердца жар,
Лучших женщин выбор страстный,
И мятежный песен дар.

Но, стремясь неудержимо,
В сеть свободы уловлен,
Ты попрал неукротимо
Все — и нравы, и закон.
Но к концу твой дух повеял,
В сердце мужество зажглось,
Ты великое лелеял,
Но оно не удалось.

А кому удастся? Тщетно
Вопрошать судьбу о том,
В день, когда так безответно
Смолк народ в крови кругом.
Но была б в душе готова
Снова песнь, — так не беда!
Породит земля их снова,
Как рождала их всегда.

(Полная пауза. Музыка умолкает.)

* Фет писал: «Хор оплакивает нового Икара, который падает мертвый к ногам родителей. Тело, носящее черты Байрона, исчезает, ореол в виде кометы возносится к небу, а плащ и лира, как поэтические атрибуты, остаются на земле. В предисловии к первому изданию мы уже высказали наше личное воззрение на эту сцену. Всякое рассуждение о первоначальной ее концепции имеет в глазах наших лишь историческое значение. Перед нами она в окончательном своем виде и, нам кажется, в наиболее значительном. Хотя сам Байрон, как лицо, исчез, но ореол его поэзии будет вечно сиять».

Е л е н а
(Фаусту)

Сбылись на мне, увы, старинные слова,
Что счастье долго с красотой не может жить.
Разорвана вся жизнь, как и союз любви;
Оплакав их, прощаюсь горько с ними я!
И вновь бросаюсь я в объятия твои
Прими, Персефонея*, сына и меня.

(Она обнимает Фауста; телесное исчезает, платье и покрывало остается в его руках.)

Ф о р к и а д а
(Фаусту)

Держи ты то, что уцелеть могло,
Не выпускай ты платья. За концы
Уж демоны схватились, чтоб его
Увлечь в Аид. Так крепче ты держи!
Богиню ты утратил, нет ее,
Но это вот божественно. Храни
Высокий дар и возвышайся сам!
Тебя над низким станет возносить
Он к небесам, пока ты будешь жив!
Вдали с тобой увидимся опять.

(Облака окружают Фауста, поднимают и уносят его.)

Ф о р к и а д а
(поднимает с земли платье Эвфориона, мантию и лиру, выходит на авансцену)

Довольно счастливо сыскала!
Конечно ,пламя-то пропало,
Но миру нечего тужить:
Тут будет, чем подбить поэтов милых
По цехам зависть заводить;
И если я талантов дать не в силах,
Могу хоть платье сохранить.
(Садится на авансцене у колонны.)

П р е д в о д и т е л ь н и ц а х о р а

Скорее, девушки! Избавилися мы
От чар тяжелых фессалийских старых ведьм,
И от бренчанья сложных этих звуков всех,
Что слух смущают, да и пуще самый ум.

---

* *Персефона* — в древнегреческой мифологии богиня плодородия и царства мертвых, владычица преисподней (Аида).

Скорей в Аид! Царица же тут сошла
Вполне спокойна. По ее стопам должны
Немедленно служанки верные идти.
Она у трона неисповедимой ждет.

Хор

Да, царицам повсюду прием;
Даже в Аиде они во главе
Между равными гордо стоят,
С Персефоною в дружбе прямой.
Нам же поодаль,
В асфоделоса* равнинах,
Под тополями,
Рядом с бесплодными ивами,
Нам-то чем развлекаться?
Словно летучим мышам лишь
Глухо пищать, тоскливо и странно.

Предводительница хора

Кто имени, высок душой, не заслужил,
Принадлежит стихиям. Так ступайте к ним.
Я пламенно стремлюсь с царицей быть своей:
Не службу лишь, и верность я блюсти должна.
(Уходит.)

Все

Возвращены мы к свету денному;
Хоть и не лица мы,
Это мы чувствуем,
Но не вернемся больше к Аиду!
Вечно живая природа
Дух наш усвоит,
Как вполне мы усвоим ее.

Одна часть хора

Здесь мы в тысячах болтливых сучьев, шепчущих тихонько,
Мило шутим, маним тихо по корням источник жизни
До ветвей; и незаметно то листвой, то пышным цветом,
Украшаем шаткий волос на веселый вольный рост.
Упадет ли плод, сейчас же люди и стада сберутся,
Подхватить и насладиться всяк спешит, и все толпятся;
Как бывало пред богами, всяк пред нами преклонен.

---

* *Асфоделус (асфоделюс, асфоделос)* — дикорастущее травянистое растение в средиземноморских странах. У древних греков существовало мифическое представление о лугах этих растений в Аиде (подземном мире), по которым блуждали тени умерших, не совершивших преступлений. Цветок асфоделуса — символ забвения.

Другая часть хора

Мы к стенам высоким этих скал, как зеркало блестящим,
Приникаем, колыхаясь нежной, ласковой волной;
Чутко внемлем птиц мы пенью, тростника протяжным звукам:
Грянет страшный голос Пана, наш ответ сейчас готов.
Свиснет где — и мы засвищем; загремит — мы пустим громы,
Повторим их вдвое, втрое, даже в десять раз затем.

Третья часть хора

Сестры! Мы душой подвижной мчимся далее с ручьями;
Нас пленяют поневоле то ряды холмов далеких.
Все по склону, все мы глубже поливаем, извиваясь,
То долину, то лужайку, то пред самым домом сад.
Путь наш виден по вершинам кипарисов, что возносят
Над прибрежьем и волнами в воздух стройный ряд вершин.

Четвертая часть хора

Там вы будьте, где угодно, — мы шумим и окружаем
Холм, засаженный повсюду зеленеющей лозой.
Там по всякий час мы видим виноградаря заботу,
И трудов его усердных столь сомнительный успех.
То с лопатой, то с киркою, — куча, режа, подчищая,
Всех богов он умоляет, — бога солнца паче всех.
Вакх неженка — очень мало о слуге своем печется, —
Рад в беседках да пещерах с младшим фавном он болтать.
Что ему для грез приятных, в полухмеле, только нужно,
Это все еще от века и в мехах, и в старых кружках,
Да в сосудах справа, слева, по пещерам он найдет.
Но когда все боги вместе, Гелиос же перед всеми,
Грея, вея, орошая, гроздий сочных припасут —
Там, где рылся виноградарь, все мгновенно оживает,
Зашумят в беседке каждой, от лозы спеша к лозе;
Треск корзин и говор ведер за тяжелыми лотками,
Все спешит к огромной кади, где танцует винодел.
Так пойдут святыню чистых, сочных ягод дерзновенно
Попирать; клубясь и пенясь, все раздавлено в чану.
И пойдут греметь кимвалы вместе с медными тазами;
Потому что Дионисий из мистерии возник;
Он приводит козлоногих, с хороводом козлоножек,
И ревет при том Силена длинноухий серый зверь.
Нет пощады! Топчут нравы все копытом раздвоенным,
Чувства все в затменье — больно, оглушительно ушам.
К кружкам тянутся хмельные — голове и брюху тяжко;

Кто пока еще хлопочет — множит только беспорядок;
Всяк под новый сок желает старый мех опорожнить!

(Занавес падает. Форкиада исполински поднимается на авансцене, сходит с котурнов, снимает маску и покрывало, и является Мефистофелем, чтобы в случает нужды объяснить пьесу в эпилоге.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Горный хребет

Могучие зубчатые скалы. Облако приближается, прилегает, спускается на выдающуюся площадку. Оно разверзается.*

Ф а у с т
(выступает из облака)

Пустынное молчанье здесь у ног моих;
Вот бережно на край вершин я становлюсь
И отпускаю облако, которым я
Через моря и сушу днем перенесен.
Оно тихонько от меня отходит прочь;
К востоку глыба движется большим комком.
За нею изумленный глаз вослед глядит:
Оно, идя, волнуется изменчиво.
Но образуясь… Да, глаза мои не лгут! —
На озаренном ложе чудно распростерт,
Хоть исполинский, лик божественной жены,
С Юноной сходный, с Ледою, с Еленою.
Как царственно он на моих глазах плывет!
Ах! Сдвинулось, бесформенно нагромоздясь,
Все поплыло к востоку снежной цепью гор,

* Фет писал: «Исполненный стремления к новой, могучей деятельности, Фауст несется на облаке, образовавшемся из одежды Елены. Под сильным впечатлением прожитой античной жизни, он ведет свой монолог триметром, описывая самое действие как это в обычае древней драмы. Спустивши его на уступ скалистых гор, облако уносится, принимая образы древних красавиц. Охватывающий его легкий туман, подымаясь и нежно сливаясь, напоминает ему первые, неясные грезы любви к Гретхен, которые он называет любовью Авроры».

Как яркий отблеск смысла мимолетных дней.
Но в светлой нежной пряди обдает туман
Живой прохладой мне еще чело и грудь.
Вот медленно возносится все выше он;
Вот слился. Или это лик обманчивый
Первоначальных и давно минувших благ?
Сердечных всех богатств забили вновь ключи:
Любви Авроры легкокрылой признаю
Мгновенный, первый и едва понятный взгляд,
Который ярче всех сокровищ пламенел.
Как красота душевная, прелестный лик,
Не разрешаясь, все подъемлется в эфир,
И лучшее души моей уносит вдаль.

(Шлепает семимильный сапог*, затем следует другой. Мефистофель сходит. Сапоги быстро уходят.)

Мефистофель

Вот это шагом назову я!
Но ты скажи-ка, что с тобой?
Спустился в мерзость ты такую,
Где камни зев разверзли свой?
Мне все знакомо с первого тут взгляда;
Ведь собственно дном это было ада.

Фауст

Легенд дурацких ты не занимаешь;
И вот опять такую предлагаешь.

Мефистофель
(серьезно)

Когда Господь — я знаю и зачем, —
Нас с воздуха загнал во глубь земную**,
Где сдавленный и запертый совсем
Огонь разросся, силу взяв большую,
То при таком безмерном освещенье
Пришлось нам быть в неловком положенье.
Тут черти разом страшно заперхали;
И вниз и вверх все отдуваться стали.
Сперся в аду ужасный запах серный:

---

* Семимильные сапоги упоминаются в немецких народных сказках.

** Здесь начинаются рассуждения Мефистофеля о сотворении мира, основанные на библейских преданиях и поэме Джона Мильтона «Потерянный рай».

Вот газ-то был! От силы беспримерной
Кора земли, вся плоская сначала,
Как ни толста, надсевшись, затрещала!
Всех перемен одна и та ж причина;
Что было дном — теперь вершина.
И вот они на этом строят сами,
Учения все ставить вверх ногами.*
Из рабских жгучих бездн пришлось бежать
Нам, чтоб воздушным царством обладать:
И откровенье этой тайны всей
Должно дойти лишь поздно до людей.

Ф а у с т

Утес стоит, — и благородно нем.
Я не спрошу, откуда и зачем?
Когда, природа строй свой утверждала,
Она и шар земной вполне скругляла,
И были любы ей еще с тех пор,
И пропасти, и ряд скалистых гор;
Затем с холмов, с округлой их вершины,
Она тихонько перешла в долины:
Там все цветет, и вот ее награда,
Но глупой ломки вовсе ей не надо.

М е ф и с т о ф е л ь

По-вашему, все это ясно вам.
Но не тому, кто был при этом сам.
Я был при том, как пламень не усталый
Все пучился и яростно пылал,
А молоток Молоха**, строя скалы,
Обломки гор далеко разметал.
Немало их повсюду взор встречает.
Кто ж расшвырял их по лицу земли?
Философа тут знанье не хватает;
Скала лежит, лежи она как знает;
Мы до болезни в думах тут дошли.
Один простой народ все разгадал,
Его понятий с толку не собьете;
Давно премудрость он познал:

---

* Имеется в виду учение о вулканическом происхождении земли.

** *Молох* — божество, упоминаемое в Ветхом Завете, которому приносили в жертву детей. В «Мессиаде» немецкого поэта Клопштока (современника Гете) Молох — воинствующий дух, воздвигающий скалы, и гордый богоборец.

Тут чудеса, — и сатана в почете.
На костыле хромает веры спросту*
На чертов камень с чертова он мосту.

Ф а у с т

В своем конечно любопытно роде,
Какого мненья черти о природе.

М е ф и с т о ф е л ь

Природы тут в расчет мы не берем.
Тут честь нужна: черт значит был при том!
К великому стремятся наши силы:
Разгром, насилье, бестолочь нам милы.
Но чтоб тебя спросить вполне понятно:
Встречал ли ты, что для тебя приятно?
Ты проглядел, как легкую забаву,
Земные царства все, и всю их славу.
Но ненасытный, между тем,
Не увлекался ли ты чем?

Ф а у с т

Ну что ж! Большого я взалкал.
Ну, отгадай!

М е ф и с т о ф е л ь

Я отгадал.
Столицу выбрал бы я вот,
Чтоб посреди кишел народ,
Стеснились улицы нелепо,
На тесном рынке лук и репа,
Мясные лавки, где роями
Толкутся мухи над лотками.
Всегда довольно встретишь ты
И вони там, и суеты.
Затем, за площадью спесивой,
Широких улиц ряд красивый.
И наконец, где нет ворот,
Предместье без границ пойдет.
Там я в карете б все катался,
Движеньем пестрым наслаждался,
Что не дает на миг единый
Покоя кучке муравьиной.
Я еду иль верхом гуляю —

* *Спросту (устар.)* — без умысла, по глупости, по простоте.

Всех тысяч центр я составляю,
И ото всех-то мне почет.

Ф а у с т

Напрасно этим ты прельщаешь.
Ты рад, что множится народ,
Что он достаточно живет,
Пожалуй, учится, — и вот
Бунтовщиков лишь воспитаешь.

М е ф и с т о ф е л ь

Так на веселом месте б мог
Я пышный выстроить чертог*:
Холмы и лес промеж долин
Я совместил бы в сад один,
Где стены зелены, живые,
Дороги как струна прямые,
Каскады по скалам, ключи,
Воды различные лучи.
Там вверх она несется, о бок с нами
Шипит и плещет мелкими струями.
Тут я б прекрасных женщин успокоил,
И домиков прелестных им настроил;
И счет я позабыл бы дней
В уединенье милом средь гостей!
Я «женщин» говорю; их идеал
Во множестве всегда я принимал.

Ф а у с т

Вздор модный, мой Сарданапал**!

М е ф и с т о ф е л ь

Как отгадать, к чему ты устремился?
К высокому чему-нибудь!
К луне ты ближе возносился,
Знать к ней пошло тебя тянуть?

Ф а у с т

Нисколько. На земле найду
Я, где за подвиг взяться смело.
Великое свершится дело, —
Я силу чувствую к труду.

---

* Далее следует описание Версаля, резиденции французских королей, отстроенной Людовиком XIV,которую старались воспроизвести по мере возможностей немецкие князья в своих карликовых государствах.

** *Сарданапал* — мифический царь Ассирии, персонаж древнегреческой мифологии. Со временем его имя стало символом роскоши и изнеженности.

Мефистофель

Итак, ты жаждешь славы ныне?
Ты прямо ведь от героини.

Фауст

Власть, собственность влекут мой взор.
Лишь подвиг все, а слава — вздор!

Мефистофель

А все ж иной поэт, быть может,
Тебе во славу песню сложит,
И глупость глупостью встревожит.

Фауст

Никак ты не поймешь вовек,
Чего алкает человек.
Ты резок, зол и едок сам —
Где ж знать тебе, что нужно нам?

Мефистофель

Тебе повиноваться буду.
Раскрой же мне вполне свою причуду.

Фауст

Я обращал глаза свои на море;
Оно само в себе все возвышалось,
Затем, сравнявшись на большом просторе,
Оно на берег плоский в бой помчалось.
Мне стало грустно, что кичливость вновь
Свободный дух с его сознаньем прав,
В пылу страстей, волнующих ей кровь,
Насилует, покой его поправ.
Я думал — случай; напрягаю взгляд,
Волненье стало и пошло назад,
От гордой цели убегая вспять;
Но час придет — и та ж игра опять.

Мефистофель
(ad spectatores)*

Мне новости не любопытны эти:
Я это знаю тысячи столетий.

Фауст
(продолжает страстно)

Волна ползет по всем изгибам края,
Бесплодная, бесплодность расточая;
Вот поднялась, растет, и залила

* К зрителям *(лат.)*.

Пустынный край, который забрала.
Волна волну там нагоняет только.
Отхлынула — а пользы нет нисколько.
Стихии власть в отчаянье приводит
Меня, когда бесцельно колобродит!
Тогда мой дух себя опережает:
Он биться рад, он победить желает.
И это все возможно! Хоть сильна,
Но мимо всех холмов идет волна;
Как там она надменно ни несется, —
А что повыше, то над ней смеется,
И углубленьем ход ей верный дан.
Вот я тебе в душе составил план:
Высокое познай ты наслажденье!
Отнять у моря берегов владенье,
Широкой влаги обуздать коварство!
И далеко в ее ворваться царство!
Я шаг за шагом все обдумал это.
Вот цель моя; не пожалей совета!*

(Барабаны и военная музыка за спиной зрителей вдали, с правой стороны.)

Мефистофель

Ведь как легко! Иль барабаны бьют?

Фауст

Опять война! Уму не радость тут.

Мефистофель

Война иль мир — умно одно стремленье
На пользу свесть любое положенье.
Тут караул, минутки не зевай;
Вот случай подошел! Ну, Фауст, хватай!

Фауст

Избавь! Загадочной не нужно болтовни.
Короче, в чем вопрос? Ты лучше объясни!

Мефистофель

Во время странствия я вновь заметил вскоре,
Что императора томит большое горе;

* Мотив победы человеческого труда над силами природы станет центральной частью последнего — пятого акта трагедии. Здесь же Мефистофель отвлекает Фауста от осуществления великой цели творческого созидания, втягивая его в государственную междоусобицу. Похожее он совершил в первой части трагедии, когда Фауст, увлеченный путешествием на Брокен в Вальпургиеву ночь, забывает о своем нравственном долге перед Гретхен.

Его ты знаешь, как его мы веселили,
Да мнимым лишь богатством наделили,
И света тут не взвидел он;
Он молодым вступил на трон,
Ему могло еще казаться,
Что совмещается вполне
И привлекательно вдвойне:
И править всем, и наслаждаться.

Ф а у с т

Большой обман! Кто должен власть приять,
Тот властью будь блажен необычайной;
Высокой волей должен он дышать,
Но мысль его другим должна быть тайной;
Что на ухо шепнул вернейшим он —
Исполнено, и мир весь изумлен.
И так пребудет, властью он гордясь,
Достойнейшим! А наслажденье — грязь.

М е ф и с т о ф е л ь

Он не таков! Он наслаждался сам!
А государство гнило по частям;
Велик и мал взаимно враждовали,
И граждане друг друга убивали,
На город город нападал,
Цех на дворянство восставал,
Епископ с капитулом в споре.
Куда ни глянешь, все в раздоре.
В церквах убийства, у градских ворот
Страх и купца, и путника берет.
Во всех нахальство дерзкое росло;
Всяк, защищаясь, жил. Так дело шло.

. Ф а у с т

Шло хромо. Падало, вставало тож,
И шлепнулось так, что не разберешь.

М е ф и с т о ф е л ь

Никто не смел бранить среду их хилой,
Всяк мог казаться и казался силой;
Малейший красовался тож;
Но лучшим это стало невтерпеж.
Заговорили все они зараз:
Тот будь главой, кто успокоит нас.
Наш император этого не может!
Мы выберем другого — он поможет
Нам встать, он личность оградит,

Он государство обновит,
И мир, и правду приумножит.

Фауст

Поповский голос!*

Мефистофель

Да попы и есть;
Они привыкли лакомо поесть,
Они тут часть большую захватили,
Восстание они же освятили;
Вот государь наш и идет войной,
И может здесь в последний вступит бой.

Фауст

Мне жаль его; в нем добрая есть воля.

Мефистофель

Пойдем взглянуть! Надежда — смертных доля,
Спасем его вот в этой мы теснине!
Спасенный раз — задышит он отныне.
Как знать, чей жребий вынется судьбами?
Будь счастлив он, — придут вассалы сами.

(Они поднимаются над средним возвышением и осматривают боевую линию в долине. Барабанный бой и военная музыка раздаются снизу.)

Мефистофель

Позиция, я вижу, безупречна;
Мы подойдем, он победит, конечно.

Фауст

Чего там можно ожидать?
Обман да колдовство опять!

---

* Фет писал: «Раздается военная музыка, и Мефистофель, не взирая на отвращение Фауста к войне, объясняет ему, что наступила благоприятная минута для осуществления заявленного последним плана. Обогащенный на время волшебником добродушный император, оставаясь верным своему желанию править и наслаждаться, довел государство снова до величайшей опасности. Фауст, порицая такое ложное понимание верховной власти, выставляет идеал властителя, которого замыслы делаются известными только по приведении их в исполнение. Замечательно, что когда Мефистофель, описывая все бедствия, истекающие для народа из бездействия власти, объясняет избрание антиимператора желанием лучших людей видеть во главе государства первого встречного, способного защищать личность и собственность, — Фауст прямо восклицает: «Поповский голос!», угадывая, что для сторонников избирательства важна не самая гарантия, заключающаяся в избираемом, которая настолько же загадочна, как всякое будущее, а замена незыблемой наследственности случайностью, при которой ловкому эгоизму открывается обширное поле действия».

Мефистофель

Военной хитрости не хочешь?
Хотя о важном ты хлопочешь,
Но цель ты главную пойми:
Когда престол и край спасем мы, смело
Склони колени и прими
В дар ты прибрежье без предела.

Фауст

Ты дел проделал — не сочтешь;
Вот выиграй сраженье тож!

Мефистофель

Его ты выиграешь сам;
Тебе начальство передам.

Фауст

Вот эта высота прямая:
Повелевать, вещей не понимая!

Мефистофель

Для этого и штаб устроен,
Чтобы фельдмаршал был покоен.
Войну зачуя, в добрый час
Совет военный я припас;
Народ — все горные кряжи;
Кто их избрал — тот не тужи!

Фауст

Кто там в оружии идет?!
Иль скликал горный ты народ?

Мефистофель

Нет! Но подобную им рать
Сам Петр бы Сквенц* не мог набрать.

(Три сильных появляются**.)

Взгляни на молодцов моих!
В летах их разница большая,
С другим оружьем всяк из них;
Но тройка эта разлихая.
(К зрителям.)
Надеть ребенок нынче рад
И шлем, и рыцарские шпоры,

---

* *Сквенц* — персонаж комедии немецкого писателя XVII в. Андреаса Грифиуса «Господин Петер Сквенц».

** *Три сильных* — так называются в Библии славные бойцы из войска царя Давида, вступившего в бой с филистимлянами.

Так вам подавно угодят
Аллегорические воры.

З а б и я к а

(молод, легко вооружен, пестро одет)

Кто смеет мне в глаза взглянуть,
Тому я кулаком всю морду всковыряю;
А кто захочет улизнуть,
Того за чуб сейчас поймаю!

З а б и р а й

(мужествен, хорошо вооружен, богато одет)

Пустые драки вздор напрасный,
День пропадает ни причем;
Бери, где можешь, ежечасно,
О прочем спрашивай потом.

Д е р ж и - к р е п ч е

(в летах, сильно вооружен, без плаща)

В этом тоже толку мало,
Добра сейчас как не бывало,
И ты опять безо всего;
Брать хорошо, но удержать важнее;
За старика держись дружнее,
Уж не отнимут твоего.

(Все они спускаются в долину.)

На предгорье

Барабаны и военная музыка снизу. Разбивают императорскую палатку.
Император, главнокомандующий, драбанты.

Г л а в н о к о м а н д у ю щ и й

Мне кажется, мы дельно поступили,
Что с целым этим войском вот,
В долину тихо отступили;
Надеюсь, счастие нас ждет.

И м п е р а т о р

Что выйдет, то и будет видно;
Но полу бегство — это мне обидно.

Главнокомандующий

Взгляни на правый фланг наш отдаленный!
Такого места ищет ум военный:
Холмы не круты, но довольно крупны,
Нам выгодны, врагам же неприступны;
Дает приют нам местности волна,
А коннице чужой она страшна.

Император

Мне остается любоваться;
Рукам тут есть, где разгуляться.

Главнокомандующий

Здесь посреди долины тесным строем
Стоит фаланга, пышущая боем.
И пики их поверх туманной мглы
На воздухе сияньем дня светлы.
Как мощно весь волнуется квадрат!
Из этих тысяч каждый битве рад.
На силу их ты можешь положиться:
С ней вражья сила верно сокрушится.

Император

Чудесный вид! Я не встречал таких.
Такое войско стоит двух других.

Главнокомандующий

Наш левый фланг мы утвердить успели;
Там на скале все храбрецы засели.
Уступы, что оружием блестят,
Ту важную теснину защитят.
Сдается мне, что вражеские силы
Нежданные там обретут могилы.

Император

Вон и моя роденька*! Ведь когда-то
Во мне то дядю видели, то брата,
А между тем, шатая власть закона,
Достоинство все расхищали трона.
Затем враждуя, край опустошали,
И вот теперь все на меня восстали!
Колеблется толпы неверный дух,
Да за волною общей хлынет вдруг.

Главнокомандующий

Вон человек, что послан был от нас
Лазутчиком, спешит; ну, в добрый час!

* Родня.

1-й Лазутчик

Дело наше справил ладно,
Ловко, смело в каждый след,
Я наведывался жадно;
Но вестей хороших нет.
Многих с рвеньем благородным
Находил я в эти дни;
Но волнением народным
Извиняются они.

Император

Свои для эгоистов близки нужды,
Но благодарность, долг и честь им чужды.
Ну, как же всяк того-то не поймет:
Горит сосед, так до него дойдет.*

Главнокомандующий

Вот и второй спускается несмело,
От устали дрожит его все тело.

2-й Лазутчик

Поначалу я дивился
Всем нелепым чудесам;
Вдруг нежданно появился
Император новый там.
По полям путем нежданным
Все толпами понеслись,
И за знаменем обманным
Как бараны погнались!

Император

На пользу мне подложный государь;
Теперь я только понял, что я царь!
Лишь как солдат я панцирь надевал;
Но ныне цель я высшую познал.
Я средь пиров богат был не вполне;
Опасности недоставало мне.
Совет ваш был, украсить боем пир,
И сердце билось, снился мне турнир;
И если бы не ваш совет лукавый,
Давно б я был покрыт военной славой.
Во мне порыв могучий пробудился,
Когда при вас в огне я очутился;

* Парафраза из «Посланий» Горация: «Дело коснулось тебя, коль полыхает стена у соседа».

Шел на меня стихии грозный пыл,
То призрак был, но призрак грозен был.
О битвах стал, о славе я мечтать.
Пополню все, что мог я прогулять!

(Снаряжаются герольды для вызова ложного императора. Фауст в броне, с полуопущенным забралом шлема. Три сильных, вооруженные и одетые, как прежде.*)

Ф а у с т

На ваш приход не станут же сердиться,
Ведь осторожность всюду пригодится.
Ты знаешь, свой у горцев разум есть,
Дано им камней письмена прочесть.
А духи, как с равнины удалились,
К горам еще сильнее пристрастились
И действуют в пещерах безысходных,
Вдыхая газ металлов благородных.
При опытах разъединений, слитий,
Их цель одна — идти путем открытий.
Воздушными перстами тайн владыки
Прозрачные в тиши слагают лики.
Они в кристалле и в его молчанье
Земную жизнь провидеть в состоянье.

И м п е р а т о р

Я слышу все и верю я вполне.
Но ты скажи: на что все это мне?

Ф а у с т

Знай: некромант** из Норики, в Сабине,
Слуга твой верный, преданный поныне:
Судьба ему жестоко угрожала.
Хворост пылал, и пламя колыхало,
Чтоб по сухим поленьям вверх пройти,

---

* Фет писал: «Опасность возбуждает всю энергию изнеженного императора, как во время маскарадного пожара. В эту минуту вооруженный Фауст приходит с тремя сильными предложить таинственную помощь горцев, которые научены горными духами читать смысл формаций и кристаллизаций ископаемого царства, по общему соответствию явлений природы провидеть в них и внешние исторические события. Изумительна художественная правда во всех объяснениях Фауста императору происходящих вокруг чудес. Чудеса все исходят из Мефистофеля, и потому Фауст сам старается объяснить их себе, а тем более императору, чтобы не отталкивать его мыслию о влиянии нечистой силы».

** *Некромант* — маг, общающийся с душами умерших.

Пропитанным смолою; уж спасти
Ни человек не мог, ни Бог, ни черти;
Величество расторгло узы смерти.
То было в Риме. Он к тебе питает
Любовь, и все в твою судьбу вникает.
С того же часу он, забыв себя,
Глядит на звезды лишь из-за тебя.
Он нас послал, приказывая строго
Быть при тебе. В горах так силы много;
Природе властной вольный там приют,
Попы глупцы то колдовством зовут.

Император

В день радости, гостей своих встречая,
Мы веселы, когда толпа живая
Растет, один спешит другому вслед,
Так что в просторных залах места нет.
Но тот безмерно дорог должен быть,
Кто помощь нам явился предложить
В часы забот, когда над головою
У нас часы колеблемы судьбою.
Но не касайтесь мощною рукой
Меча свободно поднятого мной.
Почтите миг, в который всяк стремится
Иль за меня, или со мной сразиться.
Справляйся сам! Кто хочет трон обресть,
Сам заслужить такую должен честь.
Пусть призрак тот, что против нас поднялся,
И императором земли назвался,
Вождя и ленных прав* присвоив силу,
Моей рукой низринется в могилу!

Фауст

Чтоб ни было, но, увлечен игрою,
Напрасно ты рискуешь головою.
К чему на шлеме гребень и султан?
Он смелой голове в защиту дан.
Без головы на что все члены нужны?
Она заснет, и все они недужны;
Больна она — все тело нездорово,
Оправилась — и ожило все снова:
Рука в права могучие вступает,
Подъемлет щит и череп защищает,

* *Ленное право* — право, определявшее отношение между сюзереном (здесь — императором) и его вассалами.

Спешит и меч о долге не забыть,
И, отклоня удар, опять разить;
Нога хранит со всеми верно связь,
Убитому на шею становясь.

Императоръ

Таков мой гнев; я стал бы, не бледнея,
Как на скамью, на голову злодея!

Герольды

(возвращаясь)

Мало весу, мало чести,
Там у них мы испытали,
Нам на звук достойной вести
Только смехом отвечали:
Императоръ ваш отпетый,
Вместе с эхом он отбыл.
Помянув о вести этой,
Скажет сказка: «Жил да былъ».

Фаустъ

Сбылись желанья преданныхъ людей,
Что при особе состоятъ твоей.
Вонъ врагъ идетъ, мы дышимъ силой ратной,
Вели начать намъ въ мигъ благоприятный.

Императоръ

Повелевать отказываюсь я.

(К главнокомандующему.)

Ты, князь, веди, обязанность твоя!

Главнокомандующий

Так пусть наш правый фланг вступает в бой!
И левый фланг врага, что наступает,
Пока еще проходит под горой,
Всю наших сил отвагу испытает!

Фаустъ

Так ты позволь, чтоб этотъ вотъ герой
Сейчасъ вступалъ съ твоими вмѣстѣ въ строй.
Въ твоихъ рядахъ онъ посреди другихъ
Проявитъ всю могучесть силъ своихъ.

(Он указывает вправо.)

Забияка

(выступает)

Кто мне лицо покажет, так ему
Расковыряю тотчас морду всю я!
Кто спину обратит ко мне, тому

Чуб, голову и шею отверну я!
Когда же меч я подыму,
И ринутся все с тою же любовью,
То станет враг один по одному
Своей захлебываться кровью!
(Уходит.)

Главнокомандующий

Фаланге тихо двигаться вперед!
Пускай она врага всей силой ждет!
Вон там направо, кстати, уж успели
Отвагой наши повредить их цели.

Фауст
(указывая на среднего)

Так пусть и он, куда велишь, пойдет.

Забирай
(выступает)

Хоть войско мужеством пылает,
Пусть о добыче помышляет,
И всяк из нас ворваться ждет
В их императорский намет*.
Недолго там ему покрасоваться;
Я впереди фаланги стану драться.

Скорохватка
(маркитантка, увязывается за ним)

Хоть я ему и не жена,
Но как любовнику верна.
Нам эта осень благодать!
Пустите женщину хватать,
Она блаженна грабежом,
Как победят, запрета нет ни в чем.
(Оба уходят.)

Главнокомандующий

На левый фланг наш, как я ожидал,
Налег их правый. Каждый возжелал
Противостать их буйному почину,
Не давши им ворваться в ту теснину.

Фауст
(указывая налево)

И этот вот вам может пригодиться;
Не лишнее и сильным подкрепиться.

---

* *Намет* — покрывало рыцарского шлема.

Держи-крепче
(выступает)
На левый фланг надейтесь смело!
Где я, там наше будет цело;
Старик при деле тут знакомом:
Что схватит, не отбить и громом!
(Уходит.)

Мефистофель
(спускаясь сверху)
Вы поглядите-ка за нами:
Из каждой пасти скал с зубцами
Вооруженные стремятся,
По всем тропинкам шевелятся,
В забралах, панцирях, с мечами
За нами выросли стенами,
И знака ждут сразиться смело.
(Тихо, обращаясь к знающим.)
Откуда все? Не ваше дело.
Конечно, я уж не зевал,
Все арсеналы обобрал;
Так всяк из них, кто пеш, кто конный,
Стоял как властелин законный;
Цари да рыцари былые,
Теперь улитки лишь пустые;
В них приведенья забрались пока
Напомнить средние века.
Какой бы черт в них ни торчал,
Эффект на этот раз не мал.
(Громко.)
Прислушайтесь, как злится стая,
Толкаясь словно жесть пустая;
Клоки штандартов там заколыхались,
Радехоньки, что ветерка дождались.
Подумайте, тут древний весь народ
Охотно в распрю новую идет.

(Страшный трубный звук сверху, в неприятельском войске заметное волнение.)

Фауст
Весь горизонт затмился ясный,
Лишь там и сям какой-то красный
Блеск начинает проступать;

Оружье все как бы кроваво;
Скала и воздух, и дубрава,
И небо не хотят отстать.

Мефистофель

Наш правый фланг стоит упорно,
Но вижу — выше всех, где драка,
Наш великан-то Забияка,
Он там работает проворно.

Император

Одна рука сперва там билась,
Теперь их дюжина явилась!
Непостижимо для меня.

Фауст

Иль никогда не слышал ране
О сицилийском ты тумане?
Днем возникают в той стране,
Почти до облак подымаясь,
В среде воздушной отражаясь,
Явленья чудные вполне.
Там города, сады порою,
Одна картина за другою
Парят в эфирной вышине.

Император

Но что за странность!
Блеск великий
Распространяют наши пики;
У всей фаланги то и знают
По копьям огоньки порхают:
Ведь что-то призрачное тут!

Фауст

Не погневись, то без сомненья
Следы духовного значенья,
То Диоскуров отраженья,
Пловцам известные явленья*.
Они с остатком сил идут.

Император

Кому ж обязан я, скажи ты,
Коль тайны, что в природе скрыты,
Со всех сторон на нас текут?

---

* Созвездие Диоскуров, считали древние греки, благоприятствует мореплавателям.

Мефистофель

Конечно мудрецу тому же,
Что занят так твоей судьбой!
Врагов не признает он хуже
Твоих — и изболел душой.
Желает он спасти тебя,
Хотя бы погубив себя.

Император

Был пышный въезд почтить мою особу;
Я был в чести; вот я задумал пробу
И порешил, что, кстати, одарю я
Живой прохладой бороду седую.
Священству я, испортив развлеченье,
Не заслужил его расположенья.
Ужель судьба чрез столько лет велела
Мне действия познать благого дела?

Фауст

Благодеянью долго жить;
Смотри, что там вверху летает!
То знаменье ль он посылает;
Оно ж себя и объяснит.

Император

Там в высоте орел парящий,
А вслед за ним, грифон грозящий.*

Фауст

Все это к счастию, поверь.
Грифон ведь баснословный зверь;
Ну как же мог он так забыться,
Чтобы с орлом ему сразиться?

Император

Теперь они все вверх взмывают,
Кружась. И оба в тот же миг
Впились друг в друга. Когти их
Врага отчаянно терзают.

Фауст

Заметь, как гадкий-то грифон
Избит, истерзан очутился,
И, львиный хвост склонивши, он
В вершины леса покатился.

---

* *Орел и грифон (гриф)* — геральдические звери со щитов императора и «враждебного императора».

Император

Как тут предвещено, так будь!
Дивлюсь, но не смущен ничуть.

Мефистофель

(вправо)

Ваши бойко лезут драться,
Враг не может удержаться,
Вот полезла их орава,
На своих сбиваясь вправо.
Этим дело с толку сбили,
Левый фланг свой оголили.
А фаланга наша живо
Вправо бросилась ретиво,
Где ряды врагов не полны.
Вон, как яростные волны,
Сшиблись с грохотом и воем
Обе рати равным боем.
Вот чудесное движенье;
Разобьем их без сомненья!

Император

(к левой стороне, Фаусту)

Глянь, сдается, там неладно;
Нашим там стоять накладно,
Камней сверху не бросают;
По скалам уже взлезают,
А вершины опустели;
Вон — враги то налетели
Целой тучей к нам в долину.
Уж не взяли ли теснину?
Вот безбожья плод ужасный!
Ваши чары все напрасны!

(Пауза.)

Мефистофель

Моих два ворона вон вместе.
Какие мчат они нам вести?*
За наше дело страшно мне.

Император

Что пользы в птицах этих черных?
Несутся на крылах проворных
С полей сражения оне.

* В немецких народных сказках спутники черта — два вещих ворона.

Мефистофель
(воронам)
К ушам моим плотней прильните!
Спасен, кого вы защитите;
Разумен ваш совет вполне.

Фауст
(императору)
О голубях ты слышал верно,
Что так летают непомерно,
Гнездом птенцов привлечены?
Тут ход событий обнаружен:
Почтовый голубь в мире нужен,
А ворон — почта для войны.

Мефистофель
Меня смущает донесенье.
Смотри, ужасно положенье
Героев наших по скалам;
Враг занял нижние вершины,
И если вход займет в теснины,
Держаться трудно будет нам.

Император
Итак, обман — все чары эти,
Меня вы заманили в сети;
Давно уж страх меня берет.

Мефистофель
Мужайся! Может быть исход.
С терпеньем штучки тут возможны!
В делах всего трудней кончать.
Мои гонцы благонадежны;
Вели ты мне повелевать.

Главнокомандующий
(который, между тем, подошел)
С тех пор, как с ними ты связался,
Все время этим я терзался:
Не может в чарах счастья быть.
Мои тут силы не хватают;
Начало их — так пусть кончают;
Желаю жезл свой возвратить.

Император
Ты сохрани его в день грустный.
Ждать будем счастья своего.

Мне страшен малый этот гнусный,
Боюсь я воронов его!
(К Мефистофелю.)
Жезла теперь не домогайся;
В тебе не то, что быть должно.
Повелевай и постарайся
Спасти! — И будь, что суждено!

(Уходит в палатку с главнокомандующим.)

Мефистофель

Пусть жезл тупой его спасает!
Нам пользы он не доставляет,
Там крест какой-то виден был.

Фауст

Что ж делать?

Мефистофель

Все я порешил.
Ну, братцы черные, летите
К ундинам горным, попросите
Снабдить нас призраками вод*!
Они искусство женщин знают —
От правды призрак отделяют,
И всяк клянется: правда вот.

(Пауза.)

Фауст

Девицам водяным уж верно
Польстили вороны безмерно;
Вон начинает протекать.
В сухих местах, где камни лишь торчали,
Ключи везде заклокотали,
Теперь уж тем несдобровать.

Мефистофель

Привет любезный припасен —
Кто первый лез, и тот смущен.

Фауст

Уже ручей в ручей стремглав спадает,
Вдвойне их бездна возвращает;

* *Ундины* — мифологические женщины в сказаниях германских и скандинавских народов, божества водоемов. Средневековые алхимики считали их духами, управляющими водной стихией.

А вон поток дугой пошел;
Вдруг плотно он к скале ложится,
И в тот, и в этот бок стремится,
И по ступеням мчится в дол.
Что пользы стойко упираться —
Их волны смыть совсем грозятся,
И на меня прилив их страх навел.

Мефистофель

Не вижу я воды кипящей ложно;
Одних людей дурачить так возможно,
Я вижу смех один во всем.
Они бегут огромными толпами,
Боясь исчезнуть под волнами,
Тогда как на земле стоят они ногами,
И так смешно как бы гребут руками.
Теперь смятение кругом.

(Вороны возвращаются.)

Я буду вас хвалить перед владыкой;
Но, чтобы подвиг совершить великий,
Ступайте в кузницу, где пламень
У гномов; где металл и камень
Сверкают искрами во тьме;
Просите, не жалея слова,
Огня блестящего, большого,
Какого ярче нет в уме.
Хотя зарницы в отдаленье,
И звезд внезапное паденье
Не редкость летом по ночам,
Но по кустам зарниц миганье
И звезд шипящих содроганье
Едва ли видывал кто сам.
Итак, ступайте и просите,
А нет, так прямо прикажите.

(Вороны улетают. Исполняется, как сказано.)

Мефистофель

Теперь враги сиди впотьмах!
Чтоб страшно было сделать шаг!
Огни блудящие, и сразу
Такой уж свет, что больно глазу!
Все это прелесть, — благодать.
Но надо звоном их пугать.

Фауст

Пустое то из зал вооруженье,
Проветрившись, пришло опять в движенье;
Там наверху и стукотня, и звон —
Престранный и фальшивый тон.

Мефистофель

Да! Презадорны все, хоть стары;
Как громки рыцарей удары;
Все как водилось с давних пор.
Ручные и ножные шины
Как гвельфы и как гибеллины*,
Возобновили вечный спор.
В них дух наследственный таится,
Они не могут примириться;
Там звон и гул во весь простор.
На торжествах чертовских тоже
Злость партий нам всего дороже:
Она все дело ускорит;
То криком грянет вдруг воинским,
То чем-то резким, сатанинским
В долинах страшно зазвучит.

(Воинственный гром в оркестре под конец переходит в веселую военную музыку.)

Шатер враждебного императора

Трон, богатая обстановка. Забирай, Скорохватка.

Скорохватка

Ведь вот мы первые как раз!

Забирай

И ворон не обгонит нас.

---

* *Гвельфы* и *гибеллины* — политические группировки в средневековой Италии, первая выступала за ограничение власти императора Священной Римской империи и усиление влияния папы Римского, вторая состояла их приверженцев абсолютной власти императора.

Скорохватка
О, сколько тут добра кругом!
С чего начать? Кончать на чем?

Забирай
Кругом повсюду благодать!
Не знаешь даже, что хватать.

Скорохватка
А вот возьму ковер цветной;
Моя постель жестка порой.

Забирай
Вон там стальной кистень* висит;
Давно по нем душа болит.

Скорохватка
Вот красный плащ-то с галуном,
Мне снилось, что хожу я в нем.

Забирай
(снимая оружие)
Вот с этим долго не болтай;
Убил его да и ступай.
Ты так уж много набрала,
А что получше — не взяла.
Оставь-ка лучше эту дрянь,
Бери-ка ящик тот вон, глянь!
Войскам тут жалованье; в нем
Одно мы золото найдем.

Скорохватка
Тяжел он больно на весу!
Не подыму я, не снесу.

Забирай
Да ты нагнись, подставь-ка спину;
Тебе на горб его я вскину.

Скорохватка
О, горе! Знать пришел конец;
Он мне переломил крестец!
(Ящик падает и раскрывается.)

Забирай
Вот груда золота — ай, ай!
Скорее с полу подбирай!

---

* *Кистень* — холодное оружие. Представляет собой ударный груз (гирю), соединенный ремнем или цепью с рукояткой. Пехотное и кавалерийское оружие в X — XVII вв.

Скорохватка
(присела наземь)
В подол проворно подберу!
Не пропадать же так добру.

Забирай
Довольно! Уноси! Не стой!

Скорохватка
(встает)
О горе! — фартук-то с дырой!

Забирай
Куда идешь и где стоишь, —
Ты все богатствами соришь.

Драбанты *
(нашего императора)
Какой вам след сюда ходить?
Чего в казне вам царской рыть?

Забирай
Своим ответили горбом,
Добычи часть свою берем.
В шатре врага всегда дележ,
Мы кажется солдаты тож!

Драбанты
Нет, нам вы были бы в укор:
Солдат и в то же время вор;
А кто по службе нам собрат,
Тот честный должен быть солдат.

Забирай
Мне ваша честность вся видна;
Не контрибуция ль она?
И каждый-то из вас таков:
Давай! — вот ваш обычный зов.
(Скорохватке.)
Ну, прочь! И что взяла, тащи!
На угощенье не взыщи!
(Уходят.)

Первый драбант
Скажи, сейчас ты отчего
Не съездил по уху его?

---

* *Драбанты* — военнослужащие, в обязанности которых входило сопровождение, охрана или прислуживание.

Второй драбант

Ну, вот не стало сил моих;
Есть что-то призрачное в них.

Третий драбант

Мне затуманило в глазах.
Блестит, не вижу, как впотьмах.

Четвертый драбант

Да как-то все, не знаю сам,
День целый было жарко нам.
Так жутко, так тебя томит,
Тот падает, а тот стоит.
Бьешь наугад, как бы впотьмах,
Ударишь — повалился враг.
В глазах твоих туман стоит,
В ушах шумит, гудит, шипит,
Так все и шло, и вот дошли,
А как — и толку не нашли!

(Является император с четырьмя князьями. Драбанты удаляются.)

Император*

Там что бы ни было, мы кончили победно —
Разбитый враг бежал, рассеявшись бесследно.
Вот он предательский и опустевший трон,
Коврами убранный, стоит нагромождён.
А мы, средь воинов отборнейших в отряде,
Ждем царственно послов народных о пощаде.
Со всех сторон спешит отрадная к нам весть:
Покойно царство все, и в нем любовь к нам есть.
Хотя в сражение и чары замешались,
Но наконец-то все ж одни ведь мы сражались.
Случайность иногда на пользу для борцов —
Кровавый дождь с небес иль камень на врагов.
Вдруг звуки чудные в горах в часы сраженья,
Восторг у нас в груди, в груди врага смятенье.
Над тем, кто побежден, насмешки без конца,

* Фет писал: «Император исполнен благородной, так сказать, национальной гордости. Вопреки очевидности он хочет приписать победу одной доблести войска и объясняет, видимо, сверхъестественные явления случайной игрой природы. Он не только возвышается до иронии над самим фактом победы, но сознает, что вполне приобретенная им сила должна служить исходною точкой разумных и благих преобразований».

А кто победой горд — благодарит Творца,
И в голос все один, забывши все уроны,
«Хвалите Господа!» — воскликнут миллионы.
Теперь в смирении потщуся* заглянуть,
Что прежде забывал, — я в собственную грудь.
Князь юный может быть беспечен от природы,
Но важный миг ценить его научат годы.
И вот немедля вам достойным четырем
Я царство поручить желаю, двор и дом.**

(Первому.)

Ты, князь, устраивал весь распорядок в войске,
Затем ты в главный миг водил его геройски,
И в мире будь готов немедля зло пресечь,
Ты будь фельдмаршалом, прими ты этот меч.

Фельдмаршал

Когда войска твои, страны всей оборона,
Границы утвердят незыблемо для трона,
Дозволь, чтоб посреди твоих отцовских зал,
Великолепный пир перед тобой предстал.
Меч этот наголо тогда держать я стану,
Чтобы навек почет державному был сану.

Император

(второму)

С твоей отвагою, с твоим искусством жить,
Ты будь гофмаршалом. Не так легко им быть.
Ты станешь во главе придворной сей прислуги,
А при раздорах их я вечно без услуги.
Ты должен с честию служить всем образцом,
Как мне, двору и всем приятным быть лицом.

Гофмаршал

Слуга державных дум отыщет путь к благому,
Он в помощь лучшему, и не во вред плохому.
Без лести ясен он, покоен правотой!
Я счастлив, если я таков перед тобой.
Но если возмечтать о пире том дерзну я,
Когда воссядешь ты, тогда к тебе приду я,

---

* *Потщиться (устар.)* — постараться, попытаться.

** Имеется в виду учреждение наследственных верховных придворных должностей в «Золотой булле» 1356 года Карла IV. Верховные наследственные должности, согласно повелению императора, распределялись между четырьмя виднейшими духовными и светскими князьями Священной Римской империи.

С лоханью золотой, и перстни все приму,
Чтоб руки освежил ты к счастью моему.

Император

Хоть думать о пирах мне в важный час некстати,
Пусть так! Веселость — друг великих предприятий!
(Третьему.)
Ты будешь стольником! Прими под свой надзор
Охоту, хутора и царский птичий двор.
Блюди, чтоб круглый год, как время наступило,
Любимое мое готово блюдо было.

Стольник

Строжайший пост блюсти даю себе обет,
Пока любимых яств перед тобою нет;
С прислугой кухонной я буду сам стараться,
Ни отдаленностью, ни сроком не стесняться.
К новинкам выписным в столе не падок ты;
Простое, сочное, вот все твои мечты.

Император
(четвертому)

Уж если речь ведет нас к празднику большому,
Быть чашником тебе, герою молодому.
И в этом звании заботься об одном —
Чтоб погреб был снабжен отличнейшим вином.
Ты сам воздержан будь, не слишком забавляйся,
И случаем к тому никак не соблазняйся!

Чашник

И юность, государь, коль доверяют ей,
Нередко предстает со зрелостью мужей.
И я о торжестве том славном помышляю,
И царский твой буфет в уме я устрояю,
Где б кубок золотой в серебряных мелькал;
Но выберу сперва любимый твой бокал:
Венецианское стекло его сверкает,
Вино острее в нем и век не охмеляет*.
Иного качество такое соблазнит;
Твоя ж умеренность верней тебя хранит.

Император

Чем жаловал я вас, в минуты размышленья,
Вы сами от меня узнали без сомненья,

* Венецианское стекло, по средневековому поверью, кроме того, что предохраняет от опьянения, обладает свойством обнаруживать яд, подмешанный к напитку.

И слово царское велико так само;
Но чтоб скрепить его, потребно нам письмо,
Нужна печать. Чтоб ход дать делу настоящий,
Я вижу, муж сюда подходит надлежащий.

(Входит архиепископ-канцлер.)

Кто зданье возводя, вставляет в свод замок,
Держаться в целости навек всему помог.
Ты видишь, четырех князей мы тут избрали;
Что нужно для двора и дома, мы сказали;
Но то, чем царство все мы в целости храним,
То полновесно мы вручаем пятерым.
Обилием земель придам я им значенье;
Поэтому сейчас расширю их владенье
За счет наследства тех, кто отпадал от нас.
Вас, верных, наделю я землями сейчас,
И правом к случаю расширить нажитое
Путем наследственным, покупкой и меною;
Затем да будет вам бесспорно вручено
Все, что законному владельцу блюсть должно.
Ваш суд решением в делах конец положит,
И жалоб на него затем уж быть не может.
Налоги, подати, взиманье за проход,
Соль, горный промысел, монета — ваш доход.
Вам я признательность свою тем знаменую,
Что к власти царской вас ближайшими причту я.

Архиепископ

От имени всех нас несу тебе поклон;
Ты, укрепляя нас, свой укрепляешь трон.

Император

Вам пятерым еще права предоставляю,
Я жив и царствую, и жить еще желаю;
Но от грядущего великих предков ряд
Угрозой смертности мой отвлекает взгляд.
Мне с дорогими тож придет пора расстаться;
Ваш долг наследника тогда избрать стараться.
Его венчанного взведите вы на трон, —
Что бурно началось, пусть мирно кончит он!

Канцлер

Смиренно преклонясь и гордые душою
Первейшие князья стоят перед тобою.
Покуда наша кровь свершает верный круг,
Мы — тело, коим твой повелевает дух.

Император

И в довершение, все, что определяем,
Навеки закрепить мы подписью желаем.
Хоть быть владельцами вам выпало на часть,
Но лишь с условием, чтоб не делить ту власть;
Как ни расширите вы своего именья,
Пусть первородный сын получит все владенья.

Канцлер

На лист пергамента мгновенно занесут
На счастье нам и всей стране такой статут.
А приложить печать — тут дело не велико, —
Священной подписью ты все скрепишь, владыко.

Император

Я отпускаю вас, чтоб о великом дне
Могли вы сообща обдумать все вполне.

(Светские князья удаляются.)

Архиепископ

(остается и говорит патетически)

Нет канцлера с тобой; епископ лишь остался,
И ждет, чтобы твой слух к речам его склонялся.
Душою отчей он из-за тебя скорбит.

Император

Скажи: что так тебя в веселый час страшит?

Архиепископ

Как горько видеть мне в подобный час, не скрою,
Священное чело в союзе с сатаною!
Ты прочно утвердил, по-видимому, трон,
Но им, увы, Господь, им папа* посрамлен.
Последний, все узнав, возмездья не отложит —
Священным гневом он грех царства уничтожит.
Он не забыл еще, как ты в избытке сил
В день коронации волшебника простил.
Луч твоего венца безбожно, беззаконно
Проклятой головы коснулся благосклонно.
Но в грудь себя ударь и с грешного пути
Ко счастью лепту** ты святыне возврати.
Тот холм, где твой шатер когда-то красовался,

* Папа римский, глава и суверен Святого Престола.

** *Лепта* — монета в Древней Греции, здесь — посильное подаяние, вклад.

Где духам злобы ты в защиту отдавался,
Где князю лжи внимать ты ухо преклонял,
Его, покаявшись, под храм бы ты отдал;
С горами, где леса раскинулись обширно,
С холмами, пастбища склоняющими мирно,
С плесами рыбными сверкающих озер,
Со множеством ручьев, бегущих на простор;
Затем и самый дол с богатством населенья.
Явясь раскаянным, получишь отпущенье.

Император

Проступок тяжкий мой меня кидает в дрожь;
Границу означай, как нужным то сочтешь.

Архиепископ

Сперва пусть скверное то место преступленья
Молить Всевышнего получит назначенье.
Уж стены прочные духовный видит взор,
Вот солнце раннее весь озарило хор;
Крестообразное расширилось строенье,
И зданье высится, для верных умиленье.
Текут паломники к вратам со всех сторон,
Впервые по горам гудит призывный звон
С летящих к небесам высоких колоколен,
И грешник предстоит, и жизнью вновь доволен.
Дню освящения, — да сбудутся мечты! —
Твое присутствие добавит красоты.

Император

В высоком деле пусть проявится стремленье
Прославить Господа и получить прощенье.
Довольно! Ты сумел мне мысли вознести.

Архиепископ

Как канцлер помогу я формы соблюсти.

Император

Формальный документ церковного владенья
Представь, я подпишу с восторгом умиленья.

Архиепископ

(раскланялся, но при выходе возвращается снова)

Когда возникнет храм, ему ты от души
И десятинный сбор, и подать припиши
Навек. Ведь надобно поддерживать строенье,
И стоит дорого благое управленье.

Чтобы застроился скорей тот дикий край,
Ты из добычи часть нам золота отдай.
К тому ж потребно тут и с самого начала
И лесу, и сланцу, и извести немало.
Подводы даст народ, с амвона слыша речь,
И церковь станет тех, кто служит ей, беречь.
(Уходит.)

Император

Действительно тяжел и страшен грех мой главный.
Кудесники ввели меня в убыток славный.

Архиепископ

(возвращаясь снова, с глубоким поклоном)

Прости мне, государь! Тому, кто так мудрен,
Прибрежье отдал ты. Он будет отлучен,
Коль ты, как следует раскаянному сыну,
И там не повелишь дать в церковь десятину.

Император

(досадливо)

Земли там нет еще, ее из моря брать.

Архиепископ

Кто получил права, с терпеньем может ждать.
Нам слово дорого твое, а не мытарство.
(Уходит.)

Император

(один)

Ведь этак я могу раздать все государство!

АКТ ПЯТЫЙ

Открытая местность

Странник

Да, могу не ошибаясь
К старым липам тем дойти.
Я признал их, возвращаясь
Из далекого пути.
Вон и хижина мелькнула,
Что давала мне приют,
Как волной меня швырнуло

На пустынный берег тут!
Встречу ль я хозяев снова,
Сердцем равной пары нет;
Ведь они во дни былого
Уж преклонных были лет.
Ах! Какие люди это!
Постучаться ли? Узнать!
Все ль они, полны привета,
Также рады помогать?

Бавкида
(очень древняя старушка)

Тише, тише, странник милый!
Муж мой спит еще вот тут;
Долгий сон снабжает силой
Старика на краткий труд.

Странник

Все ли матушка, ты та же,
Что меня тогда нашла,
И с супругом добрым даже
Жизнь мне, юноше, спасла?
Ты ль Бавкида, что сумела
Дать мне пищи в добрый час?
(Выходит муж.)
Филемон* ли ты, что смело
Мне добро из моря спас?
Помню я огонь ваш ясный,
Помню колокола звон,
Приключенья час ужасный
Только вами разрешен.
Дайте ж к морю обратиться,
На него опять взглянуть;
Дайте мне упасть, молиться —
Так моя стеснилась грудь.
(Он идет к равнине.)

---

* Гете назвал старых мужа и жену Филемоном и Бавкидой в память мифологической древнегреческой четы престарелых крестьян с теми же именами. Только их одних за гостеприимный прием Зевс пощадил из населения Фракии, когда за грехи обрушил на них потоп. Гете в беседе с Эккерманом говорил: «Мои Филемон и Бавкида не имеют ничего общего со знаменитой четой древности и со связанным с ней сказанем. Я дал моей парочке эти имена только для того, чтобы ярче подчеркнуть характеры. Это сходные личности и сходные отношения, а потому тут уместны и сходные имена».

Ф и л е м о н
(Бавкиде)
Стол накрыть тебе придется,
Где цветы в саду, вон там.
Пусть бежит и ужаснется,
Не поверит он глазам.
(Идет за ним. Стоит с ним рядом.)
Что грозило целым адом,
Где несло тебя волной,
Видишь, стало чудным садом,
Ныне это рай земной.
Стали с веком руки хилы,
Где уж, старцу, мне спасать;
Как мои ослабли силы,
Отошло и море вспять.
Ум владык, рабочих сила
Понаделали плотин,
Чтобы там, где море выло,
Человек стал властелин.
На раздолье оглянися,
Сел, полей, лесов не счесть!
Но пойдем и подкрепися;
Скоро солнце хочет сесть.
Вон, белея по лазури,
Мчатся в пристань корабли! —
Словно птицы в страхе бури
На гнездо тянуть пошли.
Так сперва увидишь море
Синей лентой, а потом
Справа, слева на просторе
Населенный край кругом.

(В садике все трое за столом.)

Б а в к и д а
(страннику)
Что ж сидишь ты молчаливо?
В рот крохи не хочешь взять?

Ф и л е м о н
Хоть узнал бы он про диво:
Ты ведь рада поболтать.

Б а в к и д а
Точно! Диво это было!
И поныне не очнусь;

Все, что здесь происходило,
Не добром сошло, — боюсь.

Филемон*

Разве, берег уступая,
Император погрешил?
Ведь герольд же, проезжая,
Всем про это протрубил.
Здесь у нас, вблизи от моря,
Первый выкидали вал,
Ставки, хижины! Но вскоре
И дворец средь поля встал.

Бавкида

Днем напрасно лишь копали,
Хоть лопат, мотыг не счесть;
Где ж в ночи огни мелькали,
Глядь, — плотина утром есть.
Кровных жертв знать пало много,
Ночью стон их возникал;
К морю шла огней дорога,
Утром смотришь — там канал.
Он безбожник, он алкает
Нашей хатой овладеть;
Как сосед он напирает,
Вам-де следует терпеть.

Филемон

К месту звал же он другому
Нас, чтоб жили мы вольней!

Бавкида

Ох! Не верь ты дну морскому,
Высоты держись своей!

Филемон

Уж пойдем к часовне с нами,
При закате прозвонить;
На коленях со слезами
Бога древнего молить!

---

* Фет писал: «Филемон объясняет изумленному страннику блестящую перемену, произведенную на прибрежье человеческим гением; но болтливая и суеверная Бавкида рассказывает про канализацию, со своей точки зрения объясняя все чернокнижием и даже человеческими жертвами; причем видит в Фаусте завистника, желающего завладеть их собственностью».

Дворец

Пространный пышный сад, длинный прямой канал.
Фауст в глубокой старости, идет задумчиво*.

Линцей, страж на башне
(в рупор)

Садится солнышко, к причалу
Вступают в пристань корабли.
Вот с грузной баркою к каналу,
Чтобы сюда идти, пришли.
Уже на мачту парус давит,
Флаг разноцветный вознесен,
Тебя веселый кормчий славит,
Ты полным счастьем одарен.

(Колокол звонит на отмели.)

Фауст
(вздрагивая)

Проклятый звон! Разит жестоко!
Он словно выстрел зоревой;
Моих границ не видит око,
А тут досада за спиной.
Тая насмешку плутовато,
Тех звуков мне твердят струи,
Что липы, темная та хата,
И та часовня — не мои.
Пойду ль гулять по той дороге,
Чужая тень мне там беда;
Мне колет глаз, мне колет ноги,
О, хоть бежал бы я куда!

Линцей, страж на башне
(как прежде)

Как ветер по равнине вод
К нам барку пеструю несет!
На ней поверх горы тюков
Ряды мешков и сундуков!

(Великолепная барка, богато и пестро нагруженная произведениями чужих стран.)

---

* Гете в беседе с Эккерманом говорил: «Фауст, представленный в пятом акте, должен, по моему убеждению, насчитывать ровно сто лет. И я не знаю, не следует ли мне об этом где-нибудь высказаться точнее».

Хор

А вот и берег,
Мы идем
И честь владыке
Воздаем.

(Мефистофель и Три сильных товарища выгружают товары.*)

Мефистофель

Мы дело справили как раз,
Пусть сам патрон похвалит нас.
На двух мы кораблях ушли,
А двадцать в порт мы привели.
Как много дела было нам,
Пускай товар расскажет сам.
В свободном море дух вольней;
Там надо размышлять живей!
Там кто проворен, тот схватил,
Корабль как рыбку подцепил,
А там уж, действуя втроем,
Легко четвертый взять багром;
Тут пятый укрощай свой нрав,
Коль ты сильнее, ты и прав.
Там спросят: что? Не кто такой?
Я знаю море, море грубо.
Война, торговля и разбой
Такая троица, что любо.

Три сильных товарища

Привета нет!
Патрон не рад!
Как будто мы
Везем не клад!
Он так взглянул,
Лицо скривил,
Как будто дар
Ему не мил.

---

* Фет писал: «Мефистофель с Тремя сильными подымается в барке, нагруженной сокровищами, по каналу к дворцу. Хотя поэт прямо называет его Мефистофелем, но, очевидно, Фауст видит в нем доверенного предводителя флота; Мефистофель не скрывает, что под его руководительством морская торговля перешла в морской разбой. Явный намек на морской деспотизм Англии».

Мефистофель

Чего еще
Награды ждать!
Вы часть свою
Успели взять.

Три сильных товарища

Такой пустяк
От скуки, чай;
По части равной
Всем давай.

Мефистофель

Сперва расставьте
В залах мне
Все драгоценности
Вполне!
Как это все
Он там найдет,
То сам подробно
Все сочтет;
Ведь он срамиться
Не горазд,
И верно флоту
Пир задаст.
А пестрых птиц ждать завтра надо,
Уж будет их душе отрада.

(Груз убирают.)

Мефистофель

(Фаусту)

С угрюмым взором и челом
О счастье внемлешь ты своем.
Премудрый, все ты победил.
И море с сушей примирил.
Приемлет море от земли
На бег веселый корабли.
Сказать, отсюда из дворца
Ты мир объемлешь без конца.
Вот здесь ты дело начинал,
Здесь первый балаган стоял,
Канавка чуть заметно шла,
Где нынче брызги от весла.
Твой мощный ум и труд чужой

Сумели море взять с землей,
Здесь...

Ф а у с т

Проклинаю это *здесь*!
Я им уж истомился весь.
Тебе, бывалому, признаюсь,
Изныло сердце, я крушусь,
Невыносимо я терзаюсь!
И как скажу, так устыжусь.
Тех стариков сместить бы надо,
В тех липках я хочу сидеть,
И без того малютки-сада
Противно светом мне владеть.
Я, чтобы вдаль глядеть, там кстати
В ветвях устроил бы палати,
Свободным взором все обнять,
Что удалось мне здесь создать;
Чтоб видно было мне кругом,
Как человеческим умом
К концу все дело сведено,
Народам жительство дано.

Но тут-то всем мечтам предел,
В богатстве чувствуешь пробел.
И запах лип, и этот звон,
Ну, словно я похоронен.
Так всемогущий лишь на вид,
На этом я песке разбит.
Когда ж я с этим развяжуся!
Чуть зазвонят — и я бешуся.

М е ф и с т о ф е л ь

Вполне понятно для меня,
Что жизнь отравлена твоя.
Кто станет спорить! Там, где звон,
Дух благородный оскорблен,
И это бим-бам-бум клятое
Лишь портит небо голубое,
И с первых дней до погребенья
Во все вмешалось отправленья,
Как будто между бим и бум
Вся жизнь лишь призрак сонных дум.

Ф а у с т

Упрямство и строптивость их
Мне отравляют каждый миг;
И под конец, привыкши ныть,
Устанешь справедливым быть.

М е ф и с т о ф е л ь

Чем тут себя ты так стесняешь?
Впервые ль ты переселяешь?

Ф а у с т

Ступай же, устрани их прямо!
Тот хуторок, ты знаешь сам,
Что я готовил старикам.

М е ф и с т о ф е л ь

Перенесут их, да и только;
И не почувствуют нисколько.
Красивой собственности вид
Их и с насильем примирит.

(Он резко свищет. Три сильных товарища являются.)

Пойдемте! Дан приказ прямой,
А завтра — флоту пир горой.

Т р и с и л ь н ы х т о в а р и щ а

Хоть сух был старика прием,
Но на пиру зато гульнем.

М е ф и с т о ф е л ь

И здесь все тож, что с древних дней,
Твой виноградник, Навуфей*.

*(Глубокая ночь.**)*

---

* *Навуфей* — библейский персонаж (3 Книга Царств, 21). Царю Агаву казалось, что он ничем не обладает, пока Нувифей владеет своим виноградником возле царского дворца. Но тот отказывался продать или обменять его на другой виноградник. Тогда жена Агава ложно обвинила Нувифея в хуле на бога и царя, и того побили камнями, а виноградник передали царю. Агав узнал об этом, когда несправедливый суд уже свершился.

** Фет писал: «Фауст, вслушавшийся в жалобы стража и увидавший с балкона пожар у стариков, хотя и сожалеет о подобном исходе дела, но рад осуществлению давнишнего своего желания. Мефистофель, прибегающий со своими спутниками с пожара, объясняет, что при насильственном удалении стариков из хижины, завязалась борьба, в которой защищавший их странник убит, а хижина от разбросанных углей сгорела; сами же старики умерли вследствие мгновенного испуга. Фауст проклинает насилие исполнителей, которые, не смущаясь проклятием, отвечают хором, что сопротивление силе всегда приводит к гибели. Под влиянием чувства собственной вины Фауст чувствует приближение каких-то теней. Фауст слепнет».

Линцей, страж на башне

(поет)

Глядеть я родился,
Все взором ловлю,
Я с башней сроднился,
Весь свет я люблю.
И все предо мною,
Куда я ни глянь,
И звезды с луною
И роща, и лань.
Всей этой раздольной
Любуюсь красой,
И всем я довольный
Доволен собой.
Счастливые очи,
Чтоб ни было там,
Прекрасное всюду
Встречалося вам!

(Пауза.)

Но не все для наслажденья
Здесь высоко я стою.
Что за страшное виденье
Я во мраке узнаю?!
Кто-то искрами моргает
Из-под лип во мгле двойной,
Все сильнее раздувает
Злое пламя ветр ночной.
Ах! Избушка вся пылает,
Хоть и влажным мхом покрыта;
Знать никто не выручает.
Да кому спасать вдали-то?
Ах, старинушки, что с вами?
Как огня они страшились.
Иль пожрет их это пламя?
Что за страсти приключились!
Пламя пышет пылом красным,
Только черный остов сзади;
Уж удастся ли несчастным
Уцелеть в подобном аде?
Засверкало языками
Вверх по листьям, меж суками;
Все, что сухо, занялося,

Вот уж рухнуло. Как жаль,
Что увидеть-то пришлося
Мне за то, что вижу вдаль!
И часовню раздавила
Тяжесть рухнувших ветвей;
Вот макушки осветило,
К ним огонь взбежал как змей.
Вон стволы красны от зною,
До корней горит дупло.
(Долгая пауза. Пение.)
Что манило красотою,
Со столетьями — легло.

Фауст
(на балконе лицом к отмели)

Кто сверху там поет, тоскуя?
Здесь поздно петь иль говорить.
То ноет страж; и не могу я
В душе поспешных не бранить.
Но пусть сгоревших липок ныне
Стволы истлевшие торчат,
Поставлю вышку на равнине,
Чтоб в бесконечность несся взгляд.
Там будет видно мне жилище
Той пары добрых стариков,
Сердца которых стали чище
От благодетельных трудов.

Мефистофель и трое сильных
(внизу)

Несемся рысью мы сюда;
Прости! Случилась там беда.
Стучались мы, я в дверь толкал,
Но нам никто не отпирал;
Как налегли мы пуще вновь,
Гнилая дверь сошла с крюков;
Мы стали кликать, угрожать,
Никто не думал отвечать.
И как бывает тут всегда,
Мы убеждаем, — так куда!
Но, не теряя слов пустых,
Проворно мы убрали их.
Испуг их долго не томил,
Он пару сразу уложил.

А странник, что у них был скрыт,
Полез на драку — и убит.
Как эту свалку завели,
Упали угли и зажгли
Солому. — Вот теперь костром
Жилище стало всем им трем.

Ф а у с т

И вы-то глухи видно тож!
Обмен был нужен — не грабеж.
Ваш подвиг дерзкий, роковой
Кляну! Делите меж собой.

Х о р

Давно известно слово нам.
Насилью подчиняйся сам!
А если храбр и принял бой,
Ответишь домом и собой.

(Уходит.)

Ф а у с т

(на балконе)

Померкли звезды в поздний час,
Огонь совсем почти погас,
И ветерок едва пахнет,
Ко мне и дым, и чад несет.
Скор был приказ и скор исход! —
Что это тенью восстает?

Полночь

Входят четыре мрачных женщины.

П е р в а я

Зовусь Недостачей.

В т о р а я

Я Долгом зовусь.

Т р е т ь я

Зовусь я Заботой.

Ч е т в е р т а я

Зовусь я Нуждой.

В т р о е м

Тут заперты двери; напрасно мы ждем,
Живет тут богатый, — к нему не войдем.

Н е д о с т а ч а

Там стану я тенью.

Д о л г

Там стану ничем.

Н у ж д а

Глядеть на меня там не станут совсем.

З а б о т а

Вам, сестры, придется убраться отсель;
Забота ж пролезет в замочную щель.

(Забота исчезает.)

Н е д о с т а ч а

Вы, сестры седые, уйдите скорей!

Д о л г

К тебе я пристану как можно плотней.

Н у ж д а

А вслед за тобою нужда побредет.

В т р о е м

Все звездное небо от тучек в затменье,
А сзади-то, сзади, совсем в отдаленье,
Знать наша сестрица и смерть уж идет.

Ф а у с т

(во дворце)

Пришли четыре, три ушли;
Ко мне их речи не дошли.
Нужда, я словно разобрал,
Да слово смерть я услыхал;
Как призраков исполнен звук глухой.
Не выбьюсь я никак на путь прямой.
Когда б я мог от магии укрыться,
Всем заклинаньям вовсе разучиться,
Лицом к лицу с тобой, природа, жить,
То стоило б и человеком быть.
Таков я был, пока во мгле не рылся,
Пока на мир и на себя не злился.
Теперь виденья всюду на пути,
И уж не знаешь, как от них уйти.
Хоть ясный день их и угонит прочь,

Опять в виденьях спутает нас ночь.
Я весел с поля вешнего иду,
Вдруг птица каркнет. Что сулит? Беду.
Нас предрассудок день и ночь томит,
Сбывается, вещает и грозит,
И так стоишь, и страх тебя берет.
Дверь заскрипела, а никто нейдет.
(Содрогаясь.)
Тут есть ли кто?

З а б о т а

Ответить нужно: да!

Ф а у с т

Но кто же ты?

З а б о т а

Явилась я сюда.

Ф а у с т

Уйди ты прочь!

З а б о т а

Как раз тут место мне.

Ф а у с т

(сперва раздражен, затем, успокоясь, про себя)
Не заклинай опять по старине.

З а б о т а

Ухо пусть меня не слышит,
Все же мною сердце дышит;
В разных видах я одна
Мучить каждого властна.
По дороге, над волнами
Я, мучительница, с вами;
Не искав, меня найдешь,
Льстить начнешь иль проклянешь!
Иль ты заботы не знавал?

Ф а у с т

Я свет-то только пробежал,
За волоса все похоти хватал я,
Что было не по мне, — бросал я,
Что ускользало, — не ловил.
Я лишь хотел да исполнял,
И вновь желал, — и так пробушевал
Всю жизнь; сначала мощно, шумно,

Теперь иду обдуманно, разумно.
Земля давно известна мне;
А взгляд туда нам прегражден вполне.
Глупец! Кто ищет слабыми глазами
Подобья своего над облаками!
Здесь утвердись, да оглянись, меж тем,
Пред доблестным мир видимый не нем.
Зачем ему по вечности носиться!
Что он познал, тем может насладиться.
Так станет день за днем он проходить,
И духов блажь его не в силах сбить.
Блаженств и мук пусть ищет он в стремленье,
Он — ненасытный в каждое мгновенье.

З а б о т а

Раз кого я победила,
В мире все тому не мило.
Солнце скроется куда-то,
Ни восхода, ни заката;
При сознанье полном внешнем
Все во мраке он кромешном;
Хоть богатством он владеет,
Им он править не умеет.
В счастье, в горе он скучает,
В изобилье голодает;
Скорбь иль радость вдруг предстанет,
Гнать он их назавтра станет,
Так к грядущему все рвется,
И конца он не дождется.

Ф а у с т

Молчи! Тебе не сдамся я!
Твой вздор мне только слух тревожит.
Ступай! Пустая лития
И умного сбить с толку может.

З а б о т а

Уходить? Иль воротиться?
Век не может он решиться;
Посреди большой дороги
Он на ощупь движет ноги;
Озираяся пугливо,
Он все вещи видит криво,
И собой, и всем стесняясь,

Не дыша, а задыхаясь;
Он, хоть жизнью и томится,
Не воспрянет, не смирится.
Так наладит безрассудно,
Бросить жалко, делать трудно,
То отпустит, то придушит,
То вздремнет, то сон нарушит,
Все ни с места до упаду,
Так готовится он к аду.

Ф а у с т

Жестокие виденья! Так людей
Ведете вы чрез тысячи страданий
И сводите чреду обычных дней
На чепуху гнуснейшую терзаний.
Нам демонов никак не отпугнуть;
Упорна цепь духовная, я знаю.
Но как забота вкрадчива ни будь,
Твоей я власти не признаю.

З а б о т а

Узнай ее, заметишь тут
Мое проклятье в миг единый!
Слепцами люди век живут,
Ты, Фауст, ослепни пред кончиной!
(Дышит на него.)*

Ф а у с т
(слепнет)

Спускает ночь завесу роковую,
Но дух мой ярким светом озарен;
Что я задумал, довершить хочу я;
Властительное слово всем закон.
Рабы, вставайте! Риньтеся толпой
Осуществить отважный замысл мой.
Сильней трудись и заступ, и лопата!
Что тычками** обставлено — то взято.
Порядок строгий, быстрый труд
Награду дивную найдут.
В великом деле дух преобладает,
На тысячи он рук один хватает.

---

* По средневековому поверью, люди от дыханья ведьм и колдуний слепнут.

** *Тычки (устар.)* — колышки.

Большой двор дворца

Факелы.

Мефистофель
(в качестве смотрителя)

Сюда, сюда, скорей, скорей!
Вы, дряблые лемуры*,
Из жил, тесемок и костей
Сплетенные натуры!

Лемуры
(хором)

Мы у тебя тут под рукой,
И словно нам сдается,
Что преогромною страной
Нам обладать придется.

Жердей зачищенных запас
И цепь для меры с нами,
Но почему позвали нас, —
Мы позабыли сами.

Мефистофель

Тут нет искусства; дело просто —
Держитесь собственного роста,
Кто подлинней — ложись-ка наземь вдоль,
А прочие — кругом вы дерн обрежьте,
Приемом незамысловатым
Врезайтесь длинным вы квадратом!
Так из дворца да в тесный дом,
Все глупость та ж, с одним концом.

Лемуры
(роют с насмешливыми ужимками)

Как молод был я и любил,
Мне жизнь была в усладу,
Где чаш веселый звон стоял —
Плясал я до упаду.

Но злая старость костылем
Своим меня хватила,

* *Лемуры* — злые духи из древнеримской мифологии, тени умерших, которые не были погребены как должно, и теперь странствуют по ночам, пугая живущих.

И я на гробовую дверь
Споткнулся — и в могилу!

Ф а у с т

(выходя из дворца, ощупывает притолку)

Как звон лопат отраден мне!
Он о толпе рабочих извещает,
Что землю с ней самой же примиряет,
Границу указав волне,
И море затеснив кругом.

М е ф и с т о ф е л ь

Для нас же занят ты трудом,
Твои плотины да причалы —
Нептуну праздник небывалый.
Черт водяной им будет рад!
Как вы ни бейтесь — вы пропали,
Стихии к нам в союз пристали,
И истреблением грозят.

Ф а у с т

Смотритель!

М е ф и с т о ф е л ь

Здесь!

Ф а у с т

Рабочих разыщи,
Сгоняй громаду за громадой,
Бери ты строгостью, наградой —
Плати им, увлекай, тащи!
И каждый день мне узнавать придется,
Насколько вдаль канава подается.

М е ф и с т о ф е л ь

(вполголоса)

Не о канаве, знать, народ,
А о могиле речь ведет.

Ф а у с т

Болото тянется к горам,
И заражает все, что мы добыли;
Спустить бы грязь гнилую только нам,
Вот этим бы мы подвиг завершили.
Мы б дали место многим миллионам
Зажить трудом, хоть плохо огражденным!
Стадам и людям по зеленым нивам
На целине придется жить счастливым,

Сейчас пойдут селиться по холмам,
Что трудовой народ насыплет сам.
Среди страны здесь будет светлый рай,
А там волна бушуй хоть в самый край,
И где буруны только вход прогложут,
Там сообща сейчас изъян заложут.
Да, этот смысл мной подлинно усвоен,
Вся мудрость в том, чтобы познать,
Что тот свободы с жизнью лишь достоин,
Кто ежедневно должен их стяжать.
Так проживет здесь, побеждая страх,
Ребенок, муж и старец век в трудах.
При виде этой суеты
Сбылись бы все мои мечты,
Тогда б я мог сказать мгновенью:
Остановись! Прекрасно ты!
И не исчезнут без значенья
Земные здесь мои следы.
В предчувствии такого счастья я
Достиг теперь вершины бытия.

(Фауст падает навзничь. Лемуры подымают его и кладут на землю.)

Мефистофель

Все жаждет счастья он и благ иных,
И похоти одна другой сменяет;
Пустой, дрянной, последний жизни миг
Несчастный задержать желает.
Со мной так мощно бился он,
Но время — царь, старик лежит сражен.
Часы стоят.

Хор

Стоят! Молчат как ночь,
И спала* стрелка.

Мефистофель

Спала; не помочь!

Хор

И все прошло!

Мефистофель

Прошло! Преглупый звук.
Зачем прошло?

* Остановилась.

Прошло и чистое — ничто, вполне равно?
К чему нам вечно созиданье?
И вслед затем в ничто срыванье!
«Вот и прошло». Чтоб это означало?
Да что его как бы и не бывало,
А кружится, как словно бы и было.
Затем-то мне пустое — вечно мило.

Положение во гроб*

Лемур
(соло)

Кто плохо так состроил дом
Железною лопатой?

Лемуры
(хором)

Ты, гость в покрове холщевом,
Тебе он — пребогатый.

Лемур
(соло)

Кто залу плохо так убрал?
Где стулья? Как убого!

Лемуры
(хором)

И то на краткий срок он брал;
Заимодавцев много.

Мефистофель**

Плоть здесь лежит; захочет дух бежать,
Лист предъявлю, что кровью мы писали. —

---

* По поводу обилия церковной символике в этой и последующей, заключительной, сценах Гете говорил в беседе с Эккерманом: «Вы должны согласиться, что конец, когда спасенная душа поднимается ввысь, очень трудно изобразить; мы имеем здесь дело с такими сверхчувственными, едва чаемыми вещам, что я легко мог бы расплыться в неопределенности, если бы мой поэтический замысел не получил благодетельно-ограниченной формы и твердости в резко очерченных образах и представлениях христианской церкви».

** Фет писал: «Мефистофель становится над могилой, чтобы тотчас же согласно договору, подписанному кровью, принять душу Фауста; тем не

К несчастью, средств так много отыскали
У черта души отнимать.
Старинный путь для нас запал*,
Нас не манят и новые дороги;
Что я один, бывало, совершал,
К тому ступай искать подмоги.
Во всех делах мы стеснены!
Обычай, право старины —
Все зашаталось под ногами.
Бывало, вздох последний сторожишь;
И, как проворнейшую мышь,
Ее ты цап! — и ухватил когтями.
Теперь она все медлит покидать
Обитель трупа гадкого, гнилую,
Пока стихии, наконец, враждуя,
Ее с позором станут изгонять.
Хоть истомись я целый день, несчастный,
Когда? И как? И где? Вопрос напрасный.
Смерть потеряла силу быстроты.
И точно ль? Даже не узнаешь ты.
Смотреть на труп мне жадно приходилось;
То был обман, глядишь — зашевелилось.
*(Фантастические флигельманские** телодвижения.)*
Скорей сюда! Удвойте шаг большой,
Чины прямого и кривого рога!
Прислужники бесовского чертога.
Несите пасть геенны вы с собою.
Хотя у ада много, много пастей,
И по чинам привык он всех глотать;
Но в будущем и этого отчасти
Уже в расчет не станут принимать.
(Ужасный адский зев разверзается слева.)
Разверзлись зубы, из гортани жаркой
Дохнуло пламя на меня,

менее, его смущает мысль о затруднениях, возникших в новейшее время при получении подобного долга. Прежний путь вылетания души изо рта заменен исходом ее изо всего тела, но в каком именно месте, он еще сам хорошо не знает. Даже до минуты разложения нельзя с достоверностью судить о самой смерти. В силу этого он вынужден поставить к могиле целый караул низкорослых и великанов чертей».

* *Западать (устар.)* — пропадать. *Запал* — пропал.

** *Флигельман* — фланговый солдат, выбегавший вперед, по которому все прочие учились строевым приемам.

И в глубине, где пыл-то самый яркий,
Я вижу город вечного огня.
Вот до зубов волна огней плеснула,
И грешники, подплыв, спасенья ждут,
Но страшная гиена их жевнула*,
И вспять они по пламени текут.
И по углам премного мук кромешных,
Хоть ужасам и невелик приют!
Прекрасно, что пугаете вы грешных,
Они все это лживым сном сочтут.

(К толстым чертям короткого прямого рога.)

Вы, брюханы, в огне раздуты пылком,
В вас адской сере клокотать простор;
Вы, чурбаны с негнущимся затылком!
Блюдите низ, не скажется ль фосфор:
То душенька, то крылья мчат Психею**;
Их вырвите — и дрянь, червяк она;
Ее клеймом своим запечатлею,
И будь она геенне отдана.
Пределов нижних след держаться
Вам, бурдюки, и наблюдать:
Угодно ль там ей оставаться,
Нельзя наверное сказать.
Всего верней она в пупке живет;
Так не зевать — оттуда ускользнет.

(К худощавым чертям длинного кривого рога)

Эй, великаны, что торчат шестами!
Глядите вверх на воздух, дурачье,
Готовьте руки с острыми когтями,
Когда порхнет, — хватайте вы ее!
Но верно ей уж старый дом претит,
А гений-то*** все кверху норовит.

(Сияние сверху справа.)

Небесные силы

Вейтесь посланцы,
Неба избранцы,

---

* Здесь: проглотила.

** *Психея* — в древнегреческой мифологии олицетворение души, дыхания. Эту богиню представлял в образе бабочки или девушки с крыльями бабочки.

*** *Гений* — хранитель духа человека, сопровождающий его от колыбели до гроба.

Дайте простор!
Грешных прощает,
Прах оживляет!
Каждой природе
К светлой свободе
Путь пролагает
Медлящий хор.

Мефистофель

Нескладица, противное блеянье
В недобрый день несется сверху к нам;
Женоподобных шельмецов оранье
Такое, что лишь до сердцу ханжам.
Вы знаете, когда мы измышляли
Людскую гибель в распроклятый час;
Все, что мы гнусного сыскали,
Молитве любо их как раз.
Обманет сволочь, схватит, налетая!
Мы не впервой пред ними в дураках —
Оружьем нашим нас же поражая,
Они все те же черти в пеленах.
Навеки стыд поддаться ныне тоже;
К могиле все и будьте настороже!

Хор ангелов

(сея розы)

Розы блестящие,
Сладко дышащие,
Тихо парящие,
Жизнью дарящие,
В листьях крылатые,
В почках зачатые,
Время вам цвесть!
Мир расцвечайте
Зеленью весь!
Рай навевайте
Спящему здесь!

Мефистофель

(сатанам)

Не гнись, не жмись! В аду-то разве так?
Держитесь, пусть их рассевают,
Исправен будь на месте всяк!
Цветочным снегом, что ль, мечтают
Они чертей горячих закидать?

В дыханье вашем тает весь пустяк.
Вы, поддувалы, дуйте! Полно, стой!
Вы дунули, и блекнет легкий рой.
Что крепко так? Хоть морды бы заткнули!
Вы слишком сильно уж подули.
И меры-то никто не сохранит!
Не только жмется, сохнет все, горит!
Вот ядовитым пламенем слетело!
Смелей стоять, держись друг дружки смело!
Исчезла мощь, волненье по рядам;
Умильный жар почуялся чертям.

Хор ангелов

Цветики честные,
Пламя небесное,
Полны любви они,
Сердцу сулят они
Радости сень.
Слово о мире —
В чистом эфире
Шире и шире
Блещущий день!

Мефистофель

О, срам! О, стыд! Что сталось с вами?
И сатаны вниз головами!
Пошли болваны кувырком,
И в ад стремглав летят купаться.
Час добрый париться огнем!
Один решился я держаться.
(Сражаясь с горящими розами.)*
Прочь! Не порхай, блудящий огонек!
Тебя схвати, так гадкий ты комок.
Чего пристали? Больно вы уж пылки!
Меня печет как серой на затылке.

* Фет писал: «Небесные силы приглашают ангелов помогать грешным проложить себе путь к свободе и спасению от праха. Такой хор, очевидно, кажется Мефистофелю страшною какофонией, звучащей совершенно некстати. Он возмущен мыслию, что самые отвратительнейшие грехи, измышленные чертями на гибель человечества, именно и составляют предмет ангельских молитв в видах избавления грешных. Приближающиеся ангелы рассевают розы, взятые из рук кающихся грешниц, чтобы умиротворить ими измученную желаниями душу. Но небесные эмблемы всё примиряющей любви, падая на чертей, производят на них противоположное действие и жгут их невыносимым огнем, только разгорающимся от нечистого дуновения».

Хор ангелов

Чего чуждаетесь,
К тому не льните;
Чем возмущаетесь,
Вы не терпите.
Перед насилием
Стойте с усилием!
Любящий любящих
Только зовет!

Мефистофель

Жжет голову и грудь, и печень мне,
В сверхдьявольском горю огне!
Кипеть в аду не так ужасно!
Вот почему так громогласно
Вопите вы, влюбленные, когда
Изменницы вы ищете следа.
И я! Зачем в ту сторону гляжу я?
Ведь с ними век я жил, враждуя.
На взгляд привык врагов в них узнавать.
Иль чем-то чуждым грудь моя объята?
Вы милы мне, прелестные ребята.
И отчего вас не могу ругать?..
Но если я поддамся их обманам,
Кого же звать мы станем дураком?
А к ненавистным мальчуганам
Я чувствую, влечет меня тайком.

Желал бы, деточки, узнать я,
Не Люцифер ли породил и вас?
Вы милы, вас хотел бы целовать я;
Вы словно кстати здесь как раз.
Мне так естественно привольно,
Как будто вас видал я с давних дней!
Как кошечка, я ластюсь к вам невольно;
Взгляну на вас, — вы все милей, милей.
Приблизьтесь же ко мне, склоните взгляд!

Ангелы

Вот мы к тебе, а ты чего назад?
Мы близимся, ты не беги смущен.

(Ангелы, летая, занимают все пространство.)

Мефистофель
(отодвинутый на авансцену)

Браните нас вы злобными духами,
А колдуны вы прямо сами,
Чтоб соблазнять мужей и жен.
Что за предательское дело!
Уж не любовь ли тут шалит?
В огне как будто бы все тело;
Чуть слышу я, что на плечах горит!
Вы носитесь, так вы сюда слетайте,
Прелестным членам светской воли дайте!
Вполне прекрасна строгость в вас;
Но улыбнитесь же хоть раз;
Да этим бы я восторгался вечно.
Ну, как влюбленные глядят, конечно,
С оттеночком у рта, вот весь и сказ...
Ты, длинный, всех милей мне без сомненья;
Поповское оставь ты выраженье,
Немножко страстно на меня взгляни!
Ходить бы вам приличней, обнажась;
Сорочки эти длинны так напрасно…
Вот-вот летят, спиной оборотясь!
Бездельники ведь лакомы ужасно!

Хор ангелов

Ты просиял бы,
Пламень любовный!
Так и греховный
Правду познал бы.
Чтобы от злого
Спасшись земного,
В горней обители
Счастье найти!

Мефистофель
(приходя в себя)

Но что со мной! Как Иова* покрыло
Меня всего болячками. Но нет!
Я торжествую и при виде бед;
В себя, в свою породу верить след.
Возрождена чертовских членов сила!

* *Иов* — библейский персонаж (Книга Иова Ветхого Завета), праведник, чье тело сатана поразил страшною проказой.

На кожу вышел весь любовный бред,
Огнем я гнусным больше не пылаю,
И всех я вас, как должно, проклинаю!

Хор ангелов

Пламя святое!
Кто им овеян,
Ризой одеян
Тот неземною.
Выше и шире!
Пойте вокруг!
Чище в эфире,
Взвейся ты, дух!

(Они возносятся, унося фаустово бессмертное.)

Мефистофель*
(озираясь)

Но что ж? Куда они девались?
У малолеток я попал впросак!
Они с добычей к небесам умчались.
Вот почему к могиле льнули так!
Великий клад, бесценный потерял я:
Возвышенную душу, что стяжал я,
Они ее подтибрили-то** как!

Где жалобу мою хоть слушать станут?
Кто отстоит права мои в борьбе?
На старости ты лет теперь обманут;
Ты заслужил, что плохо так тебе.
Я все сгубил ошибкой несомненной,
Плода усилий страшных я лишен;
Любовью глупой, похотью презренной
Черт закаленный проведен.
Коли в такие детские дела
Вдался такой бывалый неумело,
То глупость уж конечно не мала,
Которая к концу им овладела.

---

* Фет писал: «Заключительный хор ангелов возвещает об окончательном очищении воздуха ниспадающими розами, вследствие чего дух Фауста может беспрепятственно возноситься. Мефистофель, потерявший плоды всех своих усилий, и тут не понимает всего самобытного преуспеяния Фауста и приписывает неудачу своему любовному порыву, заставившему его прозевать добычу».

** *Стибрить* — украсть, своровать.

Горные ущелья, лес, скала, пустыня

(Святые анахореты* отдельно на горе, расположившись между пропастями.)

Хор и Эхо

Рощи качаются,
Скалы смежаются,
Корни впиваются,
Сосны вздымаются;
Брызжет волна волне;
Пропасть таит вполне,
Львы к нам являются,
Молча ласкаются,
Чтут безгреховную
Пристань любовную.

Pater estaticus
(паря вниз и вверх)

Отец восторженный

Вечных блаженств струи,
Пламенность из любви,
Грудь вся горящая,
Богом кипящая.
Стрелы, разите нас,
Копья, пронзите нас,
Млаты**, дробите нас,
Молнии, жгите нас,
Чтоб все мгновенное
Рушилось тленное,
Звездно сияй одно
Вечной любви зерно.

Pater profundus
(низшая область)

Отец углубленный

Как здесь у ног моих ущелье
В глубокой пропасти лежит;
Как тысяча ручьев в веселье
И в пене в бездну пасть спешит.

---

* *Анахорет* — отшельник, пустынник.

** *Млаты* — слово, по-видимому, выдумано переводчиком, и является производным от слов «молотки» и «булаты».

Как силой, вверх его несущей,
Древесный ствол в эфир влечет,
Так и любовью всемогущей
Все создается, все живет.
Вокруг меня погром жестокий,
Лес словно ходит со скалой!
А все ж любовно так потоки
Стремятся к пропасти глухой.
Долину оросить им надо;
А молниям, что вниз летят,
Очистить воздух весь от яда,
Что испарения таят.

То вестники любви вещают
О том, что зиждет* все вокруг.
Пусть и во мне воспламеняют
Они холодный смутный дух,
Что цепь мучительную тоже
Еще не в силах был стрясти.
Смири Ты помыслы, о, Боже!
Мое Ты сердце просвети!

Pater seraphicus
(средняя область)

Отец ангелоподобный
Что за облачко струится
Над вершиною лесной?
Что сокрыто в нем? А мнится,
Это духов юный рой.

Хор блаженных мальчиков**
Ах, отец, куда мы мчимся?
Кто мы? Доблий***, нам открой!
Мы довольны; веселимся
Бытия живой игрой.

Pater seraphicus
Дети ночи преходящие,
Недозревшие мечты,

---

* *Зиждиться (устар.)* — основываться, опираться на что-либо.

** *Блаженные мальчики* — согласно мистическому учению шведского ученого Сведенборга, младенцы, рожденные в «час духа», в полночь. Отец ангелоподобный принимает этих младенцев в себя. Это мистический акт, в котором старшие духи «принимают в себя» младших, чтобы те глядели на мир их умудренными глазами.

*** *Доблий* — доблестный, воинственный, храбрый.

Для родителей пропащие,
Прибыль ангельской среды!
Если любящего чистых
Вы признали, — так сюда!
Но путей земных, тернистых
В вас, счастливцы, ни следа.
В орган глаз моих вступите,
Это орган мировой;
Как бы в свой, в него глядите
Вы на этот вид земной!
(Принимает их в себя.)
Это лес, а там по скалам
То поток над крутизной,
Низвергая вал за валом,
Путь выгадывает свой.

Блаженные мальчики
(изнутри)

Мощный вид, но вид суровый;
Трудно нам его снести,
Нас объемлет ужас новый,
Доблий, добрый, нас пусти!

Pater seraphicus

Возноситесь, понемногу,
Возрастая каждый час,
Как от века близость к Богу
Укрепляет силы в нас.
Дух питает дуновенье,
Что в эфире лишь витает;
Вечной жизни откровенье,
Что к блаженству призывает.

Хор блаженных мальчиков
(кружась над высшими вершинами)

Руки сплетайте
В радостный хор живой,
Пойте, летайте
С песнью любви святой!
Вняв о святыне,
След уповать,
Чтимого ныне
Вам созерцать!

Ангелы
(парящие в высшей атмосфере, унося фаустово бессмертное)*

Часть благородную от зла
Спас ныне мир духовный:
Чьяжизнь стремлением была,
Тот чужд среды греховной.
А если и любовь объять
Его слетает светом,
Блаженный хор его встречать
Спешит своим приветом.

Младшие ангелы

Эти розы, что держали
Покаянных грешниц руки,
Нам в победе помогали,
Облегчали наши муки.
Клад души мы сей стяжали,
Ими злых мы закидали.
Черти врозь, как в них попало.
Вместо адских мук, познала
Их среда любви мученья.
Сатана и тот в смятенье,
Как стрелой пронзен горячей.
Возликуйте над удачей!

Более совершенные ангелы

Бренных останков гнет
Несть нам так больно;
Самый асбест, — и тот
Чист не довольно.
Коль мощь духовная
Прильнет к стихии

* Фет писал: «Ангелы, возносящие душу Фауста, хотя и объясняют благоприятные условия его быстрого воспарения, но еще не вознесли его до горных вершин, над которыми парят блаженные мальчики. Хотя младшие ангелы и торжествуют свою победу над духами зла при помощи эмблематических роз, но более совершенные ангелы не скрывают, как тяжело им вознести в абсолютную чистоту душу Фауста, обремененную еще частью земного, которое, будь оно даже из асбеста (ископаемого льна, из которого ткани очищают огнем), сравнительно не довольно чисто. Когда воля, оставив свой абсолютно чистый источник, выразилась в явлении человеческой особи и здесь, всею внутреннею силой слившись с желательными стихиями, прилепилась к тому, в чем индивидуум находил свое благо, то сохранение такой индивидуальности и по смерти, но с отрешением от подобных индивидуальных благ, является противоречием, разрешаемым только божественной благодатью».

В узы любовные,
Даже святые
Не разрешат двойной
Жизни сближенье;
В вечной любви одной
Их разрешенье.

Младшие ангелы

Как дуновения
В выси верховной,
Чую волнения
Жизни духовной.
Тучек светлей края,
Вижу блаженных я
Мальчиков хоры.
Их не томит земной
Тягостный сон,
Тешит их взоры
Мир красоты иной,
В блеск погружен.
Будь он сожитием,
С вечным развитием
К ним приобщен!

Блаженные мальчики

Благо личинкой мог
Стать этот чаемый;
Ангельский в нем залог
Так получаем мы.
Снимемте пряди все
Бытности тленной,
Уж он возрос вполне
К жизни священной.

Doctor Marianus*
(в высшей, чистейшей кельи)

Возвеститель почитания Богоматери

Здесь так свободен я
Духом подняться.
Жен там парит семья, —
Выше стремятся;

* *Doctor Marianus.* «Доктор Марианус» (то есть погруженный в молитвенное созерцание Девы Марии) — почетный титул многих мистиков.

И неневестная*
Меж них сияет,
Царица небесная
Все озаряет.
(Восторженно.)
Ты, владычица миров!
Дай мне зреть в пустыне,
Где небес синеет кров,
Тайн твоих святыни.
Не отвергни, что в груди
Мужа строго дышит,
Что влечет к тебе идти
И любовью пышет.

Сколько мощи в нас самих
При твоем велении;
Но огонь наш гаснет вмиг
В светлом примирении.
Дева мать, из всех одна,
Чтимая всечасно;
Ты в царицы нам дана,
Богу сопричастна!

К ней белоснежных
Льнет тучек стая:
То грешниц нежных
Семья немая
К ее коленям
Сердца приносит,
Пощады просит.
Пред недосягаемой,
Пред тобой открыто,
Что для искушаемой
Ты одна защита.

Трудно слабым устоять,
И искать спасенья;
Кто же в силах сам порвать
Цепи вожделенья?
Как легко нога скользнет

* *Невеста неневестная* — Богородица, которая, будучи невестой, оставалась непорочной девой.

По отлогой глади!
Кто в безумство не впадает
Вздохов, взглядов ради?

Хор кающихся грешниц

Паря к селеньям Нагорным рая,
Внемли моленьям,
Ты всесвятая,
Ты всеблагая!

Великая грешница*

Ради той любви, что много
Слез к стопам лила с елеем
Твоего же Сына — Бога,
Не смущаясь фарисеем;
Ради урны, что струями
Благовонье изливала,
Ради той, что волосами
Мягко ноги отирала...

Жена Самарянская**

Ради кладезя, где жадно
Авраама паства жалась;
Ради той бадьи, что хладно
Уст Спасителя касалась;
Ради чистого потока,
Что оттуда избегает,
Вечно ясно и широко
Мирозданье обтекает!

Мария Египетская***

Ради мест священных вере,
Где Господь был положен;
Ради длани, коей в двери
Вход мне строго возбранен;
Ради жизни покаянья
Сорок лет в степи, в тоске;
Ради слов, что на прощанье
Я писала на песке...

---

* *Великая грешница* — христианская святая, мироносица Мария Магдалина, удостоившаяся явления Воскресшего Иисуса.

** *Жена Самарянская* — христианская святая Фотина Самарянка, возвестившая людям о мессианском служении Иисуса Христа.

*** *Мария Египетская* — христианская святая, считается покровительницей кающихся женщин. Преподобная Мария, бывшая блудница, семь лет провела в пустыне в покаянии.

В т р о е м

Ты, которая взираешь
На великих грешниц оком,
Им стяжать не возбраняешь
Свет в смирении высоком,
И душе ты доброй этой,
Что ошиблась в миг забвенья,
Не вменяй ей, не посетуй,
Отпусти ей прегрешенья!

О д н а и з к а ю щ и х с я
(называвшаяся прежде Гретхен, присоединяется к ним)

С выси чистой
Много лучистый,
Лик свой пречистый
На это счастье обрати!
Давно любимый,
Уж не смутимый,
Ко мне в пути!

Б л а ж е н н ы е м а л ь ч и к и
(приближаясь в кругообразном движении)

Он перерос уж нас
Могучим телом,
Пойдет вослед как раз
Призывам смелым.
Мгновенной жизни сон
Здесь нас не мучит;
Но он учился, он
И нас научит.

О д н а и з к а ю щ и х с я
(называвшаяся прежде Гретхен)

Средь хора, где блаженство льется,
Пришлец пока и сам не свой,
Но жизни свежей лишь коснется,
В святом он сонме станет свой.
Как оболочку он земного,
Земные узы отрешил,
Как из эфирного покрова
Вновь проступила юность сил!
Дозволь мне быть ему примером!
Еще он блеском ослеплен.

Mater gloriosa

Приди! Взносись ты к высшим сферам!
Тебя учуя, вслед и он.

Doctor Marianus

(павши ниц)

На спасенье киньте взор
В покаянье нежном,
Чтоб объял блаженный хор
Миром вас безбрежным!
Лучший помысл чтоб не гас,
Нас с тобой сближая!
Дева, мать, царица, нас
Защити, святая!

Мистический хор

Все преходящее —
Только сравненье;
Сном лишь парящее,
Здесь исполненье;
Здесь все безбрежное
В явной поре;
Женственно-нежное
Взноси горé.

FINIS

Франц Ксавер Симм — австрийский художник и иллюстратор

Франц Ксавер Симм родился в 1853 году в Австрии. Окончил Венскую академию изящных искусств. После окончания академии, в 1876 году, получил стипендию для поездки в Италию. Жил и изучал живопись в Риме, в 1881 году вернулся на родину.

В том же году был приглашён в Россию для росписи вестибюля Кавказского музея в Тифлисе. По окончании работ в музее выехал в Вену, некоторое время жил и работал в австрийской столице, в последующем переехал в Мюнхен, где стал профессором в академии живописи.

В Мюнхене много работал, как художник-иллюстратор в самых разных журналах, иллюстрировал художественную литературу. Был популярен и известен при жизни, но затем забыт.

Умер художник в 1918 году. Похоронен в Мюнхене.

Иллюстрация Франца Ксавера Симма

Иллюстрация Франца Ксавера Симма

Иллюстрация Франца Ксавера Симма

Оглавление

Гете и его «Фауст» **6**
Афанасий Фет – поэт и переводчик **11**
Трагедия Иоганна Вольфганга Гете «Фауст» в переводе Афанасия Фета **23**
Предисловие 25
Посвящение 58
Пролог на театре 59
Пролог на небе 64

Часть первая

Ночь 74
За городскими воротами 87
Кабинет 98
Кабинет 108
Погреб Ауэрбаха в Лейпциге. Пир гуляк 124
Кухня ведьмы 136
Улица 146
Вечер 149
Гулянье 153
Дом соседки 155
Улица 162
Сад 164
Беседка 169
Лес и пещера 170
Комната Гретхен 175

Сад Марты 176
У колодца 181
Ограда 183
Ночь 184
Собор 190
Вальпургиева ночь 193
Сон в Вальпургиеву ночь, или Оберона
и Титании золотая свадьба 206
Пасмурный день 213
Ночь 214
Темница 215

Часть вторая

Акт первый 227
Живописная местность 227
Императорский дворец 230
Маскарад 240
Императорский сад 268
Темная галерея 275
Ярко освещенные залы 279
Рыцарская зала 282
Акт второй 289
Тесная готическая комната с высокими сводами . . . 289
Лаборатория в средневековом вкусе 298
Классическая Вальпургиева ночь 305
Скалистый залив Эгейского моря 339
Акт третий 355
Перед дворцом Менелая в Спарте 355
Внутренний вид замка 376

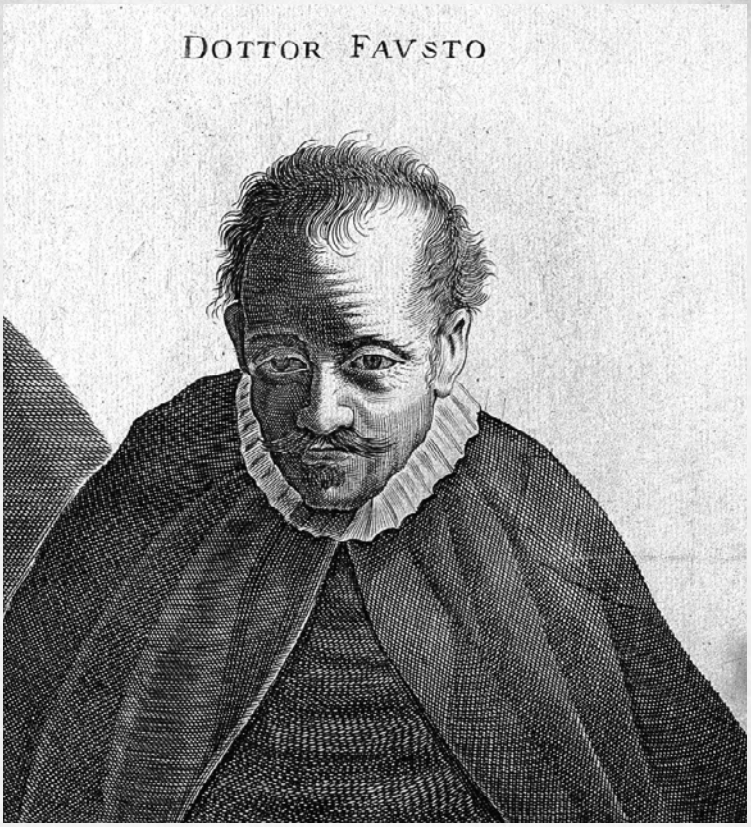
Акт четвертый 404
Горный хребет 404
На предгорье 414
Шатер враждебного императора 428
Акт пятый. 437
Открытая местность 437
Дворец 441
Полночь 448
Большой двор дворца 453
Положение во гроб. 456
Горные ущелья, лес, скала, пустыня. 464

Теофил продает душу дьяволу.
Миниатюра из Псалтыря Конец XII века

Одна из древнейших легенд христианского времени об обращении человека к дьяволу за помощью в обмен на свою душу — история Теофила /Феофила Киликийского /Аданского (ум. около 538), архидьякона Аданы, что в современной Турции.

Феофил был управителем (экономом) епископа в городе Адане, человеком большого благочестия. После смерти епископа он был избран на его место, но из смирения отказался принять избрание. Когда же новый епископ отрешил его от должности эконома, уязвленный в своем самолюбии, он решил прибегнуть к помощи дьявола при содействии чернокнижника.

Дьявол был вызван чернокнижником, и Феофил предал ему свою душу, подписав отречение от христианской веры. С помощью дьявола он вернул себе должность и почет, но совесть не давала ему покоя. Феофил раскаялся. Вняв его молитвам, Богоматерь вымолила ему прощение и возвращение подписанной им грамоты. Посвятив остаток своей жизни покаянию, Феофил умер как святой.



Старейшее из изображений доктора Иоганна Фауста

Иоганн Георг Фауст (ок. 1480 (?), Книтлинген, Германия — 1540 (?), Штауфен-им-Брайсгау, Германия) — легендарный странствующий алхимик, астролог и маг, живший в первой половине XVI века в Германии.

Образ Фауста быстро превратился в легенду и стал широко известен в Европе. Первая литературная обработка легенды была издана в 1587 году в Германии в издании Шписа. Книга «Historia von Dr. Iohann Fausten, dem weitbeschreiten Zauberer und Schwartzkünstler etc.» («История о докторе Фаусте, знаменитом волшебнике и чернокнижнике и т. д.») впоследствии стала известна как «Народная книга».

Инитаинген.
Дом, в котором родился Иоганн Георг Фауст

Дом Иоганна Фауста —
здание на южной стороне Карловой площади в Праге

Согласно легенде именно здесь он поставил свою знаменитую подпись. Когда служба подошла к концу, дьявол отправил Фауста в ад и сделал это с такой энергией, что пробил в потолке дыру. Согласно преданию, многие каменщики не могли эту дыру заделать ещё долгое время.

HISTORIA

Von D. Johañ Fausten/dem weitbeschreyten Zauberer vnnd Schwartzkünstler/

Wie er sich gegen dem Teuffel auff eine benandte zeit verschrieben / Was er hierzwischen für seltzame Abenthewer gesehen / selbs angerichtet vnd getrieben / biß er endtlich seinen wol verdienten Lohn empfangen.

Mehrertheils auß seinen eygenen hinderlassenen Schrifften / allen hochtragenden / fürwitzigen vnd Gottlosen Menschen zum schrecklichen Beyspiel / abscheuwlichen Exempel / vnd treuwhertziger Warnung zusammen gezogen / vnd in den Druck verfertiget.

IACOBI IIII.

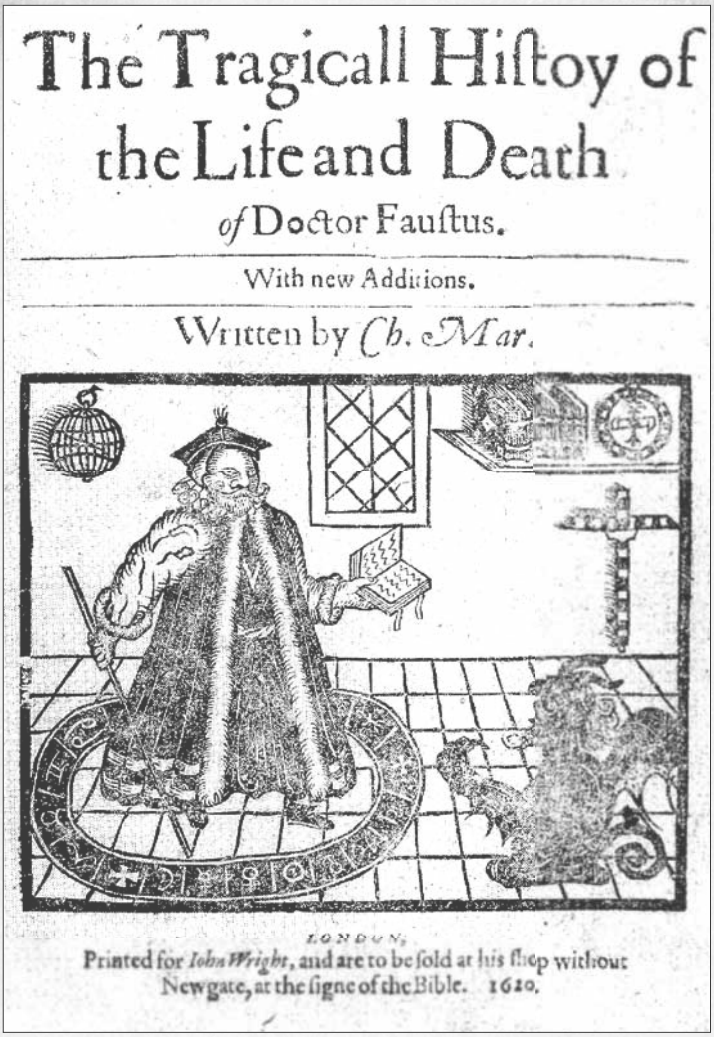
Seyt Gott vnterthänig / widerstehet dem Teuffel / so fleuhet er von euch.

CVM GRATIA ET PRIVILEGIO.

Gedruckt zu Franckfurt am Mayn / durch Johann Spies.

M. D. LXXXVIII.

Титульный лист первого издания народной книги Иписа «История о доктоpе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» (1587)



The Tragicall Histoy of the Life and Death of Doctor Faustus.

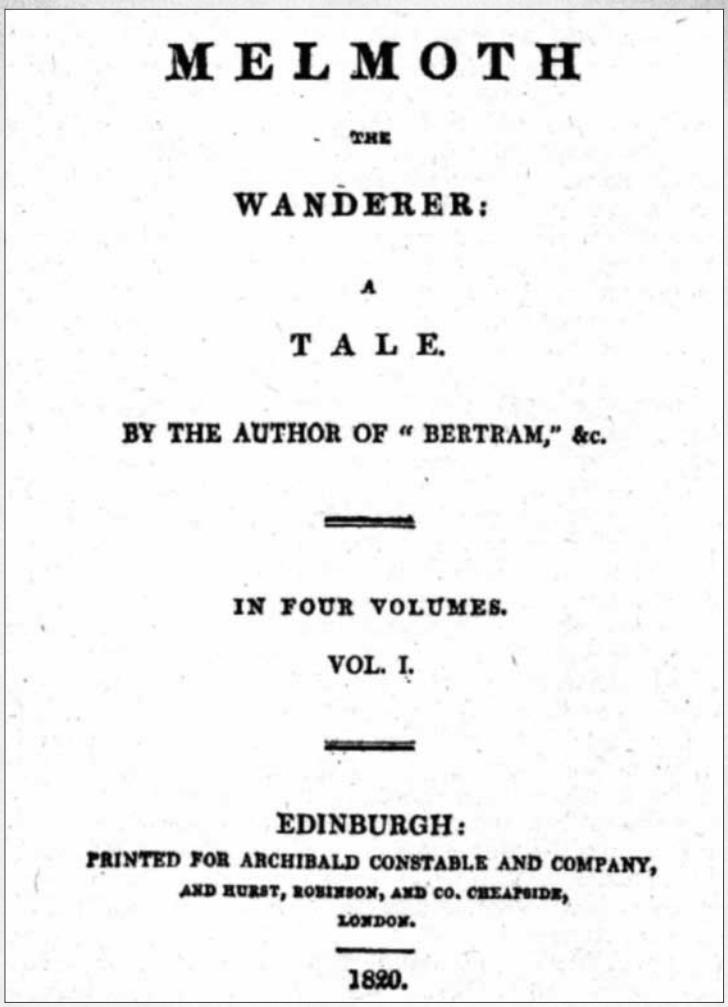
With new Additions.

Written by Ch. Mar.

LONDON,
Printed for John Wright, and are to be sold at his shop without Newgate, at the signe of the Bible. 1620.

Титульный лист издания Кристофера Марло «Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста» (1620)

В 1588-1589 годах английский поэт, переводчик и драматург-трагик елизаветинской эпохи, наиболее выдающийся из предшественников Шекспира Кристофер Марло написал пьесу «Доктор Фауст».



MELMOTH

THE

WANDERER:

A

TALE.

BY THE AUTHOR OF " BERTRAM," &c.

IN FOUR VOLUMES.

VOL. I.

EDINBURGH:

PRINTED FOR ARCHIBALD CONSTABLE AND COMPANY,

AND HURST, ROBINSON, AND CO. CHEAPSIDE,

LONDON.

1820.

Обложка первого издания готического романа английского писателя Чарльза Метьюрина «Мельмот Скиталец» (1820)

Пугающая история о неком Мельмоте, что уже более ста лет в одном обличии топчет грешную землю, искушая слабые людские души. Он подбирается к своей жертве в минуты полного ее отчаяния, чтобы предложить одну единственную сделку, способную лишить несчастного всех его страданий…

THIS NUMBER CONTAINS

The Picture of Dorian Gray.

By OSCAR WILDE.

COMPLETE.

JULY, 1890

LIPPINCOTT'S

MONTHLY MAGAZINE

CONTENTS

THE PICTURE OF DORIAN GRAY	*Oscar Wilde*	1–100
A Unit	*Elizabeth Stoddard*	101
The Cheiromancy of To-Day	*Edward Heron-Allen*	102
Echoes	*Curtis Hall*	110
Keely's Contributions to Science	*Mrs. Bloomfield-Moore*	111
Round-Robin Talks.—II.	*Thomas P. Ochiltree, Moses P. Handy, Richard Malcolm Johnston, Thomas Nelson Page, Senator W. C. Squire, J. M. Stoddart, and others.*	124
Contemporary Biography: John J. Ingalls	*J. M. S.*	141
Wait But a Day!	*Rose Hawthorne Lathrop*	149
The Powers of the Air	*Felix L. Oswald*	150
Book-Talk	*Julian Hawthorne, Melville Philips*	154
New Books		157
With the Wits. (*Illustrated by leading artists*)		i–viii

PRICE TWENTY-FIVE CENTS

J:B:LIPPINCOTT:Co:PHILADELPHIA:

LONDON: WARD, LOCK & CO.

PARIS: BRENTANO'S, 17 AVENUE DE L'OPÉRA.

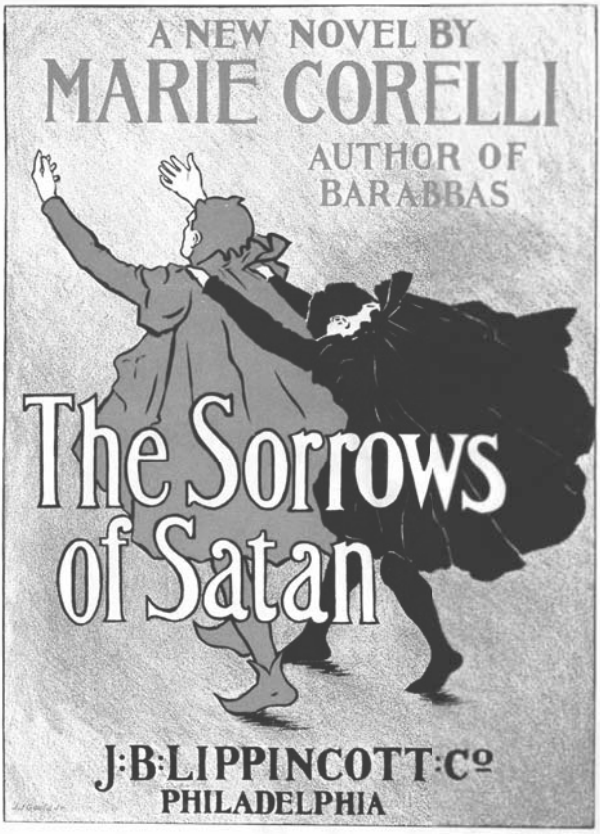
Copyright, 1890, by J. B. Lippincott Company. Entered at Philadelphia Post-Office as second-class matter.

Первая (журнальная) публикация единственного романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»

Дориан Грей — юный красавец, аристократ, подобно Фаусту вступивший в сделку с дьяволом, чтобы сохранить свежесть, молодость и красоту, в то время как возраст, порочная жизнь и преступления кладут свой отпечаток на портрет, который выполнен другом героя, художником Бэзилом Холлуордом.

Реклама опубликованного в 1831 год во французском журнале «Карикатура» романа Оноре де Бальзака «Шагреневая кожа»

Главный герой этого романа становится обладателем лоскута шагреневой кожи — могущественного талисмана, способного исполнять любые желания. Только какова цена, которую ему предстоит заплатить за осуществление своих прихотей?



Рекламный плакат мистического романа «Скорбь Сатаны» (1895) английской писательницы Марии Корелли, ставшего крупнейшим бестселлером в истории викторианской Англии

Молодой писатель Джеффри Темпест, прозябающий в нищете и безвестности, продает душу Сатане и получает от Князя Тьмы все, о чем только мечтал… точнее, почти все. Теперь светское общество, ранее им пренебрегавшее, лежит у его ног. К его услугам несметное состояние, любовь прекрасной девушки, роскошь и удовольствия. Но много ли это значит, если утрачено главное, ради чего Джеффри жил, — его талант?..

Шахтер Петер Мунк и великан Михель — персонажи сказки мэтра германской готики Вильгельма Гауфа «Каменное сердце»

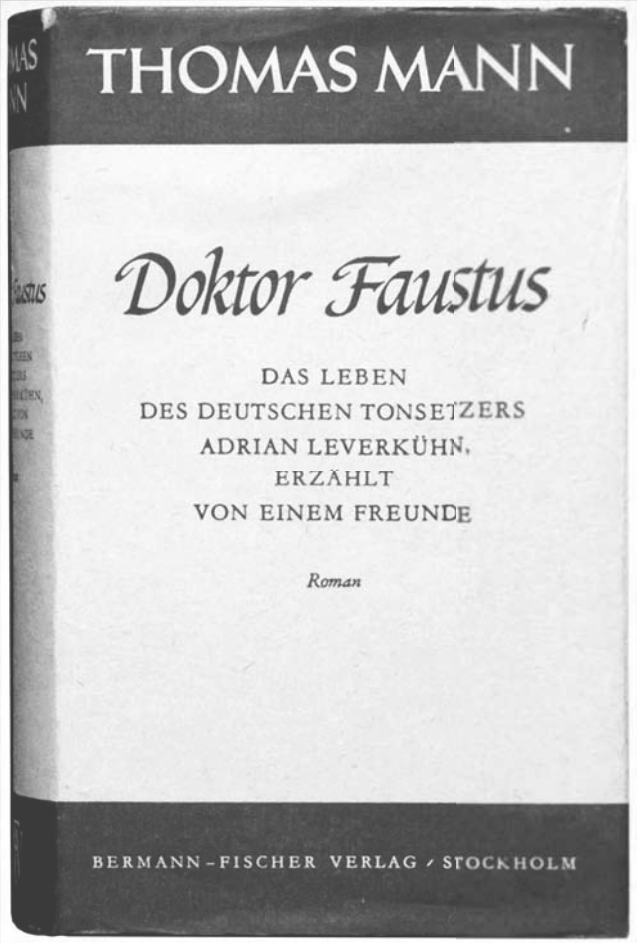
Угольщик Петер Мунк получил огромное богатство, но взамен отдал великану Михелю своё сердце и получил каменное. Сам Мунк видит у Михеля целую коллекцию сердец успешных людей, ради власти и могущества распрощавшихся со своей человечностью.

Дьявол забирает к себе в ад монаха Амбросио — главного героя готического романа 19-летнего англичанина Мэтью Льюиса «Амбросио, или монах» (1796)

Амбросио, некогда образцовый испанский монах, томим плотской страстью к своему ученику: под монашеской рясой таится прекрасная женщина — Матильда. Когда его страсть удовлетворена, монах переключает своё внимание на невинную Антонию. При помощи Матильды ему удаётся изнасиловать и убить девушку. Впоследствии выясняется, что Антония была его родной сестрой, а Матильда — посланец Сатаны, цель которого состояла в искушении благочестивого отшельника и доведении его до грехопадения. В конце книги Амброзио попадает в руки инквизиции и, чтобы спасти себя от смерти, предаёт душу дьяволу.

Прототип главного героя романа Клаусса Манна «Мефистофель. История одной карьеры» — известный немецкий актёр и режиссёр Густаф Грюндгенс, который отказался эмигрировать из Германии после прихода нацистов к власти

Роман повествует о жизни Хендрика Хефгена, преуспевающего актёра, режиссёра и интенданта столичного театра. Хендрик Хефген предает свой талант ради карьеры, положения и денег. Став на путь компромиссов со своей совестью, Хефген становится соучастником преступлений фашистского режима.



Обложка первого издания в Европе в 1947 году романа Томаса Манна «Доктор Фаустъ: жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна», рассказанная другом»

Живущей в нацисткой Германии Адриан Леверкюн заключает сделку с дьяволом в обмен на успешную карьеру композитора, а окружающее его немецкое общество — с национал-социалистами в обмен на величие державы. Рассказчик — друг детства Леверкюна Серенус Зейтблом, писавший в нацисткой Германии между 1943 и 1946 годами.

Обложка романа Эндрю Нейдерман «Адвокат дьявола» (1990)

У Кевина Тейлора есть все: успех, молодость, талант, красавица-жена. Но Кевин хочет большего. Соблазнительное предложение работы в лучшей адвокатской конторе Нью-Йорка сулит новые перспективы: все, о чем мечтает Кевин, станет реальностью. При одном условии — если он станет защитником зла. Адвокатом дьявола.

Афиша мистического фильма «Адвокат дьявола» (1997)

В Нью-Йорк по приглашению главы крупного юридического концерна прибывает Кевин Ломакс, молодой адвокат. До этого он был известен тем, что защищал исключительно негодяев и притом не проиграл ни одного процесса. На новом месте работы он вполне счастлив, он живет в роскошной квартире с любящей женой, его окружают интересные люди.

Обложка первого издания повести для подростков «Тим Талер, или Проданный смех» (1962) немецкого писателя Джеймса Крюса

Четырнадцатилетний Тим получает право выигрывать любое пари, даже самое невероятное (буквально: если заключит пари в духе «спорим, мы сейчас увидим летающий трамвай», то действительно появится летающий трамвай). Взамен он отдает барону Лефуету (в русских переводах — Трёчу или Ловьяду) единственную ценность — свой звонкий и заразительный смех.

Василий Андреевич Жуковский — русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии. Автор «Двенадцати спящих дев. Старинной повести в двух балладах» — одного из первых произведений в русской литературе, где описана сделка с дьяволом

В незапамятную старину над пенистым Днепром сидел, кручинясь, Громобой. Он клянёт свой печальный жребий, нищую и бездомную жизнь, с которою уж готов свести счёты. Но в образе сурового старика ему является Асмодей, сулит богатство, веселье, дружбу князей и приязнь дев. Взамен же требует душу. Громобой соглашается и получает взамен три бесконечных кошелька. Когда срок контракта подходит к концу, решает продлить его, продав ему и души своих дочерей — заглавных двенадцати спящих дев…

Княгиня Наталья Петровна Голицына — прототип главной героини повести Александра Сергеевича Пушкина «Пиковая дама»

Тройка, семерка, туз... «Пиковая дама» — пожалуй, самое мистическое произведение Пушкина. История Германа, попытавшегося усмирить судьбу.

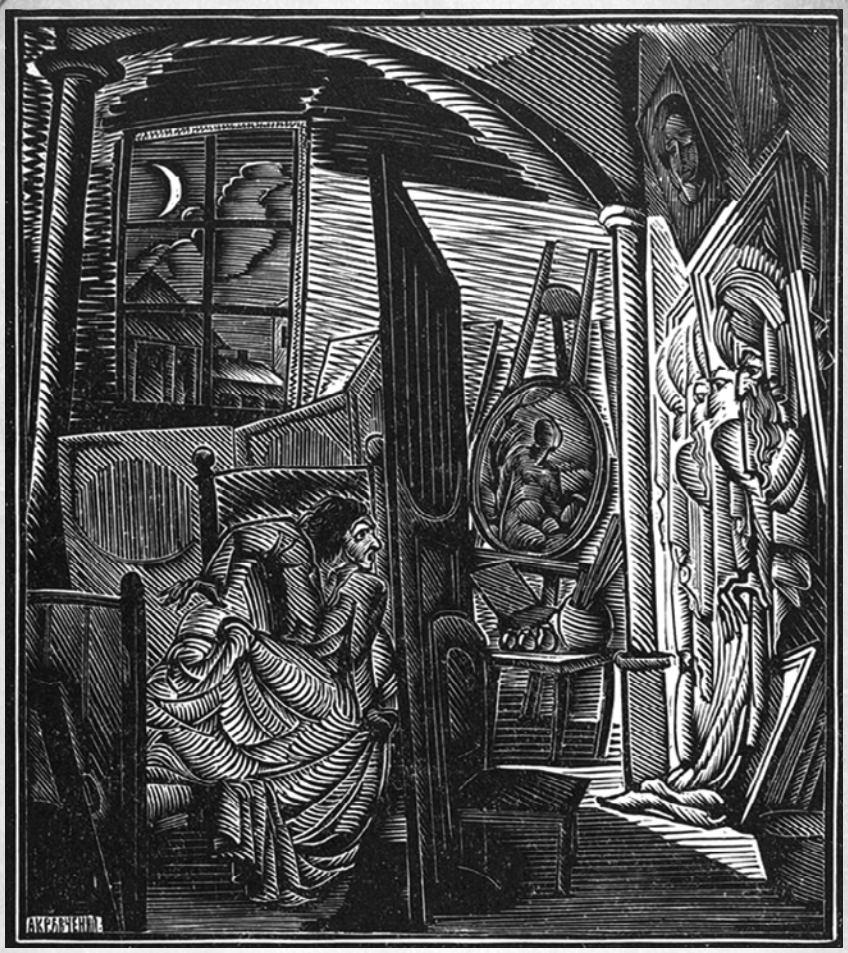
Разговор Балды и Беса.
Александр Сергеевич Пушкин
«Сказка о Попе и работнике его Балде»

Вакула на чёрте из повести Николай Васильевича Гоголя «Ночь перед рождеством»

Демон уговаривает кузнеца Вакулу продать ему душу в обмен на царские черевички для возлюбленной Оксаны, но вот только этот демон — не пафосно-зловещий слуга Князя Тьмы — а смешной свинорылый чёрт: похотливый, неумный и самонадеянный. Неудивительно, что смекалистый парень Вакула легко обводит туповатого нечистого духа вокруг пальца.

Обложка повести «Вечер накануне Ивана Купалы» Николая Васильевича Гоголя

В отличие другой повести «Ночь перед Рождеством», рассказанная здесь история трагична. Басаврюк легко развел наивного Петруся на убийство ребёнка в обмен на иллюзорные сокровища, доступ к которым будто бы открывает цветок папоротника. Итог для Петруся печален — осознав, что хладнокровным убийством маленького ребенка он перешёл моральный горизонт событий, парень подвинулся умом, а его «сокровища» оказались затянутыми колдовскими иллюзиями черепками.

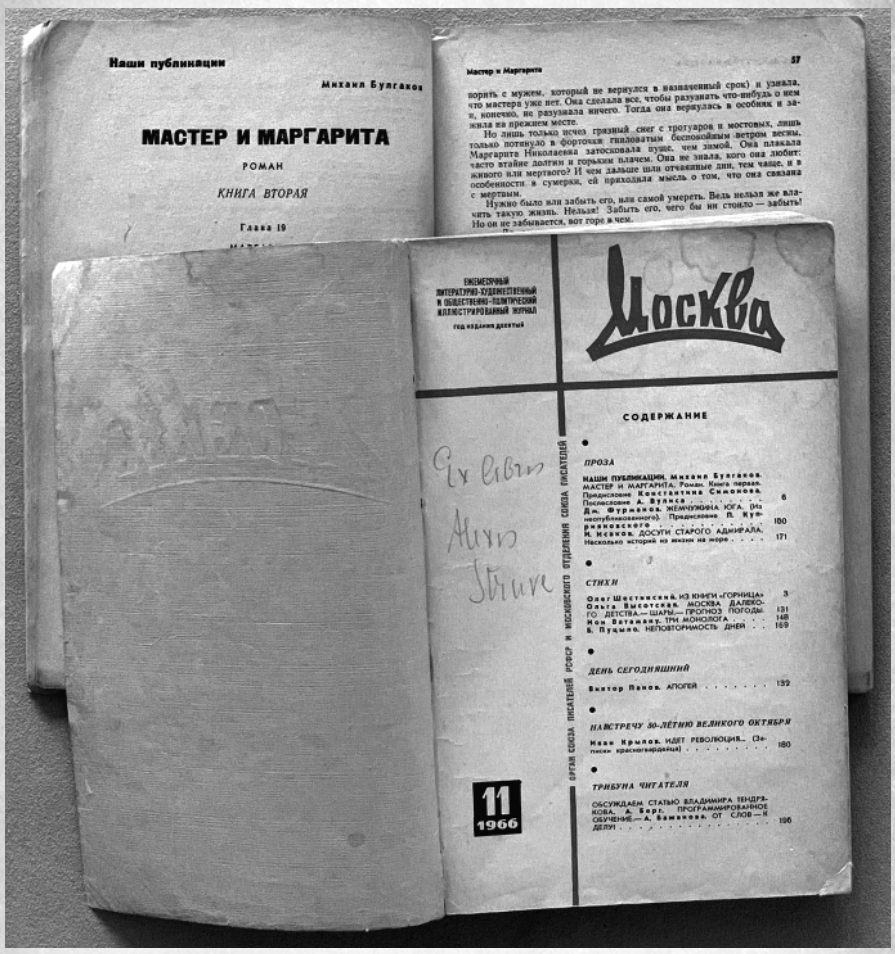


Явление старика Чарткову — главному герою повести Николая Васильевича Гоголя «Портрет»

Нищий художник Андрей Петрович Чартков получил от заключенного в портрете демона сказочное богатство и популярность среди клиентов — но ценой потери таланта, а в конечном счете — рассудка и жизни.

Чичиков — главный герой поэмы Николая Васильевича Гоголя «Мертвые души»

Несмотря на то, что сюжет реалистичный, мотив сделки с дьяволом отчетливо просматривается — демонический Чичиков (которого в тексте крайне прозрачными метафорами сравнивают с Антихристом) скупает у помещиков души умерших для их дальнейшего использования в своем хитром плане. Редкий случай преподнесения истории со стороны дьявола, а не клиента.



Наши публикации

Михаил Булгаков

МАСТЕР И МАРГАРИТА

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 19

Мастер и Маргарита 57

ворить с мужем, который не вернулся в назначенный срок) и узнала, что мастера уже нет. Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем и, конечно, не разузнала ничего. Тогда она вернулась в особняк и зажила на прежнем месте.

Но лишь только исчез грязный снег с тротуаров и мостовых, лишь только потянуло в форточки гниловатым беспокойным ветром весны, Маргарита Николаевна затосковала пуще, чем зимой. Она плакала часто втайне долгим и горьким плачем. Она не знала, кого она любит: живого или мертвого? И чем дальше шли отмеченные дни, тем чаще, и в особенности в сумерки, ей приходила мысль о том, что она связана с мертвым.

Нужно было или забыть его, или самой умереть. Ведь нельзя же влачить такую жизнь. Нельзя! Забыть его, чего бы ни стоило — забыть! Но он не забывается, вот горе в чем.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

год издания десятый

Москва

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР И МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ. Михаил Булгаков. МАСТЕР И МАРГАРИТА. Роман. Книга первая. Предисловие Константина Симонова. Послесловие А. Вулиса . . . 6

Дж. Фурманов. ЖЕМЧУЖИНА ЮГА. (Из неопубликованного). Предисловие П. Куприяновского . . . 100

И. Исаков. ДОСУГИ СТАРОГО АДМИРАЛА. Несколько историй из жизни на море . . . 171

СТИХИ

Олег Шестинский. ИЗ КНИГИ «ГОРНИЦА» 3

Ольга Высотская. МОСКВА ДАЛЕКОГО ДЕТСТВА.— ШАРЫ.— ПРОГНОЗ ПОГОДЫ. 131

Нон Ватанян. ТРИ МОНОЛОГА . . . 148

В. Пушмин. НЕПОВТОРИМОСТЬ ДНЕЙ . . . 169

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Виктор Панов. АПОГЕЙ . . . 132

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Иван Крылов. ИДЕТ РЕВОЛЮЦИЯ... (Записки красногвардейца) . . . 180

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

ОБСУЖДАЕМ СТАТЬЮ ВЛАДИМИРА ТЕНДРЯКОВА. А. Берг. ПРОГРАММИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ.— А. Бакинова. ОТ СЛОВ — К ДЕЛУ! . . . 196

11 1966

Ex libris Михо Штиле

Экземпляр журнала «Москва» № 11 за 1966 год, где впервые была опубликован роман Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита»

«Маленький дьявольский мост».
Картина Джозефа Тернера (1809)

Мост дьявола – это термин, применяемый к десяткам древних мостов, найденных в основном в Европе. Большинство из этих мостов являются каменными или каменными арочными и представляют собой значительное технологическое достижение в древней архитектуре. Благодаря своему необычному дизайну, они были объектом восхищения и историй в античной и средневековой Европе.

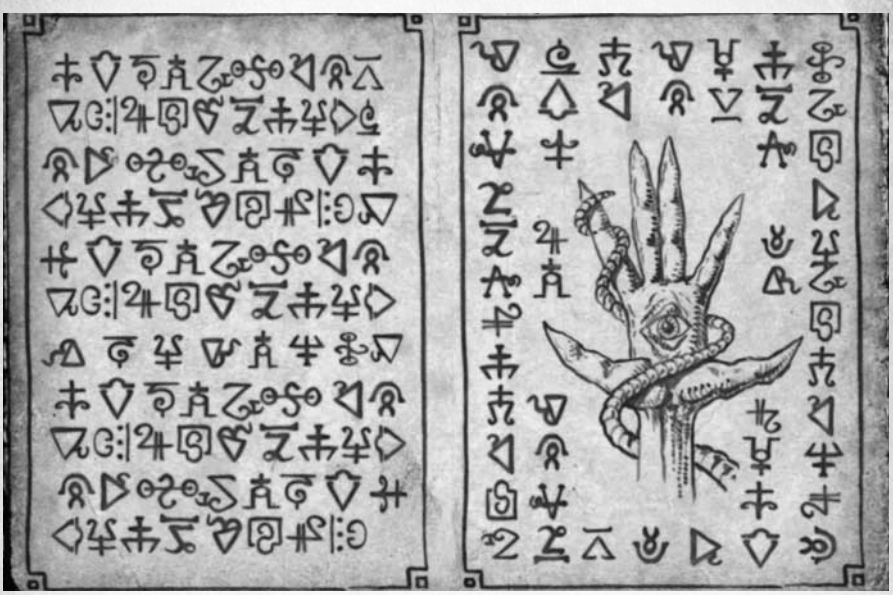
Каждый из дьявольских мостов, как правило, имеет связанный с Дьяволом миф или сказку о его происхождении. Эти истории широко варьируются в зависимости от региона и убеждений. У некоторых строителем моста является сам Дьявол. Люди, в силу тех или иных причин просто не смогли бы построить такое сложное сооружение, которое выдержало испытание многовековой историей. В других случаях Дьявол лишь давал людям нужные знания в обмен на их жизни или души.

Гигантский кодекс ((лат. Codex Gigas) или «Кодекс Дьявола» — пергаментный рукописный свод начала XIII века, созданный одним человеком, в монастыре чешского города Подлажице. Формат листов — 89 см в высоту, 49 см в ширину (переплёт 91,5 × 50,1 см); включает 310 пергаментных листов, текст переписан в две колонки по 106 строк; толщина книги — 22 см, а вес блока — 75 кг. Содержит полный текст Библии, труды Иосифа Флавия, «Этимологии» Исидора Севильского, «Чешскую хронику» Козьмы Пражского и другие тексты — все на латинском языке. Поскольку в книге содержится полностраничное изображение сатаны, в массовой культуре за ней закрепилось название «Дьявольской Библии»

Гигантский кодекс

1230 г. Монаха, чьи ужасные прегрешения хранятся в секрете, должны заживо замуровать в одну из стен монастыря. Вдруг на грешника снисходит Божественное вдохновение. Он обещает, что напишет самую большую книгу своего времени, в которой будет размещаться Библия и все знания, доступные человечеству, потратив на это одну ночь. Его условие приняли. Он приступил к работе и писал книгу до полного изнеможения. Когда пробило полночь монах понял, что не сможет выполнить свое обещание, и он решил заключить страшный договор: он попросил помощи у сатаны. Последний откликнулся на призыв и помог монаху не только написать книгу, но и нарисовал в ней свой автопортрет. Так гласит легенда…

Лист 52 из «Гигантского кодекса».
Заставка Книги пророка Даниила

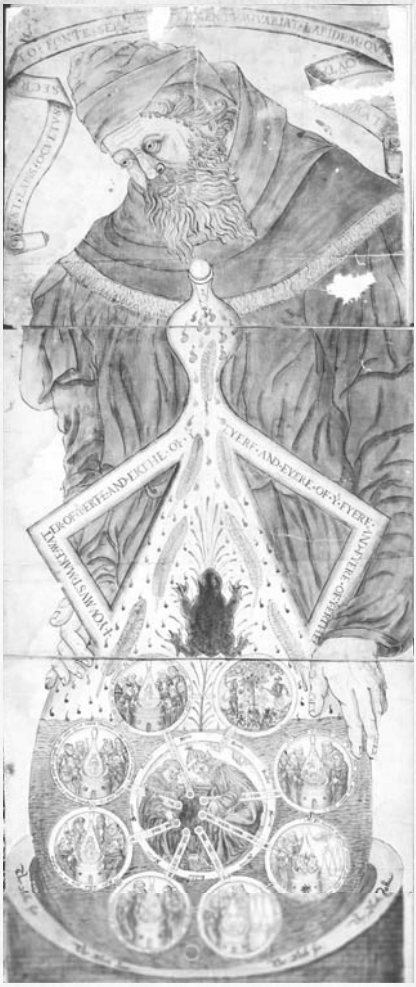


Страницы из книги Сойга

Книга Сойга (Альдарайя) — это астрологический Трактат о магии. Копия ее в начале XVI века находилась во владении английского математика, астронома, астролога, оккультного философа и советника королевы Елизаветы I Джона Ди.

Мистическая книга Альдарайи состоит всего из 197 страниц. Пока что удалось расшифровать лишь последние страницы, содержащие 36 таблиц. Каждый из них состоит из 36 строк и 36 столбцов букв, или 46656 букв всего. В них содержится список астрологических терминов, заклинаний и имен ангелов и демонов.

Одна из легенд заключается в том, что Алдарайя была создана, когда Адам был на небесах. Предположительно, только архангел Михаил может расшифровать его. Согласно другой версии, в написание книги участвовал дьявол. И только он может прочесть этот текст.



Фрагмент «Свитков Рипли»

Одним из самых известных средневековых алхимиков является живший в XV веке в Англии Джордж Рипли. В 1477 году он написал свой самый известный труд — «Алхимическая смесь, или Двенадцать врат, ведущих к открытию философского камня». Работу он посвятил королю Эдуарду IV.

Согласно одной из средневековых легенд при написании этого произведения автор использовал полученные от дьявола знания. Впрочем, при жизни алхимик избежал официальных обвинений связи с сатаной.

«Летучий голландец» — легендарный парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу и обречён вечно бороздить моря

Легенда гласит, что в 1641 году нидерландский капитан Филипп Ван дер Деккен возвращался из Ост-Индии и вёз на борту молодую пару. Капитану приглянулась девушка; он убил её суженого, а ей сделал предложение стать его женой, но девушка выбросилась за борт.

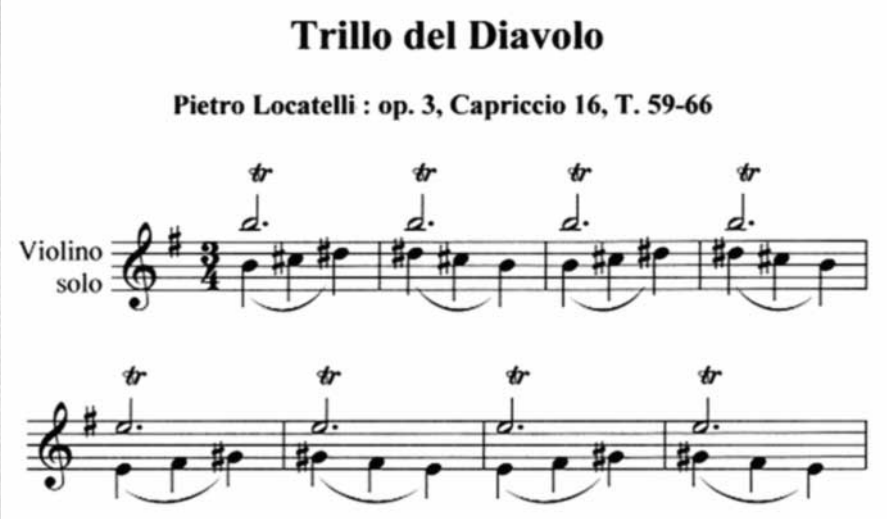
При попытке обогнуть мыс Доброй Надежды корабль попал в сильный шторм. Среди суеверных матросов началось недовольство, и штурман предложил переждать непогоду в какой-нибудь бухте. Но капитан застрелил его и нескольких недовольных.

Ван дер Деккен поклялся продать душу дьяволу, если сможет невредимым миновать мыс и не наскочить на скалы. Однако, в договоре он не уточнил, что сделать это нужно только один раз, и потому он был обречён на вечные скитания.

«Калеуче» — мифический корабль-призрак из мифологии северного Чиле и местного фольклора острова Чилоэ Чили. Это один из самых важных мифов культуры Чили

Согласно одной из легенд этот волшебный корабль чернокнижники Чилоэ используют для проведения вечеринок и перевозки своих товаров. Для этого они заключили специальный договор с дьяволом.

«Калеуче» также используется чернокнижниками каждые три месяца, когда они отправляются в путешествие, чтобы улучшить свои магические способности. Колдуны могут добраться до корабля, только вызвав кабальо марино чилоте (чилотскую морскую лошадь — водное мифическое существо). Это происходит потому, что Миллалобо (король морей) запретил любым другим людям садиться на корабль или добираться до него любым другим способом.



Дьявольская трель или Дьявольская соната (фр. «Trille du diable», «Sonate du diable») — камерное произведение итальянского виртуоза и композитора Джузеппе Тартини (1692—1770)

Сам автор об истории его написания рассказал так:

«Однажды, в 1713 году, мне приснилось, что я продал душу дьяволу. Все было так, как я желал — мой новый слуга был готов исполнить любое моё желание. Я дал ему свою скрипку, чтобы понять, может ли он играть. Как же я был ошеломлён, услышав такую замечательную и прекрасную сонату, исполненную с таким мастерством и искусством, которую я даже не мог представить. Я чувствовал себя заколдованным, не мог дышать, и тут я проснулся. Сразу же я схватил скрипку, чтобы хотя бы частично запечатлеть мой сон. Увы! Музыка, которую я тогда записал, является лучшим из всего написанного мной, и я все равно назвал её «Дьявольской трелью», но её отличие от того, что меня вдохновило, было столь огромно, что я разбил бы мою скрипку и навсегда распрощался с музыкой, если бы нашел возможность жить без того удовольствия, которое она мне доставляет».

Дьявол и его проделки.
Старинные гравюры XV-XVII веков

Скорби святого Антония

Святой находится в воздухе, мучимый восемью дьяволами.

Гравюра, выполненная Мартином Шонгауэром, Германия, 1469 – 1473 гг.

Семь голов Люцифера

Дьявол с семью головами; идентифицирующий его как врача, монаха, турка (жителя Турции), проповедника, фанатика, посетителя церкви и дикаря с дубинкой.

Титульный лист Кохлеуса, «Септицепс Лютерус», Лейпциг: Валентин Шуман, 1529 г.

Разрушение католической церкви

Маттиас Герунг. Германия. 1547 г.

Дьявольский дух очерчивающий Границы

Рисунок Теодора Галле в книге Яна Дэвида «Веридикус Христиан». Упрощенная версия текста на голландском языке ранее была напечатана в Брюсселе в 1597 году.

Христианин на смертном одре

Оттиск иллюстрации к «Hortulus anime Teuwtsch ...», Нюрнберг: Фридрих Пейпус для Иоганна Кобергера, 1518.

Духовенство пирует в пасти дьявола

Гравюра на дереве, приписываемая Маттиасу Герунгу. Германия, 1520-1560.

Дьявол, пытающийся помешать крестьянам прясть

Гравюра, сделанная Питером Янсом. Куастом. Опубликовано Клаасом Яншем Вишером, Голландия.

Дьявол и священник

Дьявол играет на волынке; сидит на плечах монаха, голова которого образует волынку. Германия. 1530 г.

Сошествие Папы Римского и священников в ад

Папа римский верхом на коне, за ним карета, наполненная кардиналами и епископами. Впереди два дьявольских существа нападают на монаха, дьявол слева несет епископа в корзине на перевязи за спиной. Позади кареты дерево, с которого свисают папские буллы и знаки отличия. Справа горящее здание, заполненное священнослужителями.

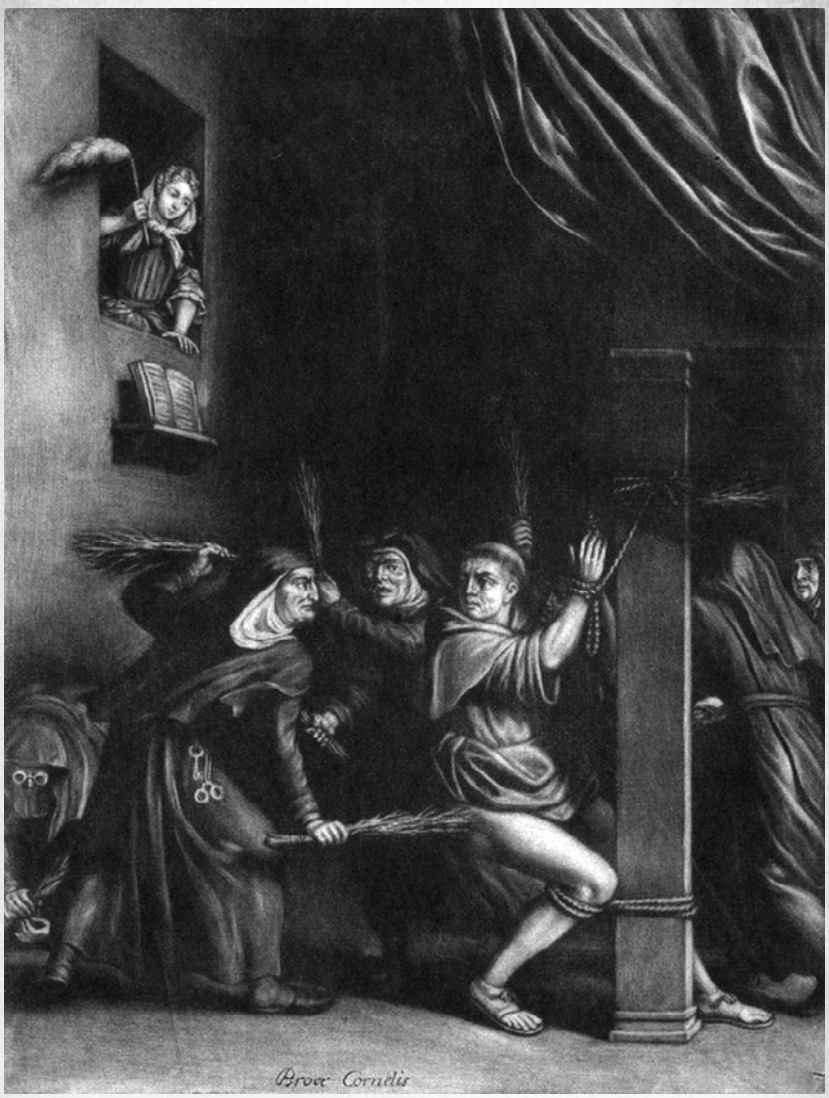
Гравюра Себальда Бехамома. Германия, 1524 г.

Дьявол приковывает пьяного ребенка

Иллюстрация к Иоганну фон Шварценбергу, «Ain buchle wider das zutrincken», Гравюра на дереве, выполненная Йоргом Бреу I, напечатанная Генрихом Штайнером и опубликованная как часть «Der Teütsch Cicero», Аугсбург, Германия, 1535.

«На посошок» после окончания шабаша ведьм

Художник Жан-Жак Алиам. 1755 г.



Бичевание как один из способов изгнания дьявола

Интерьер монастыря с монахом, привязанным к колонне и подвергающимся бичеванию несколькими монахинями, держащими хлысты.

Три демона выходят из женщины

Три демона выходят из тела женщины, лежащей в постели и удерживаемой несколькими фигурами. Изображение Благовещения в левом верхнем углу; иллюстрация к «Scelta d'alcuni miracoli e grazie della santissima nunziata di Firenze» (Флоренция: Пьетро Чекончелли, 1619).

Женщина, сидящая за столом и взвешивающая монеты, в то время как слева появляются два демонических существа и олицетворение Смерти, держащее песочные часы и смотрящее в окно

Меццо-тинто, выполненная Яном ван дер Брюггеном в честь Давида Тенирса Младшего, Бельгия, 1665-1690.

Брак ради богатства совершаемый дьяволом

Сатана с женской грудью и козлиными ногами стоит между прекрасно одетой парой, которая стоит лицом друг к другу и держится за руки.

Гравюра, сделанная Яном Саенредамом в честь Хендрика Гольциуса, Голландия, 1595 г.

Дьявол и злодей

Гравюра, сделанная Дирком Ступом. Лондон, Англия, 1665 г.

Художественно-литературное издание

Иоганн Вольфганг фон Гете.
Перевод с немецкого Афанасия Фета

ФАУСТ

Редактор С.В. Чертопруд
Художник Е.В. Максименкова
Компьютерная верстка Г.М. Кукина

ООО «Агентство Алгоритм»

Оптовая торговля:

Агентство Алгоритм +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: http://algoritm-izdat.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Сдано в набор 07.06.21. Подписано в печать 26.08.21.
Формат 70Х100/16.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.